This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

No. 355/11

Digitized by Google

357 II

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

Opus aggredior opimum casibus, atrox praeliis, discors seditionibus, ipsa etiam pace saevum.

Taciti. Histor. L. I. 1.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

Саратов. Областная
БИБЛИОТЕКА
КНИГОХРАНИЛИЩЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.
1884.

Digitized by Google

ИСТОРИЧЕСКІЯ

МОНОГРАФІИ

и

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1884.

Digitized by Google

№ 355. Kostomarov, N. 9/(с)1 К 72

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ

+9(С2)1

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ

НИКОЛАЯ КОСТОМАРОВА.

Opus aggredior opimum casibus, atrox praeliis,
discors seditionibus, ipsa etiam pace saevum.
Taciti. Histor. L. I. 1.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

152485 V

Саратов. Областная
БИБЛИОТЕКА
КНИГОХРАНИЛИЩЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.
1884.

Digitized by Google

DK
5
.K86
1872
v.10

[864]

Digitized by Google

124279-293

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Стычки подъ Пилявою.—Хитрость Хмельницкаго.—Бѣгство поляковъ.—Расхищеніе польскаго лагеря.—Взятіе Константинова, Збаража Бродъ.—Осада Львова.—Окупъ.—Осада Замостья.

Переговариваясь съ Заславскимъ, Хмельницкій стоялъ въ пилявскомъ замкѣ. Загоны спокойно проходили мимо польскаго лагеря и соединялись съ главнымъ козацкимъ войскомъ, которое стояло таборомъ въ защищенномъ мѣстѣ посреди болотъ [1]). Хмельницкій ждалъ крымцевъ, а между тѣмъ, старался приготовлять своихъ воиновъ къ приближающейся войнѣ. У козаковъ господствовалъ воинственный духъ и религіозное воодушевленіе. Священники служили въ войскѣ молебны; самъ Хмельницкій, проѣзжая по рядамъ своихъ завзятыхъ молодцовъ, говорилъ имъ недлинныя рѣчи, а коротко напоминалъ имъ, что они воюютъ за вѣру. Готовые къ битвѣ, они чужды были той самонадѣянности, какою отличались ихъ враги. Старики удерживали жаръ молодости. «Кто знаетъ, что будетъ?—говорили они,—придетъ, быть можетъ, часъ и намъ положить голову, порадовать ляховъ! На все воля Божія!» Когда поляки показали охоту вступить въ дѣло, стража, поставленная надъ рѣкою, прибѣжала въ козацкій таборъ. «Гей! гей! молодцы! — кричалъ гонецъ, — паны опомнились, подсту-

[1]) Stor. delle guer. civ.

Digitized by Google

паютъ къ рѣкѣ, вызываютъ козаковъ!» Мгновенно тревога на трубахъ раздалась по всему табору. «Спѣшите, спѣшите! — восклицали асаулы, — веселите пана гетмана Хмельницкаго!» [1]). Таборъ подвинулся ближе къ рѣкѣ Пилявкѣ.

Кривоносъ тотчасъ былъ отправленъ къ Константинову въ засаду: еслибъ поляки вздумали отступить, то встрѣтили бы на пути козаковъ [2]). Это было первою причиною неудачи поляковъ, ибо Кривоносъ занялъ ровное пространство, а поляки стояли между горами [3]).

Маленькая рѣчка Пилявка раздѣляла непріязненныя полчища; отъ нея, по обѣимъ сторонамъ, тянулся болотистый лугъ, очень топкій, особенно въ тогдашнее осеннее дождливое время. Обѣ стороны соединяла плотина. Хмельницкій, чтобъ не позволить полякамъ пройти черезъ рѣку, отрядилъ козаковъ за плотину, гдѣ они выкопали шанцы. Козаки нарочно разгрузили болото конями, порыли рвы и копанки и стали въ оборонительное положеніе.

Въ понедѣльникъ, 20-го сентября, сраженіе началось разомъ въ трехъ пунктахъ. Самуилъ Лащъ и князь Корецкій нашли, повыше плотины, бродъ, пустились въ перестрѣлку съ козацкимъ обознымъ, храбрымъ Иваномъ Чорнотою; и поляки и козаки, пѣшіе и конные, разсѣялись по кустарникамъ и вели разсыпную битву съ равнымъ мужествомъ. Осинскій вступилъ въ дѣло при плотинѣ и принудилъ козаковъ отступить съ противнаго берега; такимъ образомъ, проходъ на другой бокъ рѣки остался свободнымъ для поляковъ. Михаилъ Іорданъ нашелъ другой бродъ пониже плотины и перешелъ его. Въ этотъ первый день битвы счастье было на сторонѣ пановъ. Тогда по-

---

[1]) Народ. пѣсня.

[2]) Ист. о през. бр.

[3]) Woyna dom. Ч. I. 28.

Digitized by Google

ляки такъ ободрились, что уже кричали: «ударимъ залпомъ добывать курятникъ!» такъ они называли маленькій пилявецкій замокъ. Только вѣсти, доставленныя плѣнными русскими, охлаждали ихъ самонадѣянность: плѣнные показывали, что Хмельницкій дожидается съ часу на часъ хана съ страшною силою.

На слѣдующій день, во вторникъ, 21-го сентября, продолжались герцы и уже съ большею удачею для козаковъ. Они овладѣли бродомъ, черезъ который прошелъ наканунѣ Іорданъ, и укрѣпили валомъ опасныя мѣста. Но тогда козачество лишилось бойкаго неистоваго уманскаго полковника Ганжи. Напившись горѣлки, выѣхалъ онъ, хвастая, на герецъ, убилъ нѣсколькихъ шляхтичей, хотѣвшихъ показать свое рыцарское удальство, и самъ былъ убитъ какимъ-то волохомъ, «предательски», по выраженію лѣтописи [1]). Козаки рано въ этотъ день окончили стычки и уклонялись отъ дальнѣйшихъ битвъ. Это пугало поляковъ: «вѣрно, враги что нибудь замышляютъ», говорили въ польскомъ лагерѣ.

Вечеромъ, вдругъ раздался въ козацкомъ обозѣ шумъ, достигавшій до шляхетскаго лагеря; били въ бубны, трубили въ трубы, палили изъ ружьевъ и пушекъ; тысячи голосовъ крикнули вдругъ: «Алла! Алла!»

«Что это значитъ?» въ страхѣ спрашивали паны другъ друга и задавали себѣ разныя объясненія.

«Быть можетъ,—говорили одни,—хлопы бѣгутъ, устрашившись нашихъ подвиговъ».

«Нѣтъ,—возражали другіе,—вѣрно козаки недовольны Хмельницкимъ и выбираютъ новаго предводителя».

Третьи съ боязнью догадывались, не пришла ли орда татарская.

Ночь покрыла оба войска; въ томительной неизвѣст-

---

[1]) Ист. о през. бр.

Digitized by Google

ности оставались паны; но вотъ, въ среду, на разсвѣтѣ, жолнѣры дивизіи Тышкевича привели въ лагерь плѣнника въ священническомъ платьѣ; неизвѣстно, былъ ли то священникъ въ самомъ дѣлѣ, или козакъ, одѣтый такимъ образомъ и посланный нарочно Хмельницкимъ. Стали его пытать.

«Я вамъ всю правду открою, — сказалъ онъ; — Хмельницкій такъ испугался вашей силы, что хотѣлъ было бѣжать; но, вчера вечеромъ, пришло 40,000 татаръ, да еще и самъ ханъ будетъ скоро. Хмельницкій присягнулъ платить ежегодную дань хану, а потому ханъ всѣми силами будетъ вступаться за козаковъ».

Извѣстіе было вымышленное; на помощь козакамъ, дѣйствительно, пришелъ въ полночь татарскій отрядъ, но только 4000 человѣкъ съ Карабчей-мурзою и сыномъ Хмельницкаго.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ разсвѣта, Хмельницкій, разсчитавъ, что поляки уже услышали отъ попа, что слѣдовало имъ сообщить, пустилъ всѣхъ пришедшихъ татаръ впередъ и одѣлъ еще нѣсколько тысячъ козаковъ въ татарское платье. Они бросились къ рѣкѣ и закричали дикимъ голосомъ: «Алла! Алла!» Это заставило поляковъ повѣрить, что плѣнникъ говорилъ истину и привело всѣхъ въ чрезвычайное смятеніе. Всѣ схватились за оружіе, но въ страшномъ безпорядкѣ; всякій командовалъ и никто не слушалъ команды; каждый бѣжалъ куда хотѣлъ, становился какъ попало и, вдобавокъ, между начальниками началась ссора, потому что всѣ видѣли безпорядокъ, приписывали его причину одинъ другому, и оскорбляли черезъ то другъ друга.

Козаки, тѣмъ временемъ, перешли черезъ плотину и сдѣлали нападеніе на польскіе шанцы. Поляки, не смотря на безпорядокъ, вступили съ ними въ сраженіе. Первый изъ польскихъ полковъ, завязавшій дѣло, былъ сендомир-

Digitized by Google

скій, подъ командою Витовскаго; за нимъ, безъ приказанія, пустился полкъ воеводства минскаго. Козаки, командуемые Чорнотою, нарочно побѣжали назадъ за плотину; шляхтичи, думая, что враги обращаются въ бѣгство, перешли за ними за плотину и преслѣдовали ихъ, потѣшаясь ролью побѣдителей, но не видя ничего за туманомъ, наткнулись на цѣлый козацкій корпусъ и услышали голосъ Хмельницкаго, который кричалъ на своихъ воиновъ: «За віру, молодці, за віру!» Новыя хоругви бросились за перешедшими черезъ рѣку, и когда столпились на плотинѣ, козаки ударили на нихъ, смяли, потопили, потомъ зашли въ тылъ отрѣзанному отъ плотины Витовскому, и «тогда поляки—говоритъ современникъ [1])—орали землю копьями и устилали все болото прапорами»; два полка, сендомирскій и волынскій, погибли совершенно; много знатныхъ пановъ легло на полѣ битвы; Витовскій и Оссолинскій, племянникъ канцлера, вытащенные изъ рѣки, израненые, едва успѣли прискакать къ главному своему обозу. Козаки били враговъ на-повалъ. Страхъ и трепетъ, по выраженію лѣтописца [2]), распространился въ польскомъ лагерѣ. Уже никто не думалъ прогонять мужичья плетьми; хоругви, отправленныя въ другую сторону, привели въ лагерь двухъ татаръ, которые извѣщали, что ханъ скоро будетъ, а съ нимъ войска, какъ травы въ полѣ.

Въ то же время безпокоилъ поляковъ съ другой стороны Кривоносъ.

Вечеромъ предводители и знатнѣйшіе паны собрались на совѣтъ, но вдали отъ лагеря, въ полѣ. Они всѣ раскаявались, зачѣмъ вышли изъ-подъ Глинянъ, представляли неудобность мѣста подъ Пилявою по причинѣ бо-

---

[1]) Woyna dom. Ч. I. 36.

[2]) Истор. о през. бр.

Digitized by Google

лотъ и яровъ, и одинъ, славившійся въ особенности благоразуміемъ, доказывалъ, что самое лучшее, на что слѣдуетъ рѣшиться—уйти изъ лагеря; къ нему пристали многіе; присталъ и самъ предводитель. Рѣшили отдать Вишневецкому начальство, а самимъ удалиться, проводивъ сначала возы и рыдваны съ пожитками. Приказаніе было отдано и, съ наступленіемъ вечера, ни самого Доминика, ни другихъ знатнѣйшихъ пановъ не было въ лагерѣ. Подъ Конецпольскимъ споткнулась лошадь и онъ, оставшись пѣшкомъ, встрѣтилъ какого-то поселянина, снялъ съ него шапку и платье, надѣлъ на себя, а ему отдалъ свое и тѣмъ избавился отъ несчастія попасться хлопамъ въ неволю. Доминикъ Заславскій бѣжалъ на двухъ лошадяхъ, оставивши въ добычу козакамъ свою карету, всѣ свои сокровища и обозъ, въ которомъ было до трехъ тысячъ наемныхъ нидерландцевъ; ихъ истребили козаки, овладѣвшіе обозомъ [1]). Ночью, съ 22-го на 23-е сентября, распространилась тревожная вѣсть по лагерю, что предводителей уже нѣтъ, и все многочисленное войско, въ страхѣ и безпорядкѣ, покинувъ имущество, бросилось въ бѣгство... Утромъ козаки выѣхали къ рѣкѣ, чтобъ снова вызывать на герцы поляковъ, но вызывать было некого: лагерь былъ пустъ; только собаки лаяли!

Тогда Хмельницкій, со всѣми силами, бросился въ погоню, и шляхтичи пришли въ ужаснѣйшій безпорядокъ: отъ страха кидали оружіе; никто не понималъ—кто причиною бѣгства; каждый кричалъ: «стойте!» а самъ «*токмобъ коня допався, летівъ безъ очей, абы не зостався*», говоритъ русскій лѣтописецъ [2]); сжатые въ толпѣ, они падали отъ духоты и давки и попадались въ плѣнъ, когда, по выраженію того же лѣтописца, останавливались, чтобъ

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Рос. III. 283.

[2]) Истор. о през. бр.

Digitized by Google

отереть съ лица потъ и приложить платокъ къ бьющемуся сердцу... Покидали раненыхъ и больныхъ.

По извѣстіямъ современниковъ, побѣдителямъ досталось до ста двадцати тысячъ возовъ съ лошадьми, восемьдесятъ орудій и на десять милліоновъ польскихъ злотыхъ, примѣрно, всякихъ драгоцѣнностей [1]). Древки съ знаменами, узды, щиты, шлемы, серебряные сосуды, сабли, собольи шубы, блакатныя сукна, персидскія шали, рукомойники, ванны, гдѣ богатый панъ только что купался, кушанья, варенья, конфекты, пирожныя отъ прерваннаго стола—все это лежало въ безпорядкѣ по полю. Козацкіе предводители напрасно удерживали русскихъ, подозрѣвая, не думаютъ ли паны соблазнить хлоповъ; хлопы съ жадностью подбирали драгоцѣнности и лакомства, которыхъ было столько, что они не знали, что имъ брать и что оставлять; никто не остался обдѣленнымъ: за кварту водки козакъ отдавалъ своему базарнику бархатную шубу, или серебряный кубокъ. Четыре дня пробыли побѣдители въ расхищенномъ лагерѣ; пива, медовъ, винъ было такъ много, что, при обыкновенномъ употребленіи, достало бы имъ на мѣсяцъ, говоритъ современникъ [2]). Бѣдные слуги, которыхъ было очень много, беззащитно были избиваемы невѣрными.

«Такова была,—говоритъ современникъ,—кара отъ Бога за высокомѣріе» [3]). «Добре,—говорили козаки,—добре паны выбрались на весільля, и бенкетъ на славу задали, тільки кошту богато положили, сто тысячъ скарбу процвиндрыли и сирицю [4]) здорожили [5]). Очевидецъ полякъ писалъ, что

---

[1]) Кратк. ист. опис. о Малор. 10.—Stor. delle guerre civile. 34.

[2]) Hist. belli cos. polon. 79.

[3]) Woyna dom. Ч. I. 33.

[4]) Сырую кожу, изъ которой дѣлались ремни, на которыхъ козаки уводили плѣнныхъ непріятелей.

[5]) Истор. о през. бр.

Digitized by Google

непріятелю пособили особенныя какія-то чародѣйства. «Этому,—говоритъ онъ,—есть несомнѣнные признаки, и оттого такой страхъ, такая констернація напала на насъ, что мы скакали и бѣжали во весь духъ, крича: гонятся татары!—а отъ татаръ, по милости Божіей, никакого нападенія не было» [1]). Только жадность хлоповъ къ разбросаннымъ богатствамъ спасла тогда поляковъ отъ гибели, но много изъ нихъ было такихъ, что отдавали свои дворянскія головы подъ сабли, или подъ арканъ; въ особенности козаки сильно поразили бѣглецовъ подъ Константиновомъ, гдѣ подъ поляками обломился мостъ на Случѣ [2]).

Доминикъ, убѣгая изъ лагеря, послалъ Вишневецкому предложеніе взять команду; но Вишневецкій отказался: онъ зналъ до какой степени безпорядокъ укоренился въ войскѣ, зналъ объ угрожающей силѣ враговъ и отвѣчалъ, что уже поздно. Утромъ онъ послалъ въ главный лагерь узнать, что̀ тамъ дѣлается, и получилъ извѣстіе, что все войско бѣжало, а козаки захватили лагерь. «Боже мой!—воскликнулъ князь, — или то Твоя воля наказать наше отечество этимъ презрѣннымъ народомъ? О Господи! обрати на нихъ свои перуны, но покарай и тѣхъ, которые причиною этого срама. Пусть и я положу свою голову, если виновенъ, только спаси отечество!» Онъ собиралъ по дорогѣ разсѣянныхъ шляхтичей; то просьбою, то угрозами,

---

[1]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 302.

[2]) См. о пиляв. пораж. вообще.—Истор. о през. бр.—Лѣтоп. Самов. 12.—Woyn. dom. I. 28—31.—Annal. Polon. Clim. I. 62—68.—Hist. Jan. Kaz. I. 12—15 — Pam. do panow. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 16—21.—Histor. belli cosac. polon. 77—78.—Hist. ab. exc. Wlad. IV.—Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 21—24.—Кратк. опис. о коз. малор. нар. 25. — Bell. scyth. cosac. 27. — Истор. о през. бр. 23 — 24.—Stor. delle guerre civ. 32—35.—Руков. И. П. Б. разнояз. ист. F. № 5.—Engel. Gesch. der Ukraine. 150—152.

Digitized by Google

то подарками успѣлъ онъ удержать на время нѣкоторыхъ, и мужественно отбивался отъ преслѣдовавшихъ его козаковъ. Наконецъ, размышляя, что можетъ достаться въ руки татарамъ, и онъ послѣдовалъ за бѣгущими.

Разогнанные паны убѣжали во Львовъ съ такою быстротою, что достигли этого города въ три дня, хотя въ спокойное и безопасное время польскій панъ, по насмѣшливому замѣчанію современника, ѣхалъ бы туда цѣлые полгода [1]). За военачальниками появились во Львовѣ полковники, ротмистры, поручики. Всѣ были между собою несогласны; одинъ другого винилъ, а себя каждый оправдывалъ и изображалъ героемъ пилявскаго дня; всѣ вопили и скорбѣли о бѣдствіяхъ отечества, извѣщали жителей, что не сегодня-завтра непріятель покажется предъ воротами Львова. Испуганные жители метались во всѣ стороны; кто былъ похрабрѣе—тотъ спѣшилъ на валъ, думая встрѣчать козаковъ оружіемъ; многіе забирали изъ своихъ пожитковъ то, что было у нихъ поцѣннѣе и торопились уходить изъ города. Они сгоряча, не разсуждали, что за городомъ имъ могло угрожать еще больше опасности, чѣмъ въ городѣ. Воители, прибывшіе съ поля битвы, сейчасъ же уѣзжали изъ Львова подалѣе въ Польшу: имъ примѣръ показалъ самъ главнѣйшій предводитель, Доминикъ Заславскій, уѣхавшій немедленно въ свой замокъ Ржешовъ. «Хорошо сдѣлалъ, замѣчаетъ современникъ, а то ему могло быть дурно отъ войска, въ безпорядкѣ сновавшаго по Львову». Остророгъ и Вишневецкій остались на нѣсколько дней во Львовѣ. Остророгъ подвергался упрекамъ войска и жителей: «какъ можетъ, — кричали воины,—оставаться предводителемъ такой панъ, что убѣжалъ отъ войска!» Къ нему являлись депутаты отъ мѣщанъ спрашивать совѣта: что̀ дѣлать. Они получили не-

---

[1]) Relacya Czechowicza Kron. miasta Lwowa 296.

Digitized by Google

утѣшительный отвѣтъ: остается положиться на волю Божію, обороняться, а давать отпоръ нельзя: нѣтъ денегъ для содержанія военной силы, нѣтъ и оружія, покинутаго въ обозѣ въ добычу непріятелю. Остается отдаться на милость врага. Послѣ такого отвѣта у мѣщанъ было снова собраніе и на немъ порѣшили они защищать до послѣдняго Рѣчь Посполитую и пожертвовать состояніемъ на доставленіе средствъ къ оборонѣ. Объ этомъ рѣшеніи извѣстили они Остророга, находившагося у львовскаго архіепископа, куда онъ пріѣхалъ прямо съ побоища, стыдясь показывать себя на свѣтъ божій. Ободряемый мѣщанами, Остророгъ пришелъ въ себя и написалъ примасу, что, въ ожиданіи нашествія враговъ, рѣшается защищаться во Львовѣ; въ то же время онъ послалъ созывать къ себѣ на совѣтъ военачальниковъ, но къ нему не поѣхали. Простые жолнѣры всѣ были сильно вооружены противъ Остророга и не хотѣли слушать ближайшихъ начальниковъ, когда тѣ показывали охоту признавать главнокомандующимъ Остророга. Не такъ относились къ Вишневецкому. Его одного всѣ считали достойнымъ быть полководцемъ. Сходка военныхъ людей и обывателей Львова, состоявшаяся въ бернардинскомъ монастырѣ въ числѣ трехъ тысячъ особъ, начала просить его принять начальство надъ войскомъ и сдѣлать распоряженія къ защитѣ Львова. Послѣ долгихъ отговорокъ, какъ бы уступая просьбамъ, князь согласился, лишь бы это не послужило къ безчестію Остророга, котораго онъ, принимая предлагаемое гетманство, приглашалъ къ себѣ въ сотоварищи: этимъ онъ избавилъ его отъ дальнѣйшихъ упрековъ [1]). На этой сходкѣ въ бернардинскомъ монастырѣ назначена была на жителей контрибуція: ради любви къ отечеству, каждый львовянинъ обязанъ былъ, по совѣсти, объявить о своихъ и чужихъ сокровищахъ;

---

[1]) Рукоп. И. П. Б. разнояз. Ист. F. № 5.

Digitized by Google

назначенные для того чиновники обирали жителей; костелы и монастыри отдавали драгоцѣнные сосуды, кресты; должны были жертвовать и церкви: все это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобъ снарядить и удержать войско [1]). Іезуиты дали на 150,000 серебра. Нѣкая пани Слоньоньская привезла серебро изъ монастыря кармелитокъ и бросила къ ногамъ Вишневецкаго въ костелѣ францисканъ. Нѣкоторые купцы, кромѣ того чѣмъ были обложены, приносили туда же лишнее изъ патріотизма [2]). Вишневецкій оставлялъ во Львовѣ гарнизонъ, подъ начальствомъ стараго Христофора Артишевскаго, отличнаго артиллериста своего вѣка, который, по причинѣ религіозныхъ несогласій, оставилъ надолго отечество, странствовалъ по чужимъ землямъ, служилъ голландской республикѣ и завоевалъ въ Южной Америкѣ Ріо-Жанейро [3]). Послѣ того Вишневецкій, забравши съ собою собранныя деньги, вмѣстѣ съ войскомъ, надъ которымъ сталъ избраннымъ начальникомъ, 5-го ноября ушелъ къ Замостью, а оттуда въ Варшаву подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что невозможно держаться во Львовѣ и предавать опасности столицу Варшаву, куда, какъ опасались поляки и какъ надѣялись русскіе, могъ повернуть Хмельницкій съ козацкими и татарскими силами, пользуясь беззащитнымъ въ то время положеніемъ шляхетскаго государства.

Вслѣдъ за Вишневецкимъ и другіе паны и всѣ военачальники покинули Львовъ. Вишневецкій отправилъ къ горожанамъ ротмистра Цихоцкаго съ пятидесятью драгунами, съ письмомъ, въ которомъ извѣщалъ о своемъ отъѣздѣ. Затѣмъ тѣ изъ горожанъ, которые имѣли болѣе средствъ, спѣшили выбираться съ своими семьями и по-

---

[1]) Relacya Czechowicza. Kron. miasta Lw. 297.

[2]) Рукоп. И. П. Библ. разнояз. F. № 5.

[3]) Zbiór pam. o dawn. Polsce Niemcewicz. III.—Histor. belli cosac. polon. 105.

Digitized by Google

житками; инымъ изъ нихъ не посчастливилось: они попали въ неволю татарамъ. Оставшіеся въ городѣ львовяне жаловались, что паны ихъ обобрали и малодушно покинули на разграбленіе непріятелямъ [1]).

Хмельницкій, преслѣдуя враговъ, вошелъ въ Константиновъ и взялъ его безъ малѣйшаго сопротивленія. Оттуда онъ двинулся къ Збаражу.

На дорогѣ встрѣтился съ нимъ панъ Юрій Немиричъ. Предки его были русскіе и владѣли большими имѣніями въ Украинѣ. Во время перерожденія русскаго дворянства, фамилія Немиричей, какъ и другія, обратилась въ католичество; но самъ Юрій не исповѣдывалъ уже и католической вѣры, а былъ зараженъ еретическими заблужденіями, какъ говорили тогда въ Польшѣ. Немиричъ принадлежалъ къ тѣмъ, которые не только не признавали святости папы, но осмѣливались подвергать сомнѣнію догматы, признанные, въ продолженіе вѣковъ, существенными основаніями христіанской религіи: такихъ въ Польшѣ называли аріанами. Выгнанный изъ маетностей своихъ въ Украинѣ, онъ, какъ и другіе, бѣжалъ въ Польшу, но на сеймѣ, въ Варшавѣ, его приняли очень дурно. «Мы,—кричали католики,—много послабленія дѣлаемъ, когда позволяемъ сообщаться съ нами протестантамъ; тѣ, по крайней мѣрѣ, соглашаются съ нами въ главныхъ понятіяхъ о Божествѣ и Св. Троицѣ, но мы, ни въ какомъ случаѣ, не потерпимъ безбожниковъ, подобныхъ пану Немиричу» [2]). Немиричъ, собравъ свой отрядъ, вмѣсто того, чтобъ идти противъ козаковъ, пошелъ чрезъ Полѣсье, а оттуда на Волынь, и близъ Збаража соединился съ Хмельницкимъ [3]). Бывшій въ Польшѣ въ то время московскій гонецъ Кунаковъ, называя его, по ошибкѣ, Юріемъ Ермоличемъ, пере-

---

[1]) Rel. Czech. Kron. miasta. Lw. 298.

[2]) Annal. Polon. Klim. l. 70.

[3]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 25.

Digitized by Google

давалъ въ Москву носившійся тогда въ Польшѣ слухъ, что этотъ панъ передалъ Хмельницкому тайное порученіе отъ королевича Яна Казимира поддерживать его кандидатуру при выборѣ короля и обѣщаніе удовлетворить козаковъ, если онъ сдѣлается королемъ. Кунаковъ говорилъ, что панъ Юрій, приставши къ Хмельницкому, сталъ у него «наивысшимъ писаремъ».

Козаки вступили въ Збаражъ. Этотъ городъ былъ хорошо укрѣпленъ, но козаки не нашли въ немъ не только воиновъ, готовыхъ къ отпору, но даже живой души. «Тогда и я,—признается простодушно современный стихотворецъ историкъ,—забравъ свои бумажныя ветоши, бѣжалъ вслѣдъ за другими изъ Збаража. Что-жъ удивительнаго?.. Вѣдь и Пиндаръ также бѣжалъ» [1]). Только 50 пушекъ, множество пороха и другихъ запасовъ взяты были козаками [2]). За недостаткомъ живыхъ, козаки помстились намъ мертвыми: разоривъ костелы, они выкинули на поруганіе остатки прежнихъ пановъ изъ родовыхъ могилъ. Самъ Хмельницкій, если вѣрить польскимъ лѣтописцамъ, не возбранялъ имъ этого, и особенно поругался надъ тѣломъ конюшаго и жены его [3]). «И мертвому льву надобно вырвать бороду», говорилъ онъ [4]).

Выступивъ изъ Збаража, Хмельницкій былъ въ недоумѣніи, что̀ начать ему и куда идти. Онъ созвалъ раду, на которой какъ главные представители козачества отличались тогда: Иванъ Чорнота, полковникъ Тыша, опустошитель Польши, полковникъ переяславскій Лобода, полковникъ гадячскій Бурляй, издавна знаменитый пиратъ

---

[1]) Woyna dom. I. 36.

[2]) Истор. о през. бр.—Лѣтоп. пов. о Мал. Росс. 122.—Кратк. опис. о Мал. Росс. 10.

[3]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 26.

[4]) Woyna dom. I. 36.

Digitized by Google

на Черномъ морѣ, полковникъ брацлавскій Нечай, Калина, Воронченко, Полкожуха, Небаба и другіе.

«Что скажетъ честная рада?—спрашивалъ предводитель.—Много поживились мы отъ враговъ нашихъ; пойдемъ ли въ глубь Польши кончать нашихъ недруговъ, или воротимся въ свою Украину съ гостинцами домашнимъ и отдохнемъ отъ трудовъ?»

Всѣ, прежде подачи совѣтовъ, настаивали, чтобъ Хмельницкій принялъ гетманскій титулъ. Предводитель отвѣчалъ имъ:

«Не стану именоваться гетманомъ до тѣхъ поръ, пока тотъ, кого изберутъ королемъ, самъ пожалуетъ меня этимъ достоинствомъ; а печать гетманскую и клейноты употреблять буду».

Когда началась рада, Хмельницкій былъ того мнѣнія, что лучше всего идти въ Украину, послать на сеймъ депутатовъ и дожидаться избранія короля. Тогдашнія обстоятельства внушали ему необходимость пользоваться своими успѣхами осторожно и умѣренно. Идти въ глубину Польши, нанести ей ударъ въ самое сердце—казалось дѣломъ черезъ-чуръ смѣлымъ и небезопаснымъ для козачества по послѣдствіямъ. Оно неминуемо повлекло бы за собою вмѣшательство сосѣднихъ державъ, а Хмельницкій еще не извѣдалъ, какъ онѣ отнесутся къ такому перевороту. Уже онъ заявлялъ Москвѣ желаніе имѣть государемъ московскаго самодержца; уже, повидимому, въ головѣ его было намѣчено то соединеніе Украины съ московскою Русью, которое послѣдовало чрезъ шесть лѣтъ; уже онъ убѣждалъ московскаго царя вмѣстѣ съ козаками воевать Рѣчь Посполитую: но Москва не дала ему ни малѣйшей надежды на согласіе. Напротивъ, дружелюбныя отношенія, въ которыхъ находился тогда, повидимому, московскій дворъ къ Польшѣ, скорѣе вели къ тому, что Москва могла оказать Польшѣ содѣйствіе къ укрощенію

Digitized by Google

мятежника, тѣмъ болѣе опаснаго для обѣихъ державъ, что онъ сдружился съ крымскимъ ханомъ. Чтобы пріобрѣсть о себѣ доброе мнѣніе царя, Хмельницкій долженъ былъ казаться не мятежникомъ и, по возможности, держаться въ предѣлахъ законности; онъ такъ и повелъ себя, и предъ Москвою показывалъ видъ, что поднялъ оружіе по самой крайности, единственно за греческую вѣру и притомъ, съ позволенія короля Владислава, противъ своевольныхъ пановъ. Чтобъ устоять на этой законной почвѣ, Хмельницкій долженъ былъ пріостановить непріязненныя дѣйствія на то время, когда въ Польшѣ дѣло шло о выборѣ новаго короля и подождать: что̀ скажетъ ему будущій государь. Притомъ же Хмельницкій надѣялся, что новый король, на выборъ котораго онъ могъ имѣть вліяніе, постарается привязать къ себѣ возрастающую козацкую силу и дастъ законную твердость тѣмъ требованіямъ, какія Хмельницкій предъявитъ; и въ этихъ соображеніяхъ Хмельницкій не хотѣлъ идти на Варшаву и опустошать Польшу, которую долженъ былъ почитать своимъ отечествомъ; но старшины, а еще болѣе чернь, то есть, простые козаки, думали не такъ; въ особенности вооружился противъ предводителя Чорнота. Всеобщее мнѣніе было таково, чтобъ идти на Варшаву и въ конецъ разорить Польшу. «Пане Хмельницкій, веди на ляхівъ, кінчай ляхівъ!» кричала ожесточенная толпа [1]).

Хмельницкій объявилъ, что поведетъ ихъ въ Польшу. Но онъ задумалъ тогда же обманывать своихъ козаковъ и, утоляя, по возможности, ихъ мщеніе, не допускать до вторженія въ средину королевства и до большихъ опустошеній. Съ этою цѣлью онъ предложилъ, что слѣдуетъ напередъ очистить всю русскую землю отъ ляховъ, и разослалъ своихъ полковниковъ отрядами на Волынь и въ

[1]) Истор. о през. бр.—Annal. Polon. Clim. 81.—Histor. panow. Jan. Kaz. 23.

Digitized by Google

Полѣсье [1]). Такой родъ войны нравился козакамъ. Толпы отправились къ Дубну, Кременцу, Острогу, Луцку разорять костелы, замки, кончать шляхту и іудеевъ; а самъ Хмельницкій шелъ ко Львову, подъ предлогомъ преслѣдовать разогнанное войско, покорить своей власти старый русскій городъ и потомъ уже идти на Польшу. Независимо отъ козацкой рады, Хмельницкій окружилъ себя тогда шляхтичами, приставшими къ козакамъ; люди болѣе образованные, чѣмъ козаки, они, казалось, лучше могли понимать его. Народъ думалъ, что дѣло съ поляками не должно кончиться ничѣмъ инымъ, кромѣ совершеннаго освобожденія Руси отъ польскаго владычества; шляхтичи, хотя и русскіе, въ то время считали возможнымъ, что Русь можетъ пользоваться независимостью и правами свободной націи, не разрывая окончательно связи съ Польшею. Изъ всѣхъ такихъ совѣтниковъ, кромѣ Немирича, больше всѣхъ умѣлъ убѣждать предводителя Иванъ Выговскій, шляхтичъ русской вѣры, взятый въ плѣнъ при Жовтыхъ Водахъ. Своею расторопностью, краснорѣчіемъ и здравымъ умомъ, онъ пріобрѣлъ довѣренность Хмельницкаго, и его совѣтамъ въ особенности приписываютъ поляки ту нерѣшимость Хмельницкаго, которая спасла на этотъ разъ ихъ націю [2]).

Проходя черезъ Броды, Хмельницкій оставилъ тамъ часть козаковъ для осады замка, очень крѣпкаго, котораго никакъ не могли одолѣть, а самъ, приближаясь ко Львову, послалъ впередъ съ небольшимъ отрядомъ Головацкаго, шляхтича, вручивъ ему письмо на имя городскаго магистрата.

«Прихожу къ вамъ,—писалъ Хмельницкій,—какъ осво-

---

[1]) Истор. о през. бр.—Woyna dom. I. 36.

[2]) Истор. о през. бр.—Histor. panow. Jan. Kaz. I. 23.—Annal. Polon. Clim. I. 81.—Pam. do pan. Zyg. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 29.

Digitized by Google

бодитель русскаго народа: прихожу къ столичному городу земли червонорусской избавить васъ изъ ляшской неволи; прихожу по вашему желанію, потому что многіе изъ вашихъ мѣщанъ приглашали меня. У меня 200,000 войска, кромѣ многочисленной орды; но это войско идетъ не на васъ, а на поляковъ. Поэтому вы лучше всего сдѣлаете, если соединитесь съ единовѣрными вамъ козаками и выдадите пановъ, разбѣжавшихся изъ подъ Пилявы. Мы утвердимъ взаимную нашу любовь взаимными клятвами. Если же пренебрежете нашею пріязнью, то наживете себѣ бѣду» [1]).

Львовъ поступилъ подъ власть Польши гораздо прежде Украины и Волыни, а потому польская стихія здѣсь была сильнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь на Руси. Іезуиты основали здѣсь главный притонъ: ни въ одномъ русскомъ городѣ не было столько католическихъ монастырей и костеловъ; много мѣщанъ приняли унію; притомъ значительная часть городскаго народонасенія состояла изъ іудеевъ и армянъ; поэтому и неудивительно, если паны могли его считать вѣрнымъ для себя убѣжищемъ. Городъ издавна былъ богатѣйшій въ королевствѣ; жители занимались промыслами и торговлею: губернаторъ застращалъ ихъ, а особенно іудеевъ, что козаки приходятъ разорять ихъ. Испуганные мѣщане обѣщали не сноситься съ козаками, а шляхтичи, прибѣжавшіе изъ околицы, готовились драться; съ ними вмѣстѣ взялись за оружіе бернардины, которыхъ большой монастырь стоялъ въ оконечности города. Православные хотя чувствовали иначе, но не смѣли возвысить голосъ. Головацкій получилъ слѣдующій отвѣтъ отъ лица цѣлаго города:

«Городъ Львовъ не можетъ понять, почему въ то время, когда козацкій предводитель посылаетъ къ намъ дру-

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 82.

Digitized by Google

желюбныя письма, козаки поступаютъ въ окрестностяхъ по-непріятельски. Мы не отвергаемъ вашей дружбы, если она искренна, но не можемъ входить въ союзъ съ войскомъ запорожскимъ, пока не окончится избраніе короля и всѣ неудовольствія войска запорожскаго не прекратятся. Надѣемся, что войско запорожское, которому мы не сдѣлали никакого оскорбленія, останется къ намъ съ добрымъ расположеніемъ. Паны изъ подъ Пилявы хотя пріѣзжали къ намъ, но уже выѣхали на сеймъ; въ городѣ заперлись мѣщане и предмѣщане; въ замкѣ оставленъ гарнизонъ Рѣчи Посполитой, надъ городомъ и замкомъ начальствуетъ губернаторъ» [1]).

Хмельницкій, получивъ такой отвѣтъ, двинулся осаждать городъ. Передовые отряды прибыли 6-го октября. Рано утромъ стали появляться группами козаки и татары и въ короткое время покрыли какъ чернымъ облакомъ высоты, окружающія Львовъ. Съ городскихъ и замковыхъ башень въ зрительныя трубы можно было ихъ примѣрно распознавать и считать. Немного татаръ замѣчалось въ хорошемъ вооруженіи; большая часть ихъ была одѣта въ короткихъ тулупахъ или въ бѣлыхъ холстинныхъ одеждахъ; за то съ инымъ было разомъ по десятку лошадей ради добычи: такъ представлялось осажденнымъ татарское полчище. Они бросались кучами то въ ту, то въ иную сторону, ища удобнаго мѣста прорваться въ предмѣстья. Предмѣщане отстрѣливались отъ нихъ изъ городскихъ и замковыхъ башенъ, громили ихъ и пушечными выстрѣлами. Собственно городъ Львовъ въ то время былъ не великъ: въ немъ считалось 437 такихъ мѣстъ, изъ которыхъ на каждомъ могъ стоять каменный домъ. Такое мѣсто считалось на одну семью, но обыкновенно два или три се-

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 82.—Pam. do panow. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 30.

Digitized by Google

мейства занимали одинъ каменный домъ въ три окна. Все это пространство, занимаемое цѣлымъ городомъ, образовало четвероугольникъ, обведенный стѣною, за которою проведенъ былъ ровъ, а за рвомъ насыпанъ былъ валъ, и напослѣдокъ проведена была еще внѣшняя стѣна съ семнадцатью башнями на небольшомъ разстояніи отъ городскихъ строеній. Двое воротъ вело въ городъ: первыя назывались краковскія, вторыя — галицкія. Кромѣ того, во внѣшней стѣнѣ было еще два меньшихъ выхода, называемые «хвортками» (калитки); одна называлась іезуитскою, потому что находилась близъ іезуитскаго костела, другая—босоцкая—близъ волоской церкви. Съ полуденной стороны городъ охранялъ монастырь бернардинскій, съ восточной—кармелитскій: оба имѣли видъ сильныхъ крѣпостей съ орудіями въ стѣнахъ и башняхъ. На западной сторонѣ отъ города тянулось болото, служившее защитой городу, а на сѣверной стоялъ нижній замокъ. Гораздо пространнѣе и многолюднѣе самаго города были предмѣстья, расположенныя около него. Ихъ было два: краковское и галицкое. Тамъ промежъ холмовъ и овраговъ гнѣздились лѣтнія помѣщенія богатыхъ жителей города, сады, винокурни, пасѣки, разныя заведенія, а среди ихъ возвышались верхи монастырей, костеловъ, церквей, у подножія которыхъ ютились скромныя жилища предмѣщанъ; послѣднихъ числомъ было больше чѣмъ городскихъ мѣщанъ: по извѣстію Целларія, оставившаго по-латыни «Описаніе Польши въ половинѣ XVII вѣка», во львовскихъ предмѣстіяхъ было тогда до 1500 домовъ. Предмѣстья эти были окаймлены дорогою, идущею извилинами по горамъ и ущельямъ, что носило тогда мѣстное топографическое названіе «шляхи». Тамъ, гдѣ представлялась необходимость, насыпанъ былъ валъ вышиною въ шесть съ половиною локтей и такой же широты. Весь городъ съ предмѣстьями заключалъ въ себѣ до 30,000 жителей, а про-

Digitized by Google

странство было такъ обширно, что для охраны его съ предмѣстьями, на случай непріятельскаго вторженія, нужны были десятки тысячъ военной силы [1]).

На другой день, въ среду, явился подъ городомъ козацкій гетманъ и съ нимъ все козацкое войско. Попавшіеся въ плѣнъ полякамъ показывали подъ пытками, что козацкой силы съ Хмельницкимъ идетъ тысячъ двѣсти, но сила эта на пути безпрестанно увеличивается толпами пристающихъ къ козакамъ русскихъ поселянъ. Хмельницкій приказалъ ударить изъ пушекъ; начались стычки по разнымъ концамъ Львова. Одинъ отрядъ козаковъ рылъ валы у гончарской улицы, близь монастыря кармелитовъ босыхъ; другой напиралъ на галицкую браму; третьи нападали на бернардинскій монастырь. Осажденные стойко оборонялись; бернардины отличались особенно. Самъ Хмельницкій разъѣзжалъ близко города на бѣлой лошади. По этой масти примѣтили его изъ города и пустили выстрѣлъ, пуля попала подъ ноги его лошади. Вечеромъ кончилось нападеніе, враги размѣнялись плѣнниками.

Хмельницкому не трудно было взять Львовъ; но онъ самъ не хотѣлъ напрасно проливать кровь и предавать богатый городъ на волю необузданной черни и татаръ: поэтому, расположивъ около города войско, самъ предводитель сталъ въ близкой деревнѣ, Лисеницахъ, и послалъ оттуда къ городскимъ стѣнамъ съ письмомъ трубача, который поднялъ кверху надъ головой шапку, чтобы въ него не стрѣляли, и оставилъ взоткнутое на жерди письмо. Хмельницкій требовалъ, чтобы львовяне выдали всѣхъ іудеевъ, убѣжавшихъ въ городъ, которыхъ называлъ главною причиною происшедшаго междоусобія, ставя имъ въ особенную вину и то, что они помогали полякамъ деньгами противъ козаковъ. Городъ далъ отвѣтъ, что іудеи

---

[1]) Kubala. I. 85.—Kronika miasta Lwowa. 280—288.

Digitized by Google

принадлежать не городу, а подданные Рѣчи Посполитой, и просилъ козацкаго предводителя о пощадѣ и милосердіи. Вслѣдъ за тѣмъ Хмельницкій отправилъ во Львовъ священника Ѳедора Радкевича съ новымъ письмомъ къ городскому магистрату, предлагая миръ и требуя 200,000 червонныхъ злотыхъ окупу, для заплаты татарамъ.

Городскіе райцы видѣли, что городъ не можетъ удержаться и согласились начать переговоры. Они увѣряли и сами себя и другихъ, что рѣшаются просить пощады у козацкаго вождя не изъ трусости, а единственно для того, чтобъ спасти католическую святыню отъ поруганія [1]).

Но въ городѣ Львовѣ накопилось множество поселянъ православной вѣры. Въ самый день прихода козаковъ губернаторъ внушилъ жителямъ, что если предмѣстья останутся цѣлы, то козаки засядутъ надолго предъ городомъ, и по его мнѣнію, для предупрежденія опасности, надобно бы истребить предмѣстья. И дѣйствительно, тотчасъ по прибытіи союзныхъ козацкихъ и татарскихъ силъ ко Львову, козаки стали напирать на предмѣстья, а татары обступили ихъ кругомъ, чтобъ не дать бѣжать изъ нихъ предмѣщанамъ. Уже въ первый день козаки разорили внѣшнія ничтожныя деревянныя укрѣпленія изъ кольевъ и ворвались въ предмѣстья. Предмѣщане бросились спасаться, иные въ укрѣпленные монастыри, иные въ городъ, и сразу тысячи возовъ стѣснились у воротъ, а изъ города усердно палили въ преслѣдующаго непріятеля. «Нуте, молодцы, нуте!» свирѣпо кричали напиравшія впередъ толпы козаковъ. Вдругъ Хмельницкій пріостановилъ бой и послалъ, какъ говорено было, трубача съ предложеніемъ выдать іудеевъ. Впослѣдствіи католики сложили легенду, будто козацкій вождь былъ остановленъ видѣ-

---

[1]) Rel. Czech. Kron. miast. Lw. 303.—Рукоп. И. П. Библ разнояз. hist F. № 5.

Digitized by Google

ніемъ въ облакахъ—онъ увидалъ образъ молящагося на колѣняхъ монаха съ распростертыми руками—и такъ былъ пораженъ, что приказалъ отступить. Это былъ, толковали бернардины, святой Янъ изъ Дукли и вѣра въ это заступничество святаго такъ распространилась, что впослѣдствіи близъ бернардинскаго монастыря поставили колонну съ изображеніемъ наверху св. Яна изъ Дукли въ томъ видѣ, въ какомъ онъ являлся въ облакахъ и спасъ городъ Львовъ отъ схизматика Хмельницкаго и невѣрнаго Тугай-бея. Но на другое утро возобновили козаки нападеніе на предмѣстья съ новою силою. Въ православной «каѳедрѣ» св. Юрія толпы предмѣщанъ искали спасенія въ молитвѣ. Козаки, перебивши много народа во дворѣ монастырскомъ, разбивали церковныя двери, стрѣляли въ окна и, наконецъ, ворвались въ средину храма. Старикъ игуменъ, стоя у алтаря, пытался напомнить имъ, что они такіе же православные, какъ и народъ собравшійся въ церкви.—«Гей прó Богъ христіане! Віра, віра!» вопіялъ онъ. Но козаки неистово требовали сокровищъ, кричали: «батеньку, не хочемъ твоеи віры, лише дідчихъ грошей!» Они плескали ему на плечи горілку и зажигали, понуждая отдавать имъ спрятанныя сокровища. Одни изъ козаковъ, правда, смутились и ушли, но нахлынули другіе съ заступами, рубили стѣны, не пощадили гробовъ и выкидывали изъ нихъ полусгнившіе трупы, ища сокровищъ, наконецъ сорвали со стѣны и ободрали храмовую икону св. Юрія, и потомъ ушли, говоря: «прощай, св. Юру». Вытряхивая карманы у тѣхъ, которыхъ застали въ церкви, козаки говорили имъ: «вы хоть сами одной вѣры съ нами, да у васъ деньги лядскія,—такъ за это васъ надобно карать» [1]).

Такъ разсказываютъ поляки о тогдашней дикости козаковъ, мало показывавшихъ благоговѣнія къ вѣрѣ, за ко-

---

[1]) Kubala. I. 89. Ссылка на Зиморовича. 108.

Digitized by Google

торую выставляли себя воюющими. Въ то время, когда одни расправлялись у св. Юрія, другіе забирались въ опустѣлые костелы и домы, стоявшіе близко городскихъ валовъ и оттуда съ гребня крышъ, изъ-за дымовыхъ трубъ и изъ оконъ палили въ городъ и удачно поражали смѣльчаковъ, выступившихъ на валъ для обороны. Иные забрались въ кармелитскій монастырь, умертвили тамъ пятнадцать монаховъ и перебили не мало народа, искавшаго въ монастырѣ убѣжища—и оттуда стали безпокоить горожанъ пальбою. Тогда городскіе старѣйшины вспомнили совѣты, подававшіеся предъ самымъ нашествіемъ непріятелей и рѣшились сжечь предмѣстья, чтобъ лишить непріятеля пристанища и точки опоры для дѣйствія надъ срединою города. Нашли людей, которые за обѣщанную награду взялись пустить огонь въ ближайшихъ къ городскимъ валамъ строеніяхъ предмѣстій. Ихъ выпустили тайнымъ ходомъ въ ночное время и они подложили огонь во многихъ домахъ. Пожаръ распространился съ чрезвычайною быстротою, благодаря тому, что поднялся сильный вѣтеръ; тогда козаки, преслѣдуемые огнемъ, покинули предмѣстья, однако самый городъ былъ въ опасности, когда вѣтеръ обращался на его сторону. Пожаръ произведенъ былъ ночью съ четверга на пятницу. Когда огонь разгорѣлся, стало такъ свѣтло, что можно было на землѣ увидѣть иглу. Поутру въ пятницу насталъ ужасный день. Дымъ, восходившій надъ пламенемъ, закрывалъ солнечный свѣтъ, сдѣлался нестерпимый жаръ и смрадъ; тамъ—огненныя головни укрывали крыши слоями, тамъ разсыпались искры будто изъ какого-то мѣшка; страшно трещали падающія стропила, бревна и кровельныя доски; раздавались раздирающіе отчаянные вопли и крики: «горимъ! горимъ! воды! ради Бога воды!» вереницами кружили въ горячемъ воздухѣ птицы, лишенныя своего пріюта подъ крышами. Ужасъ приводилъ въ оцѣпенѣніе смо-

Digitized by Google

трѣвшихъ на это зрѣлище: казалось, имъ приходитъ ихъ послѣдній часъ; иныхъ даже звукъ трубъ приводилъ въ смертный страхъ. На счастіе горожанамъ, съ наступленіемъ слѣдующей ночи пошелъ дождь и спасъ недогорѣвшіе домы. Изъ города можно было ясно распознать, что за предѣлами городской стѣны всѣ хаты подгороднихъ обывателей, ихъ гумна и пасѣки, загородныя дачи зажиточныхъ горожанъ, церкви, костелы, красовавшіеся еще въ предшествующій вечеръ—все стало добычею пламени въ какихъ-нибудь нѣсколько часовъ [1]).

Предмѣщане, лишившись имуществъ, скитались безъ куска хлѣба съ женами и дѣтьми; многіе пристали къ козакамъ; другихъ загнали въ городъ, обѣщая кормить во время осады. Населеніе Львова увеличилось: отъ тѣсноты и дурной пищи, которою питались бѣдняки, при дороговизнѣ припасовъ, открылись повальныя болѣзни. «Наши улицы, рынки и церковные дворы обратились въ настоящій лазаретъ; угла не было въ городѣ, гдѣ бы нельзя было встрѣтить недужныхъ и не слышать удушающей вони» говоритъ очевидецъ.

Сверхъ того, поляковъ, іудеевъ и армянъ пугало скопленіе православныхъ, между которыми попадались подозрительныя для нихъ лица; слышно было, что у православныхъ мѣщанъ бываютъ ночныя скопища. Еще до прибытія Хмельницкаго открыто было, что мѣщане гологурскіе писали къ нему, приглашали избавить народъ отъ невыносимый ляшской неволи и обѣщали содѣйствіе. Письмо было перехвачено; поляки боялись, что такихъ доброжелателей Хмельницкаго было въ городѣ не мало. Всякъ,—говорили тогда католики,—кто только исповѣдуетъ греческую вѣру, желаетъ погибели Польшѣ. Открыли въ городѣ женщину, которая была любовницею Кривоноса и

---

[1]) Kronika miasta Lwowa. 300.

Digitized by Google

потомъ съ однимъ козакомъ странствовала для узнанія дѣлъ. Она сама созналась въ этомъ и была пощажена. Донесли губернатору, что у одного богатаго мѣщанина, Юрія Коваля, работники льютъ пули и куютъ оружіе. Окружили подозрительный домъ и, дѣйствительно, нашли много желѣза и свинцу. Хозяинъ отговаривался, что это припасено для продажи, но узнали, что это готовилось для оружія православнымъ, на помощь козакамъ. Во время штурма города Артишевскій приказалъ казнить его на страхъ прочимъ, примѣрнымъ образомъ, по выраженію современника. Вслѣдъ затѣмъ, было перехвачено письмо львовскаго православнаго владыки къ Хмельницкому. Неизвѣстно содержаніе его; лѣтописецъ говоритъ, что губернаторъ оставилъ владыку въ подозрѣніи [1]). Католики боялись православныхъ и, если вѣрить разсказу украинскихъ лѣтописцевъ, бернардины выдумали средство уменьшить число этого опаснаго для нихъ народа.

Скрывавшіеся во Львовѣ мужики и предмѣщане проживали преимущественно въ монастыряхъ. Бернардинскій былъ набитъ биткомъ. Монахи устроили въ субботу обѣдъ и поставили два стола: на одномъ кушанье было мясное, на другомъ постное; такъ какъ католики наблюдаютъ въ субботу постъ, то монахи, сзывая людей, говорили: «Идите, кто изъ васъ русинъ, пусть садится и ѣстъ мясо, а кто полякъ, то для него трапеза съ рыбою и масломъ». Православные, не подозрѣвая уловки, сѣли за особый отъ католиковъ столъ. Тогда монахи стали вызывать ихъ поодиначкѣ, подъ предлогомъ, что хотятъ что-то сказать, и выводили за ворота. Тамъ, въ глухомъ дворѣ, былъ колодезь, называемый бардышъ. Подлѣ колодца стоялъ бернардинъ. Монахъ подводилъ русскаго къ ко-

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 84.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan Kaz. II. 32.—Hist. pan. Jan. Kaz. I. 25.

Digitized by Google

лодцу и говорилъ: «Посмотри туда, русинъ!» Русскій наклонялъ голову, и стоявшій подлѣ колодца бернардинъ рубилъ его по шеѣ, а тѣло сбрасывалъ тотчасъ въ колодезь. Вотъ ужъ нѣсколько человѣкъ, такимъ образомъ, пошло вслѣдъ за монахомъ; никто не зналъ, что сдѣлалось съ тѣмъ, который вышелъ прежде него; всякъ добровольно наклонялъ голову подъ топоръ. Наконецъ обѣдавшіе стали безпокоиться, что братья ихъ не возвращаются, нѣкоторые встали и подсмотрѣли, что дѣлаютъ монахи. Тогда всѣ съ отчаянными криками бросились черезъ стѣны и, безъ оглядки, полетѣли въ козацкій лагерь, гдѣ произвели всеобщее изступленіе. Хмельницкій, въ первомъ порывѣ гнѣва, грозилъ сжечь цѣлый городъ [1]); но потомъ утишился и послалъ предостеречь всѣхъ жителей Львова русскаго вѣроисповѣданія, чтобъ они спрятались въ церквахъ во время штурма города, которымъ онъ угрожалъ [2]).

Хотя городъ Львовъ, какъ выше было показано, и былъ обнесенъ двумя стѣнами и рвомъ, но эти укрѣпленія были ненадежны; вода во рву высохла, а стѣны, по замѣчанію современника, годились для защиты отъ ружей, а не отъ пушекъ. Артишевскій, однако, показалъ отчаянную готовность защищаться. «Я уже старъ,—говорилъ онъ:—довольно пожилъ; кончу жизнь во Львовѣ: лучше пусть меня задавятъ его развалины, чѣмъ мнѣ спасать жизнь низкою сдачей!» Но жители, привыкшіе къ изобилію, невоинственные, давно не видавшіе у стѣнъ своихъ непріятеля, желали избавиться отъ опасности какимъ бы то ни было образомъ. «Подумайте,—убѣждалъ ихъ старикъ губернаторъ:—какъ можно довѣриться Хмельницкому, когда онъ замаралъ себя всякаго рода вѣроломствомъ? Для че-

---

[1]) Истор. о през. бр.

[2]) Рукоп: Имп. Публ. Биб. разнояз. № 5.—Rel. Grozw. Kr. m. Lw. 314.

Digitized by Google

ловѣка благоразумнаго и храбраго гораздо желательнѣе смерть, чѣмъ неволя: смерть прекращаетъ, неволя рождаетъ горе!» Городской совѣтъ не послушался старика и обрадовался, когда Хмельницкій, *благочестивыхъ ради*, жившихъ еще въ большомъ количествѣ въ этомъ городѣ, оставилъ прежнее свое намѣреніе брать его приступомъ и предавать воинскому разоренію, а предложилъ денежную сдѣлку: онъ потребовалъ съ города окупъ, обѣщая за то отойти отъ него съ своимъ войскомъ. Началась переписка, происходили совѣщанія; львовяне хотѣли что-нибудь выторговать у козацкаго гетмана; но вдругъ новые успѣхи козаковъ заставили мѣщанъ не прекословить болѣе милосердію Хмельницкаго.

Съ сѣверной стороны города Львова, на горѣ, называемой Лысою, былъ замокъ, построенный въ старину княземъ Львомъ Даниловичемъ. Въ мирное время онъ оставался незанятымъ, потому что былъ неудобенъ для жизни: тамъ была дурная вода и притомъ въ единственномъ колодцѣ; но въ военное время положеніе его было важно. Онъ стоялъ на возвышенности, откуда можно было видѣть, что дѣлается въ городѣ, и притомъ оттуда можно было удобно палить въ городъ. Артишевскій поставилъ тамъ гарнизонъ подъ начальствомъ бурграфа Братковскаго. Гарнизонъ этотъ, въ началѣ состоявшій всего изъ семидесяти человѣкъ, увеличивался охотниками изъ мѣщанъ и мужиковъ. Тутъ въ субботу столпилось также много предмѣщанъ, лишенныхъ жилищъ. Козаки, подъ начальствомъ Кривоноса, повели приступъ на этомъ замокъ. Замокъ былъ крѣпокъ не столько искуственными укрѣпленіями, сколько естественною крутизною горы, на которой былъ построенъ. Но чрезвычайное скопленіе народа обоего пола грозило скорымъ наступленіемъ голода. Козаки неустанно безпокоили этотъ замокъ цѣлый день до сумерокъ, и наконецъ Братковскій, выбившись изъ силъ и страшась

Digitized by Google

оставаться тамъ далѣе и подвергаться голоду, ушелъ съ своими солдатами. Оставшіеся безъ обороны предмѣщане, мѣщане и мужики пришли въ волненіе. «Чего-жъ намъ ждать еще?—закричали нѣкоторые изъ нихъ:—чѣмъ погибать отъ голода съ дѣтьми, лучше отдаться на милость козакамъ! Не такое страшное горе, какъ страхъ его малюетъ! Волки, медвѣди—и тѣ бываютъ милосерды, а козаки—люди, да и татары люди! Что они намъ сдѣлаютъ? Въ неволю возьмутъ? Что-жъ? потерпимъ, а послѣ, можетъ быть, на волю выйдемъ. Жонъ, дочерей нашихъ изнасилуютъ? Э, что-жъ дѣлать! Не стыдно, когда по неволѣ. Ну, съ Богомъ!» Множество голосовъ со стѣнъ закричало, что они сдаются.

Въ воскресенье толпа кіяковъ,—такъ назывались червонорусскіе хлопы, потому что, за недостаткомъ оружія, употребляли кіи,—ворвалась въ замокъ, какъ волки въ овчарню, говоритъ очевидецъ, и перерѣзали они всѣхъ отъ стараго до малаго. «Страшно выглядывалъ, - продолжаетъ тотъ же современникъ,—этотъ замокъ со мшистыми стѣнами, облитыми кровью, и башнями, заваленными людскими трупами» [1]).

Тѣмъ временемъ козаки отняли у горожанъ воду, слѣдуя указанію одного предмѣщанина, ушедшаго къ козакамъ [2]) и, чтобы лучше долетали въ городъ ядра и пули, взмостили на крышу высокаго костела пушки. Пущенная бомба зажгла жидовскую синагогу; пожаръ распространился; люди не смѣли тушить, потому что картечи убивали ихъ на улицахъ. Тогда мѣщане, видя неизбѣжную бѣду, соглашались сдаться на волю побѣдителя, выставили бѣлое знамя и послали знакомаго Хмельницкому ксендза Гунцель-Мокрскаго просить помилованія. Этотъ

---

[1]) Rel. Czech. Kr. m. Lw. 306.—Rel. Grozw. Ibid. 314.

[2]) Рукоп. И. П. Б. разнояз. F. № 5.

Digitized by Google

ксендзъ, регулярный каноникъ и экс-іезуитъ, былъ когда-то профессоромъ въ той іезуитской коллегіи, гдѣ учился Богданъ Хмельницкій и считалъ козацкаго гетмана въ числѣ своихъ бывшихъ слушателей. Хмельницкій теперь принялъ его радушно и вручилъ, по его просьбѣ, охранительный листъ для пословъ, которыхъ, какъ сообщалъ ксендзъ Хмельницкому, городъ Львовъ намѣренъ выслать для переговоровъ въ козацкій станъ [1]).

Хмельницкій, получивъ это извѣстіе, бросился лично къ осаждающимъ, вложилъ на палку свою шапку и, показывая козакамъ, кричалъ: «згода!» [2]).

Битва остановилась. Вслѣдъ затѣмъ выѣхали изъ Львова черыре депутата: отъ русскихъ, поляковъ, армянъ и отъ университета [3]). Въ сопровожденіи полковника Остапа они прибыли въ Лисеницы 13 октября.

Гетманъ принялъ ихъ ласково, подчивалъ виномъ и увѣрялъ въ своемъ расположеніи къ городу Львову.

Депутатъ отъ католиковъ, Вахловичъ, отличался особенно краснорѣчіемъ, и со слезами, «нищенски», по замѣчанію очевидца [4]), молилъ предводителя пощадить ихъ и уменьшить цѣну окупа.

«Помилуй насъ,— говорилъ онъ,—ради нашей крайней бѣдности; паны совершенно насъ ограбили; пилявецкое войско обобрало насъ и покинуло; мы въ самомъ горькомъ положеніи; не дай намъ погибнуть съ голода!»

Хмельницкій отвѣчалъ: «Я не могу скрыть отъ васъ, что меня слишкомъ огорчаютъ эти несчастныя обстоятельства. Дай Богъ, чтобъ и ухо человѣческое о подобныхъ не слышало! Всему причиною Вишневецкій и Конецполь-

---

[1]) Kubala I. стр. 100.

[2]) Histor. pan. Jan. Kaz. I. 27 —Pam. do pan. Zygm III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 34. Stor. delle guer. civ. 58.

[3]) Rel. Czech. Kr. m. Lw.—Rel. Grozw Kr. m. Lw. 315.

[4]) Rel. Czech. Kr. m. Lw. 304.

Digitized by Google

скій, о чемъ я писалъ вамъ; не стало силъ переносить намъ тяжкій нашъ жребій; у насъ насильно отнимали все наше достояніе, и намъ ничего болѣе не оставалось, какъ взять оружіе. Вы просите милосердія: я самъ просилъ его для себя и не былъ настолько счастливъ, чтобъ получить; но вамъ я окажу его! Я не хочу поднимать меча на ваши головы и дарую вамъ жизнь,—это уже большое милосердіе, господа; только, безъ всякихъ отговорокъ, отсчитайте мнѣ двѣсти тысячъ червонныхъ злотыхъ. Вдобавокъ, я оставлю при васъ и жидовъ, этихъ негодныхъ мерзавцевъ, но съ тѣмъ, чтобъ они выплатили большую часть этой суммы: они то обирали козаковъ въ Украинѣ. Надобно вамъ знать, господа, что я требую этихъ денегъ не для своей корысти, а единственно потому, что долженъ удовлетворить пріятеля моего пана Тугай-бея. Моя обязанность—наградить того, который соединился со мной со значительными силами, помогалъ вездѣ противъ моего непріятеля и храбро раздѣлялъ со мною опасности».

Очевидецъ замѣтилъ, что Хмельницкій прослезился, слушая описаніе бѣдствія Львова, но не уменьшилъ требуемой суммы ни однимъ злотымъ [1]). Напрасно умоляли его депутаты: онъ ссылался на своихъ старшинъ и на Тугай-бея. Депутаты всетаки пытались умилостивить его. Наконецъ онъ сказалъ: «я посовѣтуюсь» и оставилъ ихъ съ нѣсколькими чиновниками козацкими. Депутаты должны были выслушивать насмѣшки надъ пилявскими героями. «Мы,—говорили имъ козаки,—взяли у поляковъ 6,460 возовъ съ сокровищами, а вотъ и булава князя Доминика. Посмотрите на нее. Вотъ скоро турецкій цезарь пришлетъ намъ помощь. Пана Вишневецкаго мы достанемъ, хоть бы онъ въ Гданскъ ушелъ: онъ виною тому, что переговоры не состоялись. Мы дойдемъ до Вислы, наготовимъ чаекъ

---

[1]) Rel. Czech. Kr. m. Lw. 304.

Digitized by Google

и приплывемъ въ Варшаву, а то и далѣе, если насъ не удовлетворятъ». Но тутъ воротился Хмельницкій, съ нимъ Тугай-бей, Калга-султанъ и Пинъ-ага. Всѣ старшины и полковники были на лицо, каждый съ позлащеннымъ перначемъ — знакомъ достоинства. Хмельницкій изложилъ просьбы города. Тугай-бей, котораго усадили на почетное мѣсто, поглядѣлъ на депутатовъ грозно и сказалъ: «вы молодцовъ-козаковъ обидѣли: хоть бы вы въ землю закопались,—и тамъ я васъ найду!» Онъ началъ бранить поляковъ, особенно Сѣнявскаго, который, будучи отпущенъ на честное слово, не заплатилъ окупа. Татары непремѣнно требовали со Львова окупа. Хмельницкій ссылался на нихъ и представлялъ депутатамъ, что ему невозможно сдѣлать уступки, потому что нужно спровадить татаръ и заплатить имъ,—иначе они будутъ дѣлать опустошенія [1]). Депутаты должны были съ покорностью согласиться на всѣ требованія побѣдителей.

Хмельницкій отправилъ въ городъ за деньгами Петра Головацкаго, а Тугай-бей — татарина Пинъ-агу; готовой монеты набралось только на 16,000 злотыхъ. Этого было слишкомъ мало и Львовъ откупался разными товарами и вещами; костелы и монастыри приносили свои украшенія и сокровища; мѣщане выкладывали изъ лавокъ штуки богатыхъ матерій, полотна; жиды, со вздохомъ, сносили серебро, золото, разныя драгоцѣнности, пріобрѣтенныя лихвою отъ убогихъ христіанъ; бѣдные посполитые принуждены были выносить послѣднее полотно или серебряную вещицу изъ скромнаго домика [2]). Возами отправляли сокровища въ станъ побѣдителей, гдѣ Тугай-бей прилежно все это оцѣнивалъ и взвѣшивалъ, иногда вскрикивая на привозившихъ [3]). Этимъ не ограничился окупъ. Городъ

[1]) Рук. И. П. Б. разнояз. F. № 5.

[2]) Rel. Czech. Kr. m. Lw. 306.

[3]) Rel. Grozw. Kr. m. Lw. 317.

Digitized by Google

подарилъ самому Хмельницкому богатыхъ одеждъ и сбруй на 20,000 злотыхъ; всѣ полковники, войсковые асаулы, судьи, писаря, козацкіе атаманы получили въ подарокъ по нѣскольку сотъ талеровъ и разныхъ вещей: кто воротился съ позолоченною саблею, кто съ богатооправленнымъ буздыханомъ. По замѣчанію очевидца, Кривоносъ показалъ себя особенно корыстолюбивымъ. «Я столько же сдѣлалъ, какъ и панъ Хмельницкій,—говорилъ онъ,—да еслибъ захотѣлъ, то натворилъ бы во Львовѣ страха и безпорядка; за то нельзя меня считать какимъ-нибудь простакомъ; я не хуже другихъ: другихъ обдарили и мнѣ дайте какую нибудь сотню-другую червонныхъ злотыхъ!» Этотъ отважный козакъ получилъ тогда тысячъ на пять разныхъ подарковъ. Вдобавокъ, мѣщане должны были, по русскому обычаю, угощать на мировую козаковъ и выкатить полубочки и боченки разныхъ водокъ, винъ, меду, малвазіи. «Негодные холопы,—говоритъ очевидецъ,—пастухи, пригодные только къ плугу, пьянствовали и обжирались посреди города, а потомъ уносили съ собою въ свой станъ съѣстное» [1]).

Для спокойствія гражданъ, Хмельницкій оставилъ въ городѣ двоюроднаго брата своего, Захарія Хмельницкаго, съ десятью козаками; у нихъ былъ универсалъ, подписанный рукою гетмана; этотъ универсалъ долженъ былъ останавливать козаковъ, еслибъ какая нибудь толпа наѣздниковъ вздумала еще разъ безпокоить Львовъ. Тогда жители начали роптать и обвиняли своихъ депутатовъ, что они у Хмельницкаго болѣе хлопотали о себѣ, чѣмъ объ общихъ дѣлахъ. Ожесточеніе противъ нихъ дошло до того, что ихъ чуть было не убили, но ихъ оборонилъ Артишевскій.

23-го октября султанъ Калга со своею ордою отсту-

---

[1]) Rel. Czech. Kr. m. Lw. 307.

Digitized by Google

шилъ къ Каменцу. На другой день, 24-го октября, козаки дали на прощанье залпъ изъ пушекъ, и страшное войско отступило. Поляки считали особеннымъ чудомъ неба свое избавленіе за деньги [1]). Только бернардины не хотѣли участвовать въ платежѣ, говорили, что они оружіемъ охранили монастырь, и гордо указывали на кучу труповъ около своей обители [2]).

Послѣ того козаки уже не безпокоили Львова. Мимо города проходили козацкіе отряды Хмельницкаго и не дѣлали опустошеній, потому что Хмельницкій строго запретилъ имъ это. «О, если бы у насъ въ коронномъ войскѣ была такая дисциплина!» говорили тогда поляки. За то и козаковъ не трогали по дорогамъ. Сынъ Хмельницкаго, въ сопровожденіи небольшаго отряда, провезъ мимо Львова нѣсколько десятковъ возовъ, нагруженныхъ добычею; никто на него не нападалъ.

Отступивъ отъ Львова, Хмельницкій еще разъ хотѣлъ было отложить непріязненныя дѣйствія и дожидаться окончанія сейма, но козаки, возбуждаемые преимущественно Чорнотою, подняли ропотъ и кричали: «Пане гетмане, веди на Польщу!»

Замостье, теперь сильнѣйшая крѣпость въ Царствѣ Польскомъ, принадлежало тогда фамиліи Замойскихъ, отъ которой и получило названіе, и уже въ то время было сильною защитою королевству, какъ по своему неприступному положенію, такъ и по искусственнымъ укрѣпленіямъ; съ юга защищалъ его огромный прудъ, съ сѣвера и запада—непроходимыя болота, а съ востока—ровъ, чрезвычайно широкій и глубокій, наполненный водою; надъ нимъ возвышалась огромная стѣна. Поперекъ всей стѣны проведенъ былъ толстый выступъ, препятствовавшій приставъ-

[1]) Rel Grozw. Kr. m. Lw. 317.
[2]) Кр. истор. о бунт. Хм. 10.

152485

Саратов. Областная
БИБЛИОТЕКА
КНИГОХРАНИЛИЩЕ.
Digitized by Google

лять лѣстницы; семь круглыхъ башенъ защищали стѣну, а между башнями и самою стѣною поставлены были пушки такъ искусно, что издали нельзя было ихъ примѣтить. Въ стѣнѣ были сдѣланы отверстія для стрѣльбы въ разныхъ мѣстахъ. Сама стѣна была такъ толсто наполнена землею, что наверху ея могла свободно оборачиваться карета въ шесть лошадей. Іеремія Вишневецкій собралъ туда 10,600 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было 1,500 пѣхоты собственной команды коменданта Вайера, славившагося тогда знаніемъ военнаго дѣла. Кромѣ того, въ Замостьѣ было четыре тысячи шляхты бельзскаго воеводства, шляхтичи воеводствъ холмскаго и волынскаго, составлявшіе резервъ, восемьсотъ человѣкъ постоянной стражи и до тысячи человѣкъ мѣщанъ, взявшихъ оружіе; были тамъ люди разныхъ націй: армяне, шотландцы, нѣмцы; слуги, хоть и годные къ бою, не считались въ числѣ военныхъ людей. Пороха было довольно; пушекъ, за исключеніемъ поставленныхъ на мѣстахъ, оставалось еще большое количество въ резервѣ, а ружей было такъ много, что, по увѣренію современника, на каждое окно приходилось по пяти; притомъ у многихъ дворянъ они были трехствольныя. Въ случаѣ долговременной осады, крѣпость и городъ не боялись голода: каждый житель обязанъ былъ запастись припасами для себя и для поставленнаго у него на квартирѣ жолнѣра на полгода, а кто не могъ этого сдѣлать, тотъ былъ высылаемъ изъ города; такимъ образомъ, въ Замостьѣ не было и многолюдства, пагубнаго во время обложенія. Оставшіеся въ Замостьѣ написали на сеймъ, что не могутъ прибыть въ Варшаву по той причинѣ, что должны защищать важный пунктъ въ королевствѣ. Главнымъ начальникомъ, собственно города, былъ Владиславъ Мышковскій, староста гродецкій. Всѣ эти распоряженія были сдѣланы Вишневецкимъ, котораго паны и жолнѣры избрали предводителемъ; онъ

Digitized by Google

сдѣлалъ все нужное для защиты крѣпости, и доставилъ части пилявскаго ополченія случай стереть съ себя стыдъ бѣгства. Самъ князь уѣхалъ въ Варшаву съ 400 человѣкъ.

Паны, собравшіеся тогда въ Замостьѣ, ненавидѣли королевича Яна Казимира, котораго Хмельницкій хотѣлъ видѣть королемъ, и послали на сеймъ извѣщеніе, что если будетъ идти дѣло объ избраніи кого-нибудь изъ братьевъ покойнаго Владислава, то они даютъ голосъ въ пользу старшаго брата Карла. Хмельницкій, быть можетъ, узналъ объ этомъ и рѣшился держать крѣпость въ осадѣ, чтобъ застращать противниковъ и, если нужно, силою оружія доставить престолъ Яну Казимиру, стороны котораго держался и канцлеръ Оссолинскій. Хмельницкій, приближаясь къ Замостью, имѣлъ, по сказанію поляковъ, до 80,000 войска, хотя это число ни въ какомъ случаѣ нельзя принимать за достовѣрное, тѣмъ болѣе, что большая часть ополченія русскаго вела гайдамацкую войну по окрестностямъ [1]).

Проходя отъ Львова къ Замостью, Хмельницкій былъ сопровождаемъ восторгомъ русскаго народа. Православные бѣжали къ нему на встрѣчу, величали освободителемъ; одни приставали къ рядамъ козаковъ, другіе сносили имъ запасы,—всѣ клялись въ ненависти къ католичеству и племени ляховъ. Кто только исповѣдывалъ православную вѣру, тотъ считалъ святымъ долгомъ помогать чѣмъ бы то ни было возстанію, хотя нѣкоторые изъ русскихъ потерпѣли тогда не только отъ татаръ, но и отъ своихъ православныхъ забіякъ [2]). Мѣстечки, населенныя католиками, унитами и жидами, безъ милосердія были истребляемы огнемъ и мечомъ. Въ Наролѣ русскіе произвели безчеловѣчныя убійства; въ числѣ погибшихъ былъ

---

[1]) Histor. belli cos. polon. 80, 83—89.—Annal. Polon. Clim. I. 87. 88.—Obsid. Zamosc.

[2]) Рукоп. И. П. Б. разнояз. F. № 5.

Digitized by Google

вы не захотите мира, о которомъ мы просимъ Бога, то ужъ тогда не отойдемъ отъ города, пока не исполнится приговоръ Божій: мы хоть не рады, а должны будемъ воевать съ вами. Сохрани Богъ! Лучше пусть теперь, когда мы дошли до васъ, Богъ дастъ намъ миръ, и мы счастливо дождемся новаго государя, кого Богъ намъ благословитъ. Мы же, въ особенности, желали бы себѣ природнаго государя королевича Яна Казимира: дай Господи, чтобъ довелось служить ему вѣрно, какъ мы служили блаженной памяти брату его Владиславу IV-му»...

Чрезъ два дня, комендантъ прислалъ гетману, отъ лица всѣхъ дворянъ въ Замостьѣ, отвѣтъ, исполненный увѣреній въ желаніи мира, но не заключавшій въ себѣ ничего рѣшительнаго. Дворяне извѣщали козацкаго предводителя, что и они желаютъ королемъ природнаго королевича, но не упомянули имени Яна Казимира, котораго не желали.

Въ то же время Хмельницкій, полагая, что Вайера, какъ иноземца, можно легко склонить, послалъ ему, черезъ плѣннаго нѣмца, письмо и приглашалъ поступить въ рыцарское товарищество съ козаками.

Вайеръ отвѣчалъ:

«Хотя вы, козаки, привыкли снискивать себѣ хлѣбъ саблею, но до сихъ поръ добывали его не отъ Рѣчи Посполитой, матери вашей, а отъ враговъ, въ чемъ мы всегда готовы быть вамъ товарищами, но противъ Рѣчи Посполитой помогать вамъ не станемъ. Я Вайеръ, не только дворянинъ Рѣчи Посполитой, но и сенаторъ и каштелянъ хелминскій; хотя у меня подъ командою войско непольскаго происхожденія, но состоитъ все изъ пруссаковъ и курлянцевъ,—все это сыны одной Рѣчи Посполитой. Впрочемъ, мы не подадимъ повода къ пролитію крови христіанской, если ваши желанія мира искренны». [1]).

---

[1]) Supplem. ad. Hist. Russ. monum. 181—184.—Рукоп. виленская.

Digitized by Google

Современникъ разсказываетъ, что получивъ отвѣтъ изъ Замостья, Хмельницкій со старшинами осматривалъ ровъ, который козаки копали для спуска воды изъ пруда. Въ это время ядро, брошенное со стѣнъ, чуть было не убило Хмельницкаго: съ тѣхъ поръ онъ постоянно жилъ въ Лабуняхъ и только навѣщалъ таборъ [1]).

Безуспѣшные переговоры и медленность Хмельницкаго породили въ толпѣ козаковъ ропотъ и даже негодованіе.

«Нашъ гетманъ такъ распился,—кричалъ обозный Чорнота,—что ни о чемъ не думаетъ, и страхъ овладѣлъ имъ. Какъ! мы побрали въ неволю гетмановъ, разсѣяли все польское войско, взяли окупъ со Львова, и теперь, Замостье, частная крѣпость одного поляка, не могла бы выдержать нашей силы; бѣда только, что панъ гетманъ началъ поблажать полякамъ, ведетъ съ ними тайныя сношенія и обманываетъ войско!»

Хмельницкій зналъ, говоритъ лѣтописецъ, что за голова былъ Чорнота, и приказалъ тотчасъ готовиться къ приступу [2]).

Гетманъ открылъ нападеніе тѣмъ, что пустилъ ядра и зажигательныя гранаты въ городъ; но однѣ не долетали, другія перелетали, а третьи хотя падали на крыши,—не причиняли большаго вреда. Дожидаясь рѣшительнаго приступа, поляки, съ колокольнымъ звономъ, ободряемые священною процессію съ св. дарами, выстроились къ бою; но козаки цѣлый день только играли на трубахъ, какъ будто для того, чтобъ изнурять враговъ безпрестаннымъ ожиданіемъ [3]). Между тѣмъ они наломали хворосту для забрасыванія рва, надѣлали соломенныхъ пуковъ для зажженія, приготовили изъ толстыхъ бревенъ осадную машину на колесахъ, называемую по-козацки *гуляй-горо-*

---

[1]) Obs. Zamośc.

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 89.—Hist. pan. Jan. Kaz. I. 36.

[3]) Obs. Zamośc.

Digitized by Google

дына, съ отверстіями для вставки пушекъ и ружей, и съ корзинами или ящиками, набитыми землею, для закрытія отъ непріятельскихъ выстрѣловъ [1]). Къ вечеру на сѣверной и на восточной сторонѣ появилась сплошная масса козаковъ. Хмельницкій отобралъ такихъ молодцовъ, которые еще не знали, какъ управляться съ оружіемъ, потому что до сихъ поръ обращались только съ косами да серпами, но за то болѣе всѣхъ шумѣли противъ предводителя,—выкатилъ сначала нѣсколько бочекъ горѣлки, потомъ загналъ всѣхъ въ гуляй-городыну и заперъ ее рогатками, а позади поставилъ старыхъ, настоящихъ козаковъ, приказывалъ имъ подгонять лѣнивыхъ и трусливыхъ и даже колоть, если они попятятся назадъ. По бокамъ поставлена была конница. Въ одиннадцать часовъ ночи поляки отвѣчали имъ такимъ сильнымъ огнемъ, что русскіе разстроились; бревна, сложенныя на-скоро, разсыпались; хлопы не умѣли хорошо стрѣлять и попадали въ стѣны, или на воздухъ; притомъ на полякахъ были панцыри, а на русскихъ свитки да кожухи! Покинувъ разоренное свое орудіе, они бросились на заднихъ козаковъ, прорвали ряды ихъ и привели всѣхъ въ безпорядокъ. Въ то же время, когда неопытная и буйная чернь выставлена была на убой подъ гуляй-городыною, Чорнота съ козаками зашелъ съ сѣверной стороны чрезъ болото, гдѣ стѣна была ниже, не защищалась башнями и гдѣ поляки не ждали видѣть козачества. Сначала, съ этой стороны, дѣло козаковъ шло удачно: они перешли ровъ и приставили къ стѣнѣ такія огромныя лѣстницы, что пятьдесятъ человѣкъ едва могли нести одну, но поляки поспѣшили туда, гдѣ нападалъ Чорнота, и отбили его. Самъ Чорнота лѣзъ, «какъ сорви-голова», говоритъ польскій лѣтописецъ, но былъ раненъ въ лядвею, упалъ съ лѣстницы и, не по-

---

[1]) Ann. Pol. Cl. I. 89—Hist. Pan. Jan. Kaz. I. 36.

Digitized by Google

лучая въ пору ни подкрѣпленія, ни содѣйствія, оставилъ приступъ. Тогда осажденные такъ расхрабрились, что двѣ тысячи человѣкъ сдѣлали вылазку на предмѣстье, гдѣ стоялъ Головацкій съ двѣнадцатью тысячами козаковъ; они напали неожиданно, захватили триста вьючныхъ лошадей и взяли въ плѣнъ сотника Метлу [1]..

Съ тѣхъ поръ козаки, хотя стояли три недѣли подъ Замостьемъ, но ужъ не оказывали ни малѣйшихъ непріязненныхъ поступковъ. Они даже перестали роптать на Хмельницкаго, особенно когда, посредствомъ гаданія (а въ гаданіяхъ, по замѣчанію современниковъ, они были большіе искусники) дознались, что судьба не дастъ имъ успѣха, сколько бы они ни трудились. Они пустили что-то огненное, на подобіе горящаго шара или ракеты, прямо на городъ по воздуху, такъ что осажденные думали, что хотятъ зажигать городъ; ракета, долетѣвъ до средины города, протянулась въ воздухѣ на подобіе копья, потомъ начала сгибаться и, наконецъ, приняла форму змѣи; хвостъ и голова сблизились, и тогда голова какъ будто начала кусать хвостъ. Видя это, козаки закричали: «*годі, теперъ, панове молодці, не наша доля*» [2]). Какая-то знаменитая ихъ чаровница Маруша объяснила имъ, что успѣха не будетъ. Съ тѣхъ поръ они ужъ не воевали [3]).

Начальникъ Замостья, пользуясь бездѣйствіемъ козаковъ, послалъ къ Хмельницкому съ просьбою не разорять замка пана Замойскаго. Этотъ замокъ стоялъ посреди пруда съ южной стороны крѣпости: комендантъ предлагалъ помѣстить тамъ для охраненія козацкій гарнизонъ.

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 89—90.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 36—38.—Hist. pan. Jan. Kaz. I. 31.—Hist. ab. exc. Wład. IV. 25.—Stor. delle guer. civ. 60. Engel. Gesch. der Ukraine. 154.

[2]) Hist. belli cosac. polon. 90.

[3]) Obsidio Zamosc.

Digitized by Google

Хмельницкій отвѣчалъ: «Удивительно, что вы заботитесь о сохраненіи пустаго дома болѣе, чѣмъ о многолюдномъ городѣ, въ то время когда есть средство сойтись съ нами, если только вы не станете пренебрегать своимъ дѣломъ».

Получивъ такой отвѣтъ, паны послали спросить, что онъ разумѣетъ?

«Такъ какъ намъ извѣстно,—писалъ Хмельницкій,—что владѣтель Замостья обращался всегда человѣколюбиво съ русскимъ народомъ, такъ какъ, притомъ, приходитъ пора снять лагерь, то я соглашаюсь отвести козаковъ въ Украину, если мнѣ дадутъ небольшую денежную сумму для удовлетворенія татаръ».

На это Мышковскій написалъ: «Мы согласны заплатить пану Хмельницкому 20,000 польскихъ злотыхъ, если козацкій предводитель исполнитъ слѣдующія условія: во-первыхъ, оставитъ въ цѣлости замокъ, о которомъ ужъ было говорено; во-вторыхъ, запретитъ козакамъ разорять костелы, замки и имѣнія сосѣднихъ дворянъ — все, что осталось еще неповрежденнымъ; въ-третьихъ, не будетъ отдавать въ плѣнъ побѣжденныхъ и, въ-четвертыхъ, если, по полученіи суммы, воротится въ Украину».

Хмельницкій согласился на все, но получивъ сумму, написалъ коменданту: «Я не могу возвратиться въ Украину, пока не придутъ въ мой станъ козацкіе отряды, разосланные по окрестностямъ; однако, городу бояться нечего; даже вы получите отъ насъ пользу, если позволите козакамъ безъ оружія подходить къ городу и продавать скотъ и прочее, что они захотятъ сбыть; я же, съ своей стороны, увѣряю васъ, что всякъ можетъ безопасно выходить изъ города».

Комендантъ позволилъ, и тогда въ козацкомъ обозѣ открылась настоящая ярмарка: козаки продавали своимъ непріятелямъ скотъ и разныя драгоцѣнности: серебряные

Digitized by Google

кубки, чаши, платья, мѣха: все это было отнято у пановъ подъ Пилявою и продавалось теперь необыкновенно дешево. Тучный быкъ стоилъ талеръ. Нѣкоторымъ изъ поляковъ даже понравился такой торгъ, хотя отъ него поживлялись только богачи, а бѣдные, часъ отъ часу, приходили въ скудное положеніе, особенно оттого, что въ Замостьѣ открылся падежъ скота и лошадей [1]).

---

[1]) Hist. belli cosac. polon. 91—93.— Stor. delle guer. civ. 64.

Digitized by Google

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Избраніе Яна Казимира. — Королевское приказаніе. — Отступленіе Хмельницкаго въ Украину.—Прибытіе въ Кіевъ.—Патріархъ Паисій.

Наконецъ Хмельницкій узналъ, что избраніе новаго короля кончилось и кончилось такъ, какъ онъ хотѣлъ. Приступая къ Замостью, козацкій предводитель отправилъ въ Варшаву Яна Гирю, Гладкаго, Сокольницкаго и Дмитра Черкаскаго [1]) просить, чтобъ къ нему прислали коммиссаровъ для примиренія. Онъ велѣлъ имъ заявлять, что козаки желаютъ королемъ Яна Казимира и если сеймъ выберетъ этого королевича, то Богданъ Хмельницкій будетъ въ его волѣ. Такъ должны были говорить козацкіе посланцы и въ такомъ смыслѣ Хмельницкій послалъ съ ними письма нѣкоторымъ государственнымъ людямъ. 15-го ноября онъ послалъ на сеймъ ксендза каноника Гунцель-Мокрскаго, поручая ему письмо къ цѣлому сейму.

«Богъ всемогущій свидѣтель,—писалъ онъ,—что крайняя бѣда и неволя заставила насъ оскорбить величіе Божіе и васъ, милостивыхъ пановъ. Всему причиною двое пановъ. Первый—коронный хорунжій: онъ убивалъ на-

[1]) Акты Южн. и Западн. Рос. III. 284.

Digitized by Google

шихъ товарищей, мучилъ, сажалъ на колъ, отнималъ нашу собственность, чуть не запрягалъ насъ въ ярмо, дѣлалъ съ нами что ему нравилось. Второй панъ — князь Вишневецкій; когда, по разгромѣ кварцянаго войска, мы хотѣли воротиться на обычное мѣсто на Запорожье—онъ, не знаемъ по собственной ли злобѣ или по совѣту другихъ пановъ, нападалъ на насъ съ своимъ войскомъ, хваталъ козаковъ и нашихъ духовныхъ, сажалъ на колъ, буравилъ глаза и мучилъ ихъ другими способами. Защищая свою жизнь, мы, рады не рады, должны были двинуться съ войсками нашими и давать ему отпоръ, потому что съ одной стороны паны коммиссары Рѣчи Посполитой присылали намъ миролюбивыя письма, съ другой на насъ шло войско. Преслѣдуя князя Вишневецкаго, мы достигли Замостья, получивъ вѣрное извѣстіе, что князь Вишневецкій собирается воевать съ нами. Эти два пана всему причиною. Они своею алчностію и необузданностію чуть не до конца разорили землю. Князь Вишневецкій былъ у насъ въ рукахъ за Днѣпромъ, но мы его выпустили въ цѣлости, надѣясь на его дружелюбіе. Теперь мы посылаемъ къ вамъ его милость ксендза Мокрскаго, каноника, который засвидѣтельствуетъ, какъ я трудился, желая оставаться по прежнему вѣрнымъ слугою Рѣчи Посполитой. Просимъ отпустить намъ невольное прегрѣшеніе: самъ Богъ свидѣтель, что не мы виною. Просимъ не одобрить тѣхъ пановъ, которые всему злу причиною. Если же вы, милостивые паны, окажите намъ какую нибудь немилость и неблаговоленіе и не удержите виновниковъ войны, то мы поймемъ это такъ, что вы не желаете имѣть насъ своими слугами; а это причинитъ намъ великую скорбь. Ожидаемъ отвѣта чрезъ того же ксендза каноника Мокрскаго, а затѣмъ остаемся по прежнему вѣрными слугами вашими» [1]).

[1]) Акты Южн. и Зап. Росс. III. 285. Рукоп. виленская.

Digitized by Google

Избирательный сеймъ не былъ на этотъ разъ такъ буренъ и мятеженъ, какъ обыкновенно случалось. Правда, съ 6 октября по 17 ноября время проходило напрасно въ толкахъ о средствахъ защиты, о частныхъ правахъ и разныхъ формальностяхъ, хотя Кисель еще 10 октября представлялъ, что единственное средство утишить возникшія междоусобія — какъ можно скорѣе выбрать короля. «У этихъ хлоповъ—говорилъ онъ—ничего не значитъ величіе республики.—А що то есть Речь Посполита? мы сами Речь Посполита, але король—то у насъ панъ!—Хмельницкій въ письмахъ своихъ ко мнѣ и другимъ лицамъ не хочетъ и знать, будетъ ли Рѣчь Посполитая именовать его гетманомъ. Онъ пишется гетманомъ войска его королевскаго величества. Король у нихъ, хлоповъ, что-то божественное» [1]). По мѣрѣ того, какъ узнавали объ успѣхахъ Хмельницкаго, очевидная опасность заставляла думать о скорѣйшемъ избраніи главы государства. Сначала входила въ силу партія Ракочи, седмиградскаго князя. Іеремія Вишневецкій былъ за него и приводилъ въ доказательство, что венгерцы во всемъ похожи на поляковъ и въ нравахъ и въ образѣ жизни, а потому съ ними должны соединиться; одно только препятствовало Ракочи быть польскимъ королемъ, онъ былъ не католикъ; но полякамъ памятенъ былъ примѣръ Стефана Баторія и многозначительны слова Сигизмунда III, который говорилъ, что для польской короны можно сдѣлаться не только католикомъ, но даже іезуитомъ. Эта партія, однако, не была многочисленна; притомъ же тогдашній седмиградскій князь Стефанъ Ракочи въ то самое время умеръ, оставивъ наслѣдникомъ сына Георгія. Другая партія хотѣла оставить польскій престолъ въ родѣ Вазы, слѣдуя совѣту духовныхъ, изъ которыхъ одинъ, Стефанъ Вышга, предъ самымъ началомъ сейма

---

[1]) Jak. Michał. 238.

Digitized by Google

произнесъ проповѣдь и привелъ въ ней кстати текстъ изъ книги Царствъ: «изберите себѣ царя изъ сыновей господина вашего, того, который вамъ понравится, и посадите его на отцовскій тронъ».

Два сына Сигизмунда, Карлъ и Казимиръ, оба находившіеся въ духовномъ званіи, были кандидатами. Во время сейма одинъ сидѣлъ въ Непорентахъ, а другой въ Яблонной, и оба дѣйствовали черезъ пановъ своихъ коммиссаровъ на сеймѣ. Козацкіе коммиссары сильно стояли за Казимира; его стороны держался и Оссолинскій. За Казимира старались посланникъ императора, французскій дворъ и шведская королева Христина. [1]) Говорятъ, что Оссолинскій рѣшилъ дѣло: онъ убѣдилъ Карла добровольно отказаться отъ своихъ претензій, представляя ему, что, въ противномъ случаѣ, отечество испытаетъ ужасные безпорядки, когда Хмельницкій готовъ будетъ воевать за Казимира. Карлъ отказался; а Янъ Казимиръ 17 ноября былъ избранъ королемъ, несмотря на то, что бывъ королевичемъ, вступилъ въ іезуитскій орденъ и получилъ отъ папы кардинальскую шапку,—несмотря даже и на то, что не всѣ желали видѣть его королемъ и многіе имѣли о немъ дурное мнѣніе [2]). Но у ляховъ, хотя ихъ и большое скопленіе было въ Варшавѣ, были заячьи уши, говоритъ лѣтописецъ русскій: такой страхъ ими овладѣлъ, что какъ послышатъ трескъ сухаго дерева, такъ готовы безъ памяти бѣжать къ Гданску, и сквозь сонъ не одинъ тогда кричалъ: «Хмельницкій идетъ!» Оттого они всѣ только и думали, какъ бы примириться съ грознымъ побѣдителемъ, и согласились на избраніе Яна Казимира преимущественно для того, чтобъ угодить козакамъ и избавиться отъ дальнѣйшихъ разореній [3]). Едва только большинство стало на-

[1]) Stor. delle guer. civ. 50—51.—А. Ю. и З. Р. III. 286.

[2]) Histor. belli cos. polon. 93.

[3]) Истор. о през. бр.

Digitized by Google

клоняться въ пользу Яна Казимира, паны тотчасъ послали къ Хмельницкому ксендза Ансельма съ извѣстіемъ.

Хмельницкій очень былъ доволенъ.

«Того только я и ждалъ,—сказалъ онъ,—чтобъ было къ кому прибѣгнуть въ тяжкихъ несчастіяхъ своихъ: настояща бѣда не зъ моей причини сталась, а все одъ дурнихъ старостівъ и відъ лядскои старшини, котора намъ велики шкоди чрезъ аренди польски робила, да и того лиха наробила. Я не на кровь всенародную иду, а одъ настоючихъ на мене войскомъ ся бороню» [1]).

Немедленно онъ послалъ въ городъ извѣстіе и такъ писалъ:

«Избирательный сеймъ кончился. Козаки, какъ дѣти одного отечества, подавали голоса свои и, ради ихъ, поляки согласились избрать Яна Казимира. Но козаки такъ любятъ короля своего, какъ дѣти отца; и пока онъ не будетъ коронованъ, войско запорожское не выйдетъ изъ Польши, а будетъ стоять для охраненія особы его величества. Предлагаю гарнизону въ Замостьѣ отворить намъ теперь ворота, какъ согражданамъ и пріятелямъ» [2]).

Вѣсть объ избраніи Яна Казимира очень не понравилась въ Замостьѣ: паны видѣли въ новомъ королѣ орудіе Оссолинскаго и антиреспубликанской партіи [3]); однако, скрывая неудовольствіе, угостили и одарили козацкаго трубача и отослали назадъ съ такимъ отвѣтомъ:

«Мы, находящіеся въ Замостьѣ, всѣ благодаримъ пана Хмельницкаго за то, что его трубачъ принесъ намъ извѣстіе, котораго мы чрезъ почту не могли получить, по причинѣ военныхъ безпорядковъ. Но слышали и мы, что Янъ Казимиръ, избранный королемъ, двинулся уже къ Замостью

---

[1]) Woyn. dom. Ч. I. 41.—Лѣтоп. Мал.

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 91.

[3]) Hist. belli cosac. polon. 95.

Digitized by Google

для успокоенія несогласій нашихъ; прибывъ сюда, онъ узнаетъ, кто изъ насъ нападаетъ на отечество, а кто его защищаетъ».

Между тѣмъ комендантъ послалъ Хмельницкому въ подарокъ четыре боченка отличнаго вина [1]).

19-го ноября явился въ козацкій таборъ другой посланникъ отъ самого новоизбраннаго короля, шляхтичъ русской вѣры, Яковъ Смяровскій. Козаки встрѣтили его съ распущенными знаменами, били въ котлы, играли на трубахъ, стрѣляли изъ пушекъ.

Услыша такое неожиданное смятеніе въ непріятельскомъ обозѣ, осажденные испугались было, особенно когда до нихъ долетали слова: «ой тепера прійшовъ сирота до Замостья отворити ворота!» У козаковъ было преданіе о какой-то пушкѣ огромной величины, которую нѣкогда москвитяне везли въ Кіевъ и бросили на дорогѣ: эта пушка въ народѣ слыла подъ именемъ сироты, а потому осажденные подозрѣвали, не получили ли козаки свѣжей помощи и не предпринимаютъ ли приступа [2]).

Но королевскій посланникъ привезъ Хмельницкому отъ имени короля приказаніе отступить въ Украину и тамъ дожидаться его коммиссаровъ.

«Я избранъ польскимъ королемъ—писалъ король—по единодушному согласію обоихъ народовъ, такъ какъ ты самъ, Хмельницкій, требовалъ этого пламенно въ нѣсколькихъ письмахъ своихъ и частныхъ и посланныхъ къ сенату. Признай же во мнѣ верховнаго намѣстника великаго Бога, не опустошай по-непріятельски областей польскихъ и перестань разорять моихъ подданныхъ. Отступи отъ Замостья; я желаю, чтобъ это было первымъ доказательствомъ твоего послушанія. Вспомни, что воинъ не

[1]) Pam. do pan. Zygm. III. Wł. IV i Jan Kaz. II. 39. — Annal. Polon. Clim. I. 1.—Obs. Zamosc.

[2]) Histor. belli cosac. polon. 95.

Digitized by Google

есть разбойникъ и грабитель; ты не варваръ, а христіанинъ. Избавь народъ отъ убійствъ, а себя отъ безславія».

«Повинуюсь королевскому приказанію,—сказалъ козацкій предводитель, — ибо увѣренъ, что скоро разсудятъ меня» [1]).

Гетманъ былъ очень веселъ, пилъ съ посломъ за здоровье короля при громѣ пушекъ и сказалъ:

«Вотъ, еслибъ вы, еще лѣтомъ, на конвокаціи, выбрали короля, не было бы того, что сдѣлалось. Хорошо, что выбрали Яна Казимира, а еслибъ выбрали другаго, такъ я пошелъ бы въ Краковъ и далъ корону тому, кому бы захотѣлъ» [2]). Онъ тотчасъ послалъ трубача въ Замостье.

«Не подумайте, чтобъ съ моей стороны была какая нибудь хитрость—писалъ онъ—и приготовляйтесь принять съ должною честью посла его величества».

Паны отвѣчали, что готовы принять его и, чрезъ нѣсколько часовъ, явился въ городъ Смяровскій.

«Завтра я ухожу съ войскомъ—писалъ Хмельницкій,—по приказанію его величества, а потому теперь слѣдуетъ вамъ веселиться и быть вѣрными своему государю» [3]).

Тогда, говоритъ современникъ, поляки кричали для вида: «многая лѣта королю Яну Казимиру», а шопотомъ приговаривали: «еслибъ эти многая лѣта кончились прежде, чѣмъ онъ вступитъ на престолъ!» Иные толковали тогда же, что «отъ новаго короля нечего ждать добраго, потому что самое имя его—Казимиръ, по-русски означаетъ сокрушителя мира» [4]).

24-го ноября козаки отступили, сдѣлавъ залпъ изъ пушекъ, и паны, освободившись отъ осады, вышли смотрѣть на мѣсто козацкаго обоза и пѣли тамъ: «Тебѣ Бога

---

[1]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 25.—Stor. delle guer. civ. 65.

[2]) Supplem. ad. hist. Rus. monum. 186.

[3]) Histor. belli cosac. polon. 95.—Annal. Polon. Clim. 1. 92.

[4]) Histor. belli cosac. polon. 96.

Digitized by Google

хвалимъ». Они удивлялись и поздравляли другъ друга съ спасеніемъ, которое казалось невозможнымъ при такомъ большомъ войскѣ непріятельскомъ. «Тогда — говоритъ современникъ – поляки шопотомъ говорили, что вѣрно Богъ послалъ на Хмельницкаго слѣпоту [1]), когда съ такими силами онъ не только не взялъ столицы и не покрылъ пепломъ всей Польши, но даже уклонялся отъ непріязненныхъ дѣйствій». Всѣ поступки Хмельницкаго со дня пилявской битвы казались для многихъ неразгаданными.

Изумленные татары спрашивали его, что значитъ такое внезапное отступленіе отъ города, въ которомъ они вѣрно надѣялись обѣдать. «Я подданный короля и слуга короля,—отвѣчалъ Хмельницкій,—и потому повинуюсь его повелѣнію!»

Самое неразгаданное до сихъ поръ обстоятельство въ исторіи этихъ дней то, что намъ остаются неизвѣстными причины, побуждавшія Хмельницкаго поддерживать съ такимъ напряженіемъ кандидатуру Яна Казимира. Несомнѣнно, что этотъ король обязанъ былъ достиженіемъ престола болѣе всего Богдану Хмельницкому, такъ какъ между панами Рѣчи Посполитой число его сторонниковъ было тогда невелико. Странно во всякомъ случаѣ, что Богданъ Хмельницкій, объявившій себя защитникомъ южно-русскаго народа и исповѣдуемой этимъ народомъ православной религіи, стоялъ за избраніе въ короли бывшаго іезуита и кардинала: ничто не подавало Хмельницкому надежды, чтобъ такой король сочувствовалъ стремленіямъ православнаго народа и вождя его. Богданъ Хмельницкій не могъ быть на столько простъ, чтобъ не предвидѣть, что такой король тотчасъ отнесется къ нему неблагосклонно, что̀ и случилось скоро. Надобно думать, что между Хмельницкимъ и Яномъ Казимиромъ, до избранія

[1]) Hist. ab. exc. Wl. IV. 25.

Digitized by Google

послѣдняго въ короли, существовало, посредственно или непосредственно, что-то тайное, намъ теперь неизвѣстное. Дѣйствительно, ѣздившій въ Варшаву въ это время гонцемъ московскаго царя дьякъ Григорій Кунаковъ сообщаетъ, что Янъ Казимиръ, будучи еще только королевичемъ, посылалъ къ Хмельницкому какого-то Юрія Ермолича съ граматою и давалъ обѣщаніе, если его выберутъ на престолъ, успокоить возникшую войну, не мстить войску запорожскому за прежнее и вольности русскаго народа подкрѣпить паче прежняго. Этотъ Юрій Ермоличъ, по словамъ того же Кунакова, остался въ козацкомъ войскѣ. Московскій дьякъ, по какому-то слуху дошедшему до него, прибавляетъ, что онъ состоитъ у Богдана Хмельницкаго писаремъ наивысшимъ [1]).

Возвращаясь изъ-подъ Замостья на Волынь съ войскомъ, Хмельницкій встрѣтилъ новыхъ пословъ отъ короля: то былъ посланный имъ ксендзъ Гунцель-Мокрскій и какой-то присланный панъ Гижовскій. «Начиная счастливо наше царствованіе,—писалъ король,—мы, по примѣру предковъ нашихъ, послали вамъ, какъ старшему въ вѣрноподданномъ запорожскомъ войскѣ, булаву и хоругвь, и обѣщаемъ вамъ возвращеніе древнихъ вашихъ рыцарскихъ правъ. Что касается междоусобія, которое, къ сожалѣнію, продолжалось до сихъ поръ, то мы сами теперь видимъ и соглашаемся съ вами, что причины его тѣ самыя, которыя вы изложили въ письмѣ вашемъ, а запорожское войско невиновато. Вы желаете, чтобъ запорожское войско состояло подъ властью нашею, независимо отъ украинскихъ старостъ: мы того же хотимъ и, уразумѣвъ отъ пословъ вашихъ ваше справедливое желаніе, желаемъ привести его въ дѣйствіе, чрезъ коммиссаровъ,

[1]) Акты Южн. и Зап. Рос. III. 285. Мы не знаемъ никакого Юрія Ермолича въ кругу вліятельныхъ лицъ около Хмельницкаго. Кунаковъ передѣлалъ въ Ермолича—Юрія Немирича.

Digitized by Google

какъ можно лучше. Относительно уніи, мы также хотимъ удовлетворить просьбу вашу надлежащимъ образомъ. А отъ васъ желаемъ, чтобъ вы, видя наше милостивое королевское къ вамъ благорасположеніе и готовность успокоить все нашею королевскою властью, возвратились въ вашъ край, распустили татаръ, дабы не было болѣе опустошенія нашему королевству, и ожидали къ себѣ коммиссаровъ нашихъ».

Хмельницкій былъ тронутъ этимъ письмомъ. Онъ видѣлъ въ немъ какъ бы продолженіе плановъ Владислава и Оссолинскаго. Онъ надѣялся и мирнаго успѣха возрожденія Руси, и возвышенія королевскаго достоинства въ Польшѣ посредствомъ козаковъ. Прибывъ въ Острогъ, гетманъ приказывалъ загонамъ прекратить свои набѣги, народу оставлять оружіе, и издалъ универсалъ къ дворянамъ. «Желаю,—писалъ онъ,—чтобъ, сообразно волѣ и приказанію его королевскаго величества, вы не замышляли ничего дурнаго противъ нашей греческой религіи и противъ вашихъ подданныхъ, но жили съ ними въ мирѣ и содержали ихъ въ своей милости. А если, сохрани Боже! кто-нибудь, упрямый и злой, задумаетъ проливать христіанскую кровь и мучить убогихъ людей, то, какъ скоро вѣсть объ этомъ дойдетъ до насъ, то виновный нарушитель мира и спокойствія, установленнаго его королевскимъ величествомъ, доведетъ Рѣчь Посполитую до погибели» [1]).

Ни поляки, ни русскіе не оставили непріязненныхъ дѣйствій. По уходѣ Хмельницкаго, нѣкто Якубъ Роговскій, выйдя изъ Замостья, кинулся на козацкій загонъ полковника Калины Воронченка и разогналъ его. Русскіе, съ своей стороны, сожгли домъ пана Замойскаго, стоявшій на озерѣ. И во всей Руси не переставало кровопро-

---

[1]) Supplem. ad histor. Russ. monum. 185—187.

Digitized by Google

литіе, несмотря на видимое миролюбіе предводителя, который, казалось, спокойно рѣшился ожидать судьбы своей отъ воли королевской [1]).

Хмельницкій прибылъ, въ первыхъ числахъ января 1649 года, въ Кіевъ. При звонѣ колоколовъ, при громѣ пушекъ, при радостныхъ восклицаніяхъ многочисленнаго народа, предводитель, со всѣми старшинами, въѣхалъ торжественно въ полуразрушенныя ярославовы золотыя ворота и, у стѣнъ св. Софіи, былъ привѣтствуемъ митрополитомъ и духовенствомъ; бурсаки академіи и училищъ пѣли ему латинскіе и украинскіе стихи. Козаки, говоритъ русскій лѣтописецъ, заплакали, увидя красоту церквей Божіихъ столицы св. Владимира на землю опроверженную [2]).

Самъ гетманъ сталъ грустенъ; что-то странное явилось въ его характерѣ: онъ то постился и молился, долго лежалъ ницъ передъ образами въ храмѣ; то совѣтовался съ колдуньями, которыхъ держалъ при себѣ три, и, пьяный, пѣлъ думы своего сочиненія; то былъ ласковъ и ровенъ въ обращеніи со всѣми, то суровъ и надмененъ; козачество все прощало ему [3]).

Въ Кіевѣ ожидалъ его дорогой гость Паисій, іерусалимскій патріархъ, ѣхавшій въ Москву. Отъ лица всего православнаго міра на востокѣ онъ приносилъ ему по-

---

[1]) Объ осадѣ Замостья и избр. кор. вообщ. см.: Histor. belli cosac. polon. 92—94. — Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 21—24. - Annal. Polon. Clim. I. 89—92.—Histor. pan. Jan. Kaz. I. 15—19.—Истор. о през. бр. — Памятн. кіевск. комм. I. 3. 307—311.— Suppl. ad histor. Russ. monum. 184.—Woyna dom. I. 41.—Кр. истор. о бунт. Хмел. 10.—Лѣтоп. Самов. 12—О малор. нар. и запор. 9.—Кр. опис. о козац. малор. нар. 36.—Latop. Jerl. 71.—Past. Hist. plen. 176—192. 316. 240—241.—Engel. Qesch. der Ukr. 154.

[2]) Истор. о през. бр.

[3]) Hist. pan. Jan. Kaz. I. 41

Digitized by Google

здравленіе и побуждалъ его на новую войну противъ ненавистнаго папизма.

Въ Литвѣ борьба съ русскимъ народомъ не прекратилась съ отступленіемъ Хмельницкаго: съ ожесточеніемъ рѣзались противъ пановъ литовскіе крестьяне, но неудачно. Въ декабрѣ, Горкуша, бывшій до того времени на Березинѣ, напалъ на Быховъ, дважды хотѣлъ взять его штурмомъ и дважды былъ отбитъ. Онъ отступилъ; Янъ Пацъ преслѣдовалъ его и, догнавъ у Поповой горы — замка, который былъ сборнымъ мѣстомъ для составленія загоновъ, разбилъ на голову. Кривошапка и Микулицкій шли, съ своими загонами, на выручку Горкуши, но услышавъ о его несчастіи, ушли въ Бабиновичи. Пацъ отправилъ отрядъ выгнать ихъ оттуда. Хлопы разбѣжались частью въ лѣсъ, а частью въ Стародубъ. Милоковскій, Ждановичъ и Горскій погнались за ними, имѣли на дорогѣ нѣсколько стычекъ, возвратили нѣсколькихъ плѣнныхъ дворянъ и дворянокъ, и достигли Стародуба. Стародубовцы просили пощады, увѣряли, что тѣ, которые воевали въ Литвѣ, ушли въ Мглинъ, а въ Стародубѣ остались невинные люди. По увѣренію литвина современника, шляхетство тогда пощадило городъ [1]).

Вслѣдъ затѣмъ Радзивиллъ напалъ на Мозырь, бывшій въ рукахъ Михненка. Прежде всего онъ отправилъ отрядъ, подъ начальствомъ Павловича, на овручскую дорогу, чтобы пресѣчь возможность удалиться козакамъ, а самъ повелъ войска свои на приступъ съ трехъ боковъ. Послѣ упорнаго боя, драгуны разломали палисады, т. е., тѣсно соединенныя между собою бревна, съ большимъ усиліемъ овладѣли валомъ и ворвались въ городъ. Упорство русскихъ приводило въ изумленіе непріятелей: они засѣли въ домахъ и стрѣляли изъ нихъ; городъ былъ зажженъ; русскіе про-

---

[1]) De rebus. gest. contra cos. 18—20.

Digitized by Google

должали бить враговъ среди пылавшихъ строеній, убиваемые падающими на нихъ крышами и стропилами. Самъ Михненко былъ схваченъ и сброшенъ съ башни. Другой предводитель, неизвѣстный по имени, былъ счастливѣе: онъ успѣлъ выбѣжать изъ развалинъ Мозыря и наткнулся на непріятельскій отрядъ; какой-то жолнѣръ схватилъ его, но поскользнулся, и козакъ, въ свою очередь, схватилъ его и умчалъ съ собою.

Отъ Мозыря Радзивиллъ отправился къ Бобруйску и неожиданно окружилъ его. Мѣщане просили пощады; русскіе священники умоляли Радзивилла о милосердіи. «Хотя — говоритъ современникъ — князь зналъ хорошо причину такого смиренія, однако разсудилъ, что истребленіе мѣщанъ будетъ вредно государству, а мятежа не уничтожитъ, и обѣщалъ мѣщанамъ цѣлость жизни и имуществъ, если только они всѣ, по одиночкѣ, выйдутъ за ограду города, выдадутъ знамена и начальниковъ возмущенія со всѣми, кто участвовалъ въ мужичьемъ возстаніи». Они согласились, и тогда народъ вышелъ толпою, дрожа отъ страха. Упорнѣйшіе мятежники зажгли башни и, защищаясь, погибли въ пламени города, ихъ предавшаго; начальникъ бросился въ воду, но его вытащили, привели къ гетману и посадили на колъ. Всѣ зачинщики были, подобно ему, посажены на колъ, а другимъ, кого только обвиняли въ участіи въ бунтѣ, рубили руки. Таково было положеніе дѣлъ въ Литвѣ до конца февраля 1649 г. [1]).

---

[1]) De rebus. gest. contra cos. Zap. 25—32.

Digitized by Google

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Положеніе Украины.—Сношеніе съ Крымомъ, Турціею, Молдавіею, Трансильваніею, Московіею.—Польскіе коммиссары въ Переяславлѣ.

Въ теченіе девяти мѣсяцевъ 1648 года Украина измѣнилась такъ, какъ не измѣнялась въ продолженіи вѣковъ: польскій аристократическій порядокъ рушился, сословія перемѣшались и слились въ понятіи русскаго козака; связь, соединившая Украину съ Польшею, была, повидимому, разорвана; но переворотъ оставался неконченнымъ; еще кипѣло броженіе, и кто могъ отгадать, что изъ него выйдетъ? Сосѣднія державы, которыя находились съ Польшею во враждѣ, искали тогда своихъ выгодъ въ связи съ Украиною.

Крымское царство могло много выиграть отъ этого переворота. И Московское Государство и Польша, страны, непріязненныя между собою, обѣ испытывали дикую силу татарскихъ полчищъ. Но отважные козаки, стоя на границѣ и Московскаго Государства и Польши, защищали, сами не зная того, и ту и другую державу, и не допускали татаръ пользоваться раздорами христіанъ, ибо они постановили между собою обѣтъ охранять вѣру и не только не допускали мухаммеданъ вторгаться въ Московію и

Digitized by Google

Польшу, но еще не давали татарамъ покоя и въ ихъ собственныхъ жилищахъ. Теперь эти заклятые враги сами братались съ крымцами, искали помощи. Для Крыма была двойная выгода: старинные враги мирились съ татарами и вступали съ ними въ союзъ; слѣдовательно, Крымъ освобождался отъ козацкихъ набѣговъ и неразлучныхъ съ такими набѣгами грабежей; украинцы открывали крымцамъ путь въ Польшу; слѣдовательно, для самихъ крымцевъ былъ случай поживляться грабежемъ.

Въ подобныхъ отношеніяхъ козачество находилось и къ Турціи. Султаны жадно обращали взоры на Европу; Польша всегда была врагомъ турецкой державы. Издавна обѣ державы спорили между собою за Молдавію, которая переходила подъ власть то поляковъ, то турокъ. Когда въ Европѣ затѣвался крестовый походъ противъ турокъ, Польша, казалось, была первая держава, готовая пристать къ нему. Намѣреніе Владислава, возбуждавшаго къ войнѣ противъ невѣрныхъ и своихъ подданныхъ и чужія державы, естественно должно было усугубить вражду турокъ къ полякамъ. Турція, соединясь съ козаками, могла отомстить за все. Притомъ козаки издавна были самыми безпокойными врагами мухаммеданской державы: когда другіе христіане угрожали имъ только приготовленіями, воззваніями одни къ другимъ, козаки вели съ турками безпрерывную крестовую войну, о какой только мечтали европейцы. Туркамъ представлялся случай сдѣлать изъ отчаянныхъ враговъ себѣ союзниковъ и даже подчинить ихъ своей власти.

Мы видѣли что Исламъ-Гирей, хотя принялъ участіе въ козакахъ, но не рѣшался формально воевать противъ поляковъ. Но когда первое дѣло было удачно, и Хмельницкій отослалъ въ Крымъ плѣнниковъ, ханъ послалъ въ Польшу требованіе, чтобъ отдали ему дань за четыре года сполна — и татары оставятъ козаковъ, а въ против-

Digitized by Google

номъ случаѣ, если дань не будетъ заплачена въ теченіе сорока дней, поляки должны ожидать его со всею ордою [1]). Примасъ, правитель государства по случаю междуцарствія, отвѣчалъ, что Польша не можетъ удовлетворить хана немедленно, но, чрезъ двѣ недѣли соберется сеймъ, на которомъ постараются о средствахъ выплатить жалованье, которое поляки не хотѣли называть данью, и хотя они не имѣли войска, однако, увѣряли хана, что онъ, въ случаѣ нападенія, не найдетъ ихъ неготовыми [2]). Между тѣмъ, правитель отправилъ въ Константинополь посломъ пана Жебровскаго [3]) къ визирю Муссѣ-пашѣ и жаловался на Исламъ-Гирея; увѣрялъ въ совершенномъ благорасположеніи Польши къ Турціи, и просилъ, именемъ султана, низложить крымскаго хана, какъ непокорнаго своему властелину. Посредствомъ этого посольства, при пособіи французскаго посла, Польша стала было обезопасена со стороны Турціи. Визирь приказывалъ Исламъ-Гирею немедленно отпустить польскихъ плѣнниковъ. Испуганный Исламъ-Гирей отдѣлывался тѣмъ, что походъ сдѣланъ мурзою безъ его вѣдома, и проволакивалъ время.

Но надежда поляковъ была недолговременна; въ августѣ сдѣлался переворотъ: султанъ Ибрагимъ былъ умерщвленъ янычарами; восьмилѣтній ребенокъ провозглашенъ султаномъ, подъ именемъ Мухаммеда IV, а капуданъ-паша Кападжиларъ овладѣлъ правленіемъ [4]). Исламъ-Гирей поспѣшилъ съ нимъ сблизиться и представлялъ, что мурзы его не выдадутъ польскихъ плѣнниковъ, потому что у поляковъ есть въ плѣну татары [5]). Визирь, дѣйствуя въ духѣ противномъ прежнему правительству, задумалъ лучше

---

[1]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 77.

[2]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 177.

[3]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 110.

[4]) Hammer. V. 452.

[5]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 21.

Digitized by Google

воспользоваться переворотомъ въ Украинѣ, для пріобрѣтенія себѣ выгодъ, и позволилъ Исламъ-Гирею поступить какъ угодно. И такъ крымскій ханъ сдѣлался явнымъ союзникомъ Хмельницкаго; съ одной стороны, онъ былъ уже обезпеченъ успѣхами Хмельницкаго, а съ другой увѣренъ, что турецкое правительство не станетъ ему мѣшать. По избраніи Яна Казимира Исламъ-Гирей написалъ ему поздравительное письмо и выразился въ немъ такъ: «Мы соединились съ козаками, потому что вашъ братъ и предшественникъ, Владиславъ, не отдалъ намъ поминковъ, слѣдуемыхъ по договору; за это мы задержали у себя вашихъ гетмановъ; если твоя королевская милость желаешь дружбы съ нами и не хочешь, чтобъ твое государство было опустошаемо, отдайте намъ задержанныя поминки, а если этого скоро не сдѣлаете, то ожидайте насъ къ себѣ, на то мы и вошли въ дружбу съ козаками. Впрочемъ, желаемъ твоей королевской милости долгоденствія и добраго здоровья» [1]).

Хмельницкій наблюдалъ за дипломатическими дѣлами очень искусно и, еще не выходя подъ Пиляву, отправилъ въ Константинополь съ самыми льстивыми предложеніями кропивенскаго полковника Джеджалія, природнаго татарина, знавшаго восточные языки [2]). Посольство это было успѣшно. По пріѣздѣ Хмельницкаго въ Переяславль, прибылъ къ нему изъ Турціи Джеджалій и съ нимъ посланникъ турецкій, Ага-Османъ [3]). Визирь извѣщалъ, что самое правительство турецкое будетъ помогать Хмельницкому, и уже дано приказаніе хану выступить на помощь козакамъ съ ордою, а силистрійскій паша пришлетъ турецкій отрядъ съ своей стороны. Хмельницкій постановилъ такой

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Рос. III. 245.

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 101.

[3]) Annal. Polon. Clim. I. 106.

Digitized by Google

договоръ, что турки будутъ ему помогать—и онъ отдастъ имъ значительную часть Польскаго королевства отъ Дуная до Люблина [1]), а Украина будетъ особенною Рѣчью Посполитою [2]). Козацкій предводитель не боялся ласкать турокъ обѣщаніемъ, что козаки будутъ находиться подъ покровительствомъ Турціи, какъ данники [3]). Джеджалій выхвалялъ турецкое правленіе и разсказывалъ, что христіане, находящіеся подъ властью султана, живутъ счастливо. Въ ознаменованіе вѣчнаго согласія и дружбы турокъ съ козаками, турецкій посланникъ заключилъ съ Хмельницкимъ договоръ: султанъ позволилъ козакамъ свободное плаваніе по Черному морю и по Архипелагу, предоставивъ право безпошлинной торговли на сто лѣтъ; въ Константинополѣ долженъ былъ жительствовать козацкій посланникъ въ особенной чести. Запорожцы обязывались, съ своей стороны, защищать турецкіе города и помогать туркамъ противъ разбоевъ, наносимыхъ донскими козаками [4]).

Прислали къ Хмельницкому пословъ господари Молдавіи и Валахіи [5]). Эти страны искали національной независимости и, по своему положенію, колебались между Турціею и Польшею. Обѣ державы издавна спорили за право леннаго господства надъ волохами (румынами), а потому господари необходимо должны были участвовать въ дѣлѣ Украины. Съ одной стороны, козаки были страшны для волоховъ, потому что заключили союзъ съ турками, отдавали туркамъ польскія земли, лежащія на сѣверъ отъ волошской (нынѣ молдавской) земли, и, такимъ образомъ, предавали волоховъ возможности быть совершенно порабощенными; съ другой,—они могли быть полезны для нихъ

---

[1]) Woyna dom. Ч. I. 45.

[2]) Woyna dom. Ч. I. 45.

[3]) Annal. Polon. Clim. I. 111.—Пам. кіевск. комм. I. 3. 306.

[4]) Собр. госуд. грам. и дог. Ш. 44.

[5]) Лѣтоп. Самов. 13.

Digitized by Google

и, при совокупномъ дѣйствіи, взаимно утвердить общую независимость. Когда Хмельницкій поднялъ знамя возстанія, молдавскимъ господаремъ былъ Василій Лупулъ или Лупула, какъ обыкновенно всѣ господари, достигшій власти кознями въ диванѣ. Онъ обладалъ большими богатствами, пріобрѣтенными сначала до своего господарства торговыми оборотами, а потомъ умѣньемъ пользоваться своею господарскою властью въ продолженіи долгихъ лѣтъ правленія. Но власти этой становили предѣлы молдавскіе бояре, отъ которыхъ онъ каждый день ожидалъ заговоровъ и, съ своей стороны, старался ослабить аристократію. Какой-то претендентъ въ то время оспаривалъ у Лупула престолъ: Лупулъ просилъ содѣйствія у козаковъ. Хмельницкій принялъ ласково посольство и отправилъ въ Молдавію отрядъ козаковъ, подъ начальствомъ своего сына, Тимоѳея, и Тугай-бееву орду, а между прочимъ надѣялся извлечь пользу собственно для себя. У молдавскаго господаря были двѣ дочери: старшая была замужемъ за княземъ Радзивилломъ; другая, Домна Розанда или Локсандра[1]), оставалась въ дѣвицахъ и славилась красотою. Хмельницкій изъявилъ послу желаніе посватать для сына молдавскую принцессу [2]).

Союза съ козаками искалъ трансильванскій князь Ракочи. Подобно тому, какъ украинскіе гетманы стремились доставить независимость Южной Руси, по крайней мѣрѣ, удѣльную, на счетъ Польши, седмиградскіе князья оспаривали свое владѣніе отъ притязаній габсбургскаго дома. Мы уже знаемъ, что, по смерти Владислава, Стефанъ Ракочи искалъ польскаго престола. Но этотъ претендентъ въ то время скончался. Когда избранъ былъ Янъ Казимиръ, сынъ Стефана Ракочи, Юрій, новый седмиградскій князь,

---

[1]) Hist. ab. exc. Wl. IV.

[2]) Истор. Рус. 84.

Digitized by Google

обратился къ Хмельницкому [1]), оставляя безъ вниманія на время или быть можетъ не зная того, что Хмельницкій болѣе всего содѣйствовалъ вступленію на престолъ Яна Казимира. Посланникъ Ракочи предлагалъ Хмельницкому вступить въ союзъ съ его государемъ и двинуться, весною, съ козаками на Варшаву въ то время, какъ венгерцы нападутъ на Краковъ, и такимъ образомъ обѣ столицы могутъ быть покорены въ одно время союзниками. «Если мой государь,—говорилъ посолъ,—получитъ польскую корону, то не забудетъ козаковъ и окажетъ имъ большую благодарность. Въ его царствованіе русская вѣра будетъ пользоваться одинакими правами съ римско-католическою, а гетманъ будетъ удѣльнымъ государемъ Украины и независимымъ владѣтелемъ Кіева». Мало могло выйти хорошаго для Украины изъ союза съ венгерцами. Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ, которымъ венгерцы были всегда врагами, ни одинъ не заключалъ въ себѣ столько элементовъ, противныхъ венгерской національности, какъ южно русскій.

Наконецъ явился къ Хмельницкому посолъ Алексѣя Михайловича московскаго царя, Унковскій съ товарищами. Они привезли гетману въ подарокъ собольи мѣха и ласковое слово его царскаго величества, какъ бы въ отвѣтъ на многократныя прошлогоднія просьбы Хмельницкаго объ оказаніи ему содѣйствія противъ поляковъ, выраженныя и въ его письмѣ къ самому царю и въ письмахъ къ пограничнымъ воеводамъ московскаго государства [2]). Царь уклонялся отъ разрыва съ Польшею, желалъ успѣха козакамъ, если въ самомъ дѣлѣ причина ихъ возстанія одна только вѣра; въ противномъ случаѣ, совѣтовалъ покориться предержащей власти [3]).

---

[1]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 363.—Лѣт. Самов. 13.

[2]) А. Ю. и З. Р. Ш. 207. 208. 215. 222. 228. 233.

[3]) Dyar. Miastk. въ Zbiorze pam. o dawn. Polsce. VI.

Digitized by Google

Хмельницкій созналъ, какую дивную перемѣну въ короткое время сдѣлала съ нимъ судьба, когда, будучи, за нѣсколько мѣсяцевъ, бѣднымъ изгнанникомъ, теперь увидѣлъ себя окруженнымъ послами владѣтельныхъ особъ; но онъ зналъ, что обязанъ всѣмъ русскому народу, и потому, среди величія, показывалъ себя человѣкомъ чисто народнымъ. Въ обращеніи съ послами, окруженный своими полковниками, козацкій предводитель сохранялъ не только простоту, но и грубость козацкой бесѣды. Онъ подчивалъ ихъ изъ золотыхъ кубковъ простою горѣлкою, самъ набивалъ для нихъ трубки, а жена его, одѣтая въ драгоцѣнныя убранства *«аки пяная, табаку мужу своему въ черепку ростирала»* [1]). Послы были удивлены братскимъ и грубымъ обхожденіемъ полковниковъ съ своимъ начальникомъ. Московскій посолъ, человѣкъ почтенный и обходительный, по замѣчанію современнаго польскаго дворянина, часто принужденъ былъ опускать въ землю глаза. Несмотря на радушный пріемъ, оказанный Хмельницкимъ послу Ракочи, венгерскаго аристократа возмущали грубые возгласы и степныя манеры козаковъ. Говорятъ, что онъ тогда же потихоньку вымолвилъ по латинѣ: Poenitet me ad istas bestias crudeles venisse [2]).

Недоставало польскихъ коммиссаровъ, а Хмельницкій дожидался ихъ болѣе мѣсяца: ему хотѣлось показать передъ чужеземными послами, какъ представители Рѣчи Посполитой, недавно презиравшіе козаковъ, какъ рабовъ своихъ, будутъ просить у нихъ пощады. Еще въ декабрѣ король, по согласію съ сенаторами, нарядилъ коммиссаровъ для заключенія трактатовъ съ козаками: сенатора Киселя, съ его племянникомъ, хорунжимъ новгородсѣверскимъ, молодымъ человѣкомъ русской вѣры, князя Чет-

---

[1]) Истор. о през. бр.

[2]) Т. е. я раскаяваюсь, что прибылъ къ этимъ свирѣпымъ звѣрямъ. Dyar. Miastk.

Digitized by Google

вертинскаго, Андрея Мястковскаго съ ихъ ассистенціею. Онъ поручилъ имъ объявить козакамъ прощеніе, вручить Хмельницкому знаки гетманскаго достоинства и, выслушавъ просьбы козаковъ, заключить съ ними условія. Нѣкоторые паны роптали противъ такого дружелюбнаго обращенія съ козаками. «Отъ Богдана Хмельницкаго и козаковъ,—говорили они,—сталось Рѣчи Посполитой такое разореніе, какого не бывало съ тѣхъ поръ, какъ Польша существуетъ, а король будетъ оказывать имъ честь! Нѣтъ, слѣдуетъ вести противъ мятежниковъ войну и карать ихъ до конца; не снесемъ такого безчестія; лучше всѣмъ намъ умирать, чѣмъ уступать своимъ хлопамъ».—Король на это отвѣчалъ: «если не допустимъ къ милости нашей Богдана Хмельницкаго и все войско запорожское, то придется ожидать еще худшаго: хлопское своеволіе не усмирилось; у Хмельницкаго орда крымская на-готовѣ, а на нашихъ коронныхъ и литовскихъ жолнѣровъ такое Божье наказанье, какого никогда не бывало. Поэтому, намъ нужно подумать о томъ, какъ-бы не навлечь на Рѣчь Посполитую окончательнаго разоренія. Припомните, паны, еще и то: козаки прежде служили своею кровью Рѣчи Посполитой и хотѣли ей добра, а чѣмъ имъ за это заплатили? насиліями и утѣсненіями! Они подняли мятежъ по крайней нуждѣ; все это дѣло гордыхъ пановъ, которые напрасно грабили и разоряли извѣчныхъ служакъ» [1]).

Польскіе послы выѣхали изъ Варшавы, въ началѣ новаго года, съ огромною свитою, по обычаю панскому и, доѣхавши до Случи, принуждены были остановиться и просили у Хмельницкаго провожатыхъ, потому что не надѣялись свободно проѣхать чрезъ мятежную Украину.

Хмельницкій выслалъ къ нимъ полковника Тышу съ козацкимъ отрядомъ, и они вступили въ Украину, встрѣ-

---

[1]) Акты Южн. и Запад. Росс. III. 288.

Digitized by Google

чая вездѣ слѣды опустошеній. Проѣдутъ нѣсколько верстъ— и попадется имъ на встрѣчу либо разоренный костелъ, либо обгорѣлые пни панскихъ дворовъ; не разъ встрѣчали они груды шляхетскихъ и жидовскихъ труповъ. Когда они проѣзжали черезъ русскія села, ихъ встрѣчали толпы народа, бранили ихъ, смѣялись надъ ними, и съ трудомъ разгоняли буйную чернь вооруженные козаки. На силу они могли добыть себѣ кормъ для лошадей, и то за дорогую цѣну: снопъ сѣна стоилъ тогда шесть флориновъ. Подъѣхавъ къ Кіеву, коммиссары получили пріемъ повѣжливѣе; къ нимъ выѣхали русскіе духовные: митрополитъ и архимандритъ печерскій съ знатнымъ священствомъ, привѣтствовали ихъ, какъ вѣстниковъ мира, и увезли съ собою въ городъ, гдѣ, по извѣстію современника Мястковскаго, Кисель имѣлъ секретный разговоръ съ митрополитомъ. Высшее православное духовенство, въ дѣлѣ народнаго возстанія, имѣло въ виду единственно вопросъ о вѣрѣ, а потому съ равнымъ участіемъ принимало и пановъ православной религіи, какъ и козаковъ, и нимало не раздѣляло ненависти народа противъ пановъ, которая, послѣ вѣры, была важнѣйшею причиною украинскаго возстанія.

Въ пятницу, 9-го февраля, прибыли коммиссары въ Переяславль. Хмельницкій выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу съ полковниками и сотниками; передъ нимъ несли бунчуки и красное знамя запорожскаго войска, какъ будто въ намекъ дворянамъ, которые привозили такіе же знаки отъ короля, что онъ уже и безъ королевскаго соизволенія пользуется гетманскимъ достоинствомъ по избранію народа. Послѣ нѣсколькихъ привѣтствій онъ сѣлъ по лѣвую руку воеводы на однихъ съ нимъ саняхъ. Когда они въѣзжали въ городъ, вдругъ изъ двадцати пушекъ выпалили на городскомъ валу.

Коммиссары приглашены были тотчасъ на обѣдъ къ

Digitized by Google

козацкому предводителю, гдѣ застали чужеземныхъ пословъ. Молодая жена Хмельницкаго угощала гостей.

Послѣ обѣда отвели коммиссарамъ квартиры по разнымъ улицамъ города, такъ чтобъ они не могли сходиться безъ того, чтобъ Хмельницкій объ этомъ не имѣлъ возможности узнать.

На другой день коммиссары спрашивали Хмельницкаго, гдѣ будетъ ему угодно назначить мѣсто для торжественной аудіенціи, на которой слѣдовало вручить ему знаки гетманскаго достоинства.

«На площади,—отвѣчалъ Хмельницкій,—потому что здѣсь нѣтъ такого дома, гдѣ-бъ могли помѣститься полковники и козаки».

Коммиссары оскорбились этимъ.

«Ясное дѣло,—говорили между собою молодые дворяне,—что Хмельницкій хочетъ унизить насъ предъ чужеземными послами и передъ всею чернью. Это обида Рѣчи Посполитой!»

«Нельзя противиться,—возразилъ старикъ Кисель:—мы въ рукахъ козаковъ. Не спорьте, господа, о мѣстѣ, чтобъ намъ не испортить всего дѣла».

10-го февраля назначенъ былъ день для аудіенціи. Часовъ въ двѣнадцать утра вышли послы на площадь. Хмельницкій стоялъ въ богатомъ собольемъ кобенякѣ, покрытомъ матеріею кирпичнаго цвѣта. Гетманъ былъ прикрытъ бунчуками. Вокругъ него полковники, каждый съ своею булавою, и вся старшина. Народъ и простые козаки толпились на улицѣ и на крышахъ домовъ. Были здѣсь и чужеземные послы. Когда коммиссары появились, загремѣли бубны и трубы. Кисель подошелъ къ Хмельницкому, неся въ одной рукѣ королевскую грамоту, а въ другой булаву, осыпанную сапфирами.

«Его величество,—началъ онъ:—посылаетъ ясновель-

Digitized by Google

можному гетману и всему войску запорожскому свою королевскую милость».

Это былъ приступъ приготовленной рѣчи. Одинъ изъ полковниковъ перебилъ его словами:

«Король якъ король, але вы королевенята, броите много, и наброилисте, и ты, Киселю, кість отъ костей нашихъ, одщепився и приставъ до ляхівъ».

Хмельницкій приказалъ ему замолчать. Помахивая булавою, отошелъ полковникъ съ негодованіемъ.

Тогда воевода подалъ Хмельницкому грамоту на гетманство и булаву, а хорунжій новгородсѣверскій, молодой Кисель, поднесъ красное знамя съ изображеніемъ бѣлаго орла и съ подписью Johannes Casimirus Rex. Хмельницкій принялъ и поблагодарилъ. Грамота была прочитана всенародно [1]). Но вдругъ въ толпѣ раздались голоса:

«На віщо вы, ляхи, принесли намъ сі цяцьки? Знаемъ мы васъ; хочете упьять насъ у неволю приборкати!»

Джеджалій выступилъ на средину и поддерживалъ народный говоръ.

«Хочуть насъ уловити,—говорилъ онъ,—щобъ ми ярмо панське зъ себе зкинувши, упьять наділи. Нехай злизнуть ваши солодки дари: уже теперъ насъ не зануздаете; не словами, а шаблею росправимось, коли хочете! Майте вы собі свою Польшу, а Украина намъ, козакамъ, нехай зостаеться».

Хмельницкій закричалъ на него съ досадою:

«Я придумавъ бувъ що-сь сказати панамъ, а вони одвітъ у мене зъ голови выбили!»

Потомъ онъ обратился къ панамъ и сказалъ:

«А що сталось, те сталось, треба то злому часу приписати».

Сказавъ это, онъ пригласилъ коммиссаровъ на обѣдъ.

---

[1]) См. грамоту въ пам. кіевск. комм. I. 361—366.

Digitized by Google

Предъ обѣдомъ Кисель хотѣлъ докончить свою рѣчь, которую прервали козаки на площади.

«Ваша вельможность, — говорилъ онъ, — принимаете отъ короля большіе знаки благоволенія. Его величество прощаетъ васъ и отпускаетъ навсегда всѣ прежніе ваши проступки, обѣщаетъ старинную вольность греческой религіи, умноженіе козацкаго реестроваго войска и возстановленіе прежнихъ правъ и преимуществъ войску запорожскому, а вамъ даруетъ начальство надъ войскомъ. Его величество надѣется, что вы, какъ вѣрный слуга и подданный, употребите, съ своей стороны, все стараніе, чтобъ остановить дальнѣйшія смуты и кровопролитія, будете внушать хлопамъ повиновеніе и немедленно приступите къ переговорамъ съ нами, коммиссарами его королевскаго величества и Рѣчи Посполитой».

Хмельницкій отвѣчалъ:

«Благодарю его королевское величество за милость, оказанную чрезъ вашихъ милостей: благодарю за врученіе команды надъ войскомъ и за прощеніе моихъ проступковъ, за все нижайше благодарю! Но что касается коммиссіи, то трудно теперь начать переговоры: войско не собрано, полковники и старшины далеко, а безъ нихъ я не могу и не смѣю ничего дѣлать».

За обѣдомъ разговоръ сталъ живѣе.

«Идетъ дѣло о здоровьи моемъ, — сказалъ Хмельницкій,—потому что я не получилъ удовлетворенія отъ Чаплинскаго и Вишневецкаго; надобно непремѣнно, чтобъ одинъ былъ мнѣ выданъ, а другой наказанъ: отъ нихъ вся причина кровопролитія и смутъ. Виноватъ и панъ краковскій—Потоцкій, зачѣмъ меня гналъ, когда я унесъ душу въ днѣпровскія ущелья; но онъ получилъ свое. Виноватъ и панъ хорунжій Конецпольскій за то, что у меня похитилъ отчину, Украину лащовщикамъ раздавалъ; а они обращали въ хлоповъ заслуженыхъ у Рѣчи Поспо-

Digitized by Google

литой молодцовъ, грабили ихъ, вырывали имъ бороды, запрягали въ плуги; но онъ не такъ виноватъ, какъ первые два. Изо всего этого ничего не выйдетъ, если одного не накажутъ, а другаго мнѣ сюда не пришлютъ: иначе, або мині зъ войскомъ запорожскимъ пропасти, або землі ляцкій, всімъ сенаторамъ, дукамъ, королькамъ и шляхті згинути. Мало ли этого, что кровь христіанская льется! Литовское войско истребило Мозырь и Туровъ; Янушъ Радзивиллъ сажаетъ русскихъ на колъ. Я послалъ туда нѣсколько полковъ, а Радзивиллу написалъ: если онъ одному изъ христіанъ такое сдѣлаетъ, то я тоже сдѣлаю четыремъстамъ плѣнникамъ польскимъ, которыхъ у меня много, и заплачу за свое».

Ксендзъ кармелитъ Лентовскій, пріѣхавшій съ коммиссарами, замѣтилъ:

«Ваша вельможность! быть можетъ, вѣсти эти изъ Литвы не совсѣмъ вѣрны».

Тогда Вешнякъ, чигиринскій полковникъ, крикнулъ на него.

«Мовчи, попе! твое то діло намъ то задавати? Ходино, попе, на двіръ: научу я тамъ тебе якъ запорожськихъ полковниківъ шановати!»

Онъ вышелъ изъ комнаты проворчавши: «и ваши ксендзї и наши попи усі ростаки-сини». Очевидецъ шляхтичъ увѣряетъ, что Вешнякъ ударилъ бы ксендза булавою, еслибъ близко сидѣлъ.

Таково было первое свиданіе.

Хмельницкій горячился болѣе и болѣе, и напрасно витіеватый Кисель хотѣлъ смягчить его вѣжливостями и комплиментами: полковники, по замѣчанію очевидцевъ, шипѣли, какъ будто гадины какія-нибудь въ болотѣ. Выслушавъ множество оскорбительныхъ выраженій, коммиссары разъѣхались. Воевода просилъ Хмельницкаго на слѣдующій день къ себѣ обѣдать.

Digitized by Google

На другой день, 11-го февраля, было второе воскресенье великаго поста. Народъ пьянствовалъ, и коммиссары отъ нечего дѣлать пошли глядѣть по городу. Они пошли въ церковь, гдѣ хотѣли поговорить съ московскимъ посломъ, но козаки допустили ихъ только обмѣняться съ нимъ комплиментами. Они зашли въ бывшій костелъ іезуитскаго коллегіума; все было разорено, перебито, алтари опрокинуты, гробы открыты; по надписи одного изъ гробовъ, гдѣ не было тѣла, паны узнали, что тамъ покоится прахъ основателя коллегіума Луки Жолкѣвскаго. «О, кавалеръ, достойный вѣчной памяти! — восклицали они:—и надъ тобою такое поруганіе, когда ты былъ староста переяславскій, воевода брацлавскій!»

Долго ждалъ къ себѣ Хмельницкаго Кисель. Козацкій предводитель пріѣхалъ уже вечеромъ, немного пьяный, въ сопровожденіи нѣсколькихъ полковниковъ, также какъ и онъ, не въ трезвомъ видѣ. Начались разныя колкости; козаки твердили о своихъ оскорбленіяхъ, какія прежде терпѣли отъ дворянъ, вспоминали, какъ паны ихъ заставляли исправлять хлопскія работы, какъ казнили мучительною смертью. Хмельницкій доказывалъ свою невинность и грозилъ отнять у поляковъ всю Русь. Воевода отвѣчалъ на придирки вѣжливостями. Послѣ того Хмельницкій обратился къ женѣ Киселя и весело закричалъ:

«Отрекитесь-ка вы, добрые православные паны, отъ ляховъ и останьтесь съ нами козаками. Згине ляцька земля, згине, а Русь буде въ тимъ року пановати!»

Хмельницкій, вдоволь натѣшившись надъ панами, уѣхалъ ночью на новую пирушку съ вольными товарищами.

На другой день, поутру, воевода отправилъ къ гетману своего племянника и князя Четвертинскаго испросить дозволенія начать переговоры. Они застали гетмана

Digitized by Google

за бесѣдою съ полковниками и старшинами. На столѣ стояла горѣлка. Козаки отправляли Ракочіева посла.

«Завтра буде справа и росправа,—закричалъ Хмельницкій,—завтра: бо я теперь пьяный, венгерьского посла одправую, та коротко мовлю: зъ теи коммиссіи нічого не буде; война мусить у тихъ трехъ або четырехъ неділяхъ початися: виверну васъ усіхъ, ляхівъ, до гори ногами и потопчу такъ, що будете підъ моими ногами, а напослідокъ васъ цареві турецькому въ неволю отдамъ. Король королемъ буде, щобъ король стинавъ шляхту и дуки и князи, аби вільный бувъ собі. Согрішить князь—уріжъ ему шію; согрішить козакъ—и ему тежъ учинити; ото буде правда! Я хоть собі лихій малій чоловікъ, але мині такъ Богъ давъ, що я теперь единовладний самодержець руській. Король не хоче королемъ вільнимъ бути, якъ ся ему видить. Скажіть се пану воеводі и коммиссарамъ. Страхаете мене шведами — и ті мои будуть, а хочь бы и не такъ, хочь бы ихъ було пьять-сотъ тисячъ — не подужають вони руськои запорожськои и татарьскои мочи. Зъ тимъ и йдіте: завтра справа й росправа».

Дворяне не нашлись отвѣчать на такую козацкую рѣчь и вышли прочь.

Обхожденіе Хмельницкаго приводило коммиссаровъ въ отчаяніе. Они не надѣялись болѣе на заключеніе мира и думали только выхлопотать возвращеніе плѣнниковъ, которыхъ Хмельницкій приказалъ было привести съ тѣмъ, чтобъ выдать коммиссарамъ.

23-го февраля воевода снова отправился къ Хмельницкому съ коммиссарами. Послѣдній разъ пытался Кисель смягчить его своимъ краснорѣчіемъ, и со слезами, по замѣчанію очевидца, упрашивалъ его пожалѣть, если не пановъ, то свое отечество.

«Вижу,—говорилъ онъ,—что ваша вельможность готовитесь отдать въ руки поганыхъ польскую и литовскую

Digitized by Google

землю и всю Русь, православную вѣру и святыя церкви наши. Если вамъ нанесена обида, если виненъ Чаплинскій—награда готова. Если войско запорожское недовольно малочисленностью или землями — король обѣщаетъ его вознаградить. — Отступитесь отъ мятежной черни; пусть хлопы воздѣлываютъ поля, а козаки воюютъ; пусть войска козацкаго будетъ пятнадцать, двадцать тысячъ, сколько вамъ угодно; если-жъ козаки непремѣнно хотятъ воевать, пусть лучше идутъ на поганыхъ, а не на христіанъ; король будетъ вамъ благодаренъ, если вы пойдете за границу».

Хмельницкій отвѣчалъ:

«Шкода говорити! Бувъ часъ трахтовати зо мною, коли мене Потоцьки ганяли за Дніпромъ, и на Дніпрі бувъ часъ, и після жовтоводськои, и після корсунськои играшки, и після Пилявецъ, и підъ Константиновымъ, и на остатокъ підъ Замостьемъ, и коли я зъ Замостья ишовъ шисть неділь до Киева, — а теперъ уже часу не маешь: теперъ уже я доказавъ те, объ чимъ и не мисливъ—докажу ще и те, що умисливъ. Вибью зъ ляцькои неволі народъ руській весь. Спершу я воювавъ за свою шкоду та кривду, теперъ воеватиму за віру православную нашу. Допоможе міні уся чернь по Люблинъ и по Краковъ, а я одъ неи не отступлю, бо то перва порука наша, бисте хлопівъ не знесли та у козакивъ не вдарили. Двісти, триста тисячъ своихъ матиму; орда уся стоить на Іогабі, ногайці на Саврані, близько мене Тугай-бей, братъ мій, душа моя, единий сокілъ на світі, готовъ все учинити що я схочу; вічня наши козацька пріязнь, которои світъ не розірве. За границю войною не піду; на турки и татари шаблі не підниму: буде зъ мене и Украини, Подоли, Волині; досить достатку въ княжестві нашемъ по Холмъ, по Львовъ и Галичъ. А ставши надъ Вислою, повідаю дальнішимъ ляхамъ: сидіть ляхи! мовчіть, ляхи!

Digitized by Google

Дуківъ, князівъ туди зажену, а будуть за Вислою кричати, я ихъ певне и тамъ знайду; не позостанеться ні одного князя, ні шляхтюка на Украині, а хочеть ли которий зъ нами хліба істи, нехай же віську запорожському послушний буде, а на короля не брика».

Говоря эти слова, гетманъ вскакивалъ съ мѣста, топалъ ногами, рвалъ на себѣ волосы. «Такъ разъярился,— замѣчали потомъ коммиссары,—съ такою фуріею кричалъ, что мы, слушая, подеревенѣли».

Полковники поддерживали своего предводителя:

«Уже минули ті часи, коли насъ сідлали ляхи нашими-жь людьми, були намъ страшні драгунами; теперъ ся не боимо, пізнали ми підъ Пилявцями, що товже не ті ляхи, що були колись, та били німці, та турки, та татари, се вже не Жолкевски, не Ходкевичи, не Конецпольски, не Хмілецьки, се Тхоржевськи, та Заенчковськи, діти у залізо поубірані, померли одъ страху скоро насъ узрили, и повтікали, хочь и татаръ не було. Въ середу тільки три тисячи пришло, а колибъ до пьятниці почекали, ні одинъ бы ляхъ живцемъ до Львова не втікъ!»

«Мене,—говорилъ Хмельницкій,—самъ святий патріарха у Киеви на ту войну благословивъ; вінъ мині велить кінчати ляхівъ: якъ же мині его не слухати, такого великого старшого, голови нашого, гостя любого? Уже я полки обіславъ, щобъ коней кормили, у дорогу готові були безъ возівъ, безъ гарматъ: знайду я то у ляхівъ! А хтобъ зъ козаківъ узявъ хоть одинъ візъ на войну, кажу ему голову сняти; не возьму и самъ жоднои коляси зъ собою, хиба юки та сакви».

«*Ни рацiи, ни персвазiи*,—говоритъ очевидецъ,—ничто не помогало. Послѣ такой пріятельской бесѣды, да вдобавокъ послѣ *скверного обѣда*, коммиссары разошлись».

Прошелъ еще день. Коммиссары стали побаиваться не только за плѣнниковъ, но и за самихъ себя. Хмельницкій

Digitized by Google

отправилъ пословъ московскаго и венгерскаго, одаривъ ихъ богато; польскіе коммиссары оставались какъ бы въ неволѣ, терпя отъ пьяныхъ мужиковъ оскорбленія и угрозы подъ окнами своихъ квартиръ. «Треба булобъ сихъ панівъ облупити, та въ Кодакъ відослати!» кричала чернь. Коммиссары еще разъ обратились къ гетману.

Но, къ удивленію коммиссаровъ, имъ сказали, что Хмельницкій не велѣлъ ихъ допускать къ себѣ. Хмельницкій совѣтовался со старшинами—съ какимъ отвѣтомъ отпустить коммиссаровъ.

«Теперь, вѣрно,—говорили въ страхѣ коммиссары—у нихъ составляется безбожный совѣтъ: или утопить насъ, или отослать въ Кодакъ».

Тогда они обратились къ Выговскому, надѣясь, что онъ самъ, какъ дворянинъ по происхожденію, заступится за лица одного съ нимъ сословія. Выговскій совѣтовалъ имъ подождать, чтобъ не гнѣвить гетмана.

Чрезъ нѣсколько часовъ пригласили коммиссаровъ къ гетману. Выговскій исходатайствовалъ имъ доступъ. Смѣлѣе всѣхъ показалъ себя Мястковскій.

«Что это значитъ, панъ гетманъ запорожскій? — сказалъ онъ:—для чего вы безъ отвѣта держите королевскихъ пословъ, будто въ плѣну? Миръ ли, война ли—пусть будетъ намъ извѣстно; отпустите насъ: и у невѣрныхъ въ неволю не берутъ пословъ!

Хмельницкій кинулъ на него свирѣпый взглядъ, досталъ изъ-подъ килима, которымъ былъ покрытъ столъ, бумагу и подалъ воеводѣ. Это были предложенныя условія слѣдующаго содержанія:

«1) Имья и память и слідъ уніи, котору на Русі широко видимъ—нехай не будеть.

«2) Римськимъ костеламъ до времени, а уніятскимъ не бути заразъ.

Digitized by Google

«3) Митрополита кіевскій, по примасі польскомъ, первое місто нехай иміеть.

«4) Между Русью воеводи, каштеляни и иние отъ благочестивихъ тубольці нехай будуть.

«5) Войско запорожское по всей Украині при своихъ вольностяхъ давніхъ да будеть.

«6) Гетьманъ козацькій до самаго маестату королевського нехай належить.

«7) Жиди зъ усіеи Украини заразъ нехай виступають.

«8) Іеремія Вишневецкій рейментарства надъ войскомъ нехай не иміеть никогда».

Прочитавъ эти пункты, коммиссары пожимали плечами и, поглядывая другъ на друга, не знали, что начинать. Наконецъ воевода началъ снова разговоръ.

«Здѣсь не все означено, — сказалъ онъ: — король не будетъ знать, сколько желаете имѣть войска; напишите число реестровыхъ козаковъ».

«На що ихъ писати? — отвѣчалъ Хмельницкій:—буде ихъ стільки, скільки я схочу!»

«Ваша милость, — сказалъ Мястковскій:—по крайней мѣрѣ, не откажите отдать королю его слугъ, нашихъ плѣнниковъ!»

«То речь завоевана. Нехай король не думае», отвѣчалъ гетманъ.

«Но и невѣрные,—сказалъ Мястковскій: — отпускаютъ плѣнниковъ. Мнѣ самому, девять лѣтъ назадъ, въ Константинополѣ, султанъ Ибрагимъ отпустилъ, на имя короля, нѣсколько сотъ плѣнныхъ изъ галеръ и своего серая. Ваша милость, панъ гетманъ, будучи подданнымъ и слугою его величества короля, взявъ отъ государя булаву и знамя, не хотите освободить слугъ и рукодайныхъ дворянъ своего государя, когда они были взяты не саблею, не на полѣ битвы, а на условіяхъ; не хотите отдать ихъ посламъ и коммиссарамъ его величества, а держите въ

Digitized by Google

неволѣ и морите голодомъ! Что-жъ мы должны подумать о вашей вѣрности, доброжелательствѣ и повиновеніи?»

«Шкода говорити!—отвѣчалъ Хмельницкій:—ихъ міні Богъ давъ; пущу ихъ, коли жодной защипки зъ Литви и відъ ляхівъ не буде. Нехай тутъ почекае Потоцькій брата свого, старосту камінецького, который міні Баръ мое місто заіхавъ на Подолі, кровъ христіянськую лье: казавъ туди полки рушити и живцемъ его до себе привести!»

«Но развѣ не то же дѣлаютъ козаки? — возразилъ Мястковскій:—въ Кіевѣ, днемъ и ночью, льется невинная кровь потоками въ Днѣпръ: однихъ ляховъ топятъ, другихъ варварски рубятъ; шляхту, обоего пола, остатокъ ксендзовъ... грабятъ, мучатъ. Нечай, полковникъ брацлавскій, опустошилъ всѣ костелы, ищетъ ляховъ подъ землею, и твердитъ, что такое приказаніе получилъ отъ тебя».

«Вольно міні тамъ рядити,—отвѣчалъ Хмельницкій:—мій Киевъ, я панъ и воевода кіевскій! Богъ міні давъ его навітъ безъ шаблі: шкода говорити!»

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, воевода снова обратился къ гетману.

«Ваша милость,—сказалъ онъ:—соглашаетесь ли, наконецъ, заключить трактатъ?»

Хмельницкій отвѣчалъ:

«Я уже сказалъ, что теперь нельзя: полки не собраны, да притомъ голодъ; коммиссія отложится до зеленыхъ святокъ, когда будетъ трава, чтобъ было чѣмъ пасти лошадей; а до того времени, чтобъ коронныя и литовскія войска не входили въ кіевское воеводство. Границею между нами Горынь и Припеть, а отъ брацлавскаго и подольскаго воеводствъ по Каменецъ».

Коммиссары хотѣли еще перемѣнить эти условія и предложили ему свои, но Хмельницкій перечеркнулъ ихъ и, такимъ образомъ, были въ тотъ день написаны условія

Digitized by Google

перемирія, въ смыслѣ сказанныхъ Хмельницкимъ словъ. Срокъ перемирію назначался до зеленыхъ святокъ [1]).

По заключеніи трактата, Кисель проговорилъ Хмельницкому рѣчь:

«Не помышляешь ты, пане-гетмане войска запорожскаго о будущемъ, потому что ослѣпленъ настоящимъ; ты омраченъ нашими бѣдами и смотришь только на свое счастье. Но счастье кому служитъ, того горше оставляетъ; оно подобно стеклу прозрачному, но хрупкому. Повѣрь, гетманъ, желаніе успѣха искушаетъ тебя не покидать войны: оставь гордость и усмотри, что изъ этой войны можетъ выйти. Ты хочешь спасти Украину, но погубить Польшу; думаешь укрѣпить вѣру, а ищешь покровительства турковъ и татаръ! Научись изъ того, что дѣлалось прежде тебя. Что думаютъ невѣрные? Они соболѣзнуютъ о тебѣ, чтобы послѣ истребить города русскіе, извести народъ русскій! Неужели ты думаешь, что ради восточнаго православія турки сдружились съ тобою? или ради козацкой славы добываютъ себѣ счастья? Если ляхи не помогутъ тебѣ своею силою, то живущіе около народы вспомнятъ давнія и свѣжія вины козаковъ, пробудится ненависть, и придутъ на васъ съ оружіемъ. Если поляки, литва, русь будутъ другъ друга губить, то они всѣхъ насъ завоюютъ. Хорошо быть тебѣ съ многомощнымъ королемъ, который и теперь снисходитъ къ тебѣ; но тяжко будетъ тебѣ его мщеніе, когда онъ вступится за оскорбленіе величества. Милость королевская, какъ дуга небесная, возвѣщаетъ миръ. Оставь гнѣвъ и надежду на брань; принеси во время покорность. Если же ты презришь моимъ совѣтомъ, то найдешь погибель благочестивой вѣры со всѣмъ украинскимъ народомъ, и кровь невинныхъ падетъ на твою душу».

---

[1]) См. перемирный трактатъ въ памят. кіевск. комм. I. 111. 61.

Digitized by Google

«Нельзя удержаться отъ меча,—отвѣчалъ Хмельницкій:—и до тѣхъ поръ будемъ держать его обнаженнымъ, пока станетъ жизни и не добьемся вольности: лучше голову положить, чѣмъ въ неволю воротиться! Знаю, что фортуна скользка, но справедливость да торжествуетъ! Короля почитаемъ какъ государя, а шляхту и пановъ ненавидимъ до смерти, и не будемъ имъ друзьями никогда! Если они перестанутъ намъ дѣлать зло, не трудно заключить миръ; пусть утвердятъ статьи мои! Если-жъ начнутъ хитрить, — война неизбѣжна въ отвѣтъ на ихъ коварныя мирныя предложенія. Плѣнниковъ я выдамъ на коммиссіи. Скажите это королю; кромѣ написанныхъ условій, ничего не будетъ».

Послы замѣтили, что у Хмельницкаго, во время произнесенія этой рѣчи, навертывались слезы.

Коммиссары сожалѣли, что не удалось имъ освободить плѣнниковъ, и придумали для этого иной путь. Они прослышали, что обозный Чорнота имѣетъ надъ гетманомъ силу, отправились къ нему и нашли его лежащимъ на похмѣльѣ. Они просили его походатайствовать предъ гетманомъ о выдачѣ плѣнниковъ. «Не піду,—сказалъ Чорнота:—я хворий: вчора зъ нимъ пили цілу нічь, тимъ и не здужаю. Але я ему не радивъ и не поражу выпущати пташокъ зъ клітки, та колибъ я бувъ здоровий, наврядъ ви сами вийшли-бъ відсіля!» Воевода выслалъ коммиссаровъ, остался съ нимъ наединѣ и, намеками на то, что Чорнота прежде имѣлъ неудовольствіе съ гетманомъ, обнадеживалъ его булавою. Козакъ отвергнулъ предложеніе пана и, слава Богу, говорили поляки, что не выявилъ секрета, а то-бъ они всѣ пропали. Однако, по всему видно, что слухъ объ этомъ распространился по городу, потому что вечеромъ были разставлены сторожа по валамъ, и народъ утопилъ нѣсколько слугъ изъ свиты Киселя, а многіе изъ нихъ отъ страха перешли къ козакамъ.

Digitized by Google

13-го числа, собираясь къ отъѣзду, послы отправили къ Хмельницкому сказать, что желаютъ съ нимъ проститься.

Гетманъ пригласилъ ихъ къ себѣ.

Воевода, по случаю подагрическаго припадка, который съ нимъ случился ночью, съ трудомъ могъ стать на ноги; его посадили въ сани и повезли во дворъ, гдѣ онъ не входилъ въ покои. Хмельницкій приказалъ запереть дворъ со всѣхъ сторонъ и позвать плѣнниковъ. Плѣнники явились предъ коммиссарами, блѣдные, съ заплаканными глазами. Хмельницкій подалъ воеводѣ условіе, написанное 24-го числа и теперь имъ подписанное, да, кромѣ того, два письма—къ королю и къ Оссолинскому. Въ заключеніе, онъ подарилъ воеводѣ сѣраго коня и шестьсотъ талеровъ; Кисель тутъ же отдалъ ихъ плѣнникамъ. Коммиссары еще разъ хотѣли смягчить Хмельницкаго относительно отпуска плѣнниковъ; плѣнники также присоединили свои просьбы, бросившись къ ногамъ побѣдителя, но гетманъ остался непреклоненъ. Тогда нѣкоторые просили, чтобъ ихъ лучше отдали татарамъ.

«Нехай Потоцькій,—сказалъ Хмельницкій,—підожде брата свого: тоді сего кажу посадити на палъ передъ містомъ, а того въ місті, та й нехай одинъ на другаго дивлються!»—Впрочемъ, послѣ этой угрозы, Хмельницкій не преминулъ подтвердить своего обѣщанія отдать плѣнниковъ на предстоящей коммиссіи. «Однако, не знаю,—замѣтилъ онъ,—каково кончится эта коммиссія, если молодцы наши не согласятся на двадцать или тридцать тысячъ реестровыхъ и не удовольствуются своимъ удѣльнымъ княжествомъ».

Прощаясь, Хмельницкій сказалъ, что причина, заставляющая его отлагать коммиссію, зависитъ не отъ него, а отъ козаковъ, потому что онъ не смѣетъ поступать

Digitized by Google

противъ воли рады, хотя и желалъ бы исполнить волю короля.

Изъ современной корреспонденціи видно, что самъ упрямый Вишневецкій, получивъ отъ сейма главное начальство надъ войскомъ, вызывался на мировую съ Хмельницкимъ и козаками. 20-го января онъ отправилъ къ козацкому гетману двухъ посланцевъ: Миронича и Бржостовскаго съ ласковымъ письмомъ; онъ радовался, что Хмельницкій обѣщаетъ покорность королю, сожалѣлъ о прошедшемъ, обѣщалъ, съ своей стороны, стараться чтобы все было предано забвенію. «Мои предки, — писалъ онъ,—были издавна доброжелательны запорожскому войску; нѣкоторые изъ нихъ вмѣстѣ съ вами проливали кровь въ битвахъ противъ враговъ св. креста, расширяя предѣлы Польской Короны, и я всегда былъ готовъ и теперь готовъ доказать вамъ свое расположеніе, если только вы останетесь вѣрны Коронѣ; въ такомъ случаѣ я вамъ обѣщаю прилежно стараться у короля, чтобъ вашей милости было отпущено ваше преступленіе: вы можете надѣяться на мое слово; въ дружбѣ моей не обманетесь. Ваша милость жалуетесь на непріязнь мою къ войску запорожскому, но вѣдь и я испыталъ непріязнь вашего войска, когда своевольныя шайки напали на меня подъ Константиновомъ, вѣроятно безъ воли своихъ старшихъ, почему и я, какъ водится на войнѣ, далъ отпоръ, но это не измѣняетъ моего расположенія къ войску запорожскому, особенно послѣ того, какъ я узналъ, что тѣ, которые на меня нападали, казнены смертью. Я желаю оставаться въ добрыхъ отношеніяхъ съ ихъ милостію козаками — народомъ рыцарскимъ; пусть только они останутся добрыми подданными единаго отечества и, по примѣру своихъ предковъ, обратятъ, вмѣстѣ со мною, грозную и смѣлую руку на непріятелей св. креста» [1]). Какъ

[1]) Рук. Публ. Библ. Hist. Pol. F. IV. 30.

Digitized by Google

принялъ Хмельницкій это посланіе — неизвѣстно, но послѣдствій оно не оказало; оно было составлено черезчуръ горделиво, чтобы склонить гордаго успѣхами Хмельницкаго къ мировой съ своими заклятѣйшими врагами.

Коммиссары уѣхали изъ Переяславля, потерявъ нѣсколько человѣкъ изъ своей свиты, которые передались къ козакамъ. За то нѣсколько плѣнниковъ успѣли уйти съ ними.

Когда коммиссары проѣзжали въ Бѣлогородку мимо Кіева, не смѣя заѣхать туда, потому что мѣщане города Кіева заранѣе просили Хмельницкаго, чтобъ паны ихъ не посѣщали, шляхтичи, католическіе духовные и евреи, уцѣлѣвшіе во время смутъ, желая убѣжать въ Польшу, явились въ Кіевъ, думали пристать къ свитѣ воеводы, и услышавъ, что коммиссары ѣдутъ мимо города, бросились за ними, чтобъ ихъ догнать; но русскіе преслѣдовали ихъ и, поймавъ, убивали. Нѣсколько ксендзовъ и монаховъ были привезены къ св. Софіи; тамъ привязали ихъ, одного къ другому спиною, къ санямъ, на морозѣ. Многихъ іудеевъ ограбили и искалѣчили. Только убѣжденія митрополита могли подѣйствовать на ожесточенныхъ кіевлянъ и спасти отъ смерти остальныхъ. Вслѣдъ затѣмъ, однако, гетманъ, для усмиренія безпорядковъ, не желая нарушить заключеннаго перемирія, поставилъ въ Кіевѣ и другихъ городахъ козацкую стражу, и бѣдные шляхтичи дышали свободнѣе, но всетаки, по замѣчанію очевидца, страшились ходить по ночамъ, особенно между пьяными [1]).

---

[1]) Dyar. Andrzeja Miastkowskiego, въ книгѣ Zbiòr pam. o dawn. Pols.— Памят. кіевск. комм. I. 3. 314—360.—Истор. о през. бр.—Annal. Polon. Clim. I. 107—109. — Histor. Jan. Kaz. I. 47.—Pam. do panow. Zygm III, Wład. IV. i Jan. Kaz. II. 52—55. — Лѣтоп. повѣств. о Мал. Росс. 125—126.—St. delle guer. civ. 44.—Engel. Gesch. der Ukr. 156—157.

Digitized by Google

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Сеймъ.—Три предводителя.—Походъ войска на Волынь.—Стычка съ волынскими загонами.—Ополченіе Украины.—Прибытіе хана.

Въ то время, когда коммиссары находились въ Украинѣ, въ Краковѣ, въ концѣ января 1649 года, послѣ торжественнаго коронованія Яна Казимира и присяги на храненіе свободы польскаго народа, собрался сеймъ. Главнымъ предметомъ совѣщаній была защита шляхетской націи отъ возстанія козаковъ и хлоповъ [1]). Но между послами возникло несогласіе: одни требовали нарядить судъ надъ предводителями пилявецкаго ополченія; другіе, подкупленные виновными за большія деньги, всѣми силами старались отклонить предложеніе. Король едва прекратилъ раздоръ и положилъ предать забвенію это дѣло, по причинѣ обстоятельствъ большей важности. Опредѣлили собрать 30,000 регулярнаго войска; назначили для поддержки его временной налогъ; въ случаѣ необходимости, сеймъ заранѣе далъ королю право собрать посполитое рушенье.

Разсуждали и спорили, кому вручить начальство надъ

[1]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 38.

Digitized by Google

войскомъ. Предъидущій сеймъ назначилъ региментаремъ (главнокомандующимъ) Вишневецкаго; но, по многимъ обстоятельствамъ, князь не могъ удержать этого достоинства. Янъ Казимиръ не любилъ его, бывъ еще королевичемъ, а сдѣлавшись королемъ, еще болѣе сталъ недоволенъ имъ за то, что онъ, при избраніи, держалъ сторону Ракочи; князя подозрѣвали даже въ тайныхъ сношеніяхъ съ венгерцами, ко вреду существующаго правленія. Придворные не терпѣли его; «они, замѣчаетъ лѣтописецъ, привыкли платить богатырямъ неблагодарностью» [1]). Вредило князю и ожесточеніе противъ него русскихъ; Хмельницкій, и послѣ попытокъ Іереміи къ примиренію, ставилъ главнымъ условіемъ мира, чтобъ не давали ему начальства надъ войскомъ. Непріязненные паны называли его виновникомъ смутъ. Ему становили въ вину, что онъ писалъ универсалы къ шляхтичамъ своего воеводства и призывалъ ихъ къ оружію, когда это было запрещено и походило на посполитое рушенье, которое могъ собирать только король [2]). Только горячіе католики и страстные рубаки прославляли князя по-прежнему. Сначала король предложилъ избрать гетмана, но кого ни предлагали, паны не соглашались. Многіе домогались булавы себѣ. Нашлись бы такіе, которые, еслибъ противъ ихъ желанія избранъ былъ гетманъ, стали бы выказывать свое неудовольствіе къ усугубленію бѣдствій отечества; притомъ существовала сильная партія въ пользу Потоцкаго и Калиновскаго, которые, по мнѣнію ихъ приверженцевъ, отнюдь не должны были терять своихъ званій. Поэтому король принялъ верховное начальство на себя, а въ видѣ его помощниковъ положили избрать снова трехъ предводителей. Это были: Фирлей каштелянъ бельзскій въ должности главнокоман-

---

[1]) Histor. panow. Jan. Kaz. I. 28.

[2]) Stor. delle guer. civ. 120.

Digitized by Google

дующаго, Ляндскоронскій и ученый Остророгъ. Фирлей былъ сѣдой старикъ, нечестолюбивый, кроткій человѣкъ, о которомъ говорили въ Польшѣ, что онъ медлилъ принимать почести даже и тогда, когда ему предлагали. Фамилія Фирлеевъ пользовалась такимъ добрымъ мнѣніемъ, что Сигизмундъ III называлъ ее самою благороднѣйшею въ Польшѣ. Самыя преклонныя лѣта его могли внушать уваженіе; своевольные паны устыдились бы противиться почтенному старцу. Притомъ, партія Потоцкаго была увѣрена, что онъ добровольно уступитъ свой санъ возвратившемуся изъ плѣна гетману. Всѣ эти обстоятельства руководили сеймомъ при его избраніи. Одно только многимъ не нравилось: онъ былъ реформатскаго исповѣданія [1]).

Весною, польское правительство получило отъ коммиссаровъ извѣстіе о неудачѣ коммиссіи. «Отечество въ опасности,—извѣщали они,—непріятельское войско на-готовѣ; земля русская поднимается; иноземная помощь приходитъ къ козакамъ; нѣтъ надежды на прочный договоръ. Мы употребляли все, что могла намъ внушить любовь къ отечеству и вѣрность королю, но увидѣли, что Хмельницкій думаетъ уже не о козачествѣ, а о независимомъ владѣніи въ русскихъ провинціяхъ, и хочетъ нахлынуть внутрь польскаго государства. Причиною тому какой-то патріархъ іерусалимскій, который далъ ему титулъ князя русскаго и сравниваетъ его съ Константиномъ Великимъ. Причиною тому также и посольство Ракочи. Надежды нѣтъ. Тугай-бей уже владѣетъ Савранью и Чечельникомъ. Вездѣ готовятъ оружіе. Хмельницкій принимаетъ къ себѣ и вѣрующихъ и невѣрующихъ въ Бога, людей всякой націи, всякаго поведенія, заключаетъ съ ними договоры, даетъ жалованье и вооруженіе. Остается и намъ закалять оружіе, гото-

[1]) Histor. pan. Jan. Kaz. l. 28.—Histor. belli cosac. polon. 97—98.—Korona pols. II. 160.

Digitized by Google

виться къ войнѣ, кому верхомъ, кому пѣшкомъ, либо склонять голову подъ ярмо презрѣнныхъ хлоповъ [1]).

Условія, предложенныя Хмельницкимъ, возбудили негодованіе въ сенатѣ; въ особенности требованіе сорока тысячъ реестроваго войска казалось ни въ какомъ случаѣ невозможнымъ [2]).

Поэтому приказано было предводителямъ идти съ войскомъ на Волынь. Число войска простиралось, по однимъ лѣтописцамъ до 12,000, по другимъ до 10,000, по третьимъ до 19,000 [3]), а по инымъ только до 9,000 [4]). Но за то

---

[1]) Miastk. Zbiór. pam. o dawn. Pols. IV. 281.—Памятн. кіевск. комм. I. 3. 367—371.

[2]) Hist. ab. exc. Wlad. IV. 40.—Опис. Мал. Рос. и Укр. 6.

[3]) Histor. panow. Jan. Kaz. 54. Крат. истор. опис. Мал. Рос. П.—Пов. о томъ, что случилось въ Украинѣ.—Stor. delle guer. civ. 143—164.

[4]) Кратк. опис. о коз. малор. нар 27.—О мал. нар. и о запор. 164 169.—По извѣстіямъ современника Коховскаго, составъ польскаго войска былъ въ такомъ видѣ: вся армія раздѣлялась на пять дивизій: Фирлея Ляндскоронскаго, Остророга, Вишневецкаго и Конецпольскаго; послѣднія двѣ еще пока не соединились съ первыми тремя. Дивизія Фирлея, имѣла четыре гусарскія хоругви, принадлежавшія собственно лично панамъ, подъ управленіемъ довѣренныхъ офицеровъ, называемыхъ поручниками, восемь хоругвей панцырныхъ, также носившихъ имена пановъ, девять хоругвей драгунскихъ и десять ротъ конныхъ драгунъ. Въ дивизіи Ляндскоронскаго было: пять гусарскихъ хоругвей знатныхъ пановъ подъ управленіемъ ихъ поручниковъ, девять хоругвей панцырныхъ, четыре хоругви острожской ординаціи и при нихъ нѣмецкіе рейтары, восемь хоругвей конныхъ драгунъ, два полка нѣмецкой пѣхоты. Третья дивизія Остророга заключала въ себѣ восемь панскихъ гусарскихъ хоругвей и 600 жолнѣровъ, шесть панцырныхъ, семь драгунскихъ конныхъ и три хоругви венгерской пѣхоты. Въ дивизіи Вишневецкаго было три гусарскія хоругви; самого Іереміи, племянника его Димитрія и знаменнаго съ поручниками и 1000 человѣкъ избраннаго рыцарства, содержимаго на счетъ князя. Дивизія Конецпольскаго состояла изъ одного гусарскаго полка, семи кварцяныхъ хоругвей подъ командою ротмистровъ, 300 человѣкъ над-

Digitized by Google

слугъ было гораздо больше чѣмъ вдвое противъ этого числа, ибо подъ Збаражемъ послѣ того насчитывали до 20,000 возовъ. Слуги были годны къ битвѣ при случаѣ. Войско должно было стоять въ совершенной готовности къ битвѣ, но не заходить въ глубину Украины, согласно требованіямъ Хмельницкаго, и не начинать битвъ съ козаками. Несмотря на то, что Хмельницкій далъ слабую надежду на примирительную коммиссію и заключилъ перемиріе до троицыной недѣли, загоны мятежныхъ хлоповъ завязали неправильную и кровопролитную войну съ начала весны. 5-го марта предводитель загона Гарасько взялъ Острогъ [1]), перерѣзалъ четыреста человѣкъ мѣщанъ, вѣроятно унитовъ и іудеевъ, и прогналъ изъ имѣнія владѣтельницу Анну-Алоизію [2]); дочь православнаго пана, внучка знаменитаго Константина, защитника православія, она приняла католичество: съ фанатическою ревностью преслѣдовала отеческую вѣру и навлекла на себя ненависть православныхъ. Другой загонъ напалъ на Корецъ; владѣтель его, Самуилъ Корецкій, едва спасся; замокъ разграбили; шляхту и іудеевъ перебили [3]). Полѣсье взбунтовалъ Кривоносенко, сынъ славнаго Максима, неменѣе отца кровожадный. Узнавъ о его подвигахъ, Ляндскоронскій бросился на него и заперъ въ Острополѣ; но когда Кривоносенко предложилъ за себя окупъ, Ляндскоронскій согласился, чтобъ не раздражить козаковъ, пока не кончился срокъ перемирію. Изъ многихъ тогдашнихъ загоновъ, примѣчателенъ загонъ Донца, овладѣвшаго въ концѣ мая Заславлемъ. Говорили, что у него была сестра чаровница,

---

ворнаго рыцарства Конецпольскаго, 400 человѣкъ конныхъ драгунъ и двѣ хоругви венгерской пѣхоты.

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 113.—Памят. кіевск. комм. I. 3. 357.

[2]) Korona pols. VII. Ostrożskich. 173—194.

[3]) Miastkow. Zbiór. pam. o dawn. Polsc. IV, 284.—St. delle guer. civ.

Digitized by Google

которая умѣла предсказывать будущее и, чародѣйственными заклинаніями способствовала успѣхамъ козаковъ: если козакамъ угрожала опасность, она совѣтовала избѣгать битвы; если же имъ суждено было побѣдить, она бодро гарцовала верхомъ впереди войска. Непріятельское оружіе долго ее не брало. Но когда Фирлей услышалъ о взятіи Заславля и поспѣшилъ на выручку города, Донецъ вышелъ ему на встрѣчу, не смотря на предостереженіе сестры. Чаровница кричала: «Уходи, уходи! Не здержишь брате!» Козаки не послушались ея и были разсѣяны. Чаровница была схвачена и казнена вмѣстѣ съ другою колдуньею, по имени Солохою. Послѣдняя предлагала полякамъ свое искуство и увѣряла, что съ ея помощью они будутъ одерживать побѣды. Однако, поляки не послушали ее и посадили на колъ. «Видно,—говорили они:—что ея чародѣйство приноситъ вредъ тѣмъ, кому захочетъ она помогать, потому что повредило козакамъ» [1]).

Главный станъ польскихъ войскъ былъ подъ Константиновомъ. Отряды ходили оттуда во всѣ стороны по Волыни, для укрощенія загоновъ. Такимъ образомъ отняты были у козаковъ Звягель, гдѣ перебили всѣхъ русскихъ, и Баръ. Послѣдній городъ былъ взятъ хитростью. Ляндскоронскій отрядилъ туда триста молодцовъ пѣшкомъ и сто пятьдесятъ драгунъ. Въ сумерки появился подъ Баромъ обозъ изъ пивныхъ бочекъ. Около возовъ шли драгуны, переодѣтые въ платье русскихъ хлоповъ; другіе несли на плечахъ или тащили вязанки дровъ, вмѣшавшись въ толпу поселянъ, которые ничего не знали. Обозъ остановился предъ городомъ на разсвѣтѣ. Сторожа не подозрѣвали хитрости и пропустили обозъ и людей. Тогда тѣ, что несли дрова, начали бросать ихъ; то былъ сигналъ: поляки начали бить козаковъ. Со всѣхъ сторонъ

---

[1]) Pam. o wojn. Chmieln. 31—32.—Woyn, dom. Ч. I. 48—49.

Digitized by Google

русскіе бросились на нихъ съ ружьями, но неприготовленные къ отпору, были изрублены въ куски; спаслись только тѣ, которые успѣли убѣжать изъ города. Когда вѣсть объ этомъ разнеслась въ околодкѣ, загонъ хлоповъ, тысячъ въ пятнадцать, бросился выручать Баръ; но Ляндскоронскій послалъ имъ на встрѣчу отрядъ, который, вступивъ съ ними въ битву, положилъ чуть не половину загона на мѣстѣ, остальныхъ разсѣялъ [1]). Хотя по смыслу перемирія въ Украину положено было не вступать, однако поляки столь же мало наблюдали перемиріе, какъ и русскіе, потому что не только взяли Баръ, но также нападали на Шароградъ [2]) и разорили Гусятинъ, гдѣ произвели безчеловѣчное кровопролитіе. Хмельницкій жаловался на эти поступки, какъ на нарушеніе мира [3]).

Кисель, недавно по смерти Тышкевича, получившій отъ короля званіе кіевскаго воеводы [4]), все это время находился въ своихъ волынскихъ маетностяхъ—то въ Тайкурахъ, то въ Гущѣ, и переписывался съ Хмельницкимъ. Оба притворялись, увѣряли одинъ другаго въ благорасположеніи, посылали другъ другу комплименты, а между тѣмъ тайно одинъ другому вредили. Хмельницкій, обманывая его надеждою коммиссіи, собиралъ ополченіе, приглашалъ татаръ; а Кисель держалъ подлѣ козацкаго гетмана шпіона, шляхтича Смяровскаго, который цифрами писалъ ему обо всемъ, что дѣлается въ Украинѣ; впрочемъ, Смяровскій скоро поплатился за эти услуги Киселю: козаки открыли шпіонство и утопили шляхтича [5]). «Отъ всего сердца—писалъ Хмельницкій Киселю—я желалъ ви-

---

[1]) Histor. belli cosac. polon. 99.—Woyna dom. Ч. I. 50.—Stor. delle guer. civ. 117.

[2]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 32.

[3]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 388.

[4]) А. Ю. и З. Р. Ш. 296.

[5]) Памятн. кіевск. комм. 413—429.

Digitized by Google

дѣть вашу милость въ добромъ здоровьѣ и тѣмъ радоваться. Я всѣми силами стараюсь, чтобъ коммиссія наша могла скорѣе окончиться такъ, какъ угодно вамъ и какъ я желаю того же. Я послалъ за всѣми полковниками, чтобъ съ ними посовѣтоваться, гдѣ бы найти удобное и безопасное мѣсто для коммиссіи». Но когда козака, привезшаго эти комплименты, подвергли, какъ выражается шляхтичъ, пріятельскому экзамену, тотъ сознался, что Хмельницкій собираетъ не только полковниковъ, но и всѣхъ вообще козаковъ и бѣглыхъ хлоповъ, и вовсе не для выбора безопаснаго мѣста для коммиссіи; наконецъ самому Киселю этотъ козакъ совѣтовалъ поскорѣе убираться изъ Гущи, говоря, что Хмельницкій на него гнѣвается, ибо то письмо, которое еще разъ воевода писалъ въ Москву, попалось въ руки козацкаго гетмана. Вскорѣ волохи, служившіе въ отрядѣ Конецпольскаго, напали на восемьдесятъ козаковъ и у предводителя ихъ отняли письмо отъ Хмельницкаго къ хану. «Мы надѣемся—писалъ гетманъ—на обѣщанія вашей царской милости и на слова, которыя ваша царская милость сказалъ и подтвердилъ, что и до конца насъ, слугъ своихъ, не оставишь... Умилосердись надъ нами; ожидаемъ вашу царскую милость съ нетерпѣніемъ; какъ началъ, такъ и кончай». Послѣ этихъ доказательствъ, въ концѣ мая, Кисель съ коммиссарами поспѣшно убрался изъ Гущи. Еслибъ они промедлили днемъ, то попались бы въ руки козакамъ: едва только они выѣхали, шестьсотъ молодцевъ ворвались въ мѣстечко; вслѣдъ затѣмъ подобныхъ явилось до полуторы тысячи. Имѣніе Киселя подверглось участи панскихъ имѣній [1]).

Въ іюнѣ продолжались по-прежнему схватки польскихъ отрядовъ съ волынскими загонами. Несмотря на то, что въ этихъ сшибкахъ успѣхъ былъ на сторонѣ поляковъ,

---

[1]) Ibid. I. 3. 385, 389, 393. 403, 407,

Digitized by Google

возстаніе возрастало день-ото-дня. Ожесточеніе простого народа противъ владѣльцевъ усиливалось оттого, что послѣдніе, пользуясь вступленіемъ польскаго войска на Волынь, проходили въ свои имѣнія и грабили у крестьянъ хлѣбъ, скотъ—все, что находили, и отправляли въ Польшу, а самихъ хлоповъ подвергали истязаніямъ и казнямъ; кромѣ того, польскіе отряды, ходившіе укрощать загоны, вообще наносили жителямъ обиды, и оскорбленные увеличивали собою число мятежниковъ [1]). Послѣдній изъ такихъ отдѣльныхъ походовъ былъ походъ Ляндскоронскаго къ Межибожью. Онъ услышалъ, что сильный козацкій отрядъ напалъ на этотъ городъ, гдѣ сидѣлъ, запершись, комендантъ Корфъ съ нѣмцами. Съ поля ударилъ на козаковъ Ляндскоронскій, а изъ города нѣмцы сдѣлали вылазку. Козаки отступили. Ляндскоронскій началъ ихъ преслѣдовать какъ вдругъ, услышавъ, что Хмельницкій идетъ съ ордою, воротился къ обозу [2]).

Когда, такимъ образомъ, на Волыни русскіе боролись съ польскими панами, въ Украинѣ происходилъ сборъ цѣлаго народа на войну. Хмельницкій весною распустилъ универсалы по всей Украинѣ, призывая русскихъ оборонять отечество. Онъ не ошибся, когда разгоряченный виномъ говорилъ, что у него будетъ двѣсти-триста тысячъ. Чигиринъ, столица гетмана, закипѣлъ толпами людей всякаго рода и званія. Поселянинъ не разсчитывалъ дорогаго времени: заброшенъ лежалъ плугъ его; орала и серпы перекованы были на оружіе... не заботился онъ, что̀ ему ѣсть и пить, надѣясь жить на счетъ Польши. Пустѣли хутора, села, города; покидали ремесленники свои мастерскія; купцы—свои лавки; сапожники, портные, плотники, винокуры, пивовары, могильники (копатели сторожевыхъ

---

[1]) Histor. belli cosac. polon. 99.

[2]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 33. Woyn. dom. 51.

Digitized by Google

кургановъ), банники, всякаго рода промышленники бѣжали въ козаки; трудно было по всей Украинѣ нанять работника; недоставало даже могильщика вырыть могилу для калѣки или стараго дѣда. Даже въ тѣхъ городахъ, гдѣ было магдебургское право, почтенные бургомистры, райцы, войты и канцеляристы побросали свои уряды и пошли въ козаки, остригши бороды: по обычаю того времени всякъ, кто не служитъ въ войскѣ, долженъ былъ носить бороду. «Такъ-то,—замѣчаетъ современникъ,—дьяволъ учинилъ себѣ *смѣхъ зъ людей статечныхъ*». Духъ своеволія усилился съ прошлаго года, когда многіе обогатились грабительствомъ польскихъ и іудейскихъ имуществъ; презрѣніе и насмѣшки ожидали того, кто не участвовалъ въ возстаніи; поэтому, иной нехотя долженъ былъ мѣнять вѣсы или чернильницу на саблю и ружье. Только старики, калѣки и женщины оставались дома, но и то, по большей части, больной или бездѣтный старикъ, не желая, или стыдясь оставаться безъ участія въ дѣлѣ освобожденія отечества, ставилъ вмѣсто себя наемщика [1]).

Хмельницкій раздѣлилъ ихъ на полки; но подъ этимъ разумѣлся не правильный отдѣлъ арміи, а извѣстный край южно-русской земли: полкъ заключалъ въ себѣ города, мѣстечки, села, и назывался по имени главнаго, болѣе другихъ значительнаго, города, гдѣ было правленіе полка. Полкомъ начальствовалъ полковникъ: ему были подвѣдомственны другіе чиновники. Полки раздѣлялись на сотни: сотня заключала въ себѣ села и хутора и также носила названіе по имени какого-нибудь значительнаго мѣстечка. Сотни дѣлились на курѣни, въ которыхъ было нѣсколько десятковъ. Верховное мѣсто называлось генеральною войсковою канцеляріею: тамъ вмѣстѣ съ гетманомъ были чиновники: обозный (начальникъ артиллеріи и лагерной

---

[1]) Лѣтоп. Самов. 14.

Digitized by Google

постройки), асаулъ (оберъ-лейтенантъ), писарь (государственный секретарь), хоружій (главный знаменоносецъ); всѣ вмѣстѣ—всѣ эти чины назывались *енаральными*, или *войсковыми*; *войсковою старшиною*. Въ каждомъ полку была своя полковая канцелярія (полковое правленіе) и полковые старшины: полковые обозные, асаулы, писаря, судьи, хоружіе. Въ сотнѣ была сотенная канцелярія и сотенные старшины: сотникъ, писарь, хоружій. Такимъ образомъ, чиновники сотенные и полковые отправляли въ сотнѣ и въ полку тѣ же обязанности, какія возлагаемы были на чиновниковъ генеральныхъ съ подобными именами въ отношеніи цѣлаго козачества. Курѣнями начальствовали атаманы. Въ то время чиновники избирались и отрѣшались на радахъ, то есть народныхъ собраніяхъ, вольными голосами, потомъ утверждались гетманами. Такой порядокъ велся издавна въ козацкомъ войскѣ, но въ этотъ годъ онъ распространился на цѣлый народъ. Тогда слово «козакъ» переставало имѣть значеніе исключительно особаго военнаго сословія, а перенеслось на всю массу возставшаго южнорусскаго народонаселенія» [1]).

На правой сторонѣ Днѣпра были полки: чигиринскій (гвардія гетмана), черкасскій, корсунскій, лисянскій, бѣлоцерковскій, паволоцкій, уманскій, калницкій, каневскій, животовскій (какъ кажется, одно и то-же, что брацлавскій), полѣсянскій и могилевскій. Пространство, занимаемое этими полками, обнимало собою землю, гдѣ жилъ южнорусскій народъ, нынѣшнія губерніи: кіевскую, часть минской, волынскую по Горынь, подольскую и часть Червонной Руси около Галича до Надворни; изъ Червонной Руси мужики бѣжали въ полки могилевскій и брацлавскій. На всемъ этомъ протяженіи только Каменецъ, твердая и неприступная крѣпость, держался во власти поляковъ; другія

---

[1]) Ibid.

Digitized by Google

сосѣднія мѣстечки переходили то въ тѣ, то въ другія руки. Полкъ полѣсянскій или овручскій простирался на неопредѣленное пространство по лѣсамъ. На югѣ козачество занимало степи до Бессарабіи или до бѣлогородскихъ татарскихъ кочевьевъ. На лѣвой сторонѣ были полки: переяславскій, нѣжинскій, черниговскій, прилуцкій, ичанскій, лубенскій, ирклѣевскій, миргородскій, кропивянскій, гадячскій, полтавскій и зѣньковскій. Они занимали пространство нынѣшней полтавской и черниговской губерній и часть могилевской по Гомель и Дроновъ. Больше всѣхъ былъ полкъ черниговскій, занимавшій пространство до Стародуба съ одной, до Гомеля съ другой стороны [1]); число сотенъ въ каждомъ изъ полковъ было неравно: доходило до двадцати и болѣе; «що село, то сотникъ», говоритъ

---

[1]) Лѣтоп. Самов. 14.—По сказанію Коховскаго, въ этихъ полкахъ были тогда начальниками: въ черкасскомъ—Воронченко, въ корсунскомъ—Морозъ или Морозенко, въ каневскомъ—Кулакъ, въ бѣлоцерковскомъ—Остапъ Павлюкъ, въ брацлавскомъ—Нечай, въ полѣсянскомъ—Кривоносенко, въ переяславскомъ—Лобода, въ черниговскомъ—Небаба, въ гадячскомъ—Бурляй. По другимъ свѣдѣніямъ извѣстно, что въ нѣжинскомъ былъ Шумейко, въ могилевскомъ—Евстафій Гоголь. Впрочемъ, невозможно ясно указать не только тогдашнихъ полковниковъ, но и опредѣлить неоспоримо количество полковъ. Кромѣ полковъ, исчисляемыхъ Самовидцемъ, Коховскій, опуская нѣкоторые, насчитываетъ еще лемовскій, лохвицкій, ромненскій, остерскій; въ Памятникахъ кіевской коммиссіи упоминаются еще брагильскій и звяльскій (вѣрно звягельскій), подъ командою Тыши; а въ исчисленіи полковъ, приложенномъ Маркевичемъ при его Исторіи Малороссіи, прибавляются еще полки: стародубскій, быховскій, обручевскій, туровскій, сосницкій, винницкій. Мы имѣемъ вѣрный списокъ полковъ и полковниковъ 1650 г., но по немъ нельзя заключить о 1649 г.: многіе полки тогда исчезли, другіе перемѣнили названіе; полковники также то были смѣнены, то убиты, да и вообще порядокъ раздѣленія полковъ при Хмельницкомъ измѣнялся безпрерывно, — то образовывались новые полки, то уничтожались, то два полка соединялись въ одинъ полкъ; нерѣдко измѣнялись ихъ названія.

Digitized by Google

очевидецъ, а иная сотня имѣла человѣкъ тысячу. Приблизительно полагаютъ число настоящихъ козаковъ, способныхъ къ войнѣ, до двухсотъ тысячъ, а одинъ говоритъ простодушно, что русскаго войска было столь много, что въ полѣ не помѣщалось и на картѣ написать его было трудно. Но съ гетманомъ были далеко не всѣ; черниговскій и нѣжинскій полки, съ многими отрядами вооруженныхъ хлоповъ, которые также иногда являются подъ именемъ полковъ, должны были сражаться противъ литовскаго войска, а иные разсѣялись по Бѣлоруссіи и внутри Польши и Литвы грабить замки и дворы, жечь костелы и мучить шляхту и жидовъ [1]).

Въ Кіевѣ, въ маѣ, повторились страшныя прошлогоднія сцены. Со дня отъѣзда коммиссаровъ, шляхтичи и римско-католическіе духовные находили тамъ убѣжище, охраняемые козацкою стражею, по приказанію Хмельницкаго; но когда перемиріе окончилось, толпы удальцовъ, мѣщанъ и окрестныхъ поселянъ, называвшихся тогда всѣ безъ различія козаками, собрались въ городѣ съ цѣлью докончить враговъ. Какой-то плотникъ, кіевскій мѣщанинъ, Полегенькій, прошлый годъ бывшій въ козацкомъ войскѣ, взялъ надъ ними начальство. По его замыслу, удальцы окружили городъ со всѣхъ сторонъ, чтобъ не дать жертвамъ убѣжать; другіе съ яростью бѣгали по улицамъ; пойманныхъ умерщвляли съ поруганіями и насмѣшками. Сто тринадцать человѣкъ съ торжествомъ повели на Днѣпръ и сбрасывали съ лодокъ для забавы. Не было пощады ни женамъ ихъ, ни груднымъ младенцамъ; напрасно нѣкоторые думали укрыться въ домахъ православныхъ: убійцы провозгласили, что всякій мѣщанинъ, укрывшій врага подвергнется смерти, какъ измѣнникъ;

---

[1]) Лѣтоп. Самов. 14.—Памятн. кіевск. комм. I. 446—449.—Histor. belli cosac. polon. 100.—Histor. pan. Jan. Kaz. I. 89.

Digitized by Google

испуганные мѣщане выталкивали обреченныхъ народному мщенію на улицу. Спаслись только тѣ, которые успѣли вбѣжать въ русскіе монастыри. На порогѣ вѣковой святыни Кіева угасало неутолимое бѣшенство ожесточенныхъ мстителей. За то, не удержала ихъ святыня римско-католическая: они ограбили и разорили оставшіяся церкви и монастыри и перебили монаховъ. Такое неистовство продолжалось три дня и, съ этихъ кровавыхъ дней, Кіевъ навсегда освободился отъ власти католичества надъ восточнымъ православіемъ, польской народности надъ русскою [1]).

Хмельницкій выступилъ изъ Чигирина и шелъ медленно; охотники со всѣхъ сторонъ приставали къ его войску; онъ ожидалъ хана. Исламъ-Гирей все еще не получалъ отъ поляковъ дани, и султанскій дворъ, не допустивъ Ракочи содѣйствовать козакамъ, (потому что Ракочи, усилившись, искалъ бы возможности отрѣшиться отъ всякой ленной зависимости въ отношеніи Турціи [2]), разрѣшилъ войну хану; время было самое удобное потрясти и ограбить Польшу. Въ іюнѣ крымскій ханъ соединился съ Хмельницкимъ на Чорномъ Шляху за Животовомъ. Въ его ополченіи были и крымскіе горцы, жители роскошнаго южнаго берега, отличные стрѣлки изъ лука, въ пестрыхъ рубашкахъ, съ колчанами за плечами; и степные ногаи, въ вывороченныхъ наверхъ шерстью тулупахъ, въ огромныхъ мѣховыхъ шапкахъ, питавшіеся, какъ предки ихъ при Батыѣ, кониною, согрѣтою подъ сѣдломъ; и буджацкіе татары, приводившіе въ изумленіе своею быстротою и знаніемъ безграничной и безпримѣтной степи, способные жить въ водѣ нѣсколько времени, словно рыбы, сносившіе съ удивительнымъ терпѣніемъ жаръ и холодъ и, наконецъ, отдаленные черкесы пятигорскіе — гости новые для

---

[1]) Latop. Jerl. 97.

[2]) Stor. delle guer. civ. 104.

Digitized by Google

украинцевъ, которые замѣчали въ ихъ выпуклыхъ глазахъ и закрученномъ за ухо чубѣ что-то родственное; явились, по зову Хмельницкаго, и донцы, связанные съ украинскими козаками узами вѣры и племени и образомъ жизни. Вся степная удаль юга Россіи грянула въ Украину, почуявъ, что Польской Коронѣ угрожаетъ гибель и для всѣхъ будетъ пожива. Турецкій визирь прислалъ къ Хмельницкому, по данному обѣщанію, шесть тысячъ румелійцевъ. Были въ козацкомъ войскѣ даже цыгане. Это войско было столь велико, что, по выраженію польскаго историка, подобнаго Европа не видывала со временъ Тамерлана [1]). Никто не просилъ жалованья впередъ; каждый безъ торга шелъ пробовать счастья. Мало было порядка и устройства, за то сильная охота къ битвамъ и къ поживѣ. Когда поляки услышали, что на нихъ идетъ такая армія и уже приближается къ Волыни, то, по словамъ русскаго лѣтописца, такой страхъ напалъ на нихъ, что они думали тогда же о бѣгствѣ, и самые храбрѣйшіе, которые, сидя за виномъ въ корчмахъ, разбивали Александровъ Македонскихъ, поблѣднѣли и опустили руки [2]).

---

[1]) Belli scyth. cosac. 36.

[2]) Истор. о през. бр.

Digitized by Google

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Польскій лагерь подъ Збаражемъ.—Голодъ.—Подвиги Вишневецкаго.—Стомпковскій.—Походъ короля. — Посполитое рушенье. — Назначеніе новаго козацкаго гетмана.—Зборовское сраженіе.

Стоя подъ Константиновомъ, польскіе предводители собрали совѣтъ. Было два мнѣнія относительно избранія мѣста для встрѣчи непріятеля. Одни, представителемъ которыхъ былъ Остророгъ, совѣтовали стать ближе къ Каменцу, чтобъ защищать эту важную крѣпость, да и самимъ имѣть изъ нея продовольствіе: притомъ носились слухи, что Хмельницкій направляетъ путь на Каменецъ. Другіе говорили: «Неблагоразумно покидать Волынь, когда она взбунтовалась; непріятельская сила ударитъ на нее, въ надеждѣ найти союзниковъ въ здѣшнемъ простомъ народѣ. Когда мы будемъ беречь Каменецъ, козаки, черезъ Волынь, вторгнутся въ средину государства». А между тѣмъ, трусы разбѣгались, подъ предлогомъ неполученія жалованья. Оставалось рѣшиться на что-нибудь. Рѣшили, по совѣту Фирлея, стать подъ крѣпкимъ городомъ Збаражемъ. Въ пользу этого располагала надежда соединиться съ Вишневецкимъ, который тогда стоялъ подъ этимъ городомъ. Славное имя его возбуждало бодрость, а польское войско находилось въ безпорядкѣ [1]).

[1]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 436—443.—Hist. Jan. Kaz. I. 50.

Digitized by Google

Невниманіе, оказанное князю на сеймѣ, лишеніе ретиментарскаго достоинства, невыгодное о немъ мнѣніе короля и придворной партіи, оскорбили до крайности честолюбиваго князя. Въ порывахъ негодованія, онъ зарекался не вступать болѣе въ дѣло и отправился изъ Варшавы въ одно изъ своихъ имѣній въ Червонной Руси, чтобъ проводить время подлѣ своей любезной Гризельды. Дружина собралась около своего предводителя; подчиненные раздѣляли огорченіе военачальника и также положили оружіе. Но разнеслись ужасающія вѣсти объ ополченіи козаковъ, о нашествіи хана съ ордами. Опасность грозила всякому пану; Вишневецкому болѣе всего. Вишневецкій собралъ своихъ удалыхъ воиновъ, тѣхъ вишневцевъ, которыхъ малая горсть, въ началѣ возстанія, одна подвизалась противъ бичей шляхетскаго званія.

«Что будемъ дѣлать, друзья,—говорилъ онъ:—уходить ли намъ? прятаться ли? И на то ли мы такъ славно подвизались, когда все бѣжало? Полетимъ, друзья, снова!»

Съ отважною дружиною отправился онъ по дорогѣ въ Украину и собиралъ себѣ товарищей. Присталъ къ нему племянникъ его, Димитрій, подражатель и любимецъ воинственнаго дяди; соединился съ нимъ Александръ Конецпольскій, его прежде жестокій соперникъ, но столько же, какъ и онъ, гонимый козацкимъ предводителемъ. Стекалась къ нему шляхта, ободряемая его именемъ.

«Всѣ старанія кіевскаго воеводы къ укрощенію мятежа оказались напрасными; поднимается страшная буря, наступаютъ роковыя времена!—писалъ Іеремія Вишневецкій въ своемъ зазывномъ универсалѣ къ шляхтѣ.—Изъ любви къ отечеству мы пробуждаемся отъ глубокаго сна зависти, сближаемся съ народомъ и извѣщаемъ васъ о своей готовности къ услугамъ вашихъ милостей. Уже король выдалъ, какъ говорятъ, два раза вици на посполитое рушенье, о третьихъ еще не слышно, но отечество въ крайнемъ по-

Digitized by Google

ложеніи: надобно спѣшить! Прошу васъ, господа, сіяющіе мужествомъ и совѣтомъ, беритесь за оружіе, другихъ уговаривайте и поспѣшайте ко мнѣ къ 18 іюня!» [1]).

Дошедши до селенія Шимковцы, паны стали обозомъ: воины переходили туда изъ лагеря трехъ предводителей; въ лагерѣ отъ этого сдѣлался такой безпорядокъ, который заставлялъ опасаться повторенія пилявской комедіи. Не время было играть честолюбіемъ: Вишневецкій сталъ замѣчать, что раздвоеніе войска послужитъ къ выгодѣ непріятеля и началъ исподоволь стараться соединиться съ главнымъ войскомъ. Для честолюбиваго магната стыдно казалось самому набиваться съ услугами: ему хотѣлось, чтобъ соперники сами прислали просить его помощи и черезъ то выказали, какъ мало они способны къ войнѣ безъ Вишневецкаго.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того какъ Іеремія расположился обозомъ, жолнѣры привели связаннаго русина.

«Что ты видѣлъ, что знаешь?» спрашивали паны.

«Хмельницкій уже въ Камени Чолганскомъ; я самъ видѣлъ его собственными глазами», отвѣчалъ плѣнникъ.

«Отправьте его къ предводителямъ», сказалъ князь.

Какъ нарочно Остророгъ только-что воротился тогда въ лагерь съ четырьмя реестровыми козаками: они подтвердили показаніе русина, присланнаго Вишневецкимъ, да сверхъ того прибавили, что Хмельницкій намѣренъ пресѣчь имъ обратный путь и не допустить идущихъ къ нимъ изъ Люблина партій [2]).

Отъ этихъ извѣстій боязнь такъ усилилась въ войскѣ, что многіе жолнѣры, не слушая предводителей, пустились было бѣжать. Чтобъ успокоить волненіе, предводители рѣ-

---

[1]) Akty hist. pols. od r., 1648 po 1660.—Рук. И. П. Б.

[2]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 34—35.—Woyn. dom. I. 54—56. Истор. о през. бр.

Digitized by Google

шили отправить поскорѣе посольство къ Вишневецкому и упросить его прибыть въ обозъ; они надѣялись, что присутствіе его остановитъ смятеніе. Ляндскоронскій самъ отправился къ нему и явился съ покорнымъ видомъ.

«Мы всѣ знаемъ, — говорилъ Ляндскоронскій со слезами, по замѣчанію лѣтописи:—что обидѣли тебя, отважнѣйшаго, достойнѣйшаго воителя; но мы всѣ жалѣемъ, и все войско наше жалѣетъ, что король обошелъ тебя. Князь! покажи примѣръ великодушія: прости свои оскорбленія, если не для насъ, то для Бога и спасенія отечества».

Отъ такихъ словъ Іеремія расчувствовался и заплакалъ, однако началъ отказываться.

«Какую пользу могу принесть вамъ?—говорилъ онъ:—продовольствія у меня нѣтъ; пороха и оружія мало. Что сдѣлаетъ моя малая горсть при долгомъ обложеніи въ обозѣ? Впрочемъ, если здѣсь нападутъ на насъ, то мы покажемъ себя».

Ляндскоронскій продолжалъ его уговаривать, представлялъ близость непріятеля, вспоминалъ, какъ злится на него Хмельницкій.

«Если идетъ дѣло о начальствѣ, — прибавилъ онъ: — Фирлей уступаетъ его тебѣ».

Честолюбіе князя было удовлетворено.

«Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ:—я не хочу отнимать у почтеннаго старика этой чести, которая, по всѣмъ правамъ, возложена на него королемъ и Рѣчью Посполитою. Долгъ сына отечества—жертвовать общей пользѣ собою. Я готовъ служить подъ командою Фирлея, и завтра соединяюсь съ вами.

Ляндскоронскій прибылъ съ радостною для всѣхъ вѣстью [1]).

---

[1]) Hist. pan. Jan. Kaz. I. 50. — Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 36.—Woyna dom. 56.—Stor. delle guer. civ. 122—123.

Digitized by Google

На другой день Вишневецкій и Конецпольскій подвинули свой станъ и сами пріѣхали въ главный обозъ, при всеобщихъ восклицаніяхъ обрадованнаго войска. Уже многія хоругви готовились къ бѣгству и вѣрно бы побѣжали, еслибъ не прибылъ Вишневецкій; но къ нему всѣ питали неограниченное довѣріе; при немъ стали увѣрены и въ самихъ себѣ [1]).

Собрался военный совѣтъ. Разсуждали снова о выборѣ мѣста для встрѣчи съ непріятелемъ. Іеремія присталъ къ тѣмъ, которые почитали удобнѣйшимъ—Збаражъ. Онъ лежалъ въ краѣ лѣсистомъ и многоводномъ; во всѣ стороны въ его окрестностяхъ находились озера и болота, служившія защитою противъ наступающаго непріятеля, особенно привыкшаго ходить въ походъ съ лошадьми, какъ дѣлалось у татаръ. Самый городъ Збаражъ былъ окруженъ съ трехъ сторонъ водою: на западной и восточной сторонѣ было два пруда, которые соединялись между собою рѣкою Гнѣзною, извилисто протекавшей съ южной стороны. Сѣверная сторона была открыта, искуственно защищалась рвомъ и деревянными огорожами и плетнями. Туда, посреди овраговъ и зарослей, шла дорога въ мѣстечко Заложчицы, дорога, составлявшая единственный открытый входъ въ это пространство. На востокъ отъ города за рѣкою Гнѣзною стоялъ укрѣпленный замокъ князей Збаражскихъ. Поляки расположились подъ городомъ на полуденной сторонѣ его и рѣшили окопать лагерь валомъ [2]). Исполненіе этого дѣла поручено инженеру Пршіемскому и иностранцамъ; но работы производились несогласно и неправильно: каждый изъ начальниковъ хотѣлъ удобнѣе занять для себя мѣсто, и потому валъ, въ которомъ долженъ былъ заключаться лагерь, проведенъ былъ на далекое раз-

---

[1]) Woyna dom. 57.—Истор. о презр. бр.

[2]) Dyar. wojn. p. Zbaraż Staroż. pols. I. 250.—Annal. Polon. Clim. I. 119.—Stor. delle guer. civ. 142.—Kubala. I. 108.

Digitized by Google

стояніе на цѣлую милю; притомъ разсчитывали, что должны придти свѣжія силы и для помѣщенія ихъ нужно было заранѣе оставить мѣсто.

8-го іюля н. ст., а по старому 28-го іюня, непріятеля ожидали каждую минуту, а окопъ еще не былъ готовъ. Въ пятницу, 29-го іюня (9-го іюля н. ст.), высланъ былъ подъѣздъ, подъ начальствомъ Сѣраковскаго; но только что онъ упустилъ изъ глазъ свой обозъ, какъ увидѣлъ огромную татарскую силу. Поляки, не вступая въ сраженіе, обратились назадъ, непріятели бросились вслѣдъ за ними и разбили ихъ на голову. Сѣраковскій едва успѣлъ спастись и прибѣжалъ въ обозъ съ вѣстью, что, можетъ быть, завтра утромъ вся непріятельская армія явится къ Збаражу [1]). Окопы не были готовы.

Одно къ другому. И безъ того, по выраженію лѣтописцевъ, сильно бились сердца у пановъ, а тутъ, для большаго страха, молнія разбила древко у знамени, которое стояло при шатрѣ главнаго предводителя; и это произошло очень странно: день былъ свѣтлый и безоблачный; вдругъ, надъ шатромъ Фирлея, набѣжало облако и изъ него полетѣлъ ударъ. Это показалось для всѣхъ дурнымъ предзнаменованіемъ. «Неложнымъ пророчествомъ бѣды было для нихъ это явленіе» [2]), говоритъ русскій лѣтописецъ. Тѣ, которые были недавно въ Варшавѣ, разсказывали, что разъ уже было подобное предостереженіе. «Не даромъ,—говорили они,—тотчасъ послѣ коронаціи короля загорѣлся дворецъ, неизвѣстно отчего». Поляки были очень недовольны бракосочетаніемъ короля съ невѣсткою, вдовою Владислава, которое совершилось тотчасъ послѣ коронаціи. «Такой союзъ не благословляется небомъ; не-

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 119.—Hist. panow. Jan. Kaz. I. 54.—Ист о през. бр.

[2]) Истор. о през. бр.—Annal. Polon. Clim. 1. 119.—Histor. panow. Jan. Kaz. I 55.—Pamiętn. Jemiołowsk. 12—15.

Digitized by Google

рѣдко гнѣвъ Божій поражаетъ всю страну за преступленіе властителя», толковали тогда въ Польшѣ. Ксендзы объясняли, что это сдѣлалось съ разрѣшенія папы. «Что разрѣшаетъ намѣстникъ апостольскій, то уже не грѣхъ,— говорили они. Не за бракъ короля наказываетъ насъ Богъ, а за то, что мы вошли въ сношенія съ еретиками». Отъ такого толкованія въ войскѣ возникло волненіе противъ Фирлея и реформатскихъ проповѣдниковъ и увеличивало безпорядокъ [1]).

Вдругъ завидѣли поляки пыль; потомъ показались люди, послышались дикіе голоса и они увидѣли передовое татарское полчище. Замѣтивъ, что войска еще не соединились съ главнымъ обозомъ, татары летѣли, чтобъ отбить станъ Вишневецкаго, находившійся не въ дальнемъ разстояніи отъ главнаго лагеря; они неслись съ жаромъ: успѣхъ или неуспѣхъ на первыхъ порахъ считался у нихъ вѣрнымъ предзнаменованіемъ счастливаго или несчастнаго окончанія войны. Поляки въ обозѣ испугались; но Вишневецкій съ храбрѣйшими бросился на непріятеля и, послѣ упорной сшибки, въ которой отличились литовскіе татары, сражаясь противъ своихъ единоплеменниковъ, непріятель отступилъ. Вишневцы вошли въ обозъ [2]).

Всѣ принялись кончать поскорѣе окопы. Опасность была слишкомъ близка; паны забыли свою спѣсь; засучивъ бархатные рукава своихъ контушей, они взяли въ руки заступы и показывали примѣръ прочимъ. Работали цѣлую ночь, но все-таки не кончили дѣла. На одной сторонѣ, гдѣ находился прудъ, окоповъ еще не было, да и въ другихъ мѣстахъ оставались прогалины [3]).

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 104—132.—Hist. Jan. Kaz. I. 40. 65.

[2]) Ibid. I. 119.—Ibid. I. 55—56.

[3]) Diar. wojn. p. Zbaraż. Star. polskie. l. 252.

Digitized by Google

30-го іюня (10-го іюля н. ст.) начали появляться съ утра татары и козаки. Наѣздники, разъѣзжая близъ окоповъ, вызывали охотниковъ помѣряться силою и удалью. Цѣлый день впереди окоповъ происходили подобные герцы. На одномъ изъ нихъ былъ убитъ Трунетъ, одинъ изъ богатырей ханскихъ [1]). Къ вечеру гуще становились ряды воиновъ и, наконецъ, на закатѣ солнца, на пространствѣ, сколько глазами окинуть могли поляки, растянулось предъ ними неисчислимое войско; татарскихъ ратниковъ, говоритъ современникъ, было болѣе въ этомъ войскѣ, чѣмъ у Тамерлана [2]). Прибылъ ханъ съ пышностью азіатскаго владыки, противоположною простотѣ его союзника, козацкаго вождя. Хмельницкій съ знатными татарами объѣзжалъ ряды своихъ воиновъ и, поглядывая на польскіе недоконченные окопы, гордо покрикивалъ: «справимо теперъ бенкетъ ляхамъ!» Возвратившись къ хану, онъ говорилъ, что есть надежда заночевать въ польскомъ обозѣ [3]).

Крики, насмѣшки и похвалки козацкіе отзывались въ ушахъ встревоженныхъ шляхтичей. Польское войско, окружаемое непріятельскою силою, не могло ждать ни откуда себѣ подмоги. Ляндскоронскій писалъ въ тѣ дни, что надобно признать сумасшедшимъ того, кто бы на помочь полякамъ рѣшился приблизиться къ Збаражу съ какими нибудь сотнями или даже немногими тысячами въ виду такого громаднаго враждебнаго полчища [4]). Осадное положеніе не было въ духѣ польской тактики. «Поляки,— говорили тогда въ обозѣ,—храбро и бодро сражаются на просторѣ, но не въ силахъ выдерживать тѣсноты и непрестаннаго нападенія». Обыкновенно, въ такихъ слу-

---

[1]) Pam. o wojn. kosac. za Chm. 35.—Woyn. dom. 57.

[2]) Histor belli cosac. polon. 100.

[3]) Histor. pan. Jan. Kaz. 55.

[4]) Kubala I. 111. Ссылка на рукоп. библ. Оссолинск. № 225.

Digitized by Google

чаяхъ, поляки бѣжали, сами себя обманывая тѣмъ, что это дѣлается, съ цѣлью избрать удобнѣйшее мѣсто для сраженія; теперь нельзя было думать о бѣгствѣ куда нибудь далеко; всѣ пути были заняты козаками и татарами.

Предводители ободряли унылыхъ, а особенно Іеремія. Въ ту самую ночь, когда огни въ появившемся козацкомъ таборѣ казались издали необозримою громадою свѣтилъ на звѣздномъ небѣ и гулъ сотенъ тысячъ голосовъ раздавался производя ужасъ (29 іюня съ пятн. на субб.), князь Іеремія устроилъ пиръ въ Збаражскомъ замкѣ: тамъ заблистали веселыми огнями всѣ окна, гремѣли пушечные выстрѣлы, когда князь угощалъ пановъ, предлагалъ тостъ за короля и шляхетство, и раздавалъ своимъ приближеннымъ наставленія, какими они должны были поутру ободрять войско [1]).

«Чѣмъ въ большей мы опасности, тѣмъ болѣе для насъ славы,—говорилъ онъ:—пусть наша маленькая горсть заставитъ непріятелей завидовать: «ай да поляки!—скажутъ они:—неустрашимый народъ!» Когда, исполняя порученіе Вишневецкаго, его адъютанты разъѣзжали по обозу и произносили одобрительныя рѣчи, жолнѣры отвѣчали:

«Хорошо показывать храбрость въ полѣ, теперь иное дѣло, когда непріятель окружилъ насъ со всѣхъ сторонъ».

«А развѣ поляки,—говорили ободрители,—только на коняхъ молодцы? Да вѣдь тогда коню геройскія дѣла приписать надобно, а не воину. И поле, и валъ—все одной Беллоны работы. Много чести побѣдить на полѣ; а еще болѣе славы храбрымъ рыцарямъ защищаться въ окопахъ. Отцы наши въ стѣнахъ московскихъ два года бились и не поддались; они же такъ отличались, овладѣвъ чужимъ;

---

[1]) Kubala I. 113 сс. на рук. библ. Осс. № 189.

Digitized by Google

а намъ надобно показать тоже для вѣчной славы народу нашему за спасеніе родины» [1]).

Вечеромъ въ субботу духовные обходили обозъ съ св. дарами; всю ночь съ субботы на воскресенье послѣ того провели жолнѣры въ молитвѣ [2]).

На другой день, въ воскресенье, 1-го іюля, (11-го іюля н. ст.), Хмельницкій пустилъ татаръ и козаковъ на дивизію Фирлея; онъ направлялъ ихъ на тѣ мѣста польскаго обоза, гдѣ не были еще выведены окопы. Сраженіе происходило съ полудня до сумерекъ. Сначала поляки отбили первый напоръ; но когда Хмельницкій приказалъ ударить изъ тридцати пушекъ, которыхъ у него было семьдесятъ, а татары пустили въ обозъ дождь стрѣлъ, поляки опять начали молиться и ободряли себя религіозными процессіями [3]).

Въ понедѣльникъ, 2-го іюля (12-го іюля н. ст.), Хмельницкій послалъ козаковъ гадячскаго полка на правую сторону; тамъ было озеро—и окопы вовсе не дѣланы. Полкомъ командовалъ Бурляй, богатырь; отличался онъ на Черномъ морѣ, завоевалъ Синопъ, задавалъ страхъ самому Цареграду. Съ этой стороны обозъ защищала венгерская пѣхота; она не выдержала козацкаго натиска и обратилась назадъ. Козаки вторглись въ обозъ. Тѣмъ временемъ, татары бросились огромною толпою на Фирлея: поляки потеряли духъ.

«Намъ невозможно сражаться съ такимъ множествомъ непріятелей, надобно бѣжать и запереться въ збаражскомъ замкѣ!» кричала толпа.

«Чортъ побери! — восклицалъ Вишневецкій: — развѣ вамъ хочется, чтобъ козаки вытаскивали васъ за ноги

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 120.—Histor. pan. Jan. Kaz. I. 57.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 66.

[2]) Dyar. wojn. p. Zbar. Star. pols. I. 253.

[3]) Woyn. dom. 58.—Dyar. wojn. p. Zbar. ibid. Kubala I. 169.

Digitized by Google

изъ замка и рубили головы? Да ужъ если погибать, то лучше въ полѣ! Гей, братья! кому изъ васъ со мною умирать любо? Пойдемте на эту сволочь: утремъ имъ носъ!»

Князь бросился съ отважными; инженеръ Пршіемскій заворотилъ бѣгущую венгерскую пѣхоту. Козаковъ выгнали изъ окоповъ, потомъ притиснули къ пруду; многіе потонули. Погибъ Бурляй. Увидѣвъ неудачу своихъ, полковникъ Морозенко кинулся на помощь гадячанамъ, но его смяли, и онъ самъ, пошатнувшись на конѣ, едва было не попался въ плѣнъ. Сѣча была отчаянная. Жестоко напирали козаки; упорно стояли поляки, ободряемые Вишневецкимъ. Разсказываютъ, что долго тогда враги спорили за раненаго дворянина, который, съ оторванною ногою, переходилъ то въ руки своихъ, то въ руки козаковъ. Наконецъ, товарищи отстояли его и отнесли умирать въ кругу своихъ. Послѣ такого неудачнаго нападенія, говорятъ польскіе лѣтописцы, ханъ былъ недоволенъ Хмельницкимъ, который предъ тѣмъ говорилъ ему о возможности скоро заночевать въ польскомъ обозѣ [1]).

Съ этихъ поръ Хмельницкій рѣшился обложить поляковъ, томить безпрерывною пальбою, морить голодомъ, и довести до крайняго положенія [2]). Онъ приказалъ насыпать вокругъ польскаго обоза валъ выше непріятельскаго и поставить на него пушки; все было готово въ одну ночь, потому что было кому работать. Утромъ, 3-го іюля, во вторникъ (13-го іюля н. ст.), ударили на поляковъ изъ пушекъ съ разныхъ сторонъ, и «разъяренное хлопство,—говоритъ очевидецъ,—лѣзло какъ смола, а та-

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 222.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV. i Jan. Kaz. II. 67.—Jak. Michałowsk. xięga pamiętn. 450.

[2]) Истор. о през. бр.—О томъ, что случ. въ Укр. 9.—Кратк. опис. о козац. малор. нар. 28.

Digitized by Google

тарскія стрѣлы, летая въ разныхъ направленіяхъ затмѣвали солнечный свѣтъ» [1]).

Къ вечеру прекратилось нападеніе. 7-го іюля (17-го н. с.) козаки и татары учинили жестокій приступъ, напирая на ту часть обоза, гдѣ стоялъ Вишневецкій. Они изготовили тогда четырнадцать гуляй-городынъ; вишневцы не только отразили непріятельскій приступъ, но овладѣли всѣми гуляй-городынами и сожгли ихъ въ виду непріятелей. 8-го іюля поляки сообразили, что ихъ окопы проведены были слишкомъ широко; у нихъ на лицо набиралось всей военной силы только тысячъ десять, а въ бой разомъ становилось только не болѣе шести; стали паны между собою спорить, а послѣ споровъ и взаимныхъ укоровъ, рѣшили копать друіе окопы внутри прежнихъ. 9-го іюля окопы новые были почти готовы; станъ подвинулся въ правую сторону къ озеру и ближе къ городу Збаражу, лѣвая сторона, куда особенно напирали непріятели, была покинута. Внутри новыхъ окоповъ былъ расположенъ рядъ телѣгъ, связанныхъ вмѣстѣ и служилъ своего рода второю обороною. 10-го іюля (20-го н. ст.) польское войско вступило въ эти окопы, а лишнихъ лошадей выгнали прочь по совѣту Вишневецкаго. Но едва только поляки вступили въ новые окопы, козаки бросились за ними, насыпали также окопы, еще выше польскихъ, и опять начали палить въ польскій обозъ. Поляки, желая закрыться отъ непріятельской пальбы, безпрестанно повышали свои окопы, но вслѣдъ затѣмъ, у козаковъ предъ самымъ польскимъ обозомъ выказывался такой огромный валъ, что и собаку можно застрѣлить съ него, говоритъ очевидецъ. Такимъ образомъ, днемъ и ночью козаки не давали покою непріятелю; одни изъ нихъ повышали свои окопы и проводили новые ихъ линіи, приближаясь къ польскому обозу, другіе палили въ польскій

---

[1]) Dyar. wojn. p. Zbaraż. Star. pols. I. 256.—Woyn. dom. 59.

Digitized by Google

обозъ, въ которомъ имъ видны были всѣ движенія. Пули летали какъ градъ: пальцемъ нельзя было сунуть въ пустое мѣсто, говоритъ очевидецъ [1]). Паны разобрали свои шатры, отвязали знамена и закрывались отъ непріятеля; а когда такой родъ защиты оказался недостаточнымъ, они принялись окапывать себя и лошадей землею; каждый вырывалъ себѣ нору и сидѣлъ въ ней, какъ кротъ, по собственному ихъ выраженію; а когда, наскучивъ мучительнымъ бездѣйствіемъ, они выскакивали изъ своихъ логовищъ на сраженіе, то вмѣсто непріятелей, въ дыму и тучѣ стрѣлъ, били другъ друга. Въ эти дни, по совѣту Вишневецкаго, поляки начали рыть въ срединѣ своего обоза еще тѣснѣйшіе окопы, ужъ подъ городомъ, и даже въ городѣ, близъ замка; мѣщане збаражскіе и хлопы волею-неволею работали вмѣстѣ съ жолнѣрами. Оставивъ у старыхъ окоповъ по пятнадцати человѣкъ изъ каждой хоругви, поляки бросились въ новые окопы; но не ушли они половину пути, какъ козаки обратили въ бѣгство сторожу, погнались за уходящими и перебили множество жолнѣровъ, не успѣвшихъ вскочить въ новые окопы: козаки овладѣли покинутыми польскими окопами и стали тотчасъ повышать ихъ; чрезъ три часа козацкіе окопы были выше польскихъ и опять началась утомительная для поляковъ пальба [2]). Козаки, между прочимъ пускали въ польскій обозъ изъ своихъ пушекъ зажженные нитяные клубки. Либо они хотѣли зажечь обозъ, либо думали околдовать поляковъ, говоритъ современный дневникъ, но козацкія чародѣйства не вредили полякамъ: ксендзы разрушали ихъ дѣйствія своими экзорцизмами. Подсылали козаки двухъ молодцовъ

---

[1]) Dyar. wojn. p. Zbaraż. Star. pols. I. 257—260.—Stor. delle guer. civ. 146. Jak. Michałowsk. xięga pamiętn. 450.

[2]) Bell. scyth. cosac. 38—39.—Woyn. dom. 72.—Dyar. wojn. p. Zbar. Star. pols. I. 258. Jak. Michał. xięga pamiętn. 446. 451. — Stor. delle guer. civ. 147.

Digitized by Google

городскихъ, передавшихся къ нимъ, поручая поджечь городъ, но эти поджигатели сами попались въ плѣнъ. Пытались козаки навести воду изъ озера и затопить польскій таборъ—и это не удалось [1]).

Потомъ Хмельницкій прибѣгнулъ къ новому способу: онъ приказалъ копать мины, чтобы подземнымъ путемъ провести козаковъ въ средину польскаго лагеря; но польскіе инженеры заблаговременно открыли хитрость; замѣтивъ, что вдругъ прекратилось нападеніе съ вала, они стали догадываться, ставили на землю мисы съ водою и клали бубны. Догадка оправдалась: вода въ мисахъ волновалась, а бубны издавали звукъ на тѣхъ мѣстахъ, подъ которыми проводились подкопы. Тогда поляки, въ свою очередь, начали рыть контрмины и достигли до козаковъ [2]). «Такова то жестокость человѣческая,—восклицаетъ польскій историкъ:—мало мѣста имъ было на землѣ воевать: стали еще и подъ землею! Напрасно мудрые ищутъ ада in centro terrae; въ Украинѣ — тамъ настоящій адъ человѣческой злобы» [3])

20 іюля (30 н. ст.) поляки выкопали себѣ еще разъ внутри своихъ тогдашнихъ окоповъ еще тѣснѣйшіе, но едва стали вступать въ нихъ, какъ непріятели ударили на нихъ, и въ то время когда одни жолнѣры, не успѣвши сдѣлать окопы днемъ, доканчивали ихъ ночью, другіе цѣлую ночь принуждены были отстрѣливаться отъ козаковъ. По утру же 21-го іюля козаки подъ самыми польскими окопами насыпали свои, выше польскихъ, и стали съ нихъ палить въ польскій обозъ и по городу; разстояніе отъ козацкихъ окоповъ до польскихъ не превышало тридцати

---

[1]) Jak. Michał. ks. pam. 452.

[2]) Bell. scyth. cosac. 42.—Annal. Polon. Clim. I. 128.—Histor. pan. Jan. Kaz. I. 63.

[3]) Histor. pan. Jan. Kaz. ibid.

Digitized by Google

саженъ [1]). 27-го іюля (6 авг. н. с.) послѣ сильнаго, но неудачнаго приступа, козаки насыпали еще пятнадцать высокихъ шанцевъ и такъ сказать закопали поляковъ со всѣхъ сторонъ; кто только изъ осажденныхъ высовывалъ голову, тотчасъ его и убивали. Къ пущей бѣдѣ, у поляковъ недоставало пороха и огнестрѣльное оружіе потрескалось отъ частой стрѣльбы; инженеры и пушкари были изувѣчены или побиты [2]). Поляки забирали въ городѣ бочки, мазницы, обливали враговъ смолою и защищались съ остервенѣніемъ обломками ружей и деревомъ отъ возовъ. Врываясь въ окопы, козаки тянули къ себѣ крючьями возы и хватали воиновъ [3]). «Тогда,—говоритъ очевидецъ,—братъ не смѣлъ подать помощи брату, священники не могли приготовлять къ смерти; не успѣвали хоронить мертвыхъ, лѣтній жаръ, тѣснота, гніеніе труповъ задушали осажденныхъ и, что всего ужаснѣе, наступилъ губительный голодъ. Припасы, какіе прежде покупали за дорогую цѣну, были потреблены; въ городѣ нельзя было достать ничего ни за какія деньги; паны питались конскимъ мясомъ, забывъ свои затѣйливыя блюда; шляхтичъ завяливалъ свою лошадь и нерѣдко дрался за нее съ товарищемъ; но скоро такой источникъ продовольствія прекратился: много лошадей было заранѣе прогнано за обозъ, остальныя были застрѣлены, или задохлись въ дыму; простые жолнѣры, особенно нѣмцы, служившіе въ польскомъ войскѣ, питались падалищемъ, собирали въ городскихъ домахъ кошекъ, мышей, собакъ, а когда и этихъ животныхъ недоставало, отрывали кожу съ возовъ и обуви, и ѣли, разваривая въ водѣ, а иные грызли зубами

---

[1]) Diar. oblęż. kubala. I. 173.—Staroż. polskie. I. 259.

[2]) Annal Polon. Clim. I. 129.—Pam. do pan. Zygm. III. Wlad. IV i Jan. Kaz. II. 74.

[3]) Dyar. wojn. p. Zbar. Star. pols. I. 260.—Dyar. oblężenia Zbaraża. Kub. I. 173.

Digitized by Google

спеклую землю» [1]). «И не одинъ ляхъ,—говоритъ украинскій лѣтописецъ,—заплатилъ мыто головою на лядскомъ базарѣ, и воды, бѣдный, не напився безъ кровной заплаты, но и ту пивъ съ червями и сукровицею изъ труповъ»: козаки нарочно бросали трупы убитыхъ въ воду [2]). Многіе предводители оказывали благородное воздержаніе; хотя оставалось еще нѣсколько припасовъ, но, чтобъ ободрить унывающихъ, они отказывались отъ нихъ произвольно и ѣли лошадиное мясо. Старикъ Фирлей также хотѣлъ приняться за подобный столъ, но другіе не допустили его до этого, принимая въ уваженіе его старость.

Придаючи большаго облеженцямъ утрапенья [3]), козаки и хлопы, отдыхая отъ нападеній, садились на валы и отпускали надъ врагами насмѣшки: «Коли вы, панове, чиншъ на Вкраині одбиратимете? Отъ уже рікъ тому есть, якъ ми ще вамъ нічого не платили. А може чи не загадаете якои панщини? Отъ изъ быдла досі не брали десятини, коні ржуть, быдло пошаліло, на ярмарокъ до Вроцлава хоче».

Отважнѣйшіе изъ пановъ вступали съ ними въ разговоръ.

«Теперь вамъ пока льгота, — говорили они, — а вотъ, скоро пойдете на панщину гатить плотину чрезъ Днѣпръ. А чиншъ соберетъ съ васъ литовское войско, какъ придетъ зимовать въ Украину. А десятину возьмутъ татары, какъ погонятъ въ Крымъ вашихъ женъ и дочерей [4]).

«Годі вже вамъ, панове, удержуватись! — кричали хлопы: — тількі дурно кунтуши покаляли та сорочки подралы, по шанцяхъ лазячи. Бо то все наше, тай вы сами

---

[1]) Histor. pan. Jan. Kaz. I. 64.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. I. 21.—Annal. Polon. Clim. I. 130.—Stor delle guer. civ. 145. Wojna dom. 70.—Diar. wojn. p. Zbar. Star. pols. I. 260.

[2]) Ист. о през. бр.

[3]) Ист. о през. бр.

[4]) Hist. Jan. Kaz. I. 60.

Digitized by Google

есте яссиръ татарамъ голоднимъ. Отъ се вамъ наробили очкові, та панщини, та пересуди, та сухомельщини! Була вамъ таки гарна музика: отъ теперъ такъ добре вамъ у дудку заграли козаки» [1]).

При такомъ несчастномъ положеніи, несогласія въ обозѣ не утихали; изнуренные жолнѣры приписывали бѣдствія свои гнѣву Божію за то, что въ войскѣ находились реформаты. Одинъ разъ закипѣло сильное негодованіе на реформатскихъ духовныхъ, которые, къ соблазну католиковъ, отправляли свои молитвословія въ одно время съ религіозными католическими процессіями. Фирлей съ трудомъ спасъ ихъ отъ смерти, отправивъ поскорѣй въ замокъ [2]).

Челядь, то есть слуги, которыхъ у польскихъ жолнѣровъ было больше, нежели ихъ самихъ, безпрестанно переходила къ козакамъ; были измѣнники и дворяне, даже знатные; вѣдавши то, что замышляютъ начальники, перебѣгали къ нимъ и иностранцы. Хмельницкій ласкалъ ихъ, особенно послѣднихъ, потому что между ними были искусные артиллеристы и инженеры. Не такъ радушно были приняты збаражскіе мѣщане и тѣ простолюдины, которые ушли въ городъ при началѣ осады, избѣгая вербунки въ козацкое войско. Городъ Збаражъ съ его крѣпкимъ замкомъ былъ постояннымъ предметомъ козацкихъ нападеній, большею частью не совсѣмъ удачныхъ. Мѣщане и хлопы ревностно помогали полякамъ, быть можетъ и поневолѣ, отбивать козаковъ. Но ужъ предъ концомъ осады, когда голодъ сдѣлался невыносимъ, они съ отчаяніемъ хотѣли зажечь городъ или сдать непріятелю; предводители принуждены были ихъ выпустить; несчастные вышли полуживые, съ толпою польскихъ слугъ, и были

---

[1]) Pam. o wojn. kozac. za Chm. 51.—Wojn. dom. 75.—Histor. pan. Jan. Kaz. I. 60.—Past. Hist. plen. 58.

[2]) Histor. pan. Jan. Kaz. I. 65.—Annal. Polon. Clim. I. 131.

Digitized by Google

взяты въ плѣнъ татарами. Вѣроятно, козаки отдали ихъ за участіе въ войнѣ противъ единовѣрцевъ [1]).

Таково было положеніе дѣлъ внутри польскаго обоза во время этой памятной осады. Тѣмъ не менѣе Хмельницкій досадовалъ на ея продолжительность и упорство враговъ, и прибиралъ разныя средства заставить поляковъ сдаться. Одинъ разъ онъ приказалъ козакамъ обвязать головы, какъ будто турецкими чалмами, а по извѣстіямъ другихъ, надѣлалъ соломенныхъ чучелъ, одѣтыхъ въ турецкое платье, посадилъ на лошадей и думалъ испугать поляковъ появленіемъ новаго турецкаго войска. Однако, это не удалось: поляки разсмотрѣли въ зрительныя трубы что это не настоящіе турки [2]).

Стѣсняемые болѣе и болѣе врагами поляки пытались войти въ переговоры съ ними; $^{4}/_{14}$ іюля Вишневецкій съѣзжался съ ханскимъ визиремъ Шефферъ-Кази; они разсуждали дружески, но не могли ни на чемъ сойтись. Вишневецкій говорилъ: «ударьте разомъ съ нами на козаковъ; мы за то отблагодаримъ васъ».—«Ты князь прежде явись къ хану и положи передъ нимъ оружіе» сказалъ Шефферъ-Кази.—«Это для меня унизительно и слушать» сказалъ Вишневецкій и уѣхалъ прочь. Потомъ поляки пытались сойтись съ самимъ Хмельницкимъ. Племянникъ Адама Киселя, новгородсѣверскій хорунжій Кисель, недавно бывшій въ посольствѣ у козацкаго гетмана, написалъ къ нему письмо. По этому письму Хмельницкій $^{11}/_{21}$ іюля вызывалъ одного изъ пановъ греческаго вѣроисповѣданія, Зацвилиховскаго, давняго своего знакомаго и даже пріятеля, на разговоръ [3]).

---

[1]) Jak. Michał. 467.

[2]) Jak. Michałowsk. xięga pamiętn. 452. Bell. scyth. cosac. 40.—Кратк. опис. о коз. мал. нар. 28.

[3]) Jak. Michał. Ks. Pam. 450.—Woyna dom. 63.—Pam. o woyn. koz. 41.

Digitized by Google

«Каково вамъ въ осадѣ, господа?—говорилъ онъ:—не хорошо, я думаю. Слушай же: ты мой давній пріятель; былъ ты когда-то у насъ козаковъ коммиссаромъ и припомни, что я тебѣ тогда говорилъ: пока ты съ нами въ этомъ званіи, козаки будутъ тебя за отца роднаго почитать, а послѣ что станется—Богъ тое знаетъ! Передайся къ намъ и пановъ русскихъ уговори: мнѣ вѣдь жаль своихъ единовѣрцевъ». [1]).

Зацвилиховскій на это могъ сказать только то, что присяга побуждаетъ его быть вѣрнымъ королю и Рѣчи Посполитой.

Чрезъ нѣсколько времени пытались еще разъ поляки смягчить Хмельницкаго. Зацвилиховскій отправился къ нему снова, уже съ Киселемъ. Хмельницкій, говоритъ современникъ, на этотъ разъ не былъ пьянъ отъ вина, но былъ слишкомъ упоенъ счастіемъ. Кисель хотѣлъ употребить въ дѣло краснорѣчіе, но Хмельницкій прервалъ его, покачалъ головою и сказалъ ему, начавъ своею обыкновенною поговоркою:

«Шкода говорити! вы просите пощады; я васъ пощажу: выдайте мнѣ Вишневецкаго и Конецпольскаго; они причиною всей бѣды, выдайте также Ляндскоронскаго, Остророга и Сѣнявскаго, а сами выходите изъ обоза и положите оружіе... Пусть, сверхъ того, мнѣ будутъ уступлены Польшею всѣ провинціи по рѣку Вислу».

«Такія тяжелыя условія,—отвѣчали паны,—войско не въ силахъ принять, притомъ ваша милость дѣлаете предложенія о томъ, что́ не въ нашей власти; войско не имѣетъ правъ надъ землями Рѣчи Посполитой».

Хмельницкій началъ имъ говорить рѣзко и съ угрозами. Кисель сказалъ: «Намъ остается молчать. Мы надѣемся на Бога и будемъ защищаться до послѣдней капли

---

[1]) Pastor. Hist. plenior. 47. Jak. Michałowsk. xięga pamiętn. 451.

Digitized by Google

крови, хотя бы ваша милость, алча нашей крови, подвинули на насъ силы самаго ада» [1]).

Послѣ этой неудачи сойтись съ Хмельницкимъ, когда полякамъ стало въ осадѣ хуже, паны собрались на совѣтъ и говорили: «честнѣе и надежнѣе будетъ попытаться войти въ сношенія съ ханомъ—иноземнымъ государемъ, чѣмъ съ этимъ грубымъ хлопствомъ. Рабская душа не въ силахъ сохранить умѣренности въ счастьи и не можетъ удержаться, чтобъ не ругаться безстыдно надъ тѣми, передъ которыми прежде раболѣпствовала. Если ханъ предпочтетъ миръ войнѣ, Хмельницкій падетъ, потому что этотъ государь—единственный виновникъ его могущества и счастія». Поляки рѣшились отправить къ хану двухъ особъ, Яницкаго и Бѣлецкаго, знавшихъ по-татарски [2]).

$^{16}/_{26}$ іюля они явились къ Исламъ-Гирею и стали упрашивать его отступить отъ козаковъ и войти въ соглашеніе съ поляками.

«Что это,—воскликнулъ ханъ,—вы намъ предлагаете совѣщанія, когда вы и безъ того у насъ въ рукахъ? Завтра мы васъ всѣхъ за шиворотъ вытянемъ».

На всѣ представленія польскихъ посланцевъ Исламъ-Гирей отвѣчалъ ѣдкими насмѣшками. Нельзя было сговориться съ нимъ [3]).

Хмельницкій, узнавши объ этомъ, далъ хану такой совѣтъ.

«Упорство поляковъ, — говорилъ онъ: — зависитъ отъ Вишневецкаго; стоитъ только выманить его изъ обоза подъ видомъ переговоровъ и взять въ неволю,—поляки непременно сдадутся, лишась храбрѣйшаго предводителя».

Ханъ принялъ совѣтъ и препоручилъ обдѣлать это дѣло визирю Шефферъ-Кази. Послѣдній выѣхалъ къ польскимъ

---

[1]) Woyna dom. 68.

[2]) Pastor. Hist. plenior. 48.

[3]) Jak. Michałowsk. ks. pam. 451.

Digitized by Google

окопамъ и сказалъ: «Поляки, ханъ согласенъ на миръ и хочетъ быть посредникомъ между вами и Хмельницкимъ; но желаетъ, чтобъ на переговоры выѣхали къ нему Вишневецкій и Конецпольскій. Если эти два пана явятся лично къ хану, то его величество избавитъ васъ всѣхъ отъ опасности».

Изъ обоза отвѣчали ему, что завтра поляки скажутъ свое рѣшеніе.

Вечеромъ собрался совѣтъ, и «предводители задумались», по выраженію польскаго историка. «Зачѣмъ ханъ зоветъ на конференцію именно Вишневецкаго и Конецпольскаго?— говорили они,—почему не главныхъ предводителей: Фирлея, Остророга или Ляндскоронскаго?»

Татары, между тѣмъ, разглашали самыя пріятныя для поляковъ вѣсти: будто ханъ намѣренъ имъ выдать Хмельницкаго.

«Эй, не то!—говорили паны:—глядите, какъ бы это не продѣлка Хмельницкаго! Онъ давно золъ на этихъ двухъ пановъ!»

Совѣтъ разошелся, ничего не рѣшивъ. Вдругъ ночью, жолнѣры привели трехъ плѣнныхъ козаковъ; одинъ изъ нихъ сознался, что вызовъ пановъ къ хану есть хитрость козацкаго вождя, и что еслибъ Вишневецкій явился къ хану, то ужъ не воротился бы въ обозъ.

«Ага! такъ и есть!—восклицали паны:—хитро, разбойникъ, затѣялъ дѣло, да не умѣлъ довести до конца. Пьяный расхвастался и выболталъ секретъ».

Поляки рѣшились послать къ хану еще разъ Яницкаго.

18/28 іюля Яницкій явился предъ ханомъ. «Причина этой войны,—представлялъ онъ ему,—та, что козакамъ запрещали ходить на Черное море и опустошать Турецкое государство и Крымъ. Татары подали имъ помощь и уничтожили наше войско подъ Корсуномъ. Теперь татары съ ними въ союзѣ и воюютъ насъ. Но какое же будетъ

Digitized by Google

послѣдствіе этой войны для татаръ? Козаки станутъ еще своевольнѣе и снова начнутъ опустошать Оттоманское государство. Пусть лучше татары теперь же отступятъ въ свою землю: мы не сдѣлали имъ ни какого зла, и турецкій императоръ не объявлялъ намъ войны».

Ханъ выслушалъ его сурово.

«Лучше вы поскорѣе сдайтесь,— сказалъ онъ,—а если сегодня не сдадитесь, такъ завтра всѣмъ вамъ будетъ кесимъ; никому не будетъ пощады».

«Вотъ ужъ три недѣли вы намъ грозите судомъ Божіимъ,—сказалъ Яницкій,—но мы уповаемъ на милость Божію. Надѣемся, что завтра Богъ насъ не оставитъ. Кто завтра за нашими головами придетъ, тотъ и свою понесетъ къ намъ».

«А можетъ быть,—сказалъ ханъ смягчившись,—завтра все окончится хорошо. Пусть только князь Вишневецкій придетъ сюда ко мнѣ; я вышлю къ нему всѣхъ моихъ мурзаковъ на-встрѣчу: такой ему почетъ будетъ».

Когда Яницкій выѣзжалъ отъ хана, писарь Выговскій сошелся съ нимъ и говорилъ: «я присталъ къ козакамъ по-неволѣ. Меня поймали на Жовтыхъ Водахъ. Хмельницкій выкупилъ меня за кобылу и велѣлъ быть при себѣ. У меня отецъ, братья, сестры. Если я брошу Хмельницкаго, онъ прикажетъ всѣхъ ихъ побить». Онъ увѣрялъ въ своемъ расположеніи къ полякамъ, разсчитывая, на всякій случай, оградить себя отъ бѣды, если бы поляки взяли верхъ и ханъ оставилъ козаковъ [1]).

Польскіе современные лѣтописцы говорятъ, что Шефферъ-Кази подъѣзжалъ къ окопамъ и извѣщалъ, что ханъ дожидается Вишневецкаго и Конецпольскаго. Выѣхавшій къ нему Яницкій отвѣчалъ:

«Войско не позволяетъ Вишневецкому и Конецполь-

---

[1]) Jak. Michał. ks. Pam. 453.

Digitized by Google

скому выѣзжать изъ обоза, хотя они душевно желаютъ повидаться съ его величествомъ».

Такой отвѣтъ взбѣсилъ татарина.

«Такъ вы смѣете пренебрегать разговоромъ съ ханомъ и не довѣряете ханскому слову!» вскричалъ татаринъ. Онъ плюнулъ на Яницкаго и съ угрозами уѣхалъ [1]).

Скоро послѣ того, 23-го іюля (2-го августа н. с.), случилось такое событіе: бѣглый нѣмецъ увѣрялъ Хмельницкаго, что иностранцы недовольны поляками и есть возможность преклонить ихъ къ измѣнѣ. Этотъ нѣмецъ взялся доставить въ обозъ возмутительное воззваніе такого содержанія:

«До сихъ поръ польское войско, находясь въ осадѣ, закрывается нѣмецкою грудью. Всѣмъ извѣстно, что поляки трусы и прячутся вамъ за спину: они купили ваше мужество за невѣрную плату, потому что у нихъ обычай много обѣщать и ничего не давать, а если что и дадутъ, то достанется немногимъ. Вспомните, сколько вы перенесли опасностей и потеряли крови! Какою цѣною они платятъ вамъ за нее? Если же вы перестанете служить имъ и пристанете ко мнѣ, то получите больше выгодъ и вѣрнѣе награду: вы не только возьмете готовое жалованье, но еще примете отъ меня особые подарки за вашу отвагу и побѣды».

Вручая бѣглецу письмо, онъ, для прикрытія хитрости, послалъ съ нимъ письмо къ Іереміи Вишневецкому, въ которомъ назвалъ его «пріятелемъ моимъ, хотя недоброжелательнымъ». Хмельницкій возвращалъ Вишневецкому письмо, перехваченное на дорогѣ: письмо это посылалъ Вишневецкій къ королю. «По совѣту вашей милости, писалъ Хмельницкій, отрубили голову, а письмо возвращаю

---

[1]) Histor. pan. Jan. Kaz. I. 63.—Annal. Polon. Clim. I. 127.—Pam do panow. Zygm. III. Wład. IV. Jan. Kaz. II. 72.

Digitized by Google

въ цѣлости. Ваша милость надѣетесь на помощь отъ короля; зачѣмъ же вы сами не выходите изъ норъ и не соединяетесь съ королемъ? Король вѣдь не безъ ума: не станетъ безразсудно терять людей. Какъ ему идти къ вамъ на помощь! Безъ табора нельзя, а съ таборомъ—все рѣчки, да протоки. Вѣрно его величество насъ скорѣе къ себѣ дождется, и тогда наступитъ соглашеніе и договоръ обо всемъ. А ваша милость на насъ не жалуйтесь; мы васъ не зацѣпляли и хотѣли васъ сохранить въ цѣлости въ заднѣпровскомъ государствѣ. Вѣрно такъ по Божьей волѣ пришлось».

Отдавъ письмо Вишневецкому, нѣмецъ затесался между бывшихъ товарищей и сталъ показывать возмутительное посланіе. Но оно, переходя изъ рукъ въ руки, скоро попалось хурунжему нѣмецкой пѣхоты Корфу, а отъ него дошло и до князя Вишневецкаго.

Іеремія написалъ Хмельницкому отвѣтъ, гдѣ, между прочимъ, выражался такъ: «Нечего хвалиться, что ваша милость приказалъ казнить моего посланца; это не по-кавалерски, а по-тирански. Надобно помнить: когда кого фортуна изъ ничтожества возноситъ, то для того, чтобъ паденіе его было тяжелѣе. И вамъ слѣдуетъ осматриваться и уже пора! Ваша милость называете меня недоброжелательнымъ пріятелемъ: узнаете противное, когда покажетесь вѣрнымъ королю и Рѣчи Посполитой. По многихъ карахъ отъ Бога, все-таки придетъ до того, что вашей милости не удастся побѣдить короля, который до сихъ поръ хотѣлъ побѣдить васъ не мечемъ, но милостью, какъ подданнаго. Дурныя переправы затрудняютъ ему путь къ нашему войску, но ваша милость не всѣ наши письма перехватываете; иныя и доходятъ до короля, и отъ короля къ намъ приходятъ. Не хорошо, что ваша милость послали съ бѣглецомъ универсалъ къ чужеземному войску; благодареніе Богу, ихъ вѣрность и добродѣтели несомнительны;

Digitized by Google

ихъ начальники по большей части изъ шляхты, да и большая часть ихъ самихъ не привыкла измѣнять. Я возвращаю вамъ писанье къ чужеземцамъ, какъ ненужное». Онъ предлагалъ окупъ за плѣнныхъ, благодарилъ Хмельницкаго за недопущеніе его заднѣпровскихъ имѣній до разоренія. «Въ настоящее время, кончалъ Вишневецкій свое письмо, подданные мои пошли въ ваше войско; я не ставлю имъ этого въ вину; они принуждены были такъ поступить. Увѣрьте ихъ, что я окажу имъ свою милость. Желаю, чтобъ ваша милость не держали ихъ у себя, а отпустили домой» [1]).

Въ отвѣтъ Хмельницкому на его воззваніе къ чужеземцамъ, Корфъ послалъ такую записку:

«Хотя мы нѣмцы и въ осадѣ, но ваша милость не склоните насъ къ предательству; мы не хотимъ быть измѣнниками, подобными вамъ?» [2]).

Хмельницкій давно сдержалъ бы свое слово и заночевалъ въ польскомъ обозѣ, если бы тамъ не было воинственнаго Іереміи. Почти всегда, какъ только Хмельницкій напиралъ сильно на поляковъ, предводители не въ силахъ были остановить воиновъ, которые хотѣли бѣжать и запереться въ замкѣ: Хмельницкому это было бы очень выгодно. Одинъ Іеремія имѣлъ даръ управлять толпою. Одинъ изъ ужасныхъ для поляковъ дней былъ 9-го іюля (19-го н. с.). Разсказываютъ, что наканунѣ этого дня, ханъ, соскучившись безплодною осадою, приказалъ привести къ себѣ Хмельницкаго *за шею*, по выраженію поляковъ [3]).

«Что это значитъ?—говорилъ гнѣвный повелитель Крыма: — съ такимъ огромнымъ войскомъ ты не одолѣешь малой горсти поляковъ и держишь насъ по пустому? Если ты мнѣ въ три дня не расправишься съ поляками, то

[1]) Jak. Michał. ks. Pam. 456—458.

[2]) Annal. polon. Clim. I. 132.

[3]) Woyna dom. 63.—Pam. o wojn. kozak. za Chmieln. 42.

Digitized by Google

поплатишься собою и людьми своими: ты мнѣ обѣщалъ заселить Крымъ ляхами—заселишь его своими козаками!»

Хмельницкій выѣхалъ къ козакамъ и кричалъ вслухъ всего войска:

«Гей, козаки молодці! Отъ що я вамъ до уваги подаю, що мині ханъ, его милость, казавъ, що ежели ему поляківъ на яссиръ не дамо, то сами у неволю до Крыму підемо» [1]).

Послѣ этого русскіе наготовили лѣстницъ, цѣпей, крюковъ, машинъ и ударили на штурмъ. По извѣстію польскихъ историковъ, щадя своихъ воиновъ, Хмельницкій поставилъ впереди плѣнныхъ поляковъ и насильно набранныхъ по окрестностямъ жителей, привязалъ ихъ къ длиннымъ шестамъ, повѣсилъ имъ на груди мѣшки съ землею, для защиты отъ непріятельскихъ пуль, а за ними шли козаки, огражденные такимъ образомъ, несчастными, долженствовавшими служить щитами для своихъ враговъ и мишенью для соотечественниковъ; черезъ нихъ палили, а другіе подгоняли плѣнниковъ нагайками. Вслѣдъ затѣмъ, катились изумительныя гуляй-городыны, которыя польскій историкъ сравниваетъ съ троянскимъ конемъ [2]). Съ гикомъ, при громѣ нѣсколькихъ десятковъ пушекъ, бросились козаки на приступъ съ разныхъ сторонъ. Поляки сидѣли въ темнотѣ отъ дыма [3]). Въ иныхъ мѣстахъ козаки прорвались черезъ окопы и рѣзали враговъ, такъ что тѣ не успѣвали заряжать ружей. Страхъ и отчаяніе овладѣли войскомъ. Предводители говорили:

«Намъ надобно оставить въ замкѣ два полка пѣхоты, пушки, а самимъ бѣжать».

Такъ говорили они, мало помышляя, возможно ли исполнить то, о чемъ говорили. Вишневецкій засмѣялся.

---

[1]) Wojn. dom. 65.—Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 42.

[2]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 42.

[3]) Diar. wojn. p. Zbar.

Digitized by Google

«Вы помѣстите въ замкѣ пѣхоту,—сказалъ онъ:—а что-жъ она будетъ дѣлать въ тѣснотѣ, безъ пищи? А съ лошадьми куда дѣваться? Да и какъ пробраться сквозь неисчислимые ряды враговъ? Развѣ крылья придѣлать себѣ и лошадямъ, и перелетѣть по воздуху черезъ непріятельскій обозъ? А тѣхъ куда дѣнете, у которыхъ лошади пали, слугъ, мѣщанъ и простолюдиновъ? Вѣдь они христіане: грѣхъ ихъ покинуть! Развѣ вамъ жизнь дороже чести? Но мы сохранимъ и жизнь и честь, если рѣшимся обороняться до послѣдней возможности».

«Не пожалѣемъ рукъ,—кричали ободренные смѣльчаки:—будемъ сражаться соединенными силами, пока ни одного изъ насъ не станетъ» [1]).

Но такихъ было мало: большая часть выступала бодро, а потомъ пятилась назадъ. Князь съ обнаженною саблею заступалъ имъ дорогу.

«Если кто двинется назадъ, тотъ или самъ погибнетъ, или меня на мѣстѣ положитъ!—кричалъ онъ:—не дадимъ сволочи потѣшаться. Впередъ!» [2]).

Ободряя такимъ образомъ воиновъ, Іеремія бросился съ племянникомъ своимъ изъ окоповъ, ворвался въ средину непріятелей, собственноручно положилъ на мѣстѣ нѣсколько козаковъ, бросился на гуляй-городыну, разогналъ подвигавшихъ ее хлоповъ и зажегъ ее. Разсказываютъ, будто въ то время полился дождь, а машина горѣла, и всѣ причли это къ чуду [3]).

Въ другой разъ, въ концѣ іюля, въ одинъ изъ тѣхъ дней когда, по выраженію современника [4]), съ огромнаго козачьяго вала летѣли на поляковъ огненные вѣнцы по-

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 124.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 70.

[2]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 43.

[3]) Annal. Polon. Clim. I. 129.—Histor. pan. Jan. Kaz. I. 61.

[4]) Pam. o wojn. kozac. za Cmieln. 47.

Digitized by Google

роха, а гранаты и пули не давали никому выглянуть изъ землянокъ, всеобщее уныніе распространилось въ польскомъ лагерѣ.

«Больше ничего не остается, какъ уйти въ замокъ и тамъ защищаться» говорили поляки.

«Такъ! такъ! говорилъ Іеремія: — этого только и хочется непріятелю, чтобъ мы уступили ему поле, а сами залѣзли въ городъ и замокъ. Тогда онъ насъ и повыберетъ оттуда, какъ грибы изъ лукошка. Подлецъ тотъ, кто пойдетъ! Я останусь здѣсь» [1]).

Тогда-то, по совѣту его, поляки отправили больныхъ въ замокъ, а сами сдѣлали тѣснѣйшіе окопы и заперлись въ нихъ.

Въ самомъ несчастномъ положеніи войска, когда голодъ свирѣпствовалъ въ высшей степени, князь не терялъ духа и заохочивалъ къ бою.

«Еще немного, еще немного!—говорилъ онъ:—и мы получимъ помощь. Король недалеко! Вотъ-вотъ онъ къ намъ явится!»

Не разъ онъ ходилъ съ отрядомъ добывать языка и однажды привелъ въ обозъ нѣсколько плѣнниковъ, изъ которыхъ одинъ сказалъ:

«Король уже недалеко, близь Топорова; татары узнали объ этомъ навѣрное; Хмельницкій испугался и хочетъ бѣжать; уже онъ отправилъ возы за Горынь».

Это развеселило поляковъ.

«Вотъ и нашъ часъ приходитъ,—говорилъ Іеремія:—и мы, въ свою очередь, помстимся надъ врагами!»

Чѣмъ сильнѣе козаки напирали на поляковъ, чѣмъ жарче палили изъ пушекъ, тѣмъ бодрѣе казался Вишневецкій.

«Радуйтесь! радуйтесь! — говорилъ онъ: — вотъ-вотъ

---

[1]) Wojn. dom. 71.—Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 48.

Digitized by Google

король подходитъ; оттого-то непріятель намъ и не даетъ покоя!» [1]).

Хмельницкій черезъ бѣглецовъ, продолжавшихъ переходить къ нему, узналъ, что такое мнѣніе распространилось между непріятелемъ, и задумалъ имъ воспользоваться для своихъ выгодъ. Онъ приказалъ одну часть возовъ съ припасами побросать на мѣстѣ, а на другіе возы наложить хворосту и ѣхать по дорогѣ къ Старому Збаражу. Хлопы, сидя на возахъ, кричали:

«Эй рушай! рушай! не ближься до лядськихъ окопівъ! Уже бачу, ляхівъ не будемъ добувати, король ихъ зъ віськомъ иде» [2]).

Это сдѣлано было въ томъ предположеніи, что иныхъ можно будетъ выманить изъ обоза оставленными съѣстными припасами, а другіе вздумаютъ ударить съ тыла на ѣдущихъ. Но поляки не трогались съ мѣста и недовѣрчиво посматривали на козацкіе маневры. Тогда Хмельницкій употребилъ свое приготовленіе на другое дѣло: рано утромъ поляки увидѣли, что козацкіе окопы повысились отъ наброшеннаго на нихъ хвороста; сверху стояли огромныя лѣстницы; взобравшись на нихъ, козаки длинными *котвыцями* (такъ назывались крюки, на подобіе якорей) удили, такъ сказать, осажденныхъ и таскали за окопы. Въ то время обозъ уже былъ зарытъ до того, что не оставалось и узкаго прохода для вылазки; словомъ, «непріятель, говоритъ очевидецъ, могъ насъ всѣхъ посчитать и перебить какъ куръ» [3]).

Въ такомъ ужасномъ положеніи прошелъ день, прошелъ и другой; некому было ободрять унывающихъ. Уже всѣ сильно роптали на Вишневецкаго за то, что онъ довелъ войско до такого положенія своими выходками и

[1]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 49.
[2]) Истор. о през. бр.—Woyna dom. 74.
[3]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 49.

Digitized by Google

ложными увѣреніями скораго королевскаго прихода. Іеремія послѣдній разъ придумалъ средство спасти, хоть на нѣсколько дней, обозъ отъ неминуемой сдачи. Онъ находился въ своей палаткѣ съ полководцами; до ушей его долетали насмѣшки торжествующихъ козаковъ, вмѣстѣ съ стонами умирающихъ отъ голода соотечественниковъ; полководцы видѣли *послѣдняя своя* [1]), разсуждали и ничего не могли выдумать утѣшительнаго; вдругъ, со стороны непріятельскаго обоза, прилетѣла стрѣла и упала къ ногамъ Іереміи; къ стрѣлѣ привязана была записочка. Вишневецкій, вмѣстѣ съ прочими, показалъ видъ изумленія, поднялъ стрѣлу и прочиталъ слѣдующее въ записочкѣ:

«Я, природный полякъ, прошлый годъ, по причинѣ обидъ отъ одного господина, принужденъ былъ идти въ службу Хмельницкаго; но желаю добра своимъ соотечественникамъ, а потому извѣщаю васъ, братья-поляки, что король вашъ за пять миль отсюда съ большимъ войскомъ. Хмельницкій съ татарами знаетъ объ этомъ и боится, и если сильно на васъ нападаетъ, то потому, чтобъ васъ скорѣе взять, пока еще не прибылъ король. Надѣйтесь и выдерживайте осаду: Богъ и король избавятъ васъ!»

Это была хитрость князя. Онъ приказалъ одному изъ приближенныхъ пустить эту стрѣлу въ то время, когда онъ будетъ сидѣть съ полководцами. Войско, узнавъ о письмѣ, стало увѣреннѣе, и хотя козаки сильно палили въ обозъ, а голодъ дѣлался нестерпимѣе съ каждымъ часомъ, за то каждый шумъ въ непріятельскомъ лагерѣ наполнялъ сердца поляковъ ожиданіемъ [2]).

---

[1]) Истор. о през. бр.

[2]) Jak. Michał. 464.—Pam. o wojn. koz. za Chmieln. 52.—Истор. о през. бр.—Bell. scyth. cosac. 50.—Кратк. опис. о малор. нар. 30.—Hist. belli cosac. polon. 102.—Woyn. dom. 76. Jemioł. Pamiętn. 11—15.

Digitized by Google

Таковы заслуги Іереміи, которому отдаютъ честь не только польскіе, но и русскіе лѣтописцы.

Еще до прибытія козаковъ, польскіе предводители писали къ канцлеру, просили помощи и представляли невозможность удержаться противъ сильнаго и многочисленнаго непріятеля [1]). Во время осады они нѣсколько разъ посылали письма, но козаки ихъ перехватывали [2]) какъ это сдѣлалось съ письмомъ Вишневецкаго. Осажденные, изъ показаній плѣнниковъ, были увѣрены, что король идетъ къ нимъ на помощь; но король могъ не знать въ какомъ крайнемъ положеніи войско; король могъ медлить, а между тѣмъ голодъ и недостатокъ пороха и оружія должны были погубить польское войско чрезъ нѣсколько дней.

«Король недалеко, — говорили предводители: — теперь отъ нашей отваги зависитъ наше спасеніе. Пусть кто нибудь рѣшится отыскать его и доставить ему извѣстіе».

«Правда,—говорили паны:—но возможно ли это, когда не только человѣку, птицѣ перелетѣть трудно! Головы не дадутъ высунуть изъ окоповъ!»

Было объявлено въ обозѣ, что если кто доставитъ королю извѣстіе, тотъ получитъ большую награду. Вызвался служившій у Вишневецкаго шляхтичъ Стомпковскій. Ему дали письмо такого содержанія: [3])

«Мы въ крайности. Непріятель окружилъ насъ такъ, что птица не перелетитъ отъ насъ и къ намъ. Письма наши къ вашему величеству перехвачены. Не только лошади пали, но у насъ самихъ нѣтъ продовольствія и болѣе нѣсколькихъ дней не можемъ держаться. Хуже то, что пороха нѣтъ, а непріятель дѣлаетъ сильные приступы: много пороха потратили. Коротко сказать, пороха

---

[1]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 441—444.

[2]) Кратк. опис. о коз. мал. нар. 9.

[3]) Jak. Michał. ks. pam. 428.

Digitized by Google

станетъ едва дня на три. Благоволите, ваше величество, помочь войску; великій вредъ для вашего величества и Рѣчи Посполитой будетъ, если это войско погибнетъ: оно никакимъ способомъ не можетъ существовать долѣе недѣли. Ради Бога, дайте помощь и пороха пришлите побольше. Это письмо писано уже тому третій день, а мы въ крайней нуждѣ. Ради Бога помогите. На честный миръ нѣтъ надежды. Хмельницкій надѣется быть господиномъ всей Польши. Голодъ чрезвычайный и неслыханный, ежедневные труды и опасности терпимъ мы изъ любви къ отечеству и вашему величеству. Помогите намъ, ради Бога, порохомъ, чтобъ мы, по крайней мѣрѣ, погибли въ бою, какъ воины, если за нескорою присылкою войска намъ придется погибнуть».

Письмо это написано было условною азбукою.

11-го августа посланецъ прибралъ голову по-мужицки, какъ русинъ. Нельзя было перескочить черезъ окопы; онъ съ козакомъ и двумя татарами бросился въ прудъ, который примыкалъ съ одной стороны къ обозу, ночью переплылъ его на лодкѣ, проползъ, какъ змѣя, посреди спящихъ непріятелей, и къ свѣту добрался до болотистаго мѣста; тамъ просидѣлъ онъ цѣлый день, боясь показать голову, чтобъ не встрѣтить красной козацкой шапки или татарской кучмы. Ночью онъ снова ползъ по травѣ; при малѣйшемъ шумѣ припадалъ лицомъ къ землѣ и притаивалъ дыханіе, какъ охотникъ за медвѣдемъ. Такимъ образомъ онъ достигъ до бурьяновъ, гдѣ уже могъ идти сгорбившись, а когда минулъ станъ непріятельскій, то побѣжалъ, выдавая себя за русскаго мужика, а далѣе, по почтѣ, прискакалъ въ мѣстечко Топоровъ, гдѣ засталъ Яна Казимира [1]).

---

[1]) Hist. ab exc. Wlad. IV. 45.—Annal. Polon. Clim. I 137.—Hist. Jan. Kaz. I. 71.—Pam. do panow. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II.

Digitized by Google

Сеймъ, какъ уже было сказано, далъ королю право собрать, въ случаѣ необходимости, посполитое рушенье. Между лицами, окружавшими короля, происходило недоумѣнье относительно этого. Польское правительство употребило мѣры къ огражденію себя отъ сосѣдей, послало нарочныхъ пословъ въ Московское государство, Швецію и Трансильванію съ изложеніемъ своей справедливости въ отношеніи къ украинскому возстанію; однако многіе изъ сенаторовъ представляли, что неблагоразумно оставить королевство безъ жителей, годныхъ къ отраженію непріятеля: не могли не опасаться Ракочи, который переговаривался съ Хмельницкимъ; боялись Швеціи, постоянной соперницы Польши [1]). Другіе страшились, чтобы въ то время, когда дворяне выйдутъ на войну, не сдѣлалось возмущенія между польскими хлопами, въ подражаніе украинскимъ. Сверхъ того доходили слухи, что шляхтичи на своихъ сеймикахъ негодовали и находили противозаконнымъ, что на нихъ наложили особенную подать и, вмѣстѣ съ тѣмъ, призываютъ на посполитое рушенье [2]). «Это значитъ, говорили они, съ одного вола драть двѣ шкуры!» Тогда король оповѣстилъ снова сеймъ къ 1 іюня: На этотъ сеймъ не явилось и сорока пословъ, и потому многіе впослѣдствіи не признавали его правильнымъ сеймомъ, достойнымъ своего названія. Засѣданія продолжались шесть дней и предметомъ споровъ было посполитое рушенье. Оссолинскій и его приверженцы доказывали, что его собирать не нужно, представляли, что въ войнѣ искусство и храбрость цѣнятся болѣе многолюдства, хвалили

81.—Woyna dom. 77.—Pam. o wojn. koz. za Chmieln. 53.—Истор. о през. бр. У нѣкоторыхъ лицо, доставившее королю письмо, называется Скршетускій.—У Пасторія (Hist. plenior) Скршетускій и Стомпковскій—два разныя лица и оба приносили королю вѣсти одинъ за другимъ.

[1]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 412.

[2]) Annal. Polon. Clim. I.—Памятн. кіевск. комм. I. 3. 412.

Digitized by Google

наемное иноземное войско и указывали на трусость и невоинственность польскихъ шляхтичей, показавшихъ себя подъ Пилявою. Главнымъ противникомъ Оссолинскаго былъ подканцлеръ, куявскій епископъ, и его стороны держались духовные. «Этому было причиною, говоритъ современникъ, не столько любовь къ отечеству, сколько то, что, при сборѣ посполитаго рушенья, они надѣялись ничего не платить съ своихъ имѣній, между тѣмъ какъ, въ противномъ случаѣ, принуждены были бы давать пособія на жалованье наемнымъ войскамъ». Рѣшили только, что король долженъ съ войскомъ идти въ Украину: о посполитомъ рушеньи не было сдѣлано окончательнаго приговора. Тѣмъ не менѣе, король оповѣстилъ два раза о томъ, чтобъ всѣ были на готовѣ по востребованію [1]). Эти оповѣщенія въ Польшѣ назывались *вици*. Послѣ первыхъ и вторыхъ вицей всѣ должны быть подъ ружьемъ, за третьими — выступать безъ малѣйшаго замедленія. Каждый шляхтичъ, если только онъ не былъ старъ или болѣнъ и не поставлялъ другаго вмѣсто себя, долженъ былъ выѣзжать во всемъ вооруженіи на боевомъ конѣ; за нимъ слѣдовало нѣсколько слугъ, вооруженныхъ саблями, ружьями или стрѣлами; одинъ изъ этихъ слугъ сидѣлъ на высокомъ возѣ, запряженномъ въ двѣ лошади; возъ былъ сверху закрытъ: тамъ хранились съѣстные запасы, которые, по обычаю времени, состояли изъ ветчины, сухарей, гороху, овса, уксусу и водки въ большомъ количествѣ. Хозяинъ избѣгалъ тратить эти запасы, когда проѣзжалъ по населеннымъ землямъ и могъ все купить, а берегъ на случай нужды. Въ этомъ возѣ, кромѣ съѣстнаго, можно было найти запасное оружіе и разную домашнюю и военную утварь, какъ-то: котелъ для варенья пищи, топоръ, заступъ, на случай необходи-

---

[1]) Hist. pan. Jan. Kaz. I. 71. — Annal. Polon. Clim. I. 136. — Stor. delle guer. civ. 106—115.

Digitized by Google

мости копать валы, лопату, лукошку для выноса земли и проч. [1]).

Король выѣхалъ изъ столицы съ большимъ торжествомъ. Папскій легатъ де-Торресъ благословилъ его въ день св. Іоанна Крестителя и вручилъ ему освященное знамя и мечъ, какъ воителю за католичество противъ враговъ апостольской власти. Только то не гармонировало съ этою торжественностью, что съ королемъ шла немногочисленная гвардія и приводила на память, по замѣчанію польскаго историка, пословицу: «не силенъ царь безъ войска». Королева была очень грустна, провожая своего деверя-супруга [2]). Когда король выѣхалъ, подъ нимъ споткнулся конь, чего прежде никогда не было съ этимъ конемъ. Это сочли тогда же дурнымъ предзнаменованіемъ [3]).

Король прибылъ въ Люблинъ; паны окружили его; король началъ съ ними совѣщаться, собирать ли посполитое рушенье. Канцлеръ Оссолинскій былъ противъ этого.

«Отечество еще не въ такой крайности, говорилъ онъ, чтобъ собирать посполитое рушенье противъ непослушныхъ. Одно появленіе королевскаго величества устрашитъ мятежниковъ. Видали ли вы, какъ морозною ночью вода покроется стекломъ льда, а взойдетъ солнце — ледъ растопится! Такъ отъ блеска величія государя растопляется злоба мятежа и виновные падаютъ въ прахъ, устрашенные присутствіемъ монарха».

Оссолинскаго подозрѣвали въ потачкѣ козакамъ. Въ самомъ дѣлѣ, быть можетъ, онъ боялся, чтобъ не открылись слишкомъ осязательно тайныя причины украинскаго возстанія, а потому и желалъ уладить дѣло сколь возможно тише.

Впрочемъ, самъ король раздѣлялъ мнѣніе Оссолинскаго.

---

[1]) Stor. delle guer. civ. 132.

[2]) Histor. ab. exc. Wl. IV. 44.—Pom. dz. pols. w. XVII. 143.

[3]) Annal. Polon. Clim. I. 134.— Stor. delle guer. civ. 129.

Digitized by Google

«Созваніе посполитаго рушенья,—говорилъ,—которое было собираемо всегда только въ крайности, произведетъ нехорошее впечатлѣніе. Сосѣднія государства будутъ думать, что Рѣчь Посполитая на краю гибели».

Противъ этого возражалъ подканцлеръ литовскій Сапѣга.

«Сохрани Богъ,—говорилъ онъ,—чтобъ мы короля, главу Рѣчи Посполитой, послали въ опасность! Было время, когда мы, словно на медвѣдя, ходили укрощать украинскіе мятежи: тогда они были въ зародышѣ, подъ предводительствомъ какого-нибудь Павлюка; теперь иное дѣло! Мы ополчаемся за вѣру, отдаемъ жизнь нашу за семейства и достояніе наше. Противъ насъ не шайка своевольниковъ, а великая сила цѣлой Руси. Весь народъ русскій изъ селъ, деревень, мѣстечекъ, городовъ, связанный узами крови и вѣры съ козаками, грозитъ искоренить шляхетское племя и снести съ лица земли Рѣчь Посполитую. Вся шляхта должна защищать свои права и вольности» [1]).

Наконецъ, рѣшили, что посполитое рушенье необходимо, однако, не изо всей Польши. Король находилъ, что западную полосу королевства нельзя совершенно лишить обороны и потому положилъ, что съ пространства Великой Польши отъ Балтійскаго моря до Кракова не слѣдуетъ созывать посполитаго рушенья. Такимъ образомъ, для призыва шляхты изъ остальныхъ воеводствъ Рѣчи Посполитой, король выдалъ третьи вици.

Король послѣ того, въ теченіи пятнадцати дней, дожидался въ Люблинѣ прибытія войска; но не только посполитое рушенье — самое регулярное войско и надворныя команды пановъ сходились медленно [2]).

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 135—136.—Histor. pan. Jan. Kaz. 70.

[2]) Pam. do panow. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 81.—Annal. Polon. Clim. 1. 136.

Digitized by Google

Подати, положенныя на уплату жалованья войску, платились неисправно; иныя воеводства внесли только часть того, что приходилось на ихъ долю, а другія ничего не внесли; такимъ образомъ войско не было удовлетворено какъ слѣдуетъ, и это, по замѣчанію современниковъ, было причиною нескораго сбора войска. Какъ ни побуждалъ король полковниковъ и ротмистровъ поторопиться— они отговаривались неполученіемъ жалованья, слѣдуемаго ихъ отрядамъ [1]).

Вдругъ разносится вѣсть, что ханъ, съ сотнею тысячъ ордынцевъ, соединился съ козаками на Подоли [2]).

Нѣкоторые паны все еще совѣтовали королю не ходить самому на войну, а послать войско. Но тутъ пришло извѣстіе, что союзники осадили поляковъ подъ Збаражемъ. Король рѣшился непремѣнно идти самъ лично. Онъ не сталъ медлить и выѣхалъ изъ Люблина 7-го іюля (17-е н. с.) [3]). Сколько у него тогда было войска— опредѣлить невозможно, потому что безпрестанно прибывали новые отряды. Одни полагаютъ число собственно регулярнаго войска въ двадцать тысячъ [4]), другіе простираютъ до сорока тысячъ съ гвардіею, съ нововступившими въ службу и съ надворными командами пановъ [5]).

Король главнымъ предводителемъ назначилъ послѣ себя Оссолинскаго и тѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе отъ многихъ, подозрѣвавшихъ канцлера; даже и тѣ, которые не сомнѣвались въ его вѣрности, не одобряли такого выбора, признавая въ Оссолинскомъ государствен-

---

[1]) Jak Michał. 500.

[2]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 45.

[3]) Pom. dz. pols. w. XVII. 144.

[4]) Кратк. опис. о козац. малор. нар. 30.—Bell. scyth. cosac. 51.—Jak. Michał Pam. 487.

[5]) Histor. belli cosac. polon. 102

Digitized by Google

наго человѣка, но вовсе не воина [1]). Равнымъ образомъ не нравилось польскимъ патріотамъ, что начальство надъ пѣхотою поручено было Убальду (или Гавальду), шведу [2]).

Посполитое рушенье собиралось медленно. Эта медленность казалась тѣмъ непростительнѣе, что уже давно оповѣщено было всѣмъ быть на-готовѣ. Шляхтичи сходились на сеймики, толковали, сбирались, шли какъ будто въ путешествіе. Только ополченія воеводствъ русскаго (Червонной Руси), волынскаго и бельзскаго (часть Червонной Руси и Польши) приходили скорѣе въ войско, потому что они на опытѣ извѣдали, что́ такое козаки; но и тѣ не знали военныхъ оборотовъ и при первомъ случаѣ могли побѣжать [3]). Король шелъ нарочно медленно и околичною дорогою, чтобъ дать время сходиться ополченіямъ посполитаго рушенья. Это подало поводъ, впослѣдствіи, подозрѣвать канцлера, что онъ съ дурными намѣреніями велъ короля не прямикомъ и задерживалъ [4]). Всего болѣе безпокоило поляковъ то, что они не имѣли никакой вѣсти ни о непріятелѣ, ни о своемъ войскѣ на Волыни [5]). Разсказываютъ, однажды начальникъ артиллеріи Артишевскій замѣтилъ, что поляки идутъ какъ будто съ мотыкою на солнце, по извѣстной пословицѣ, и что непріятель, того и гляди, нападетъ на нихъ въ-расплохъ. Оссолинскій отвѣчалъ на это: «дай Богъ, чтобъ онъ пришелъ къ намъ» [6]).

Путь короля съ войскомъ лежалъ чрезъ Красноставъ

---

[1]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 55.—Histor. pan. Jan. Kaz. I. 68.

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 131.

[3]) Истор. о през. бр.—Pam. o wojn. koz. za Chmieln. 53—56. St. delle guer. civ. 36.

[4]) Pam. o Koniecpols. 426.

[5]) Annal. Polon. Clim. I. 137.

[6]) Pam. o Koniecp. 425.

Digitized by Google

и Сокалъ. Всего посполитаго рушенья, по свидѣтельству современника, пришло тогда только 13,600 [1]). Отсюда, послѣ недоумѣнія—куда идти, поляки рѣшились идти на Збаражъ, еще не зная ничего, гдѣ войско и въ какомъ положеніи. Наконецъ 31-го іюля (10-го августа н. с.), они пришли въ Топоровъ, и здѣсь-то Стомпковскій явился предъ королемъ съ письмомъ отъ предводителей осажденнаго войска [2]). Король, по замѣчанію польскаго лѣтописца, на блѣдномъ и изможденномъ лицѣ посла прочиталъ еще явственнѣе извѣстіе о положеніи осажденныхъ чѣмъ въ письмѣ, доставленномъ ему [3]).

Тогда король не сталъ болѣе дожидаться сбора и прибытія посполитаго рушенья и немедленно выступилъ. Но, вмѣсто того, чтобъ идти прямо на Збаражъ, онъ поворотилъ на право къ Злочеву. Впослѣдствіи и въ этомъ хотѣли видѣть коварство Оссолинскаго: говорили, будто онъ, изъ личной вражды къ Вишневецкому, хотѣлъ его долѣе помучить въ осадѣ [4]). На самомъ дѣлѣ здѣсь дѣйствовали другія причины: хотѣли узнать о непріятелѣ, и притомъ необходимо было пріучить къ военному дѣлу посполитое рушенье; изъ него многіе до того времени не держали никогда оружія. Въ Бѣломъ-Камнѣ, имѣніи Вишневецкихъ, король со своимъ войскомъ простоялъ четыре дня по причинѣ дурной погоды и здѣсь издалъ универсалъ, обращенный ко всѣмъ вообще хлопамъ. Король предостерегалъ ихъ, чтобъ они не приставали къ возстанію, а тѣхъ, которые уже пристали, убѣждалъ отступить отъ Хмельницкаго, въ надеждѣ получить прощеніе за свою вину, а на будущее время король обѣщалъ всѣмъ имъ

---

[1]) Stor. delle guer. civ. 148.—Ibid. 136.

[2]) Pomn. dziej. pols. 144.—Истор. о през. бр.—Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 53.—Woyn. dom. 78.

[3]) Annal. Polon. Clim. I. 137.—Histor. pan. Jan. Kaz. I. 71.

[4]) Hist. belli cosac. polon.

Digitized by Google

свою королевскую милость и всевозможныя льготы. Этотъ универсалъ былъ разосланъ по мѣстечкамъ и селамъ для сообщенія народу [1]. Прибывъ въ Злочевъ, король выдалъ универсалъ, которымъ отрѣшалъ Хмельницкаго отъ гетманства, а вмѣсто его назначалъ предводителемъ козацкихъ войскъ какого-то Забусскаго, который въ то же время произнесъ присягу въ вѣрности на гетманство [2]. Въ Злочевѣ привели къ королю татарина изъ ногайской орды, взятаго въ плѣнъ полковникомъ королевскаго войска княземъ Корецкимъ. «Нашъ ханъ,—сказалъ королю плѣнникъ, —готовъ будетъ отступить отъ козаковъ и быть за-одно съ королемъ. Пусть только король заранѣе пошлетъ къ нему и уговорится о мирѣ. Я вижу, сказалъ этотъ татаринъ полякамъ, что съ такими силами, какія у васъ теперь есть, король не будетъ въ состояніи справиться съ непріятельскими силами!» Такое замѣчаніе, говоритъ одинъ изъ тогдашнихъ сенаторовъ, не было принято во вниманіе, да еслибъ къ нему отнеслись довѣрчивѣе, мы всетаки не избѣгнули бы великаго кровопролитія [3]. Поручивъ регулярное войско полководцамъ, король предоставилъ своему исключительному попеченію посполитое рушенье; самъ училъ его, показывалъ какъ держаться на лошадяхъ; какъ одинъ отрядъ долженъ поспѣшать другому на помощь; обучалъ маршировать, стрѣлять [4]. Замѣчая въ воинахъ трусость и страшась, чтобъ такимъ образомъ не вкралась измѣна, онъ, переодѣвшись, ночью ходилъ по рядамъ, прислушивался къ соннымъ, осматривалъ, исполняютъ ли свой долгъ караульные, и тоже приказывалъ дѣлать начальникамъ [5]. Однако, все еще плоха была на-

---

[1]) Kubala. I. Ссылка на рукоп. библ. Оссолинск. №. 189.

[2]) Pam. o Koniecp. 426.—Рукоп. И. П. Б. разнояз. F. № 5.

[3]) Pamietn. Albrechta Raziwiłła II. 381.

[4]) Woyn. dom. 80.—Hist. pan. Jan. Kaz. 71.

[5]) Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV. i Jan. Kaz. II. 84.—Jakuba

Digitized by Google

дежда на это войско; посполитое рушенье сходилось очень медленно.

Одно къ другому. Лѣто 1649 года было необыкновенно дождливо; уже цѣлый мѣсяцъ лило какъ изъ ведра; дороги были попорчены, такъ что повозки грузли въ болотной тинѣ; рѣки выступили изъ береговъ и разломали мосты: переправы были затруднительны [1]). Къ горшей бѣдѣ поляковъ, они все еще шли какъ въ море, не зная, гдѣ встрѣтитъ ихъ непріятель. Неоднократно король посылалъ узнавать о немъ, но все было безуспѣшно: посланные либо возвращались ничего не узнавъ, либо пропадали безъ вѣсти [2]). Русскіе жители края, если и знали, то не говорили полякамъ: ни просьбы, ни увѣщанія, ни награды— ничто не могло вынудить ихъ открыть истину [3]). «Эта Русь всѣ на-голо мятежники—говоритъ современникъ,— если и достанемъ языка, то etiam ustulati prawdy nie powiedzą; а между тѣмъ, того и гляди, что какое нибудь неожиданное нападеніе надѣлаетъ бѣды» [4]). Въ такомъ положеніи дѣлъ король прибылъ къ мѣстечку Зборову и сталъ въ деревнѣ Милоновичахъ.

Тутъ поймали какого-то татарина и подвергли пыткѣ и разспросамъ. «Козаки и татары подъ Збаражемъ,— отвѣчалъ онъ: — ханъ съ двумя султанами, своими братьями, а орды у него и счета нѣтъ. Только вотъ какъ прошла вѣсть, что король идетъ, такъ ханъ думаетъ уйти: нельзя съ нашими татарскими луками да саблями бороться противъ польскихъ ружей и копій поль-

---

Michałowsk. Xięga pamiętn, 480. Pamiętn. do panow. Wład. IV. i Jana Kazim. II. 84.

[1]) Истор. о през. бр. Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 54.

[2]) Histor. ab. exc. Wlad IV. 45.

[3]) Крат. истор. о козац. мал. нар. 30: „хоть ты жги ихъ—не скажутъ тебѣ правды“.

[4]) Памят. кіевск. комм. I. 3. 439.

Digitized by Google

ской конницы, а у хлоповъ однѣ косы». «Этому нельзя довѣрять, — разсудили паны: — татаринъ, быть можетъ, нарочно подосланъ, чтобъ насъ испугать или не-кстати ободрить черезчуръ». Такимъ образомъ и этому плѣнному татарину поляки не повѣрили, какъ тому, который былъ схваченъ подъ Злочевомъ. Посланные подъѣзды не приводили болѣе плѣнныхъ и не доставили вѣстей [1]).

Совсѣмъ иное происходило въ войскѣ козацкомъ. Козаки не думали предпринимать далекаго похода: ни непогода, ни дурныя дороги не озабочивали ихъ. Силы у Хмельницкаго было несравненно болѣе, чѣмъ у короля. Хмельницкій зналъ всѣ движенія польской арміи: русскіе хлопы, привозившіе припасы королевскому войску, отправлялись послѣ того къ своимъ братьямъ разсказывать о положеніи непріятеля [2]); высылаемые на подъѣздъ поляки попадались въ руки враговъ; ихъ приводили въ козацкій станъ, и тамъ подъ пытками они высказывали всѣ тайны. Мѣщане города Зборова, заранѣе предвидя побѣду козаковъ, изъявляли Хмельницкому готовность помогать ему; наконецъ, множество слугъ, пришедшихъ съ панами, бѣжали отъ господъ своихъ къ козакамъ; между ними были не только русскіе, но и природные поляки: «ужъ такая у насъ непріязнь черни къ шляхетству!» восклицаетъ лѣтописецъ [3]). Словомъ, Хмельницкій расчитывалъ каждый часъ, и когда узналъ, что король приступилъ къ Зборову, тогда оставилъ пѣшихъ изъ своей арміи кончать, какъ выражаются современники, осажденныхъ подъ Збаражемъ [4]) и запретилъ, подъ смертною казнью, выходить изъ обоза

---

[1]) Stor. delle guer. civ. 152.

[2]) Annal. Polon. Cl. I. 138.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 82.—Hist. pan. Jana Kaz. I. 70.

[3]) Histor. pan. Jana Kaz. I. 72.

[4]) Лѣтоп. Самов. 15.

Digitized by Google

и производить какое нибудь волненіе [1]), а самъ пошелъ къ Зборову съ конницею, въ сопровожденіи татаръ подъ предводительствомъ самого Исламъ-Гирея [2]). Ханъ шелъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ взять короля въ плѣнъ [3]). Поляки говорятъ, что съ союзниками пошло тогда сто, а по другимъ — сто двадцать тысячъ татаръ и пятьдесятъ, а по инымъ—восемьдесятъ тысячъ козаковъ [4]), что составляло половину всей ихъ арміи. Эти извѣстія нельзя почитать вѣрными: было ли еще тогда столько татаръ у хана—сомнительно.

По лѣвую сторону Зборова былъ густой дубовый лѣсъ, закрывавшій, со стороны города, видъ на дальнѣйшее мѣстоположеніе [5]). Хмельницкій хорошо зналъ мѣстность и повелъ туда своихъ козаковъ и татаръ, такъ что находился за полмили отъ польскаго обоза, расположившагося при деревнѣ Млыновѣ, и никто изъ поляковъ не подозрѣвалъ близости непріятеля [6]). Чрезъ городъ протекалъ рукавъ рѣки Стрипы; поляки находились на правой ея сторонѣ и готовились переходить на лѣвую. Хмельницкій предложилъ дождаться, когда поляки начнутъ переходъ, и тогда стремительно напасть на нихъ съ двухъ сторонъ. Такимъ образомъ, часть татаръ онъ оставилъ на лѣвой сторонѣ, а другую, вмѣстѣ съ козаками, перевелъ на правую [7]). Онъ приготовилъ свое войско въ боевой порядокъ и, собравъ старшинъ, предъ рядами молодцовъ говорилъ такую рѣчь:

---

[1]) Histor. ab. ex. Wlad. IV.—Pomn. dziej. pols. w. XVII. 145.—Woyn. dom. I. 79.

[2]) Лѣт. Сам. 15.

[3]) Истор. о през. бр.—Bell. scyth. cosac. 53.

[4]) Pomn. dziej. pols. w. XVII. 145.—De rebus gest. contra cosac. 73.

[5]) Hist. pan. Jan. Kaz. I. 73. — Кратк. истор. опис. о Мал. Росс. 12—Pam. do pan Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. I. 83.—Stor. delle guer. civ. 153.

[6]) Pam. o Koniecp. 426.—De reb. gest. contra cosac. 74.

[7]) Лѣт. малор. рукоп.

Digitized by Google

«Молодцы! Отцы, братья, дѣти ваши простираютъ къ вамъ руки и просятъ васъ освободить ихъ отъ фараонскаго лядскаго ига; души замученныхъ ляхами молятъ о мщеніи за кровь ихъ, безнаказанно пролитую! Церковь наша, поляками поруганная и попранная, взываетъ къ вамъ, сынамъ своимъ, постоять за нее! Но не дерзайте поднять убійственной руки на его милость, короля, помазанника Божія! Мы воюемъ противъ пановъ, нашихъ мучителей, которые подвигли его на насъ [1]).

Былъ канунъ Успенія (по католическому календарю). Король переѣхалъ чрезъ рѣку въ костелъ, слушалъ тамъ обѣдню и причастился св. таинъ [2]). Въ тотъ же день совершена была генеральная исповѣдь войску; священники приготовляли къ битвѣ воиновъ за вѣру святую. По окончаніи религіозныхъ обрядовъ, король совѣтовался съ полководцами, раздавалъ приказы [3]) и потомъ произнесъ передъ собраннымъ войскомъ ободрительную рѣчь:

«Господа! вы идете за отечество, за женъ вашихъ и дѣтей, за спасеніе цѣлой Рѣчи Посполитой; идете противъ враговъ свирѣпыхъ, поклявшихся смести съ лица земли имя шляхетское, несытыхъ нашею кровью. Вспомните плѣнныхъ гетмановъ вашихъ, которые томятся въ неволѣ, далеко отъ милой родины; вспомните поруганіе костеловъ, убіеніе священниковъ, погибель тысячей невинныхъ, разореніе домовъ; вспомните все, что вы терпѣли отъ козаковъ, и сражайтесь какъ прилично благороднымъ рыцарямъ сражаться за свое отечество! Неизбѣжная погибель грозитъ Рѣчи Посполитой, въ случаѣ трусости нашей. Вы теперь должны загладить гнусное пилявское дѣло, которое нанесло стыдъ и поношеніе польской націи. И еслибъ

---

[1]) Лѣтоп. малор.

[2]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 55.—Woyn. dom. I. 80.

[3]) Pomn. dziej. polsk. w. XVII. 146.—Stor. delle guer. civ. 152.

Digitized by Google

кто изъ васъ обратился въ бѣгство—вѣчное проклятіе да преслѣдуетъ его имя» [1]).

Когда король кончилъ свою рѣчь, вдругъ прибѣжалъ къ нему въ-торопяхъ панъ Михаловскій и извѣстилъ, что нѣкто Бейковскій, отправясь на подъѣздъ, увидѣлъ татарскій отрядъ [2]).

Оссолинскій немедленно послалъ ротмистра Гдешинскаго въ окрестности развѣдать, дѣйствительно ли справедливы слухи. Канцлеръ поручалъ ему возвращаться не иначе, какъ съ языкомъ [3]). Но Гдешинскій, поѣздивъ неподалеку отъ обоза [4]), воротился вечеромъ и донесъ, будто онъ обѣгалъ пространство на три мили и не видѣлъ никакого признака близости непріятеля [5]).

«Вѣрно Бейковскому показалось такъ отъ страха: онъ видѣлъ, вѣроятно, солдатъ, которые гонялись за мужиками, чтобъ достать себѣ живность, а можетъ быть, служители ссорились между собою» [6]).

Такъ говорилъ Гдешинскій. Ему повѣрили и отложили на утро переходъ черезъ рѣку и приведеніе войска въ боевой порядокъ.

Утромъ, рано въ воскресенье, 5-го августа (15-го, день Успенія по н. с.) началась переправа. Для скорости, войско должно было переправляться по двумъ мостамъ, которые наканунѣ старикъ генералъ Артишевскій устроилъ

---

[1]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 56.—Истор. о през. бр.—Woyna dom. 81—82.

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 138.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV. i Jan. Kaz. II. 82.

[3]) Pom. dziej. pols. w. XVII. 146.

[4]) Histor. Jan. Kaz. I. 72.—Histor. ab. exc. Wlad. IV. 45.—Pam. do pan. Zy[illegible] III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 82.

[5]) Pom[illegible]ziej. pols. w..XVII. 147.—De reb. gest. contr. cosac. 73.

[6]) Hist. Jan. Kaz. I. 73.—Annal. Polon. Clim. I. 138.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 82.

Digitized by Google

чрезъ рѣку и сверхъ того по плотинѣ [1]). Одна часть, подъ начальствомъ короля, должна была переправляться на той сторонѣ Зборова, которая называлась *къ Озерной* (имя мѣстечка), куда лежалъ путь на Збаражъ, а другая на сторонѣ ко Львову [2]). Оба моста были тѣсны для множества возовъ и воиновъ, а потому войско необходимо растянулось на большое пространство, да и переправившись, не могло скоро стать въ боевой порядокъ [3]). Подъѣздчики увѣряли и клялись, что не видѣли татаръ: всѣ думали, что непріятель далеко и опасаться нечего. Но какъ день былъ пасмурный и дождливый, то король, для предупрежденія опасности, отправилъ на самомъ разсвѣтѣ два отряда въ передовую и заднюю стражу: впередъ поѣхалъ князь Самуилъ Корецкій, извѣстный виновникъ корсунскаго пораженія, а назадъ отправился, съ 1200 человѣкъ, Самуилъ Коржицкій и сталъ подлѣ какого-то полуразрушеннаго стараго окопа близь озерца или плеса, образуемаго рѣкою [4]). Обязанность ихъ состояла въ томъ, чтобъ, въ случаѣ опасности, дать знать войску и удерживать нападеніе, пока войско придетъ въ порядокъ.

И такъ, король съ одной частью войска на-легкѣ переправился подъ сильнымъ дождемъ на другую сторону, а другая часть съ обозомъ оставалась еще на прежней сторонѣ и переправлялась медленно, мало по малу, по причинѣ дурной погоды. Только часть обоза успѣла переправиться и заложить на другой сторонѣ военный станъ. [5]).

Козаки видѣли все, что дѣлаютъ враги; самъ Хмель-

---

[1]) Bell. scyth. cosac. 53.—Pom. dziej. polsk. w. XVII. 146.—De reb. gest. contra cosac. 74.

[2]) Diar. bitw. p. Zbor. Starożytn. pols. I. 261.

[3]) Annal. Polon. Clim. I. 139.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 87.

[4]) Histor. belli cosac. polon. 204.— Pam. o wojn. kozac. za Chm. 57.

[5]) А. Ю. и З. Р. III. 410.

Digitized by Google

ницкій вскарабкался на высокое дерево и наблюдалъ переправу со стороны Львова [1]). Онъ не велѣлъ трогать поляковъ до тѣхъ поръ, когда они растянутся еще болѣе и станутъ еще безпечнѣе, не видя нападенія. Онъ не ошибся въ разсчетѣ, особенно относительно тѣхъ, которые переправились со стороны Львова. Въ полдень, увѣренность въ отдаленности непріятеля до того распространилась между поляками, что на половинѣ переправы посполитое рушенье расположилось обѣдать.

«Къ чему спѣшить?—говорили они—еще успѣемъ. Непріятель далеко. Король недалеко отъ Зборова сегодня!».. Вдругъ прибѣгаютъ къ нимъ посланные отъ Коржицкаго, извѣщаютъ, что изъ лѣса напали на нихъ татары, требуютъ помощи.

«Вздоръ!—отвѣчаютъ посполитаки—это вамъ привидѣлось».

Черезъ нѣсколько времени прибѣгаютъ другіе посланные.

«Спѣшите, — говорятъ они: — дѣло завязалось не на шутку; спѣшите, иначе погубите самихъ себя!»

Посполитое рушенье все еще не довѣряло извѣстію и никакъ не хотѣло оставить своего обѣда; послали только удостовѣриться, точно ли напали на Коржицкаго непріятели.

Но уже было поздно: татары совершенно разбили заднюю стражу. Коржицкій съ малымъ остаткомъ бѣжалъ и на дорогѣ встрѣтилъ посланныхъ.

«Вы не хотѣли вѣрить словамъ военачальника: повѣрьте же теперь собственнымъ глазамъ!» говорилъ онъ и побѣжалъ прямо въ королевскій лагерь [2]).

Зборовскіе мѣщане зазвонили въ колокола.

Татары и козаки появились передъ растерянными ря-

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 139.—Histor. pan. Jan. Kaz. I. 173.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 83.

[2]) Histor. belli cosac. polon. 103—104.

Digitized by Google

дами обѣдавшихъ посполитаковъ и съ оглушающимъ крикомъ ударили на нихъ. Слуги, въ испугѣ, побросали возы на мосту и съ-разу сдѣлали невозможнымъ ни съ другой стороны подать помощь неперешедшимъ, ни послѣднимъ убѣжать на другую сторону; притомъ дождь и туманъ до того закрывали видъ на окрестность, что поляки, какъ говоритъ современникъ, прежде могли чувствовать удары, чѣмъ увидѣть непріятеля, наносившаго ихъ [1]).

Началась ужасная рѣзня. Нестройные и непривыкшіе къ битвамъ шляхтичи падали безотпорно. Конница хотѣла уйти и покинула пѣшихъ... Татары и козаки порознь удобнѣе истребили и тѣхъ и другихъ [2]). Король, по донесенію Коржицкаго, послалъ на спасеніе посполитому рушенью нѣсколько хоругвей; но сила непріятельская прибывала: всѣ присланные на помощь отряды были окружены, разбиты и совершенно истреблены съ ихъ начальниками [3]). Тогда погибъ Балдуинъ Оссолинскій, племянникъ канцлера, молодой человѣкъ, подававшій большія надежды; погибъ Фелиціанъ Тышкевичъ и Захарія Четвертинскій, бывшій коммиссаромъ у Хмельницкаго, панъ православной вѣры,—и одинъ изъ Чарнецкихъ, и ученый Ржечицкій, и Котецкій, видѣвшій, прежде своей смерти, истребленіе всего полка своего, и болѣе двадцати особъ изъ знатнѣйшихъ фамилій; раненые попадали съ лошадей и окончили жизнь въ мукахъ... [4]), и много, много погибло тогда цвѣта дворянства Рѣчи Посполитой, много осталось

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 239.—Histor. pan. Jan. Kaz. I. 73.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV. i Jan. Kaz. II. 84.—De reb. gest. contra cosac. 75.—Stor. delle guer. civ. 154.

[2]) Pomn. dziej. pols. w. XVII. 148.

[3]) Bitw. p. Zbor. Staroż. pols. I. 262.

[4]) Bitw. p. Zbor. Star. pols. I. 262.—Истор. о през. бр. — Annal. Polon. Clim. I. 140. — Histor. pan. Jan. Kaz. I. 75. — Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 87.

Digitized by Google

въ Польшѣ замковъ и дворовъ безъ хозяевъ, воеводствъ и повѣтовъ безъ начальниковъ, вдовъ и сиротъ еще болѣе [1]). «Жалче всѣхъ,—говоритъ украинскій лѣтописецъ,—бѣдной шляхты львовской и перемышльской, природныхъ русскихъ: не бывъ никогда на войнѣ, они выступили въ походъ, со слезами разлучались съ женами и дѣтьми, и уже болѣе никогда ихъ не увидѣли» [2]). На полмили все поле и топкій лугъ покрылись шляхетскими трупами; кровь текла ручьями; на полмилю до Зборова не осталось ни одного поляка. Число убитыхъ дворянъ, кромѣ слугъ, простиралось до 5000. Возы со всѣми пожитками, пушки и множество оружія достались побѣдителямъ [3]). «Но да будетъ памятно имя достойнаго Ковальскаго,—восклицаютъ польскіе историки:—не напрасно онъ держалъ хоругвь земли львовской: ему отрубили правую руку — онъ схватилъ знамя лѣвою; отрубили лѣвую — онъ легъ на знамя и палъ подъ ударами враговъ, защищая ввѣренный ему знакъ» [4]).

Расправившись такимъ образомъ съ одною частью польскаго войска, союзники бросились не допускать другую до переправы. Прежде всего они смяли драгуновъ пана Корнякта, стоявшаго у самой переправы, потомъ ударили на тѣхъ, которые шли позади и готовились переправляться. Тогда досталось львовскому полку: онъ былъ почти весь истребленъ, полковникъ раненъ, офицеры побиты; тѣ, которые успѣли спастись, побѣжали назадъ, но не могли поспѣшать, потому что наткнулись на собственные возы, скучившіеся у переправы, а сзади гнались за ними на ко-

---

[1]) Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 57.—Woyna dom. 84.

[2]) Истор. о през. бр.—Woyna dom. 84.

[3]) Истор. о през. бр.—Pam. o wojn. kozac. za Chmieln. 57.—Woyn. dom. I. 84.

[4]) Histor. pan. Jan. Kaz. I. 74.—Annal. Polon. Clim. I. 140.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 84.

Digitized by Google

няхъ татары. И всѣхъ истребляли безъ сожалѣнія, потому что имъ запрещено было брать плѣнниковъ. Затѣмъ союзники напали и на возы и овладѣли всѣми, принадлежавшими къ полкамъ львовскому и перемышльскому [1]). Но главное войско съ королемъ успѣло уже перейти на другую сторону и разломало за собою мосты. Когда татары и козаки хотѣли было вслѣдъ за ними переправиться, поляки изъ-за рѣки пустили на нихъ сильный огонь, и въ то же время, начали стрѣлять имъ въ бокъ засѣвшіе въ городѣ драгуны. Но тогда уже началось сраженіе на другомъ берегу [2]).

Король, послѣ переправы, на-скоро устроилъ къ битвѣ свое войско. Правою стороною командовалъ Оссолинскій съ воеводами подольскимъ и брацлавскимъ. «Я обманутъ,— кричалъ онъ:—придется, можетъ быть, идти къ татарамъ въ плѣнъ; но я не побѣгу» [3]). Лѣвою стороною, гдѣ было ополченіе изъ внутренней Польши, начальствовалъ Любомирскій, человѣкъ знаменитый впослѣдствіи; въ числѣ знатныхъ лицъ, подъ его командою былъ молодой Янъ Собѣскій, будущій король польскій и освободитель Европы. Въ центрѣ находился корпусъ нѣмецкой пѣхоты подъ командой Убальда и Вольфа и самъ король съ пятисотнымъ отрядомъ гусаръ. По тогдашнему обычаю, шесть дворянъ неотлучно должны были находиться при особѣ короля во время сраженія: онъ отпустилъ ихъ къ хоругвямъ, оставя съ собою только двухъ [4]).

Въ то время, когда часть союзниковъ истребляла поляковъ на томъ берегу, все войско татарское и козацкое сосредоточивалось на другомъ. Князь Корецкій съ своею передовою стражею первый вступилъ съ нимъ въ битву,

---

[1]) List. Miastkowsk. do Krolewicza Karola. Kubala l. 178.

[2]) Histor. belli cosac. polon. 104.

[3]) Stor. delle guer. civ. 155.

[4]) Annal. Polon. Clim. I. 141.—Histor. pan, Jan. Kaz. l. 76.

Digitized by Google

сражался храбро; но, когда передъ нимъ показалась несмѣтная сила ордынцевъ, онъ, преслѣдуемый врагами, побѣжалъ въ лагерь [1]).

Татары появились предъ глазами польскаго войска [2]). Они сначала выступили изъ лѣса кучками, потомъ числокучекъ умножалось, наконецъ онѣ всѣ разомъ сложились въ густую массу, походившую издали на громовую тучу; она все ближе и ближе подходила и появилась передъ польскимъ войскомъ страшнымъ полчищемъ. Вслѣдъ затѣмъ посыпали и козаки изъ лѣса и съ возвышенностей въ долину.

Первая встрѣча козаковъ была съ королевскимъ парламентеромъ. Онъ оповѣщалъ имъ во всеуслышаніе, что король назначилъ козацкимъ гетманомъ Забускаго, вмѣсто мятежнаго, безбожнаго Хмельницкаго; король увѣщеваетъ ихъ покориться и назначаетъ десять тысячъ червонныхъ за голову Хмельницкаго. Польскій историкъ говоритъ, что Хмельницкій слышалъ это и очень боялся, недовѣряя своему войску [3]). Однако, по прочтеніи воззванія, герольдъ принужденъ былъ ускакать назадъ, а козаки вступили въ сраженіе по приказанію осужденнаго ихъ предводителя.

Татары бросились сначала на правую сторону польскаго войска и начали, по обыкновенію, вызывать на герцы. Козацкій полковникъ Нечай стоялъ съ отрядомъ козаковъ и не вступалъ въ бой, а послалъ полякамъ сказать: «наша козацкая оборона вамъ не пригодилась; бейтесь теперь съ татарами сами» [4]). Поляки не выступали

---

[1]) Pomm. dziej. pols. w. XVII. 159.—De reb. gest. contr. cosac. 86.

[2]) Bit. p. Zbor. Staroż. pols. I. 263. — List. Miastkowsk. de królewicza Karola. Kubala I. 178.—А. Ю. и З. Р. III. 411.

[3]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 46.

[4]) А. Ю. и З. Р. III. 393.

Digitized by Google

изъ строя [1]). Тогда, оставя правую сторону, татары, свернувшись стремительно, проскочили мимо центра и бросились на лѣвое крыло Любомирскаго, гдѣ уже дѣйствовали козаки. Рѣзкіе крики огласили воздухъ; татары кричали: «Алла! Алла!»; поляки призывали имя Іисуса Христа [2]).

Три раза подавалось назадъ польское войско, три раза заворачивали его полководцы; наконецъ не стало силъ... татары врѣзались въ средину арміи, такъ что поляки невзначай, при темнотѣ отъ стрѣлъ и выстрѣловъ, били другъ друга и, со стороны смотря, трудно было разобрать, кто съ кѣмъ воюетъ [3]). Поляки бросились бѣжать, увлекая заднихъ [4]); непріятель гналъ ихъ по всѣмъ направленіямъ и убивалъ безпощадно [5]).

Тутъ нѣкто Пузовскій, съ татарскою стрѣлою, проткнувшею ему насквозь обѣ щеки, летитъ къ Яну Казимиру [6]). Король покинулъ центръ арміи и во весь опоръ поскакалъ къ лѣвому крылу, съ обнаженною саблею, загораживая дорогу бѣгущимъ.

«Господа! восклицалъ онъ, не покидайте меня, не губите отечества!» [7]).

Собственноручно хваталъ онъ за уздцы лошадей, оборачивая и подгоняя ихъ на непріятеля, поднималъ брошенныя знамена и показывалъ войску въ знакъ ободренія; а когда не слушали его возгласовъ, грозилъ заколоть перваго, кто осмѣлится обратиться къ непріятелю спиною.

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 142.

[2]) Histor. pan. Jan. Kaz. 76.—De reb. gest. contra cosac. 85.

[3]) Rel. o bit. p. Zbor.

[4]) Pam. o wojn. kozac za Chm. 88.

[5]) Истор. о през. бр.

[6]) Кратк. опис. о мал. нар. 32.—De reb. gest. contra cosac. 86.

[7]) Bitw. p. Zbor. Staroż, pols. I. 263. — Jak. Michałowsk. Xięga Pamiętn. 436.—List. Miastkowsk. do królew. Karola. Kubala I. 178. — De reb. gest. contra cosac. 86.

Digitized by Google

«Тотъ умретъ какъ измѣнникъ, кто труситъ!—кричалъ онъ.—Палачу велю казнить негодяевъ!».

Устыдившись присутствія государя и притомъ боясь наказанія, воины обратились было на непріятеля [1]), но снова были смяты и снова попятились: не помогали ни просьбы, ни угрозы; «походило на пилявское дѣло», говоритъ историкъ [2]).

Тогда король побѣжалъ назадъ и двинулъ нѣмецкую пѣхоту и рейтаровъ [3]), а далѣе и самъ Оссолинскій оставилъ свой постъ и поспѣшилъ со всѣмъ правымъ крыломъ на помощь разбитымъ [4]). Король, по увѣренію очевидца, безпрестанно леталъ отъ одного конца до другаго, командовалъ, угрожалъ, заклиналъ не срамить польской націи; стрѣлы, какъ дождь, летали вокругъ головы польскаго государя, и онъ остался невредимъ [5]). Въ самомъ разгарѣ битвы онъ приказывалъ тремъ хоругвямъ идти въ дѣло. Ему отвѣчали: «у насъ ротмистра нѣтъ». «Я вамъ ротмистръ» сказалъ король и хотѣлъ на-показъ другимъ броситься въ битву; но не допустили, говоритъ очевидецъ, особу государя отдаться на неминуемую смерть [6]). Соединившееся войско принялось дружно отражать непріятеля, какъ вдругъ нахлынула новая орда и, по выраженію очевидца, летѣла въ огонь, какъ будто ей кто глаза выкололъ [7]).

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 143.—Woyn. dom. 85.—Histor. pan. Jan. Kaz. I. 77.—De reb. gest. contra cosac. 87.—Stor. delle guer. civ. 157.—Pam. Jak. Michał. 436.

[2]) Pam. o wojn. kozac. za Chm. 56.—Woyn. dom. I. 85.—De reb. gest. contra cosac. 89.

[3]) Annal. Polon. Clim. 142.—De reb. gest. contr. cosac. 88.

[4]) Pomn. dziej. pols. w. XVII. 158.

[5]) Jak. Michał. Ks. Pam. 437.—List. Miastkwosk. Kubala I. 178—179. А. Ю. и З. Р. III. 411.

[6]) Bitw. p. Zbor. Staroż. pols. I. 263. Kubala, ibid.

[7]) Истор. о през. бр.—Bitw. p. Zbor. Staroż. pols. I. 263.—De reb. gest. contra cosac. 88.—List. Miastkowsk. Kub. I. 179.

Digitized by Google

Въ сумеркахъ прекратилась кровавая трагедія. Поляки, разстроенные, растерянные столпились въ обозѣ, и принялись укрѣплять его окопами, а непріятель окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ [1]). Чрезъ нѣсколько часовъ задача украинскаго возстанія должна была, повидимому, рѣшиться.

Настала ночь. Темна и ужасна была ночь эта. Отчаяніе овладѣвало и жолнѣрами и предводителями; оно втайнѣ овладѣло и королемъ; Янъ Казимиръ скрывалъ его, какъ прилично государю. Сидя верхомъ, собрались полководцы на совѣтъ.

«Мы погибли; спасенія нѣтъ!» былъ голосъ большинства.

«Что дѣлать въ такомъ положеніи, когда Хмельницкій окружилъ насъ? У него сто тысячъ войска, кромѣ татаръ!» спрашивалъ король.

«Пусть погибнемъ мы всѣ,—говорили одни:—но съ жизнью и свободою короля соединена цѣлость Рѣчи Посполитой. Пусть погибнутъ члены, лишь бы цѣла была голова. Намъ слѣдуетъ придумать способъ вывести тайно короля изъ обоза [2]).

«Никогда!—отвѣчалъ Янъ Казимиръ:—никогда я не покажу примѣра гнусной трусости, чрезъ которую мы всегда теряемъ, потому что не вытерпливаемъ до конца. Я готовъ жить и умереть съ вами» [3]).

Другіе, болѣе смѣлые, совѣтовали прорваться вооруженною рукою сквозь ряды непріятеля [4]). Мысль была смѣлая, но несбыточная.

Артишевскій совѣтовалъ идти на проломъ до Збаража и соединиться съ осажденнымъ войскомъ, и представлялъ, что мѣстоположеніе дозволитъ на двѣ мили оборониться отъ непріятеля, потому что болотистыя мѣста ограждаютъ до-

---

[1]) Истор. о през. бр.

[2]) Woyn. dom. I. 87.—Кратк. ист. о бунт. Хмельн. 23.

[3]) Histor. pan. Jan. Kaz. I. 78. Woyn. dom. I. 88.

[4]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 47.—Bell. scyth. cosac. 63.

Digitized by Google

рогу [1]) Это предположеніе сочли также неисполнимымъ: кромѣ огромной силы козаковъ и татаръ, поляки затруднялись бы въ продовольствіи посреди враждебнаго народа [2]).

Гораздо благоразумнѣе показались королю слова канцлера Оссолинскаго, который совѣтовалъ такъ:

«Единственное средство спасенія—отлучить татаръ отъ козаковъ. Надобно написать къ хану, напомнить ему услуги, оказанныя блаженной памяти королемъ Владиславомъ, представить, что козаки будутъ татарамъ неблагодарны, наконецъ, обѣщать ему плату и вообще написать самымъ вѣжливымъ тономъ».

Такой совѣтъ былъ принятъ [3]). Послали къ Исламъ-Гирею того плѣннаго татарина, который былъ взятъ подъ Злочевомъ, съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

«Янъ Казимиръ желаетъ здравія крымскому хану. Твое ханское величество много обязанъ брату моему, наияснѣйшему и могущественнѣйшему, бывшему королю польскому, который благосклонно обращался съ тобою, невредимо сохранилъ и даровалъ свободу; чрезъ него ты получилъ царство твое. А потому мы удивляемся, что, пришедъ для укрощенія безпорядковъ въ государствѣ нашемъ, застаемъ и тебя подручникомъ нашего мятежника, съ поднятымъ на войско наше оружіемъ. Надѣемся, что Богъ не благословитъ такого предпріятія. Тѣмъ не менѣе, приводя тебѣ на память благорасположеніе брата нашего, Владислава IV, предлагаемъ тебѣ дружбу нашу и желаемъ, чтобъ она процвѣла обоюдно» [4]). Другіе историки при-

[1]) Histor. belli cosac. polon. 107.

[2]) Pomn. dziej. pols. w. XVII. 151.

[3]) Bell. scyth. cosac. 63.—А. Ю. и З. Р. Ш. 412. Истор. о през. бр.—Annal. Polon. Clim. I. 143.—Pam. o wojn. kozac. za Chm. 59.—Кратк. опис. о мал. нар. 39.—Woyn. dom. I. 87.—Pam. Albr. Radz. II. 383.

[4]) Pomn. dziej. pols. w. XVII. 152.—Histor. ab. exc. Wl. 49.—Пам. кіевск. комм. I. 3. 454.—Woyn. dom. 88 —Кратк. опис. о бунт. Хмельн. 23. Pamiętn. Albr. Radziw. II. 383.

Digitized by Google

бавляютъ, что Янъ Казимиръ писалъ къ нему, сверхъ этого, такое предостереженіе: «Козаки всегда были тебѣ врагами, и хотя теперь и кажутся друзьями, но пришедъ въ силу, на васъ же, своихъ пособниковъ, обратятъ оружіе, какъ волчата, приходя въ возрастъ, съѣдаютъ кормившую ихъ козу [1]).

Приказано было скорѣе окапываться, дабы къ утру войско было готово къ осадному положенію [2]). Внутри окоповъ, рядъ связанныхъ между собою телѣгъ долженъ былъ служить двойною обороною. Но разсужденія полководцевъ разошлись по обозу и надѣлали смятенія. Кой-какіе переносчики разнесли вѣсть, будто паны присовѣтовали королю бѣжать, и онъ вмѣстѣ съ ними въ ту же ночь покинетъ свое войско [3]).

Все зашумѣло. «Насъ покидаютъ на зарѣзъ!» кричала толпа. Темнота и сверкающіе огни въ станѣ непріятельскомъ придавали страха. Жолнѣры кинули работу.

«Явное дѣло, — кричали они, — что насъ губятъ; мѣсто тѣсно и неудобно, припасовъ нѣтъ; татары и козаки перебьютъ насъ, или переморятъ голодомъ!»

Слуги готовили къ бѣгству повозки и лошадей [4]). Одинъ литвинъ разглашалъ, что уже короля нѣтъ въ обозѣ [5]).

Утомленный кровопролитнымъ сраженіемъ, изнуренный тяжелыми думами о будущемъ, король помолился, призвалъ на помощь Божью Матерь, — покровительницу Польши,

---

[1]) Истор. о през. бр.—Annal. Polon. Clim. I. 149. Histor. pan. Jan. Kaz. I. 81.—Лѣт. пов. о Мал. Росс. 130.—Pam. do pan. Zygm. III. Wł. IV. i Jan. Kaz. II. 92.

[2]) Pomn. dziej. pols. w. XVII. 153.—De reb. gest. contra cosac. 89.

[3]) Rel. o bitw. p. Zbor.—Pam. o wojn. kozac. za Chm. 60.—Кратк. опис. о коз. мал. нар. 32.—Histor. pan. Jan. Kaz. I. 77.—Annal. Pol. Clim. I. 144.—De reb. gest. 90.

[4]) Annal. Polon. Clim. I. 144.

[5]) Bitw. p. Zbor. Star. pols. I. 264.

Digitized by Google

далъ обѣтъ отправиться на поклоненіе къ одному изъ чудотворныхъ ея образовъ, потомъ прилегъ не на мягкомъ ложѣ, а на твердой землѣ, говоритъ современникъ [1]). Но едва онъ сомкнулъ глаза, какъ уже стоялъ предъ нимъ новый вѣстникъ несчастій, ксендзъ Тетишевскій.

«Ваше величество! — сказалъ пробудившій его духовникъ: — въ обозѣ разнеслись недобрыя вѣсти: говорятъ, будто король и паны уходятъ тайкомъ. Войско въ смятеніи. Повторяется пилявское дѣло».

«Коня! — крикнулъ король: — я поѣду по рядамъ; я покажу имъ, что король съ ними».

Подали коня. Впереди понесли зажженные факелы. Янъ Казимиръ ѣхалъ съ открытою головою, чтобъ всѣ видѣли лицо его и безпрестанно кричалъ:

«Вотъ я! вотъ я! я король вашъ! не бѣгите отъ меня, дѣти мои! Не оставляйте, благородные шляхтичи, своего государя! Не покидайте, воины, своего командира! Что дѣлать? Богу было угодно послать на насъ такую бѣду; но Богъ милосердъ! Завтра, съ помощью Его, я надѣюсь побѣдить непріятеля. Я не отстану отъ васъ и, если угодно будетъ Богу, положу вмѣстѣ съ вами голову».

Эти слова были произносимы трогательнымъ голосомъ; слезы лились по щекамъ короля; всѣ расчувствовались и стали раскаяваться.

«Не уйдемъ, — кричали жолнѣры: — король не покинетъ насъ».

«Мы знаемъ навѣрное, — говорили воинамъ ѣхавшіе за королемъ паны, — что мы завтра побѣдимъ непріятеля; татары хотятъ отступить отъ козаковъ; завтра явится новая сила посполитаго рушенья; а къ тому еще слышно, что збаражское войско перебило козаковъ и идетъ къ намъ на помощь. Славенъ будетъ завтрашній день для насъ!»

---

[1]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 47.

Digitized by Google

Отъ такихъ вѣстей многіе шляхтичи ожили и продолжали весело работать окопы. Но зато было не мало и такихъ панскихъ дѣтей и знатной шляхты, что слыша королевскія убѣжденія, вмѣсто того, чтобъ спѣшить на бой противъ козаковъ и татаръ, прятались въ свои возы, или подъ возами, иные же еще завертывались въ попоны; и король, ходя пѣшкомъ, выгонялъ ихъ изъ возовъ и изъ подъ возовъ палашомъ.

Стало разсвѣтать. Король былъ готовъ къ новой битвѣ.

«Что слышно?» спрашивалъ онъ.

«Не взирая на трогательную рѣчь вашего величества, не смотря на всѣ увѣренія, два ротмистра—Белжецкій и Гидзинскій съ своими командами ушли изъ обоза,—отвѣчали паны.—Слава Богу, что ночь была темна, а то много бы нашлось такихъ, которые послѣдовали бы этому примѣру».

«Огласить по всему обозу, — сказалъ король, — что они измѣнники и лишаются правъ и чести» [1]).

Взошло солнце. Татары бросились въ тылъ польской арміи, которая замкнулась въ неоконченныхъ окопахъ; тѣ мѣста, гдѣ недоставало насыпей, заслоняли телѣгами [2]).

Вчера война происходила преимущественно съ татарами; сегодня былъ день козаковъ. Хмельницкій раздѣлилъ свое войско на двѣ части: одна, сильнѣйшая, ударила на польскій таборъ [3]), другая, подъ предводительствомъ миргородскаго полковника Гладкаго, начала штурмовать городъ [4]). Мѣщане зазвонили въ колокола, броси-

---

[1]) Рукоп. И. П. Б. разнояз. F. № 5. — Annal. Polon. Clim. I. 144. 145. — Кратк. опис. о коз. малор. нар. 32. — Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 88.—Woyn. dom. I. 88.—Histor. pan. Jan. Kaz. I. 78.—De reb. gest. contra cos. 90—94.—Jak. Michał. Ks. Pam. 437.—Акт. Южн. и Зап. Росс. III. 394.

[2]) Bell. scyth. cosac. 64.—Hist. ab. exc. Wlad. IV. 47.

[3]) Pam. o wojn. kozac. za Chm. 64.—De reb. gest. contra cosac. 92.

[4]) Pomn. dziej. pols. w. XVII. 154. — Annal. Polon. Clim. I. 145.—Histor. pan. Jan. Kaz. 79.—De reb. contra cosac. 92.—А. Ю. и З. Р. III. 412.

Digitized by Google

лись помогать осаждавшимъ, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ валъ былъ низокъ и рвы неглубоки, накидывали въ ровъ хворосту и соломы и показывали козакамъ дорогу [1]). Драгуны, въ числѣ четырехъ-сотъ, посланные еще наканунѣ оборонять городъ, ослабѣли [2]). Король послалъ къ нимъ на помощь разныхъ служителей и погонщиковъ, давъ имъ полотняныя знамена, подъ предводительствомъ Забускаго [3]); съ ними пошелъ на битву какой-то ксендзъ-іезуитъ, Лисецкій [4]); около него отличались и другія особы духовнаго званія [5]). Сраженіе было кровопролитное, а все-таки поляки ослабѣли... драгуны легли въ сѣчѣ; ксендзы побиты; служители отрѣзаны и поражены [6]). Побѣдители козаки заняли русскую церковь на краю города [7]), взмостили на нее пушки и начали крѣпко нагрѣвать поляковъ, по ихъ собственному выраженію, паля въ обозъ [8]).

Между тѣмъ тѣ, которые нападали на польскій станъ, уже разбили телѣги, и одинъ козакъ водрузилъ свою корогву на польскомъ редутѣ [9]). Огонь битвы разгорался болѣе и болѣе; козаки рвались съ ожесточеніемъ; гусары не въ силахъ были защищать окопы своими длинными копьями... козаки наводнили польскій станъ. «Ради Бога спасайте меня и отечество», кричалъ король. Польскіе хоругви тѣснились около государя, чтобъ не дать, по край-

---

[1]) Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV. i Jan. Kaz. II. 90. — Histor. pan. Jan. Kaz. I. 78.

[2]) Кратк. опис. о коз. мал. нар. 33. — De reb. gest. contra cos. 92.

[3]) Bell. scyth. cosac. 64.—De reb. gest. contra cosac. 92.

[4]) Pam. o wojn. kozac. za Chmicln. 64.—De reb. gest. contra cosac. 93.

[5]) Pomn. dziej. pols. w. XVII. 154.

[6]) Pam. do pan. Zygm. III. Wł. IV. Jan. Kaz. II. 90.

[7]) Pam. o wojn. kozac. za Chm. 64. — Woyn. dom. I. 86.—Кратк. опис. о коз. мал. нар. 33.

[8]) Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 89.

[9]) Кратк. опис. о коз. мал. нар. 33.

Digitized by Google

ней мѣрѣ, его въ неволю... козаки разсѣяли охранительную стражу и достигали до короля.

Все измѣнилось въ минуту. Изъ союзнаго лагеря раздался голосъ: «згода!» Хмельницкій приказалъ остановить битву. «Хмельницкій,—говоритъ современникъ,—не хотѣлъ, чтобъ монархъ христіанскій достался въ бусурманскую неволю» [1]). Сѣча стала утихать; однако стоило большаго труда, чтобъ унять разсвирѣпѣвшихъ воиновъ; по мѣстамъ дрались до вечера. Только въ лагерѣ, гдѣ находился король, утихло: побѣдители отступили.

---

[1]) Лѣтоп. Самов. 15.

Digitized by Google

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Переговоры съ ханомъ. Трактатъ съ татарами.—Зборовскій договоръ поляковъ съ козаками.—Хмельницкій у короля.—Освобожденіе отъ осады польскаго войска подъ Збаражемъ.—Битвы въ Литвѣ.—Подвиги и пораженіе Кречовскаго.

Вслѣдъ затѣмъ явился въ польскій лагерь татаринъ съ поклономъ отъ крымскаго государя, и принесъ королю письмо такого содержанія:

«Счастливый, милосердый ханъ крымскій Исламъ-Гирей наияснѣйшему королю польскому Яну Казимиру, милому брату, желаетъ здравія.»

«Счастливо ли поживаешь, твое королевское величество? хорошо или худо? Я, съ своей стороны, желаю твоему королевскому величеству на предбудущія лѣта счастья, здоровья и благополучнаго царствованія. Пріятельское письмо твоей королевской милости дошло до насъ, въ которомъ ты предлагаешь намъ дружбу. Чрезвычайно удивляюсь, почему твоя королевская милость, съ той поры, какъ принялъ скипетръ, не изволилъ прислать ко мнѣ ни одного человѣка, и царство мое ни во что поставилъ, и меня человѣкомъ не счелъ. Мы пришли зимовать въ твои улусы и, положившись на Господа Бога, останемся у васъ въ гостяхъ. Если твоей королевской милости угодно по-

Digitized by Google

трактовать съ своими гостями, то вышли своего канцлера, а мы своего вышлемъ. А если канцлера не вышлешь, то кого нибудь другаго вышли, вѣрнаго человѣка, который бы не постыдился за свои слова, потому, что за одну фальшивую увертку все дѣло испортится» [1]).

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ прислалъ Хмельницкій письмо. Припоминая службу и смерть отца своего, двухгодовое заключеніе свое въ турецкой неволѣ, козацкій предводитель увѣрялъ, что онъ вовсе не мятежникъ, а только прибѣгнулъ къ ногамъ великаго хана крымскаго, дабы, при его содѣйствіи, возвратить себѣ милость и благосклонность короля. «Такъ какъ—писалъ онъ—ваше величество приказали назначить козацкимъ гетманомъ Забускаго, то извольте ваше величество немедленно прислать его къ запорожскому войску, а я тотчасъ отдамъ ему булаву и знамя, которыя теперь держу по милости вашего величества. Увѣренъ, что по милости вашего величества я былъ бы невредимъ, но знаю и то, что паны украинные державцы вашего величества мало обращаютъ вниманія на ваше величество: каждый панъ самъ себя называетъ королемъ: они не только не потерпятъ меня въ государствѣ вашемъ, но и душу у меня сейчасъ отнимутъ. Впрочемъ, я съ войскомъ запорожскимъ всегда и въ началѣ, при счастливомъ избраніи вашемъ на престолъ, старался и теперь того же желаю, чтобъ вы были болѣе могущественнымъ государемъ въ Рѣчи Посполитой, чѣмъ блаженной памяти родитель и братъ вашего величества. Затѣмъ не допуская, чтобъ вы были невольникомъ Рѣчи Посполитой, буду держаться того государя, который по милости Божіей сохранилъ меня подъ своимъ покрови-

---

[1]) Bitw. p. Zbor. Star. pols. I. 267.—Kubala. I. 144. Сс. на рукоп. Библ. Оссолинскихъ. № 225.—Jak. Michałowsk. xięga pamiętn. 430.—Памят. кіевск. комм. I. 3. 466.—Истор. о през. бр.

Digitized by Google

тельствомъ и съ готовностью къ нижайшимъ услугамъ повергаюсь къ стопамъ вашего величества» [1]).

Тотчасъ изъ польскаго стана было послано къ хану извѣщеніе, что король ожидаетъ остановки драки и немедленно вышлетъ своего канцлера для переговоровъ, которые должны будутъ происходить посреди двухъ войскъ, расположенныхъ другъ противъ друга. Хмельницкому отписали отъ имени короля замѣчательно ласково, въ такомъ тонѣ: «наша милость и снисходительность такъ велики, что мы, подражая Господу Богу, прощающему самыхъ великихъ грѣшниковъ, готовы принять васъ въ милость нашу и оставить васъ въ санѣ вашемъ, если только вы искренно и дѣйствительно желаете пребывать къ намъ въ вѣрности и достодолжномъ подданствѣ, не будете заводить связей съ посторонними государями, не станете впередъ возмущать нашихъ подданныхъ, держать при себѣ тѣхъ мятежниковъ, которые къ вамъ пристали и распустите всѣ свои воинскія силы. Тогда мы принимаемъ васъ въ нашу милость и учинимъ для васъ все, о чемъ будетъ за васъ просить братъ нашъ крымскій ханъ. Данъ 16 августа 1649 года» [2]). Кромѣ этого королевскаго письма, послали Хмельницкому еще другое письмо (вѣроятно отъ канцлера), въ которомъ ему предоставляли письменно изложить свои желанія [3]).

Вскорѣ послѣ отсылки этихъ писемъ, когда было уже за полдень, явился къ польскому лагерю трубачъ и, три раза протрубивъ, извѣщалъ, что ханскій визирь уже выѣхалъ на переговоры.

Съ польской стороны выѣхалъ, подъ прикрытіемъ значительнаго отряда, канцлеръ. Отрядъ остановился: канц-

---

[1]) Jak. Michał. ks. pam. 432.—Пам. кіев. комм. I. 461—464.

[2]) Дѣла сношеній Польши съ Турціею, въ Арх. Иностр. Дѣлъ.

[3]) Акты Южн. и Зап. Россіи. III. 412. 413.—Kubala. I. 175—182. Сс. на рукоп. Библ. Оссолинскихъ. №№ 189. 204. 225. 1845

Digitized by Google

леръ съ восемью панами вошелъ въ лощину; туда прибылъ Шефферъ-Кази.

Канцлеръ высокопарнымъ тономъ первый привѣтствовалъ хана отъ имени короля.

Визирь отвѣчалъ:

«Государь мой, ханъ крымскій, посылаетъ меня съ засвидѣтельствованіемъ благорасположенія и братской дружбы къ королю, помня прежнее благорасположеніе къ себѣ королевскаго дома» [1]).

«Король, мой государь, — сказалъ Оссолинскій:—желаетъ знать, что̀ за причина, по которой разорванъ старинный союзъ между двумя народами, поляками и татарами? Польша не начинала непріятельскихъ дѣйствій, какъ вдругъ измѣнникамъ, мятежникамъ явилась изъ Крыма помощь. Для чего татары стали намъ изъ союзниковъ врагами и покровителями нашихъ враговъ? Какое оскорбленіе сдѣлали вамъ поляки, и за что̀ терпятъ отъ васъ?»

«Дружественный союзъ,—отвѣчалъ визирь:—нарушенъ потому, что намъ удержана должная дань. Если же вы будете платить намъ ежегодную дань по-прежнему, то мы возобновимъ нашъ союзъ и разойдемся по домамъ».

Слово «дань» оскорбило пана Рѣчи Посполитой.

«Поляки,—сказалъ онъ:—народъ свободный и никогда никому не платили дани и платить не будутъ. Если же дѣло идетъ о дарахъ и жалованьѣ, которое милостивый монархъ нашъ обыкъ дарствовать сосѣдямъ въ знакъ благодарности за услуги, то мы отъ этого не отказываемся».

Визирь отвѣчалъ ему:

«О прозвищѣ нечего спорить; даръ ли, жалованье ли, дань ли—все равно, были бы деньги; слѣдуетъ говорить о дѣлѣ, а не о словахъ» [2]).

---

[1]) Pomn. dziej. pols. w XVII. 157.—Histor. ab exc. Wlad. IV. 49.

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 149.—Истор. о през. бр. — Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV. i Jan. Kaz. II. 93.

Digitized by Google

«Въ чемъ же,—спросилъ канцлеръ:—но желанію ханскому, будутъ состоять условія мира?»

«Миръ,—отвѣчалъ визирь:—станется на такомъ условіи, если заплатятъ намъ деньги, а Хмельницкому и козакамъ будетъ прощена ихъ вина» [1]).

Канцлеръ обѣщалъ представить объ этомъ королю, и они разошлись, уговорившись съѣхаться на слѣдующій день и покончить дѣло [2]).

На другой день, въ среду утромъ, выѣхалъ Оссолинскій на прежнее мѣсто съ Киселемъ и еще нѣсколькими коммиссарами, назначенными для заключенія мира. Со стороны хана, при Шефферъ-Кази былъ какой-то Сулейманъ-Ага [3]). Шефферъ-Кази привелъ съ собой и Хмельницкаго [4]). «Онъ — говоритъ лѣтописецъ [5]) принялъ видъ смиренника; только что завидѣлъ Оссолинскаго, тотчасъ снялъ шапку, отвѣсилъ поклонъ и впродолженіе переговоровъ стоялъ поодаль, не говоря ни слова» [6]).

Переговоры окончились на слѣдующихъ пунктахъ:

1) Отъ сихъ поръ, между королемъ Яномъ Казимиромъ и его наслѣдниками, польскими королями, съ одной, и Исламъ-Гиреемъ и его наслѣдниками, Султанъ-Гиреями, съ другой стороны, утверждается вѣчная дружба такъ, что обѣ стороны обязываются подавать другъ другу помощь, когда потребуется [7]).

2) Король польскій, по доброжелательству и щедрости,

---

[1]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 468.—Wojn. dom. I. 91.

[2]) А. Ю. и З. р. III. 412.

[3]) Bitw. p. Zbor. Star. pols. I. 265.

[4]) Annal. Polon. Clim. I. 149.

[5]) Histor. pan. Jan. Kaz. I. 83.—Annal. Polon. Clim. I. 149.

[6]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 466.

[7]) Кратк. опис. о коз. мал. нар. 34.—Крат. истор. опис. Мал. Росс. 13.—Опис. Мал. Рос. и Укр. 6.—Latop. Jerl. 102.

Digitized by Google

назначаетъ хану въ даръ ежегодно 90,000 злотыхъ [1]) (иначе 30000 червонныхъ или талеровъ) на кожухи для тридцати тысячъ конной орды, близкой къ ханской особѣ, которые будутъ отпускаться чрезъ Каменецъ. Сверхъ того, единовременно даетъ хану подарокъ, вмѣстѣ съ задержанными хану деньгами за два года, 200,000 талеровъ, изъ которыхъ 30,000 заплатитъ немедленно [2]).

Визирь заявилъ требованіе, чтобъ осажденные подъ Збаражемъ заплатили за себя 200,000 червонныхъ злотыхъ и ни за что не хотѣлъ отступаться отъ этого требованія, увѣряя, что осажденные сами обѣщали дать за себя этотъ выкупъ. Оссолинскій послалъ спросить короля, какъ ему поступить въ этомъ случаѣ и король, не зная что дѣлалось подъ Збаражемъ, отвѣчалъ: коли обѣщали — пусть даютъ, а если денегъ у нихъ въ наличности нѣтъ, пусть посылаютъ въ Крымъ заложника до уплаты этой суммы.

3) Татарское войско тотчасъ отойдетъ отъ королевскаго обоза и отступитъ отъ Збаража, и такъ какъ вольный царь великой орды и ханъ крымскій не можетъ иначе возвратиться, какъ чрезъ Польское государство, то онъ будетъ стараться, чтобъ это возвращеніе совершилось съ наименьшимъ вредомъ для земель его величества короля [3]).

Одинъ изъ современниковъ [4]) прибавляетъ: что офиціально ханъ за себя и за своихъ потомковъ обѣщалъ не дозволять никогда ордамъ крымскимъ, буджацкимъ, ногайскимъ, очаковскимъ, добруцкимъ и всѣмъ вообще, равно янычарамъ и беямъ, вторгаться въ предѣлы владѣній короля.

---

[1]) Histor. ab. exc. Wl. IV. 49.—Опис. Мал. Рос. и Укр. 6. — Кр: опис. о Мал. Рос. 13.—Акты Южн. и Зап. Росс. III. 395.—Kubala. I. 149. Сс. на рукоп. библ. Оссолинск. № 725 и № 1845. teka 44.

[2]) Bitw. p. Zbor. Star. pol. I. 265.—Кратк. опис. о коз. мал. нар. 34.

[3]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 470.

[4]) Latop. Jerl. 103.

Digitized by Google

4) Король польскій долженъ простить вину войску запорожскому и принять въ свою милость гетмана, а войско запорожское обязано утвердить клятвою свою вѣрность [1]).

Положили въ заключеніе, чтобы, пока не заплатитъ король требуемыхъ денегъ, кто нибудь изъ знатныхъ пановъ находился заложникомъ въ Крыму, а также и ханъ даетъ заложника въ удостовѣреніе того, что онъ не будетъ причинять никакого разоренія польскимъ областямъ на возвратномъ пути своемъ [2]). Тѣмъ не менѣе, однако, изъ частнаго письма Мястковскаго, бывшаго участникомъ при заключеніи этого договора, открывается, что поляки согласились на унизительное и варварское условіе дозволить татарамъ при возвращеніи въ свое отечество разорять по пути вправо и влѣво край Рѣчи Посполитой; но такого условія не помѣстили въ офиціальномъ договорѣ и не представляли къ утвержденію на сеймъ, а оставили секретною прибавочною статьею договора. «Труднѣе всего,— пишетъ Мястковскій,—было уговорить татаръ отказаться отъ такого домогательства съ ихъ стороны, и дѣлать было нечего: наше крайнее положеніе принудило насъ (summa necessitas extorsit) согласиться и на это» [3]). Московскій чиновникъ, имѣвшій возможность близко знать тогдашнія событія, сообщаетъ, что кромѣ того, постановлено было втайнѣ, что король не станетъ препятствовать татарамъ дѣлать набѣги въ края Московскаго государства [4]). Нѣтъ основанія сомнѣваться въ истинѣ и этого извѣстія послѣ того, когда изъ польскихъ источниковъ мы узнаемъ, что

---

[1]) Pomn. dziej. pols. w. XVII. 159.—Histor. ab exc. Wlad. IV. 49.—Кратк. опис. о коз. мал. нар. 34.—Кратк. истор. о бунт. Хмел. 25.—Latop. Jerl. 103.

[2]) Bitw. p. Zbor. Star. 265.—Памятн. кіевск. комм. I. 3. 471.

[3]) List. Miastkowsk. do królewicza. Kubala. I. 181.

[4]) Акты Южн. и Западн. Россіи. III. 404.

Digitized by Google

въ то время поляки вынуждены были отдавать на разореніе татарамъ и собственныя области.

По окончаніи разговора съ крымцами, выступилъ и Хмельницкій. Онъ увѣрялъ въ своемъ искреннемъ расположеніи и обѣщалъ впередъ служить вѣрно Рѣчи Посполитой. Канцлеръ обнадежилъ его полученіемъ королевской милости, то есть удовлетвореніемъ его требованій [1]).

Въ тотъ же день прибыли отъ козацкаго предводителя два полковника съ мирными предложеніями. Посреди густой толпы воиновъ провели ихъ въ королевскій шатеръ. Въ царственномъ великолѣпіи, окруженный сановниками, сидѣлъ побѣжденный ими король. Русскіе, увидя Яна Казимира, пали на колѣни:

«Милосердія и прощенія просимъ у вашей королевской милости», сказали они, и положили къ ногамъ короля написанныя предложенія Хмельницкаго.

Канцлеръ отвѣчалъ имъ отъ лица короля:

«По врожденной добротѣ своей, король, далекій отъ того, чтобъ жаждать крови подданныхъ, прощаетъ тяжелое ваше преступленіе, въ надеждѣ, что вы загладите вину свою вѣрностью, покорностью и доблестями» [2]).

Послѣ этой сцены пословъ проводили и начался совѣтъ.

Въ своемъ письмѣ козацкій гетманъ писалъ: «повергаясь къ стопамъ вашего величества, повторяю просьбу мою: соизвольте ваше величество, какъ отецъ и милосердый государь, простить мнѣ нижайшему своему подножку, невольный грѣхъ мой и принять въ свою монаршую милость. Я же, какъ издавна былъ вѣрнымъ подданнымъ предшественниковъ вашего величества, такъ и до конца жизни обѣщаюсь быть вѣрнымъ вашему величеству».

---

[1]) Памятн. кіевск. комм. I. 3. 464.

[2]) Pomn. dziej. pols. w. XVII. 100.—Woyn. dom. I 92.

Digitized by Google

Сообщивъ, что у козаковъ съ татарами установился такой договоръ, чтобъ татары не трогали предѣловъ Польскаго королевства, Хмельницкій въ письмѣ своемъ говорилъ: «если въ статьяхъ, которыя при этомъ представляются, ваше величество найдете что нибудь непріятное, не извольте за то гнѣваться на меня; въ этомъ не моя воля и мнѣ вовсе того не нужно, но все войско о томъ сильно проситъ, я же нижайше прошу, чтобъ оный злодѣй, не только мой, но и цѣлой Рѣчи Посполитой, Чаплинскій, который выгналъ меня изъ моего убогаго имѣнья, который чуть было не выпросилъ моей смерти у пана хорунжаго за то, что я жаловался на него блаженной памяти его величеству брату вашему, былъ казненъ такой казнью, какую онъ мнѣ назначилъ, чтобы на вѣчныя времена иные не отважились дѣлать такихъ злодѣйствъ, ибо не мнѣ одному, но и всему войску тоже учиняли безразсудные люди» [1]).

Смыслъ статей Хмельницкаго былъ таковъ: козаки требовали отъ Польши независимости земли своей въ опредѣленныхъ границахъ, съ признаніемъ единственной власти короля и съ освобожденіемъ отъ войскъ Рѣчи Посполитой, уничтоженія уніи, свободы греческой церкви, равенства правъ ея съ правами римской церкви и умноженія числа своего войска до 40,000. Выказывая себя представителемъ козацкаго сословія, и себя не забылъ Хмельницкій, говоритъ польскій лѣтописецъ; въ концѣ предложенія было сказано: «староство чигиринское должно принадлежать козацкому гетману» [2]). Современный историкъ очень правдоподобно полагаетъ, что Хмельницкій мирился съ королемъ на этихъ условіяхъ только потому,

---

[1]) Grab. Ojczyste spom. II 120.

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 151. — Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 98.

Digitized by Google

что не только не надѣялся уже помощи отъ хана на продолженіе войны, а еще могъ опасаться, что татарскій государь соединится противъ него съ новыми союзниками [1]). Есть провдоподобное извѣстіе современника, по своему положенію близко стоявшаго къ ходу политическихъ событій, что ханъ дѣлалъ угрозы Хмельницкому, если онъ осмѣлится поднять руку на своего государя, а визирь татарскій говорилъ польскимъ каммиссарамъ: мы бы вашу сторону приняли скорѣе чѣмъ сторону хлоповъ, но вы насъ не просили и мы должны были склониться на просьбы козаковъ [2]). Сообразно этому извѣстію есть другое, бывшаго тогда въ Польшѣ московскаго дьяка, вообще отличающагося вѣрностію и правдивостію своихъ донесеній. Когда ханъ согласился съ королемъ мириться, Хмельницкій, услыхавши объ этомъ, прибылъ къ хану съ 20,000 козацкаго войска и сталъ выговаривать хану, припоминая ему, что между ними постановлено было подъ взаимною присягою—не вступать въ мирные договоры съ королемъ и Рѣчью Посполитою одной сторонѣ безъ другой. Тогда ханъ отвѣчалъ: «ты, Хмельницкій, не знаешь себѣ мѣры, хотѣлъ бы до конца разорить своего государя. Ужъ и такъ все его государство опустошено. Надобно же показать милость. Я ханъ, государь природный, умѣю быть умѣреннымъ. Я сношусь съ братомъ своимъ, польскимъ королемъ, въ добромъ согласіи и тебя Хмельницкій хочу помирить съ твоимъ государемъ. Совѣтую тебѣ съ нимъ вступить въ договоръ и помириться. Иначе крымскій ханъ будетъ съ королемъ за одно противъ тебя» [3]).

Между панами поднялся ропотъ.

«Какъ?—говорили нѣкоторые съ неподованіемъ,—онъ смѣетъ намъ предлагать условія? И мы должны съ нимъ

[1]) Stor. delle guer. civ. 164—165.

[2]) Pamiętn. Albr. Radziw. II. 384.

[3]) Акты Южн. и Западн. Рос. III. 395.

Digitized by Google

заключать договоры, какъ съ равнымъ? Иное дѣло ханъ: онъ государь, поляки имѣютъ дѣло съ крымцами, какъ равные съ равными, а козаки наши подданные».

Такъ говорили тѣ паны, которыхъ имѣнія находились далеко отъ Украины. Король самъ сначала раздѣлялъ ихъ мнѣніе. Янъ Казимиръ забылъ, какъ много обязанъ Хмельницкому при своемъ избраніи; государь вольной шляхетской націи, онъ защищалъ интересы ея: это было безопаснѣе, чѣмъ думать о своихъ.

Но тѣ, которые испытали силу козацкаго оружія, которые не разъ покидали свои домы и только бѣгствомъ спасали жизнь свою, тѣ, указывая на великополянъ и мазуровъ, говорили со вздохомъ:

«Эти господа не попробовали, какъ больно бьетъ козакъ, а потому такъ и говорятъ; мы должны согласиться, потому что мы въ рукахъ непріятелей. Если козаковъ нѣтъ возможности покорить оружіемъ, надобно покорить ихъ прощеніемъ и милостью» [1]).

Долго спорили; наконецъ король принужденъ былъ согласиться на все. Король, говоритъ польскій лѣтописецъ, желая привести въ послушаніе мятежниковъ, показалъ надъ ними свое милосердіе, потому что ихъ нельзя было побѣдить никакимъ инымъ образомъ. Хотя полякамъ и крѣпко не хотѣлось принять статей Хмельницкаго, говоритъ русскій лѣтописецъ [2]), но они разсудили, что лучше воротиться домой съ цѣлыми ушами.

Въ четвергъ, 9-го августа (19-го н. ст.), татары послали къ королю заложникомъ Сулеймана-Агу и получили 30,000 злотыхъ, да сверхъ того 2500 червонцевъ дано въ подарокъ Шефферъ-Кази и 500 Сулейману. Къ хану заложникомъ уѣхалъ Донгофъ въ сопровожденіи Мястков-

---

[1]) Histor. pan. Jan. Kaz. I. 84.—Pam. o wojn. kozac. za Chm. 65.
[2]) Ист. о през. бр.

Digitized by Google

Городская публ. библ.

скаго, который повезъ ему одинъ изъ двухъ экземпляровъ трактата; другой, подобный, доставленъ былъ Сулейманомъ-Агою полякамъ.

«Я былъ допущенъ въ шатеръ хана,—говоритъ Мястковскій;—повелитель многочисленныхъ ордъ береговъ Чернаго моря сидѣлъ окруженный знатными особами, съ подобострастіемъ опустившими глаза въ землю; нѣсколько сотъ вооруженныхъ янычаръ охраняли шатеръ царя. Ханъ былъ одѣтъ въ соболью шубу, крытую бархатомъ кирпичнаго цвѣта; по правую сторону сидѣлъ братъ его, султанъ Калга, по лѣвую султанъ Нуреддинъ. Примѣняясь къ христіанскимъ обычаямъ, ханъ, какъ государь, далъ мнѣ поцаловать руку» [1]).

Этой церемоніей оконченъ мирный договоръ Польши съ Крымомъ. Въ знакъ своего расположенія, ханъ послалъ королю, своему любезному брату, въ подарокъ дорогаго татарскаго коня и лукъ съ колчаномъ въ богатой оправѣ. Король, въ свою очередь, послалъ ему сѣдло съ богатымъ верховымъ приборомъ и турецкую саблю съ золотою рукояткою, осыпанною драгоцѣнными каменьями [2]).

Потомъ начался договоръ съ Хмельницкимъ. «Было съ нимъ возни», говоритъ очевидецъ [3]). Крайность разрѣшила недоумѣнія. Паны хотѣли удержать болѣе власти надъ Украиною; Хмельницкій хотѣлъ болѣе правъ русскому народу. Но ханъ, получивъ удовлетвореніе отъ короля, теперь, съ своей стороны, требовалъ отъ Хмельницкаго повиновенія правительству [4]). Тогда написанъ былъ зборовскій договоръ, который, въ самомъ дѣлѣ, не заключалъ въ себѣ ничего новаго, только возвращалъ старинныя

---

[1]) Bitw. p. Zbor. Star. pols. I. 265.

[2]) Histor. pan. Jan. Kaz. I. 86.

[3]) Bitw. p. Zbor. Star. pols. I. 266.

[4]) Annal. Polon. Clim. I. 148.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 92.—Histor. pan. Jan. Kaz. I. 82.

Digitized by Google

права козацкому сословію. Вотъ въ какомъ видѣ сохранился онъ:

«Объявленіе милости его королевскаго величества войску запорожскому на пункты, предложенные въ его челобитной:

«1) Его королевское величество оставляетъ войско свое запорожское при всѣхъ старинныхъ правахъ (wolnościach), по силѣ прежнихъ привилегій и выдастъ для этого тотчасъ новую привилегію.

«2) Желая угодить просьбѣ своихъ подданныхъ и привлечь ихъ къ услугамъ Рѣчи Посполитой, его королевское величество позволяетъ числу войска запорожскаго простираться до 40,000 человѣкъ и повѣряетъ составленіе списковъ гетману войска своего запорожскаго, позволяя вписывать въ козаки какъ изъ шляхетскихъ помѣстій, такъ и изъ королевскихъ имѣній по правую сторону Днѣпра, начиная съ города Димера, въ Горностайполѣ, въ Корыстышовѣ, въ Паволочѣ, въ Погребищѣ, въ Прилукѣ, въ Винницѣ, въ Браславлѣ, а отъ Браславля до Ямполя по Днѣстру, также до Днѣстра, а на лѣвой сторонѣ Днѣпра отъ Остра: въ Черниговѣ, въ Нѣжинѣ, въ Ромнѣ, до рубежей московскихъ и до Днѣпра, въ пространствѣ между этими мѣстами; далѣе же показанныхъ мѣстъ козаки не могутъ находиться; но кто пожелаетъ изъ другихъ краевъ вступить въ козачество, можетъ, безъ опасенія со стороны прежняго владѣльца, перейти съ своимъ имуществомъ въ Украину и записаться въ реестръ. Полный поименный списокъ козаковъ, за подписью руки гетмана запорожскаго, съ приложеніемъ войсковой печати, долженъ быть оконченъ совершенно до новаго русскаго года, для того, чтобъ тѣ, которые войдутъ въ козацство, пользовались своими правами, а всѣ прочіе, живущіе въ королевскихъ имѣніяхъ, исправляли свои обязанности, живущіе же въ шляхетскихъ, служили своимъ панамъ.

Digitized by Google

«3) Чигиринъ, какъ онъ теперь находится съ своимъ округомъ, долженъ навсегда оставаться при булавѣ войска запорожскаго, почему его королевское величество вручаетъ его нынѣшнему начальнику войска запорожскаго, благородному Богдану Хмельницкому, какъ вѣрному слугѣ короля и Рѣчи Посполитой.

«4) Все, что съ допущенія Божія происходило во время нынѣшняго замѣшательства, должно быть предано забвенію, и никакой панъ не долженъ мстить и казнить за прошлое.

«5) Его королевское величество, по своей монаршей милости, прощаетъ всѣмъ тѣмъ изъ шляхты, которые какимъ бы то ни было образомъ находились въ запорожскомъ войскѣ; и если, во время нынѣшнихъ смутъ, кто-нибудь выпросилъ родовое или коронное имѣніе, принадлежавшее тѣмъ, которые находились въ войскѣ запорожскомъ, и если кто, по поводу такого участія, лишенъ былъ чести — все должно быть изглажено на слѣдующемъ сеймѣ сеймовою конституціею.

«6) Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ жить козаки, вписанные въ реестръ, коронныя войска не могутъ занимать квартиръ.

«7) Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ находиться козацкіе полки, жиды не могутъ пребывать ни владѣтелями, ни арендаторами, ни просто жителями.

«8) Относительно уничтоженія уніи, какъ въ Коронѣ, такъ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, также относительно цѣлости церквей и вотчинъ, къ нимъ приписанныхъ изстари, будетъ сдѣлано постановленіе на сеймѣ въ присутствіи и по желанію отца митрополита кіевскаго и всего духовенства. Его королевское величество желаетъ, чтобы всякій могъ свободно пользоваться правами и вольностями своими и позволяетъ отцу митрополиту кіевскому засѣдать въ сенатѣ.

«9) Всѣ должности и чины въ воеводствахъ кіевскомъ,

Digitized by Google

брацлавскомъ и черниговскомъ, его королевское величество обѣщаетъ раздавать впредь только тамошнимъ дворянамъ, исповѣдующимъ греческую вѣру, по силѣ прежнихъ правъ.

«10) Отцы іезуиты не имѣютъ права находиться въ Кіевѣ и въ другихъ городахъ, гдѣ есть привилегированныя русскія школы, но должны непремѣнно перейти всѣ въ другія мѣста. Всѣ русскія школы, существующія издавна, должны оставаться въ цѣлости.

«11) Козаки не имѣютъ права шинковать горѣлкою, но могутъ для себя курить вино и продавать оптомъ. Шинки съ медомъ и пивомъ остаются на прежнихъ основаніяхъ.

«12) Всѣ изложенныя статьи будутъ утверждены на сеймѣ, а теперь, предавъ все забвенію, да пребываетъ согласіе и любовь между живущими въ Украинѣ и между войсками его королевскаго величества и войскомъ запорожскимъ» [1]).

Написанный и утвержденный печатью трактатъ былъ отправленъ къ королю, откуда возвратился съ подписью Joannes-Casimirus rex. Въ четвергъ вечеромъ, уже въ сумеркахъ, кіевскій воевода и коронный канцлеръ съѣхались съ Хмельницкимъ въ полѣ, сидя верхомъ на лошадяхъ, и тамъ Хмельницкій произнесъ присягу королю со словъ воеводы [2]).

Послѣ этого предводитель возстанія сказалъ:

«Да позволитъ же его королевское величество упасть къ ногамъ его!»

Паны были довольны такимъ желаніемъ; но козаки, не довѣряя полякамъ ни на волосъ, кричали:

«Не пустимъ нашого батька, щобъ вы его не заділи.

---

[1]) Собр. госуд. гр. и дог. III. № 143. стр. 450—454.—Рук. И. П. Б. № 90 разнояз. F.° № 5.

[2]) Staroż. polskie. I. 265.

Digitized by Google

Пусть кто нибудь изъ знатныхъ пановъ останется у насъ *въ закладъ*, а безъ того гетманъ не пойдетъ къ королю».

Одинъ изъ присутствовавшихъ при заключеніи договора, Любомирскій, вызвался остаться на нѣсколько часовъ у козаковъ, и тогда козаки отпустили гетмана.

Въ пятницу, 10-го августа (20-го н. ст.), утромъ Хмельницкій, въ сопровожденіи сотни знатнѣйшихъ козаковъ, прибылъ въ польскій лагерь вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Тимоѳеемъ. Его подвели къ шатру; по нѣкоторымъ извѣстіямъ, паны увѣряли короля, что онъ явится съ трусливымъ и униженнымъ видомъ, сложа на грудь руки, переводя дыханіе. Паны обманулись [1]).

Хмельницкій вошелъ бодро, съ уваженіемъ къ особѣ государя, но и съ чувствомъ собственнаго достоинства. Преклонивъ одно колѣно, онъ сказалъ:

«Много уже лѣтъ, наияснѣйшій и могущественнѣйшій государь, всемилостивѣйшій отецъ подданныхъ своихъ, много уже лѣтъ свирѣпая и коварная ненависть почти всѣхъ польскихъ пановъ обращена была на насъ, вѣрныхъ слугъ твоихъ. Всѣми возможными средствами они топтали привилегіи нашихъ старшинъ, считали козаковъ запорожскихъ не войскомъ величества твоего, а своими рабами. Священники наши были для нихъ хуже мухаммеданъ; захвативъ въ государствѣ власть, при блаженной памяти королѣ Владиславѣ IV, они не давали намъ вознести свободный голосъ на сеймѣ; насилія, убійства, крайнія оскорбленія всякаго рода мы претерпѣвали отъ нихъ безнаказанно. Прости смѣлости моей рѣчи, государь милостивый: мы не обманывали благосклоннаго твоего слуха представленіемъ причинъ, вынудившихъ насъ защищать жизнь свою. Терпѣніе наше потерялось: мы принуждены были заключить союзъ съ чужеземцами и употребить ихъ по-

---

[1]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 50.

Digitized by Google

мощь противъ шляхетства. Какъ осуждать насъ за это, когда мы защищали жизнь свою и имущества, что свойственно всякому животному? Скотъ, если его мучать, бодается! У меня въ мысли никогда не было поднимать оружія противъ вашего величества, государя нашего милосердаго и неповиннаго въ страданіяхъ нашихъ. Мы возстали противъ тѣхъ только, которые презирали козаковъ, какъ пресмыкающихся, угнетали насъ, какъ самыхъ послѣднихъ рабовъ» [1]).

Хмельницкій произносилъ эту рѣчь съ жаромъ.

Король, сохраняя важность своей особы, молчалъ [2]), только ласково протянулъ руку; Хмельницкій поцаловалъ ее съ почтеніемъ. Тогда литовскій подканцлеръ Сапѣга отвѣчалъ ему отъ лица короля:

«Что было и кто въ томъ виноватъ—того невозможно разобрать, даже и вспоминать объ этомъ болѣе не будемъ. Его величество, наияснѣйшій король не хочетъ раздражать никого; его монаршая милость, какъ врачевство, все исцѣляетъ; подобно солнцу, освѣщающему и добрыхъ и злыхъ, добрый монархъ благодѣтельствуетъ своимъ подданнымъ, и кроткимъ и строптивымъ, и прощаетъ виновнаго, если онъ загладитъ свой поступокъ вѣрностью и трудами на пользу отечества» [3]).

Вышедши, Хмельницкій повидался съ канцлеромъ [4]), но въ чемъ состояла ихъ бесѣда—неизвѣстно. По другимъ извѣстіямъ, также современнымъ, передаваемымъ лицами, близко стоявшими къ событіямъ, Хмельницкій иначе держалъ себя передъ королемъ. Онъ упалъ къ ногамъ государя, заливаясь слезами; произносилъ долгія рѣчи, но въ краткихъ словахъ выразилъ свое смиреніе: «не такъ думалъ

---

[1]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 51.

[2]) Bell. scyth. cosac. 71.

[3]) Истор. о през. бр.

[4]) Annal. Polon. Clim. I. 149.

Digitized by Google

я привѣтствовать ваше величество!—сказалъ онъ,—но что сталось, то сталось; прости милостивый король». Король отвѣчалъ ему: «довольно тебѣ быть нашимъ непріятелемъ. Мы допускаемъ тебя къ нашей милости и отпускаемъ всѣ вины тебѣ и всему войску запорожскому. Вознаградите за все намъ и Рѣчи Посполитой вѣрною службою своею. Уведи свое войско прочь немедленно!» Хмельницкій сказалъ: «гораздъ, милостивый королю!» Король вышелъ, а сенаторы потребовали, чтобъ Хмельницкій присягнулъ на вѣрность королю и Рѣчи Посполитой. Хмельницкій соглашался, но съ тѣмъ, чтобъ и король съ своей стороны утвердилъ договоръ присягою. Сенаторы убѣдили его отступиться отъ этого домогательства, такъ какъ окончательное утвержденіе договора принадлежитъ не королю, а сейму, и если-бы сеймъ не утвердилъ договора, то этотъ договоръ не имѣлъ бы обязательной силы и для противной стороны. Хмельницкій, сидя съ сенаторами, присягнулъ въ вѣрности королю и Рѣчи Посполитой. Это была уже послѣдняя, окончательная присяга съ его стороны. Тогда, наконецъ, подканцлеръ Сапѣга произнесъ рѣчь, изложенную выше.

Московскій дьякъ Кунаковъ, описывая это событіе сходно съ послѣднимъ описаніемъ, передаваемымъ поляками, прибавляетъ, будто въ это время разомъ съ Хмельницкимъ посѣщалъ короля Яна Казимира и крымскій ханъ, съ ассистенціею въ триста человѣкъ, а польскій король встрѣчалъ и провожалъ его съ большимъ почетомъ. Но вѣроятно Кунаковъ получилъ здѣсь невѣрное извѣстіе, потому что если-бы дѣйствительно ханъ посѣщалъ короля, то не было бы необходимости полякамъ утаивать этого въ своихъ извѣстіяхъ. Вѣроятнѣе другое извѣстіе, что взаимныя любезности между польскимъ королемъ и крымскимъ ханомъ ограничились тогда прибавкою въ подарокъ коней одинъ другому [1]).

[1]) List. Miastk. do Królewicza Karola Kubala. I. 182.—Pamiętn. Albr.

Digitized by Google

На другой день враждебныя войска разошлись. Поляки съ королемъ отправились ко Львову, Хмельницкій и ханъ къ Збаражу.

Уже девятая недѣля наступила съ тѣхъ поръ, какъ панское войско стало подъ Збаражемъ и седьмая съ тѣхъ поръ, какъ оно вступило въ битву съ непріятелемъ. 29-го іюля (8-го августа н. с.) въ полдень поляки съ удивленіемъ замѣтили, что козацкій таборъ подвигается къ старому Збаражу. Подъ замкомъ противъ той части обоза, гдѣ стоялъ Вишневецкій, явились разбитыми шатры для предводителей-союзниковъ, для Хмельницкаго и крымскаго хана. Вслѣдъ затѣмъ четверо сутокъ лилъ неустанный дождь какъ изъ ведра и непріязненныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ прекратились. 3-го августа (13-го н. с.) поляки замѣтили, что у непріятеля началась необычная суетня. Козаки, сидѣвшіе на своихъ окопахъ по близости къ польскимъ окопамъ, съ крикомъ сообщили своимъ врагамъ, что къ войску запорожскому пришли на помощь донцы. Но поляки не повѣрили этому и между ними распространилась иная вѣсть, что ожидаемая осажденными королевская помощь уже приблизилась къ мѣстечку Заложичамъ за три мили отъ Збаража и Хмельницкій двигается туда, чтобъ не допустить королевскаго войска до переправы черезъ рѣку. Эта вѣсть до того обрадовала поляковъ, что они стали бить въ литавры и играть на трубахъ, а козаки, услышавъ, что непріятели ихъ съ чего-то вдругъ развеселились, стали учащать пальбу по ихъ обозу. Вскорѣ, однако, эта пальба утихала и поляки замѣтили, что таборы непріятельскіе становились малолюднѣе: то было время, когда козаки уходили къ Зборову съ Хмельницкимъ, и значительная часть татарской орды пошла

Radziw. II. 384. — Staroż. polskie. I. 266.—Акты южн. и зап. Россіи. т. III. 397, 413.

Digitized by Google

туда же съ своимъ ханомъ. Подъ Збаражемъ остались только хлопы и часть орды; они продолжали безпокоить осажденныхъ: врывались черезъ польскіе окопы въ обозъ, били жолнѣровъ цѣпами и дубинами, хватали желѣзными крюками ихъ возы, метали въ польскій обозъ зажженныя мазницы съ дёгтемъ и охапки зажженной соломы, а потомъ, утомившись, разсаживались на польскихъ окопахъ передъ рядомъ связанныхъ вмѣстѣ возовъ, служившимъ полякамъ внутреннею обороною, и ругались надъ безсиліемъ враговъ. «Вотъ, ляхи, приходитъ конецъ вамъ и мы будемъ продавать васъ татарамъ по три гроша за голову! Поспѣшите-ка лучше, да заранѣе поклонитесь нашему пану Хмельницкому, чтобъ онъ помиловалъ васъ!» 6-го августа (16-го н. с.) козаки у себя торжествовали побѣду надъ королемъ и, поймавши одного польскаго пахолка, всучили ему для передачи предводителямъ на показъ письмо, писанное Хмельницкимъ къ обозному Чорнотѣ, которому онъ поручилъ начальствовать надъ оставленною подъ Збаражемъ воинскою силою. Гетманъ козацкій извѣщалъ, что онъ разгромилъ короля и приведетъ плѣнными пятьсотъ пановъ. Онъ приказывалъ стеречь осажденныхъ подъ Збаражемъ, чтобъ они не разбѣжались. Это привело поляковъ почти до отчаянія, между тѣмъ въ козацкомъ таборѣ раздавались радостные клики, пѣсни и восклицанія, и это подтверждало справедливость роковаго извѣстія. Въ это-то время Вишневецкій приказалъ слугѣ своему Шваржевскому пустить стрѣлу съ прикрѣпленною къ ней записочкою, будто отъ польскаго шляхтича, находящагося въ козацкомъ войскѣ. На другой день люди Вишневецкаго поймали козацкихъ языковъ, которые показывали, что Хмельницкій осадилъ короля, но изъ подъ Зборова привозятъ въ станъ подъ Збаражъ много раненыхъ козаковъ. Изъ этого поляки заключали, что козакамъ не удается подъ Зборовомъ съ королевскимъ войскомъ. Должно быть и это

Digitized by Google

все было тогда поддѣлано Вишневецкимъ съ цѣлію поддержать духъ и смѣлость въ войскѣ: плѣнные подъ пытками могли говорить все, что хотѣлось побѣдителямъ отъ нихъ слышать [1]). Въ послѣдніе дни поляки были доведены до такого истощенія, что уже для утоленія голода недоставало у нихъ и самой скверной пищи. Еще два-три дня—и обозъ пропалъ бы самъ собою. Вдругъ, 9-го августа (19-го н. ст.), прибѣжали изъ-подъ Зборова козаки и закричали: «Эй, панове, слухайте! уже ханъ трактуе зъ королемъ!» Паны думали, что это только козацкія насмѣшки, какъ вотъ 11-го августа (21-го н. ст.) приблизился татарскій мурза и, подъѣхавъ къ окопамъ, закричалъ чрезъ переводчика:

«Радуйтесь, ляхи, я вамъ привезъ веселую новость: король вашъ съ ханомъ побратался, а хлопы будутъ вашими подданными, какъ были прежде, исключая тѣхъ, которыхъ Хмельницкій возьметъ себѣ въ реестръ, до 40,000 молодцовъ. Не стрѣляйте по козакамъ».

Вишневецкій приказалъ его съ честью ввести въ обозъ и угощать, а между тѣмъ остерегался, нѣтъ ли тутъ хитрости. «Будемъ ждать вѣсти отъ нашего государя», говорили поляки татарину.

Въ это время козаки поставили близъ пруда четыре

---

[1]) Jak. Michałowsk. Xięga pamiętn. 463—465.—Diar. oblężenia pod Zbarażem. Kubala. I. 157, 168—174.—Остается не разрѣшеннымъ относительно стрѣлы съ запискою—то ли это событіе, о которомъ выше было разсказано или подобное въ другой разъ повторилось. Возможность допустить послѣднее располагаетъ то, что въ дневникѣ Збаражской осады, напечатанномъ въ книгѣ Михаловскаго, приводимое брошенное со стрѣлою письмо оканчивается словами: „вотъ уже третій разъ предостерегаю вашихъ милостей“. Въ томъ же дневникѣ подъ 20-мъ числомъ августа сообщается, что тогда была найдена въ обозѣ такая же записочка, написанная неразборчиво карандашомъ. Должно быть подобный пріемъ для поддержанія духа въ польскомъ войскѣ практиковался нѣсколько разъ.

Digitized by Google

пушки и гнали своихъ людей къ валу. Часа въ три пополудни завязалась перестрѣлка, скоро однако прекратившаяся по причинѣ дождя. Это полякамъ внушило еще болѣе подозрѣнія.

Вечеромъ прибылъ въ обозъ панъ Ромашкевичъ полякъ, и извѣщалъ что миръ дѣйствительно заключенъ, но и ему не повѣрили, тѣмъ болѣе, что онъ не умѣлъ объяснить въ чемъ состоятъ условія мира, а только сообщилъ, что отправленные королемъ коммиссары задержаны у Хмельницкаго и пріѣдутъ въ польскій обозъ на другой день. Наконецъ, пришло письмо отъ Хмельницкаго; козацкій предводитель извѣщалъ о послѣдовавшемъ подъ Зборовомъ мирѣ и выражался такъ: «ваши милости обѣщали сто тысячъ крымскому хану; изготовьте ихъ и царь отступитъ».

Это письмо произвело чрезвычайное негодованіе: «мы ничего никогда не обѣщали хану,—кричали предводители,—мы были готовы всѣ полечь съ оружіемъ въ рукахъ, а не поддаваться: мы не будемъ откупаться».

Въ такомъ смыслѣ посланъ отвѣтъ Хмельницкому. Козацкій гетманъ сильно разсердился [1]), но вотъ вслѣдъ затѣмъ въ окопы вошли королевскіе посланцы, Ожга писарь львовской земли и ротмистръ Миноръ, и вручили начальникамъ письмо короля, разныя пожалованія староствами и копію зборовскаго трактата. Спасенное войско было въ невыразимой радости; но Вишневецкому, хотя также получившему староство, и его отважной партіи не понравилось, когда, читая письмо короля, они были поражены слѣдующими словами:

«По силѣ договора съ ханомъ, збаражское войско должно заплатить часть суммы для окупа хану, и потому необходимо, чтобъ кто нибудь изъ важныхъ пановъ согласился, до уплаты этой суммы, идти заложникомъ въ хан-

---

[1]) Jak. Michał. 169.

Digitized by Google

ское войско, подобно какъ и мы отправили заложникомъ Донгофа, потому что они съ пустыми руками не отойдутъ отъ Збаража».

«А чтобъ вы этого не дождали! — закричалъ Іеремія и его приверженцы,—сами платите, когда обѣщали! Король и коммиссары не смѣли давать за насъ обѣщаній: мы будемъ защищаться, пока въ рукахъ будетъ оружіе!»

Тогда находившійся въ козацко-татарскомъ обозѣ заложникомъ Донгофъ прислалъ нѣкоего Ольшанскаго требовать, чтобъ сумма, которой хочетъ ханъ, была непремѣнно заплачена. «Иначе,—говорилъ Ольшанскій, — панъ Донгофъ сокальскій староста пропалъ» [1]. «Кто его отдалъ въ заложники, тотъ пусть и выкупаетъ», сказалъ на это белзскій воевода.

Но другіе удерживали такую безполезную вспышку. Они говорили: «можемъ ли мы имѣть хоть какую нибудь надежду на защиту? Мы при послѣднемъ издыханіи. Иначе и быть не можетъ: побѣдитель даетъ права и толкуетъ ихъ какъ ему угодно».

Издыхающее войско роптало; жолнѣры просились, чтобъ ихъ скорѣе выпустили, а между тѣмъ козаки передъ самымъ обозомъ разставили столы со съѣстными припасами. Молодой Потоцкій, но не того герба, къ которому принадлежалъ взятый въ плѣнъ подъ Корсуномъ гетманъ, вызвался идти въ заложники [2].

Татары отступили немедленно по полученіи заложниковъ. И тогда сбылось предсказаніе осажденныхъ поляковъ, которые говорили, что десятины будутъ собирать съ русскихъ ихъ дикіе союзники. Мурзы, неповиновавшіеся хану и считавшіе для себя закономъ свою прихоть, заби-

---

[1]) Jak. Michał. Ks. pam. 469.

[2]) Pam. o wojn. kozac. za Chm. 68.—Histor. belli cosac. polon. 110.—Histor. pan. Jan. Kaz. I. 87.—Истор. о през. бр.—Kubala I. 161.

Digitized by Google

рали по городамъ и селамъ женъ и дочерей тѣхъ самыхъ молодцовъ, съ которыми вмѣстѣ издѣвались надъ поляками. Одна польская лѣтопись говоритъ, что въ мѣстечкѣ Ляховцахъ татары погнали плѣнныхъ до пятнадцати тысячъ [1]). Сами русскіе, своевольные «левенцы», пошли ватагами опустошать свое отечество и обижать своихъ братьевъ [2]).

По отходѣ татаръ, отворились польскіе окопы и чахлые, блѣдные поляки выползли изъ своихъ норъ. По извѣстію одного изъ современниковъ [3]), десять тысячъ жолнѣровъ было заключено въ окопахъ при началѣ осады: изъ нихъ теперь осталось только 3,000, слугъ погибло болѣе чѣмъ на половину, а изъ шестидесяти тысячъ лошадей едва осталось въ живыхъ три тысячи. Почти никто изъ нихъ не въ силахъ былъ идти прямо: дуновеніе вѣтра, по выраженію лѣтописцевъ, сваливало ихъ съ ногъ; у кого былъ конь, тотъ держался за хвостъ коня; иные поддерживали другъ друга и падали отъ изнеможенія. Хлопы промѣнивали имъ свои припасы на битые талеры и не забывали колоть ихъ горькими насмѣшками. Самъ гетманъ разъѣзжалъ съ гордостью между шляхтичами, которые съ восторгомъ увидали, въ первый разъ послѣ долгаго томленія, хлѣбъ и чистую воду.

Были изъ русскихъ такіе, которые не смотрѣли на свѣжій миръ и, накормивъ безсильныхъ враговъ своихъ, продавали ихъ татарамъ [4]). Съ своей стороны и поляки мало были расположены считать козаковъ друзьями. Одинъ польскій отрядъ, на дорогѣ, въ селѣ Дергахъ, напалъ на толпу левенцовъ и перебилъ ихъ, беззащитныхъ и пьяныхъ [5]).

---

[1]) Pam. o wojn. kozac. za Chm. 68.—Stor. delle guer. civ. 165.

[2]) Лѣтоп. Самов. 15.

[3]) Stor. delle guer. civ. 164.

[4]) Истор. о през. бр.—Лѣтоп. малор.

[5]) Истор. о през. бр.

Digitized by Google

Наконецъ, когда поляки разошлись, Хмельницкій съ своимъ побѣднымъ войскомъ отступилъ въ Украину на покой, въ славѣ и чести.

«Що? багато пропало ляхівъ?» спрашивали козаковъ родные.

«Що підъ Збаражемъ,—выражались тогда:—то нехай той злічить, кому тамъ лучилось бути, а що підъ Зборовомъ, тамъ де наибільшій панъ—той мусивъ головою наложити, а що слуги и віськo грошове то добре вони тямитимуть весільля Зборове» [1]).

Во все время збаражской осады на Волыни и въ Литвѣ происходили отдѣльныя битвы русскаго народа съ непріятелями, столь же кровопролитныя, но не столь счастливыя для него. Нѣсколько загоновъ, отдѣлившись отъ войска, отправились на Волынь. Тамъ городъ Острогъ, доставшійся въ руки козаковъ, опять перешелъ къ полякамъ. Множество народа, по извѣстію одного современника до 20,000, сбѣжалось въ этотъ городъ, укрываясь отъ бродившихъ татарскихъ и козацкихъ загоновъ. Три козацкихъ отряда подъ начальствомъ Небабы, Донца и Головацкаго, подступили къ нему и увидѣли, что поляки уже успѣли поправить и возобновить укрѣпленія. «Мы не враги вамъ,—послали въ городъ сказать козаки:—пустите насъ купить кое-что на рынкѣ». Жители довѣрились, начали впускать козаковъ и продавать имъ пиво, медъ, водку, хлѣбъ и разное съѣстное. Но такъ какъ у воротъ стояла стража, то козакамъ это не понравилось, они бросились на нее и прогнали. Гарнизонъ ударилъ тревогу; всѣ козаки и татары подоспѣли къ своимъ на помощь и дѣло дошло до ожесточенной рѣзни: вырѣзали множество жителей, другихъ татары погнали въ плѣнъ, такъ что погибло тогда, какъ говорятъ, до 20,000 человѣкъ. Весь городъ былъ превращенъ въ

---

[1]) Истор. о през. бр.

Digitized by Google

пепелъ. Только двѣсти человѣкъ мѣщанъ заперлись въ палацъ: они дали храбрый отпоръ, а потомъ выговорили себѣ свободный выступъ, за извѣстную сумму [1]). Заславль, находившійся также, послѣ изгнанія Донца, въ рукахъ поляковъ, сдался добровольно. Православные сами позвали козаковъ и впустили ихъ въ городъ, предавая имъ на жертву католиковъ и жидовъ. Козаки овладѣли Заславлемъ ночью, перебили католиковъ, а надъ жидами потѣшались нѣсколько времени: они ихъ запихали въ топленыя печи и медленно мучили жаромъ. Православные вмѣстѣ съ гостьми потѣшались местью надъ врагами, но потомъ и сами расплатились за свою дружбу съ ними. Татары ихъ ограбили, вымучивали у нихъ деньги, многихъ замучили, другихъ угоняли въ плѣнъ и дѣлали надъ ними разныя неистовства [2]).

Тайное условіе въ договорѣ татаръ съ поляками развязывало татарамъ руки, и какъ только ханъ съ главною ордою отступилъ отъ Зборова, татары отступили отъ ней и производили въ краѣ Рѣчи Посполитой ужасныя опустошенія; они оправдывали себя тѣмъ, что такъ поступаютъ вмѣсто платы, которую долженъ выплатить побѣжденный польскій король. Послѣ отхода изъ подъ Збаража, они разсѣвались загонами и хватали въ полонъ и мирныхъ жителей и возвращавшихся съ войны воиновъ. Другіе пустились загонами по Волыни и Червоной Руси [3]). «Мое мѣстечко Олыка—пишетъ въ своихъ запискахъ Альбрехтъ Радзивиллъ—выдержало два нападенія; ночью съ одной стороны вторгались въ него татары, съ другой—козаки, и отъ обоихъ отбились мѣщане; но другое мѣстечко напрасно оборонялось въ теченіи нѣсколькихъ дней; мѣщане, обманутые присягою козаковъ, впустили ихъ, а за козаками

[1]) Stor. delle guer. civ. 148.
[2]) Ibid. 150.
[3]) Акты Юж. и Зап. Росс. III. 347.

Digitized by Google

ворвались татары, перебили много народа, другихъ взяли въ полонъ татары и угнали въ неволю». То же дѣлалось по инымъ волынскимъ городамъ и окрестнымъ селеніямъ; разорены были: Колки, Полонное, Деражне, Тучинъ, окрестности Луцка. Тотчасъ послѣ Зборовскаго дѣла татары нападали на Злочевъ и на Бѣлый Камень и забирали яссыръ, но подъ Топоровомъ поляки отбили у нихъ яссыръ. Шляхта люблинскаго воеводства и земли хелмской, составлявшая посполитое рушенье и возвращавшаяся съ войны, могла бы дать отпоръ и остановить разливъ татарскихъ загоновъ, но она ушла за Бугъ [1]). Пострадали города Бельзъ, Соколъ, Грубешовъ. Вездѣ татары, при пособіи козаковъ, забирали плѣнниковъ, угоняли стада и уходили съ ними въ Крымъ [2]). Современники замѣтили, что когда татары удалялись, то за ними летѣла тучами саранча, которая передъ тѣмъ опустошала тамошнія поля и вмѣстѣ съ татарами исчезла. Ханскому войску, возвращавшемуся въ отечество, Хмельницкій придалъ трехъ полковниковъ провожать его до Бара и далѣе. Московскіе посыльные для доставленія вѣстей узнали, что татары на возвратномъ пути взяли и разорили пятнадцать городовъ съ ихъ уѣздами [3]). Въ подольскихъ городахъ, еще до своего похода подъ Збаражъ, Хмельницкій разставилъ по два человѣка козаковъ и татаръ, какъ бы въ качествѣ наблюдателей, а послѣ зборовскаго дѣла татары вторгнулись въ эти городки при содѣйствіи козаковъ, которые обманули жителей, сказавши, что приходятъ для покупки хлѣба и живности; за ними вторглись татары—и такъ погибло и взято въ плѣнъ множество народа, угнано скота, разорено и сожжено много дворовъ въ Межибожьѣ, Ямполѣ и другихъ городахъ, которыхъ насчитываютъ до семидесяти.

[1]) Pamiętn. Albr. Radziw. II. 385.

[2]) Jak. Michałowsk. Xięga Pamiętn. 434.

[3]) Pam. Albr. Radz. II. 385.

Digitized by Google

Бѣдные жители не предвидѣли бѣды своей и не ожидали такого нашествія, а татары и козаки твердили, что все это дѣлается съ-вѣдома гетмана Хмельницкаго и съ дозволенія польскаго короля, который, вмѣсто платы татарамъ, отдалъ имъ на разграбленіе семьдесятъ городовъ. Но и съ своими союзниками поступали татары не лучше и забирали въ яссыръ многихъ изъ тѣхъ южноруссовъ, которые съ ними ходили въ загонахъ и имъ содѣйствовали [1]).

Военныя дѣйствія въ Литвѣ начались очень рано въ 1649 году. Оставленное Радзивилломъ на зимовыхъ квартирахъ, на лѣвой сторонѣ Припети, литовское войско было по неосторожности покинуто хорунжимъ Воловичемъ, который отлучился для поправленія здоровья. Узнавъ объ этомъ, Хмельницкій послалъ туда Илью Голоту, какого-то предводителя украинскихъ хлоповъ. Сначала отрядъ его простирался только до десяти тысячъ; но едва въ Литвѣ разнесся слухъ, что гетманъ украинскій прислалъ новыя силы на помощь русской землѣ, народъ сыпнулъ со всѣхъ сторонъ къ нему и число козаковъ увеличилось. Они напали на зимовыя квартиры литовцевъ, и, пользуясь ихъ безпечностью, множество перебили, а остальные, покинувъ свои походныя имущества, разбѣжались; города за Припетью поднялись; составлялись загоны; шляхта покидала домы свои и замерзала толпами по дорогамъ.

Узнавъ о пораженіи литовцевъ, Винцентій Гонсѣвскій набралъ на-скоро нѣсколько отрядовъ нѣмецкой пѣхоты, началъ заворачивать бѣгущихъ жолнѣровъ и нечаянно напалъ на Голоту, который, вовсе не ожидавъ непріятеля, распустилъ три части своего свѣжаго войска и оставался только съ 7000 пѣхоты. Не въ силахъ мѣряться съ Гонсѣвскимъ, козаки побѣжали въ непроходимыя болота [2]) и

---

[1]) Акты Юж. и Зап. Рос. III. 342. 347. 350,

[2]) Hist. belli cos. polon. 117.

Digitized by Google

заперлись на одномъ островѣ Припети, разрубивъ за собою ледъ на рѣкѣ; Гонсѣвскій пошелъ по слѣдамъ спрятавшихся русскихъ и открылъ ихъ убѣжище. Козаки защищались отчаянно и почти всѣ были перетоплены и побиты, вмѣстѣ съ своимъ предводителемъ Голотою, храбрымъ и кровожаднымъ, какъ называютъ его поляки.

Радзивиллъ съ главнымъ корпусомъ литовскаго войска сталъ близъ Рѣчицы. Тогда разнесся слухъ, что литовцы хотятъ съ силами войти въ Украину въ то время, когда Хмельницкій съ козаками воевалъ на Волыни. Въ самомъ дѣлѣ, Радзивиллъ имѣлъ эту мысль, но другіе удержали его, представивъ, что такое предпріятіе опасно: дорога шла между лѣсовъ и болотъ, народъ въ возстаніи — литовское войско внезапно могло быть атаковано и сзади и спереди, и съ боковъ, въ какомъ нибудь неудобномъ проходѣ [1]). Хмельницкій послалъ противъ литовцевъ свѣжій десятитысячный отрядъ подъ начальствомъ Стецька Подобайла, молодаго, отважнаго козака, который, по сказанію лѣтописцевъ, былъ готовъ летѣть въ огонь, сломя голову [2]). Хмельницкій, готовя вслѣдъ за нимъ другое, сильнѣйшее войско, приказалъ ему только удерживать вторженіе Радзивилла. Подобайло выбралъ мѣсто между Днѣпромъ и Сожью, при устьѣ послѣдней, окруженное непроходимыми болотами; а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мѣстность представляла возможность къ переходу, тотчасъ вырылъ рвы и насыпалъ валы [3]). Городъ Лоевъ, на противоположной сторонѣ, былъ имъ сожженъ, чтобъ не дать въ немъ утвердиться непріятелю [4]). Услышавъ объ этомъ, Радзивиллъ рѣшился уничтожить его прежде

---

[1]) De rebus. gest. contra cosac. 37.

[2]) Histor. pan. Jan. Kaz. I. 92.—Истор. о през. бр.

[3]) De rebus. gest. contra cosac. 39.

[4]) Ibid.—Histor. bell. cosac. polon. 117.—Кратк. опис. о коз. малор. нар. 38.

Digitized by Google

чѣмъ явится сильнѣйшее войско. Онъ оставилъ въ Рѣчицѣ гарнизонъ, а остальное войско повелъ на Подобайла. Конница и артиллерія шли сухопутно, Гонсѣвскій съ пѣхотою и частью оружія плылъ на лодкахъ. Два отряда посланы были въ стороны: одинъ, подъ начальствомъ Комаровскаго, къ Припети, другой, подъ начальствомъ Павловича, къ Рѣчицѣ, для наблюденія надъ свѣжими непріятельскими силами, которыя должны были появиться въ помощь Подобайлу [1]). Литовскій историкъ, постоянно уменьшающій число своихъ и увеличивающій число русскихъ, простираетъ число воиновъ въ этихъ отрядахъ только до тысячи человѣкъ въ каждомъ [2]).

Гонсѣвскій занялъ удобное мѣсто, приказалъ сдѣлать валъ въ уровень съ непріятельскими окопами и палить въ таборъ Подобайла [3]).

Между тѣмъ, новое войско уже вступило въ Бѣлоруссію изъ Украины. Хмельницкій послалъ туда Кречовскаго, своего бывшаго избавителя, котораго любилъ какъ задушевнаго друга. Съ нимъ было тридцать тысячъ русскихъ. Одно имя его, по замѣчанію современниковъ, могло собрать подъ его знамена огромное войско [4]). Природный русскій, Кречовскій служилъ Хмельницкому не изъ выгодъ, не изъ пріязни, а изъ любви къ Руси. Переправившись черезъ Припеть, онъ разсѣялъ отрядъ Мирскаго. Этотъ успѣхъ послужилъ къ тому, что къ нему начали стекаться хлопы. Услышавъ отъ плѣнныхъ жолнѣровъ, что городъ Рѣчица готовъ принять козаковъ [5]), Кречовскій распустилъ слухъ, что идетъ на Рѣчицу, а между тѣмъ рѣшился стремительно атаковать Радзивилла. Отъ

---

[1]) De rebus. gest. contra cosac. 39—40.—Bell. scyth. cosac. 87.

[2]) De rebus. gest. contra cosac. 40.

[3]) Ibid.

[4]) Bell. scyth. cosac. 86.

[5]) Histor. pan. Jan. Kaz. I. 93.

Digitized by Google

быстроты зависѣлъ успѣхъ. Для предупрежденія опасности, онъ разослалъ недавно приставшихъ къ нему хлоповъ по сторонамъ для наблюденія, а самъ бросился на обозъ Радзивилла [1]).

Но козаки испортили дѣло: они разсѣялись съ лошадьми по пастбищу и тѣмъ дали о себѣ знать литовскому войску, потомъ завязали съ передовыми постами битву и, такимъ образомъ, позволили непріятелямъ собраться и не попасться врасплохъ.

Завязалась жестокая сѣча. Радзивиллъ, замѣтивъ, что лѣвое крыло русскаго войска отдѣлилось, послалъ на него конницу подъ начальствомъ Ходорковскаго, Невѣровскаго съ гусарами и Гонсѣвскаго. Лѣвое крыло козацкое попятилось въ лѣсъ. Тутъ Кречовскій, видя, что литовская конница отдѣлилась отъ лагеря, стремительно выдвинулъ правое крыло своего войска и началъ перерѣзывать обратный путь непріятельской конницѣ. Тогда лѣвое крыло, примкнутое къ лѣсу, спѣшилось и, въ свою очередь ударило на литовцевъ. Литовское войско, окруженное непріятелемъ, пришло въ безпорядокъ. Оно было бы неминуемо разбито на голову, еслибъ литовцамъ не явилась неожиданная помощь.

Отряды, посланные для развѣдыванія о непріятелѣ, подъ начальствомъ Комаровскаго и Павловича, возвращались тогда въ лагерь и были такъ недалеко, что слышали выстрѣлы. Они внезапно ударили сзади на русскихъ. Изумленные неожиданностью, козаки смѣшались, и въ то время, когда появившіеся въ тылу отряды напали на правое крыло войска Кречовскаго, Радзивиллъ ударилъ всѣми силами на лѣвое. Кречовскій бросился въ лѣсъ, спустился въ глубокую долину, окопался валомъ, а между тѣмъ послалъ къ Подобайлу, чтобъ онъ

---

[1]) Bell. scyth. cosac. 86—87.—Кратк. опис. о козац. мал. нар. 38

Digitized by Google

поспѣшилъ къ нему на помощь [1]). Этотъ успѣхъ дорого стоилъ литовцамъ: много было убитыхъ, много раненыхъ и, въ числѣ послѣднихъ, Гонсѣвскій: пуля попала ему въ ногу, другая въ грудь, но панцырь спасъ его.

Между тѣмъ Радзивиллу донесли, что Подобайло готовъ броситься на него съ тыла. Радзивиллъ, оставивъ для удержанія Кречовскаго нѣмецкую пѣхоту, бросился самъ на Подобайла. Подобайло получилъ заранѣе объ этомъ вѣсть и плылъ Днѣпромъ на чайкахъ, на помощь Кречовскому, по извѣстію нѣкоторыхъ съ 12,000, по другимъ—съ 15,000, а по инымъ—съ 9,000 козаковъ. Козаки пристали къ берегу, сдѣлали изъ дерна валъ, чтобъ закрыть себя отъ непріятельскихъ наблюденій при высадкѣ, и готовились напасть на Радзивилла съ тыла; но Радзивиллъ предупредилъ ихъ и напалъ стремительно въ то время, когда козаки не успѣли высадиться и потому не были готовы къ бою. Видя, что имъ невозможно удержаться на берегу, они бросились назадъ въ чайки, и многіе летѣли прямо въ воду. «Словно плавающія утки, говоритъ современникъ, они выставляли изъ воды головы, которыя безпрестанно слетали отъ литовскихъ пуль». Самъ Подобайло съ частью воиновъ успѣлъ, однако, прорваться и спѣшилъ соединиться съ Кречовскимъ; но предводители нѣмецкой пѣхоты, Тизенгаузенъ, Нольдъ и Вехманъ, пресѣкли ему дорогу и разсѣяли козаковъ. Предводитель ихъ оставилъ поле войны.

Тѣмъ временемъ Кречовскій, огородившись въ лѣсу валомъ, возами и даже тѣлами убитыхъ, отражалъ удачно нѣмецкую пѣхоту и не выходилъ изъ лагеря, дожидаясь Подобайла; но, къ ужасу своему, онъ услышалъ, что къ нему приближается не Подобайло, а Радзивиллъ, который, со всѣмъ войскомъ, перешедши болотистые лѣса, заходитъ

---

[1]) De reb. gest contra cosac. 44.—Bell. scyth cosac. 86—87.

Digitized by Google

на него съ другой стороны. Пораженіе Подобайла лишило его надежды. Онъ искалъ смерти, вырвавшись съ кучкою смѣлыхъ изъ укрѣпленнаго табора, бросился на передовой литовскій отрядъ и былъ сильно раненъ. Козаки положили на возъ своего предводителя и ночью оставили таборъ, но на разсвѣтѣ наткнулись на войско Радзивилла и разбѣжались. Полумертваго Кречовскаго, лежавшаго на возу, литовцы привезли въ лагерь. Онъ такъ былъ храбръ, такъ внушалъ къ себѣ уваженіе, что литовскіе паны, окружая его, ласкали его; самъ Радзивиллъ изъявлялъ сожалѣніе и просилъ, чтобъ онъ не боялся; но русинъ бросилъ на нихъ презрительный взглядъ, отворотился и началъ биться головою о дерево, и такъ испустилъ несчастный духъ свой, по выраженію польскаго современнаго историка [1]).

Это было въ августѣ. Казалось все было кончено; но мятежъ, по выраженію польскаго лѣтописца, — словно гидра, у которой если отрубишь голову, то сейчасъ выростаетъ другая [2]). Едва кончилъ Радзивиллъ кровопролитную войну съ Кречовскимъ, надъ которымъ побѣда стоила литовцамъ дорого, какъ услышалъ, будто 60,000 козаковъ переправляются чрезъ Припеть и снова началъ устраивать къ бою свое утомленное войско. Но въ это время уже заключенъ былъ зборовскій миръ и литовцы избавились отъ новыхъ опасностей. На дорогѣ Радзивиллъ получилъ отъ короля письмо, въ которомъ ему предписывалось отступить [3]).

---

[1]) Histor. pan. Jan. Kaz. I. 92—95.—Bell, scyth. cosac. 86—88.—Кратк. опис. о коз. мал. нар. 37—39.—Истор. о през. бр.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 103—108.—Latop. Jerl. 100—101. Pam. Albr. Radz. II. 319.

[2]) Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 104.

[3]) Письмо это напеч. въ III-мъ томѣ „Собр. гос. гр. и дог.“ О литовскихъ событіяхъ этого времени спеціальное сочиненіе „Rerum, in Magno Ducatu Lith. Commentarius“.

Digitized by Google

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Неудовольствія въ Польшѣ.—Пасквили.—Обвиненія противъ Оссолинскаго.—Смерть его.—Любовь къ Вишневецкому.—Состояніе Украины.—Сеймъ въ Варшавѣ.—Недопущеніе кіевскаго митрополита въ сенатъ.—Гражданское устройство въ Украинѣ.—Коммиссары.—Водвореніе владѣльцевъ.—Бунты.—Нечай.—Ходатайство митрополита.—Переяславская рада.—Козацкіе полки.—Положеніе владѣльцевъ.

Никто въ польскомъ лагерѣ подъ Зборовомъ не думалъ о сохраненіи зборовскаго договора. «Мы должны были suadente necessitate согласиться на подобныя статьи», писалъ одинъ полякъ изъ-подъ Зборова [1]). «Тайный шопотъ,—говоритъ поэтъ-современникъ,—предупреждалъ всѣхъ, что миръ, который служилъ къ униженію шляхетскаго сословія и достоинства, не могъ быть продолжителенъ. Это значитъ присыпать пепломъ огонь, который, современемъ, долженъ былъ вспыхнуть снова». Русскіе также мало вѣрили въ прочность этого договора. Еслибъ они и довѣряли королевскому слову, то всетаки не могли думать, что король въ силахъ сдержать его. «Что значитъ въ Польшѣ король? — говоритъ русскій лѣтописецъ.—Ляхи народъ непостоянный; они не повинуются своимъ коро-

[1]) Starożytn. Polsk. I. 263.

Digitized by Google

лямъ и живутъ между собою въ несогласіи. Сколько въ польской землѣ ляховъ, столько совѣтовъ и мнѣній: каждый хочетъ свое слово поставить выше слова другаго; они пишутъ договоры, обѣщаютъ, а потомъ отрекаются отъ своихъ обѣщаній» [1]).

Короля въ Варшавѣ встрѣтили очень дурно. Жители столицы, только по слухамъ знавшіе, что такое Хмельницкій и его козачество, кричали, что король посрамилъ честь польской націи, что онъ сдѣлалъ Польшу данницею невѣрныхъ и игрушкою хлоповъ. Когда при дворѣ происходили праздники и балы, какъ бываетъ обыкновенно по окончаніи войны, которое придворные хотѣли выставить счастливымъ, варшавскіе шляхтичи пѣли на улицѣ язвительныя пѣсни, прибивали къ стѣнамъ пасквили и распускали соблазнительныя исторіи на счетъ короля, королевы и придворныхъ [2]). Въ числѣ подобныхъ сочиненій ходило по рукамъ одно діалогической формы. Сцена происходитъ между королемъ, канцлеромъ, Киселемъ, ханомъ, русскимъ митрополитомъ и королевскимъ любимцемъ пѣвцомъ Грембошевскимъ. Король дружески бесѣдуетъ съ ханомъ. Канцлеръ, стоя передъ нимъ, восклицаетъ: «Се что добро и что красно, еже жити братіи вкупѣ!»—«Одна любовь насъ соединила, и тебѣ подобаетъ честь за эту услугу отечеству», говоритъ король. Канцлеръ, желая показать скромность, обращается къ Киселю и восклицаетъ: «вотъ кто сдѣлалъ услугу отечеству; возстань, возлюбленный, пріими вѣнецъ!» Митрополитъ при этомъ говоритъ Киселю: «Ты краса русскихъ, ты слава схизматиковъ!» — «И ты, отвѣчалъ ему Кисель: возсядешь между двѣнадцатью колѣнами Израиля» (то есть въ сенатѣ). Пѣвецъ играетъ на лирѣ и поетъ: «сей день,

---

[1]) Истор. о през. бр.

[2]) Annal. Polon. Clim.—Истор. о през. бр.

Digitized by Google

его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь!» и получаетъ за это въ награду староство [1]). Одинъ изъ сенаторовъ, Кобѣржицкій, совѣтовалъ отъискать оскорбителей величества и предать ихъ наказанію; но король, хотя зналъ, кто сочиняетъ эти пасквили, однако терпѣлъ, зная непостоянство польскаго характера. «Онъ, — говоритъ польскій историкъ, — припоминалъ слова Тацита: оскорбленіе теряетъ свою силу, когда имъ пренебрегаютъ, и внушаетъ къ себѣ вѣру, когда за него гнѣваются» [2]).

Давняя подозрительность шляхетства къ своимъ королямъ, которымъ всегда готовы были приписывать замыслы ограничить шляхетскую свободу и ввести въ Польшѣ самодержавіе, обратилась на недавно избраннаго короля. Ему приписывали тоже, въ чемъ упрекали его покойнаго брата — намѣреніе утвердить королевское самовластіе при помощи козаковъ. Тогда иные политиканы толковали: всякъ можетъ признать, что война эта была съ королевскаго позволенія: король чуть не попалъ въ руки татаръ, и они, вытребовавши отъ него условія, вредныя для Рѣчи Посполитой, отпустили его. Всѣмъ вѣдомо, что татары люди жадные, не то что короля, и обыкновеннаго шляхтича стараются взять въ неволю, и видя стѣсненное положеніе своего врага тѣмъ сильнѣе нападаютъ, а взять короля въ плѣнъ они бы для славы своей всячески домогались. Если бы эту войну козаки не вели противъ насъ съ королевскаго дозволенія — иначе бы дѣло кончилось [3]).

Ненависть къ Оссолинскому не кончилась пасквилями и сатирическими стихотвореніями. Въ ноябрѣ 1649 г. былъ собранъ чрезвычайный сеймъ съ цѣлью утвердить зборовскій договоръ, назначить задержанную уплату жалованья войску и принять мѣры къ увеличенію регуляр-

---

[1]) Histor. belli cosac. polon. 112.

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 166—169.

[3]) А. Ю. и З. Р. III. 402.

Digitized by Google

наго войска въ Польшѣ. Когда еще собирались предварительные сеймики для выбора пословъ, Хмельницкій писалъ къ Киселю и уполномочивалъ его держать на предстоящемъ сеймѣ сторону русскаго народа. «Нижайше просимъ вашу милость,—писалъ онъ,—стараться, чтобъ на этомъ сеймѣ утверждены были наши права и вольности, успокоена наша вѣра и уничтожена унія, возвращено было домамъ Божіимъ все, что предки наши на нихъ пожертвовали и каждый пользовался бы своими вольностями и болѣе не было бы въ отечествѣ раздоровъ» [1]). На этомъ сеймѣ чуть было не возродилась старинная рознь между шляхетствомъ польской Короны и шляхетствомъ Великаго Княжества Литовскаго. Послы изъ литовскихъ повѣтовъ говорили на сеймѣ: «причина войны идетъ отъ коронныхъ пановъ сенаторовъ и урядовыхъ особъ, а мы литовцы не подавали козакамъ никакого повода къ возмущенію: пусть же одни коронные несутъ на себѣ всѣ издержки и убытки». Послы изъ бѣлорусскаго края изъявляли на сеймѣ опасеніе, что изъ королевскихъ и шляхетскихъ маетностей хлопы станутъ уходить въ Украину и вписываться въ козаки, и вмѣсто дозволеннаго зборовскимъ договоромъ числа козаковъ 40000, будетъ ихъ тысячъ сто или болѣе, и съ ними безъ войны нельзя будетъ обойтись. Вспыхивала, кромѣ того, еще болѣе древняя рознь между знатнымъ панствомъ, такъ называемыми можновладцами, и мелкимъ шляхетствомъ. Представители послѣдняго на сеймѣ подавали мнѣніе, что слѣдуетъ обложить поборами маетности свѣтскихъ и духовныхъ сенаторовъ по количеству дымовъ, истребовавши отъ владѣльцевъ свѣдѣнія подъ присягою: сколько у нихъ дымовъ; и сверхъ того надобно наложить поголовное на іудеевъ. Сенаторы воспротивились: подымный поборъ былъ бы для

---

[1]) Ojczyste spom. 2. 121.

Digitized by Google

нихъ тяжелъ, и казался болѣе легкимъ поборъ съ волоковъ [1]) земли, такъ какъ у нихъ въ маетностяхъ приходилось по меньшей мѣрѣ человѣкъ по восьми хлоповъ на одинъ волокъ, тогда какъ у шляхетства въ маетностяхъ было на одномъ волокѣ по человѣку, а иногда на четыре или на пять волоковъ одинъ человѣкъ. За іудеевъ заступались знатные паны, потому что іудеи были у нихъ въ маетностяхъ арендаторами и корчмарями [2]). Тогда паны Рѣчи Посполитой обратили всю злость на виновника своего униженія. Обвинители подали на сеймъ краткій очеркъ дѣйствій канцлера. «Вся послѣдняя междоусобная война есть плодъ правленія Оссолинскаго, гласило это сочиненіе.—Овладѣвъ умомъ жаднаго къ славѣ и власти короля Владислава, онъ затѣялъ войну съ Турціею, и когда представители Рѣчи Посполитой не одобрили его замысловъ, вздумалъ начать ее съ помощью козаковъ и уговорилъ короля раздать имъ приданое королевы: съ этими-то деньгами козаки и поднялись [3]). Онъ раздражилъ всѣхъ нашихъ сосѣдей: Турцію оскорбительными письмами, шведскаго короля—непризнаніемъ титула, московскаго царя—разными выходками [4]); наконецъ, онъ съ Владиславомъ замышлялъ сдѣлать въ государствѣ переворотъ и употребить козаковъ орудіемъ къ уничтоженію шляхетской націи [5]). Онъ одинъ не совѣтовалъ собирать посполитаго рушенья, и во время похода не велѣлъ посылать подъѣздовъ для того, чтобъ мы не знали о непріятелѣ; а когда привелъ короля въ бѣду, то предложилъ мириться съ ха-

---

[1]) Волокъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ заключалъ до 20 нынѣшнихъ десятинъ.

[2]) Акты Южн. и Западн. Росс. III. 399—400.

[3]) Pam. o Koniecp. 420.

[4]) Annal. Polon. Clim. I. 166.—Hist. Jan. Kaz. I, 98.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 110.

[5]) Histor. belli cosac. polon. 175.

Digitized by Google

номъ, и съ перваго раза согласился на все, что предложили ханъ и Хмельницкій» [1]). «Легко понять,—говорили на сеймѣ,—чего заслуживаетъ тотъ, кто короля нашего послалъ безоружнымъ противъ враговъ, какъ на бойню; кто довелъ его до такого униженія, что онъ, отдавъ булаву Забускому и объявивъ Хмельницкаго измѣнникомъ, снова перемѣнилъ свое постановленіе; кто прежде не хотѣлъ давать татарамъ жалованья, а потомъ обязался платить постыдную дань; кто наложилъ вѣчное ярмо на жителей воеводствъ: кіевскаго, черниговскаго и брацлавскаго и довелъ Рѣчь Посполитую до заключенія такого унизительнаго договора, о какомъ наши дѣды и не слыхивали!» [2]).

Часть этихъ обвиненій была справедлива. Канцлеръ удержался на мѣстѣ, потому что на его сторонѣ были король, придворные и множество кліентовъ. Но эти обвиненія были для него послѣднимъ ударомъ. Оссолинскій не прожилъ года послѣ этого тяжелаго сейма.

Поражая всеобщимъ поношеніемъ Оссолинскаго, паны въ то же время величали враговъ его. Соперникъ его, Іеремія Вишневецкій, встрѣченъ былъ въ Варшавѣ съ такими почестями, какими пользовались въ Варшавѣ только короли. 2-го декабря онъ съ царскимъ великолѣпіемъ въѣхалъ въ Варшаву, передъ нимъ ѣхало сто слугъ его на аргамакахъ, около него шла пѣхота въ числѣ двухсотъ человѣкъ съ мушкетами; всей челяди, пахолковъ и гайдуковъ прибыло съ нимъ до пятисотъ. До самой столицы его путешествіе было тріумфальнымъ шествіемъ [3]). Толпа народа всякаго званія ожидала его за городомъ; рукоплесканія, восклицанія оглашали воздухъ: «вотъ онъ,—кричалъ народъ,—поборникъ правовѣрія, единственная защита нашей

[1]) Pam. o Koniecpols. 424—426.—Annal. Polon. Clim. I. 167.

[2]) Pam. o Koniecp. 427.

[3]) Акты Южн. и Зап. Росс. III. 400.

Digitized by Google

свободы!» Изъ устъ въ уста переносились свѣжіе разсказы о его геройскихъ подвигахъ подъ Збаражемъ; духовенство всенародно оказывало ему знаки признательности отъ имени церкви [1]), а послы, въ вознагражденіе за труды, постановили отдать ему въ наслѣдственное владѣніе страну, омываемую Гороломъ, и приписать къ Збаражу [2]). Королю, придворнымъ и Оссолинскому не нравилось это предпочтеніе, оказываемое воинственному князю; но, сильный любовью шляхетства, Іеремія только радовался безсилію злобы нелюбившихъ его и громко произносилъ сочиненное имъ латинское двустишіе: Hoc erat vetus Ossolinsciorum opus corrumpere semper reipublicae corpus (фамилія Оссолинскихъ издавна дѣйствуетъ ко вреду Рѣчи Посполитой) [3]). «Во всей Рѣчи Посполитой, (сообщалъ московскій гонецъ, бывшій тогда въ Польшѣ), отъ мала до велика только о томъ и рѣчи, что Оссолинскій измѣнникъ и всѣ желали, чтобъ онъ былъ убитъ. Канцлеръ не съѣзжалъ со двора своего, страшась расправы надъ собою [4]). Его положеніе было критическимъ особенно въ тѣ дни, когда шляхта выходила изъ себя, чтобъ оказать уваженіе къ его сопернику, Іереміи Вишневецкому. Когда, по прибытіи послѣдняго въ Варшаву, явилась къ нему толпа обожавшей его шляхты, онъ говорилъ ей, что желалъ быть короннымъ гетманомъ, чтобъ отомстить козачеству за удары, нанесенные шляхетской націи. Носились слухи, что онъ тогда дозволилъ себѣ такія угрозы: «пусть только нынѣшній сеймъ постановитъ не по нашему: я изготовлю Рѣчи Посполитой такого пива, что будетъ горше Хмельницкаго!» Говорятъ, что о такихъ словахъ доведено было

---

[1]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 55.

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 167.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 110.

[3]) Histor. belli cosac. polon. 175.

[4]) Акты Южн. и Зап. Рос. III. 398.

Digitized by Google

до свѣдѣнія короля и онъ тогда же поклялся, что не быть Вишневецкому гетманомъ; а шляхта твердила: «вотъ еслибъ Вишневецкій, достойный всякой похвалы панъ, былъ гетманомъ, Рѣчь Посполитая была бы въ покоѣ. Пусть-ка попробуетъ король не дать булавы Вишневецкому—мы за него всѣ помереть готовы, поднимемъ рокошъ и побьемъ всѣхъ сенаторовъ, а ужъ непремѣнно убьемъ измѣнника Оссолинскаго, и будемъ съ Вишневецкимъ оборонять Рѣчь Посполитую» [1]). Разомъ съ Вишневецкимъ оказывали вездѣ честь и похвалу всѣмъ польскимъ воинамъ, терпѣвшимъ осаду подъ Збаражемъ. Сеймъ наградилъ ихъ не слишкомъ щедро, предоставивъ имъ не въ зачетъ жалованье за полгода [2]), но общество вознесло ихъ высоко и передало добрую память о нихъ потомству.

Еще торжественнѣе, чѣмъ Іеремію въ Польшѣ, принимали Хмельницкаго въ Украинѣ. Возвращаясь съ побѣдоноснымъ войскомъ изъ подъ Зборова, гдѣ была потоптана гордость ляховъ, какъ выражались тогда, онъ несъ въ родную землю утѣшительную вѣсть освобожденія отъ долгой неволи. Въ каждомъ мѣстечкѣ, гдѣ онъ проходилъ, раздавался колокольный звонъ, и русскіе люди, по обычаю предковъ, выходили съ образами, хлѣбомъ и солью на встрѣчу избавителю Украины *отъ кормыги лядськои.* «Радуйтесь, братія,—говорилъ побѣдитель,—подъ Зборовомъ сила русская была поставлена на вѣсы съ польскою и перевѣсила: теперь цѣлый свѣтъ узнаетъ, что̀ значатъ козаки» [3]). То было славное время, но короткое и единственное въ жизни южно-русскаго народа, время всеобщаго восторга. «Были у насъ времена страшныя, никто не приходилъ спасать украинцевъ, никто не подавалъ воды омыть кровавыя раны наши; но вотъ прошли гроз-

---

[1]) Ibid. 402.

[2]) Jemiołowsk. Pamiętnik 17.

[3]) Hist. Jan. Kaz. II. 100.

Digitized by Google

ныя невзгоды! Теперь не будетъ у насъ ни жида, ни ляха, ни пана и не будетъ на свѣтѣ земли лучше нашей Украины» [1]). Такъ воспѣвала народная муза эпоху славы и освобожденія Южной Руси.

Въ другой разъ Хмельницкій въѣхалъ торжественно въ Кіевъ, столицу православія, и возвѣстилъ митрополиту о возстановленіи достоинства отеческой церкви. «Тамъ,—говоритъ лѣтописецъ,—онъ, лежа ницъ передъ гробами святыхъ, заливался слезами благодарности и воздавалъ хвалы Всевышнему» [2]). Изъ Кіева онъ уѣхалъ въ Чигиринъ и началъ жить великолѣпно. Въ короткое время онъ пріобрѣлъ столько сокровищъ, сколько могло быть только у государя. Богатое мѣстечко Мліевъ, славное добываніемъ красильныхъ произведеній, отнято у Конецпольскаго и давало Хмельницкому до двухсотъ тысячъ талеровъ дохода [3]). Чигиринскій полкъ, набранный изъ лучшихъ козаковъ, составлялъ его гвардію; сверхъ того, три тысячи татаръ должны были стеречь здравіе вельможнаго гетмана по образцу иноземныхъ властителей, окружавшихъ себя наемною стражею изъ чужестранцевъ [4]). Устраивался въ Чигиринѣ и монетный дворъ, и стали чеканить монету съ изображеніемъ на одной сторонѣ меча, а на другой Богданова имени [5]). «Только скипетра и вѣнца недоставало ему, чтобъ быть совершеннымъ монархомъ», говоритъ современникъ [6]).

Но скоро проходило первое восхищеніе русскаго народа, и кипучая любовь къ гетману охладѣвала. Надобно было платить татарамъ. Уже Хмельницкій изъ своей шка-

---

[1]) Пѣсня народ.

[2]) Истор. о през. бр.

[3]) Annal. Polon. Clim. I. 180.

[4]) Annal. Polon. Clim. I. 176—186.

[5]) А. Ю. и З. Р. III. 408.

[6]) Истор. о през. бр.

Digitized by Google

тулки отсчиталъ имъ пятьсотъ тысячъ талеровъ; этого недоставало: наложена была поголовная подать на русскій народъ для заплаты союзникамъ. Татары, повадившись лакомиться въ Украинѣ, почитали позволительнымъ распоряжаться по произволу въ землѣ союзниковъ и уводить въ плѣнъ женщинъ. Распространилась ужасная дороговизна: хлопы, ѣвшіе все готовое въ походѣ, приходили домой и заставали семейства въ скудости. Иное дѣло прошлый годъ: тогда много богатствъ изъ панскихъ палацовъ перенесено было въ козацкія хаты; но все это давно было распродано московскимъ и турецкимъ купцамъ за бездѣлицу; много поживились тогда русскіе хлопы на поляхъ пилявскихъ; теперь не то: два мѣсяца простояли украинскіе удальцы подъ Збаражемъ, а получили только удовольствіе посмѣяться надъ голодными врагами, если же что и отняли у непріятеля, то это все доставалось ненасытнымъ татарамъ, которые считали себя въ правѣ подгонять русскихъ нагайками въ сѣчу, чтобъ самимъ не отваживаться на опасность. Пришла осень; мужики не взялись за цѣпы, которыми лѣтомъ били поляковъ, сравнивая ихъ съ соломою: молотить нечего было. Такое же состояніе постигло тогда и Бѣлоруссію, гдѣ, вдобавокъ, къ ужасамъ войны и междоусобія присоединился хлѣбный неурожай. Тогда въ предѣлы Московскаго государства набѣгало много народа разнаго сословія: шляхта бѣжала отъ хлопскаго мятежа, а крестьяне отъ голода: цѣна за четверть ржи доходила до двухъ рублей, что въ тѣ времена было чрезвычайно высоко и бѣдняки погибали отъ голода [1]). Между крестьянами распространилось стремленіе уходить въ московскія владѣнія на селитьбу, какъ въ обѣтованную землю. За бѣглецами гнались, но не успѣвали догонять. Кромѣ войны и хлѣбнаго неурожая, большимъ утѣсненіемъ

---

[1]) А. Ю. и З. Р. III. 372. 374.

Digitized by Google

народу и въ Польшѣ и въ Литвѣ служили усиленные поборы на войско, которое пришлось содержать въ большемъ числѣ и съ большими издержками: прежде выдавалось жолнѣрамъ обыкновенно пятьдесятъ злотыхъ за четверть года, но въ 1648 г. канцлеръ Оссолинскій, по случаю открывшейся войны противъ козаковъ и татаръ, установилъ платить по 120 злотыхъ, чего никогда не бывало [1]). Но это все было еще начало; еще не всмотрѣлись въ зборовскія статьи.

Польскій сеймъ утвердилъ зборовскій договоръ послѣ всеобщаго ропота; этотъ договоръ былъ написанъ кратко, потому что паны не имѣли духа ни писать, ни читать его. Послы согласились на унизительный, какъ они говорили, договоръ, потому что желали доставить своимъ братьямъ, украинскимъ шляхтичамъ, способъ возвратиться на родину. «Но они,—говоритъ украинскій повѣствователь,—помнили этотъ договоръ только до тѣхъ поръ, пока не перестали смотрѣть на окровавленные трупы своихъ соратниковъ, а потомъ снова начали свои *злобства*». Зборовскій договоръ былъ нарушенъ въ одной изъ главнѣйшихъ статей своихъ на томъ же сеймѣ, на которомъ былъ утвержденъ.

Въ немъ было сказано, что митрополитъ кіевскій имѣетъ право засѣдать въ сенатѣ. Сильвестръ Коссовъ, въ сопровожденіи знатнаго духовенства, отправился въ Варшаву занять свое мѣсто, купленное для него цѣною крови. Но прежде появленія его, въ сенатѣ открылось предварительное совѣщаніе, на которомъ толковали: допустить ли грекорусскаго первосвященника въ сенатъ или отказать ему?

Этотъ вопросъ завязали римскіе епископы. «Сидѣть и разсуждать съ духовенствомъ схизматическимъ—большое оскорбленіе римско-католической вѣрѣ,—говорили они,—за

---

[1]) Ibid. 399.

Digitized by Google

это насъ въ Римѣ назовутъ защитниками раскола, и папа произнесетъ клятву на цѣлое королевство».

Свѣтскіе сенаторы, часто недовольные притязаніями духовныхъ особъ, протестовали противъ такой выходки.

«Напрасно духовные отцы безпокоятся,—говорили они:—рѣшенія сената зависятъ не отъ однихъ духовныхъ, но и отъ свѣтскихъ. Русская земля присоединена къ королевству на условіяхъ, съ сохраненіемъ правъ духовныхъ и гражданскихъ, а митрополитъ кіевскій есть примасъ русской церкви. У насъ засѣдаютъ кальвины и лютеране; есть между нами почтенныя особы греческой вѣры, и они не дѣлаютъ зла, напротивъ, подаютъ благіе для отечества совѣты».

«Это иное дѣло,—возражали духовные:—мы терпимъ диссидентовъ и схизматиковъ, потому что они, какъ люди свѣтскіе, подаютъ голоса въ дѣлахъ отечества, не касаясь религіозныхъ вопросовъ; иное дѣло духовные — хотя бы диссиденты, хотя бы схизматики. Они не должны находиться вмѣстѣ съ нами. Владиславъ Ягелло допустилъ на совѣщаніе гуссита, прибывшаго изъ Чехіи; тогда кардиналъ Олесницкій вышелъ изъ сената и наложилъ на королевство интердикцію. Послѣ такого примѣра можемъ ли мы дозволить входить въ общеніе съ нами главѣ отступниковъ, непріятелю св. отца?»

«Этого требуетъ трактатъ,—говорили свѣтскіе:—онъ заключенъ королемъ и коммиссарами. Неужели покажемъ примѣръ крайняго вѣроломства и на первыхъ порахъ нарушимъ зборовскій договоръ, и притомъ въ столь важномъ пунктѣ—относительно религіи? Этимъ мы подадимъ Хмельницкому поводъ къ новой враждѣ, чего, быть можетъ, онъ только и ждетъ. Русскій народъ привязанъ къ своей вѣрѣ и уважаетъ свое духовенство. Митрополитъ человѣкъ почтенный и умный; онъ не станетъ дѣйствовать противъ отечества, напротивъ, получа право, ему принадлежащее,

Digitized by Google

онъ станетъ для насъ заложникомъ спокойствія, будетъ удерживать русскій народъ въ повиновеніи Рѣчи Посполитой. Если-жъ бы онъ показалъ какое нибудь недоброжелательство къ отечеству, въ такомъ случаѣ мы можемъ отказать ему».

«Надобно намъ,—говорили другіе,— по крайней мѣрѣ для вида, обласкать *русскаго каплана*, а въ другой разъ онъ самъ не захочетъ добиваться этой чести».

«Зборовскій трактатъ,—возражали духовные,—заключенъ во время опасности, по необходимости; поэтому онъ не долженъ нарушать старинныхъ правъ римско-католическаго духовенства. Король развѣ имѣетъ право дѣлать постановленія, которыя оскорбляютъ святую католическую вѣру? Никогда, никогда схизматикъ не дождется, чтобъ сидѣть ему съ нами. Иначе мы оставимъ сенатъ».

Кисель вышелъ изъ сената и поспѣшилъ къ митрополиту. Онъ разсказалъ ему обо всемъ. «Современемъ,—прибавилъ онъ,—они успокоятся и принуждены будутъ исполнять должное; а теперь я вижу въ нихъ большое ожесточеніе. Уступимъ на этотъ разъ, иначе они въ самомъ дѣлѣ оскорбятъ главу православія въ самомъ сенатѣ, и тогда произойдетъ горшая вражда».

Митрополитъ былъ столь же миролюбивъ, какъ и Кисель, но болѣе кротокъ и прямодушенъ; онъ не пожертвовалъ общимъ спокойствіемъ интересамъ своего званія. Безъ ропота онъ уѣхалъ изъ Варшавы, и никто не замѣтилъ въ немъ неудовольствія. Только втайнѣ вздыхалъ архипастырь, предвидя новыя бѣды [1]). Однако, не уничтожая уніи, въ послѣдній день сейма 12-го января король издалъ апробацію, утверждавшую права греческой религіи. По силѣ этой апробаціи должны были быть возвращены

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 168—169.—Hist. Jan. Kaz. I. 100.—Pam. do pan. Zygm III. Wład. IV. i Jan. Kaz. II. 113—114.—Истор. о преп. бр.—Лѣтоп. повѣст. о Мал. Росс. 135.

Digitized by Google

вѣдомству кіевскаго митрополита остававшіяся вакантными епархіи: луцкая, холмская и витебская, соединенная со мстиславскою; въ перемышльской же отдавались православному епископу только нѣсколько монастырей, но по смерти бывшаго тогда унитскаго владыки, онъ долженъ былъ вступить въ управленіе всею епархіею. Митрополиту въ знакъ почести, предоставлялось право ношенія креста во всѣхъ своихъ діэцезіяхъ. Возвращались православнымъ всѣ церкви, которыя постановлено было возвратить имъ еще при Владиславѣ IV въ разныхъ мѣстахъ Королевства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго, съ тѣмъ, что отдача этихъ церквей въ православное вѣдомство совершится черезъ посредство коммиссаровъ, избранныхъ самимъ православнымъ духовенствомъ; дозволялось равнымъ образомъ возобновить сгорѣвшіе храмы. Сохранялись духовные суды по древнимъ обычаямъ; дозволялось существованіе православныхъ братствъ и въ томъ числѣ двухъ, недавно передъ тѣмъ уничтоженныхъ въ Смоленскѣ и Бельзѣ; оставлялись въ вѣдомствѣ кіевскаго митрополита и православныхъ епископовъ школы и типографіи въ Кіевѣ и другихъ городахъ; возлагалась на духовенство цензура книгъ; церковныя и монастырскія имущества оставлялись на прежнихъ правахъ и привилегіяхъ, а духовенство подчинялось единственно своему духовному начальству и освобождалось отъ всякихъ повинностей, подводъ, стацій и работъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ утверждалось сохраненіе всѣхъ религіозныхъ и гражданскихъ правъ за русскими мѣщанами городовъ Львова, Кіева, Чернигова, Винницы, Мозыря, Рѣчицы, Стародуба, Пинска и др. [1]).

Между тѣмъ въ королевскомъ дворцѣ происходили тайныя совѣщанія. Предполагали успокоивать козаковъ и ласкать до тѣхъ поръ, когда Польша будетъ въ состояніи

---

[1]) Рукоп. И. П. Библ. Akty Hist. od 1648 do 1680.

Digitized by Google

свергнуть съ себя обязательство зборовскаго договора. Въ панскихъ домахъ толковали о томъ же. Государственные люди и дипломаты изъискивали средства повредить Хмельницкому и ослабить въ зародышѣ возраставшую Украину.

Въ Чигиринѣ было извѣстно, что̀ говорили и что̀ замышляется въ Варшавѣ. Былъ при дворѣ Яна Казимира русскій шляхтичъ, Верещака, умный и ловкій, рекомендованный на службу Киселемъ. Онъ подбился въ милость къ королю, умѣлъ потакать панамъ; никто не замѣчалъ въ немъ ни малѣйшей приверженности къ козачеству. Этотъ человѣкъ съ искуствомъ проникалъ въ тайны варшавскаго кабинета, въ политическіе замыслы, направленія умовъ, и передавалъ все это православнымъ монахамъ посредствомъ писемъ, писанныхъ цифрами на русскомъ языкѣ; монахи сообщали ихъ Хмельницкому. Гетманъ, по положенію дѣлъ въ Варшавѣ, располагалъ свои поступки [1]).

Но до поры до времени онъ не показывалъ полякамъ ни малѣйшаго вида недовѣрчивости. Всю зиму Хмельницкій былъ занятъ водвореніемъ порядка въ освобожденной странѣ. Гражданская часть оставлена была въ прежнемъ видѣ; народъ привыкъ къ польскимъ законамъ: по своему основанію они вовсе не были тягостны; притомъ значительная часть законодательства и управленія заимствована была изъ Руси въ разныя историческія времена чрезъ сближеніе единоплеменныхъ народовъ; поэтому тогдашній гражданскій порядокъ въ Украинѣ, будучи польскимъ, былъ въ то же время и русскимъ, особенно когда чиновники и исполнители законовъ были русскіе и дѣла отправлялись на русскомъ языкѣ.

Въ нѣкоторыхъ городахъ было *мійское,* или такъ называемое магдебургское муниципальное право. Въ это

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 209. — Hist. Jan. Kaz. I. 154. — Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 148.

Digitized by Google

время на правой сторонѣ Днѣпра въ Украинѣ пользовались имъ изъ городовъ, вошедшихъ въ границы гетманщины: Брацлавъ, Винница, Черкасы, Васильковъ, Овручъ, Кіевъ; на лѣвой: Переяславль, Остеръ, Нѣжинъ, Черниговъ, Погаръ, Мглинъ, Козелецъ, Новгородъ-Сѣверскій и Стародубъ. Каждый изъ этихъ городовъ представлялъ какъ бы отдѣльную общину. Граждане гордились своею вольностью. Они носили общее названіе мѣщанъ, или *мійскаго посполыства*, и раздѣлялись на торговыхъ и ремесленниковъ. Всякое занятіе имѣло свою корпорацію, цехи — подъ управленіемъ выбранныхъ чиновниковъ, называемыхъ цехмистрами. Такимъ образомъ были, напримѣръ, цехи: *кушнирскій*, *ткацкій*, *малярскій*, *ковальскій*, *ризницкій*, *бондарскій* и тому подобные; каждый цехъ имѣлъ свой гербъ, свою печать. Ежегодно, обыкновенно предъ новымъ годомъ, подъ звукъ городоваго колокола, сходились всѣ мѣщане на вѣче, повѣряли дѣла свои, избирали начальниковъ. Администрація сосредоточивалась въ ратушѣ, которая въ Кіевѣ и Нѣжинѣ называлась магистратомъ: въ ратушѣ, или магистратѣ, засѣдали выбранные *райцы* подъ предсѣдательствомъ *бурмистра*. Не вездѣ было одинаково число *райцевъ* и *бурмистровъ;* смотря по величинѣ и многолюдству города, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (особенно Великаго Княжества Литовскаго) число райцевъ доходило до двадцати четырехъ, въ иныхъ только до четырехъ; въ городахъ, вступившихъ въ черту козаччины, ихъ было немного, и впослѣдствіи обыкновенно четыре. Бурмистровъ выбирали по два или по четыре, и каждый изъ нихъ предсѣдательствовалъ въ ратушѣ поочереди въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Подъ вѣдѣніемъ ратуши были *дозорцы*, полицейскіе чиновники. Судебная часть была отдѣлена отъ администраціи. Въ городовомъ судѣ сидѣли *лавники*, присяжные, выбранные народомъ изъ гражданъ, отличавшихся умомъ, опытностью, честностью. Число ихъ

Digitized by Google

также не вездѣ было одинаково, смотря по потребностямъ. Въ собраніи *лавниковъ* предсѣдательствовалъ *войтъ*, называемый *адвокатомъ;* по большей части онъ выбирался ежегодно, а иногда и назначался отъ правительства. Это былъ важнѣйшій сановникъ города и, кромѣ суда, имѣлъ вліяніе и на администрацію. Какъ въ судѣ *лавниковъ*, такъ и въ совѣтѣ *райцъ*, были *мійскіе* писаря, также выбранные. Всѣ чиновники содержались изъ разныхъ доходовъ, предоставленныхъ имъ, и имѣли вблизи города земли, приписанныя къ ихъ уряду. Устройство мійское было вездѣ съ разными отличіями; но вообще города, пользовавшіеся магдебургскимъ правомъ, должны были судиться и управляться безъ всякаго вмѣшательства пановъ, старостъ и всѣхъ чиновниковъ Рѣчи Посполитой, были освобождены отъ воинскаго постоя, отъ службы въ арміи, отъ многихъ поборовъ и податей, отъ дачи подводъ, имѣли право вольной безпошлинной торговли, свое казначейство, которымъ добровольно распоряжались, и свою городовую гвардію, обыкновенно составленную изъ двухъ отрядовъ: коннаго и пѣшаго. Всякій, кто жилъ въ городѣ или занимался въ немъ, какого бы онъ званія ни былъ, подчинялся суду и управѣ города. Городъ имѣлъ свой гербъ, свою печать, свое знамя. Хотя своевольные паны часто нарушали эти права, но горожане ими очень дорожили, какъ единственною опорою противъ произвола шляхетства, и Хмельницкій оказывалъ уваженіе къ этому устройству; мѣщане принимали его сторону именно потому, что съ ограниченіемъ произвола пановъ надѣялись большей неприкосновенности своихъ городовыхъ правъ. Король, чтобъ привязать къ себѣ городской классъ, подтвердилъ прежнія привилегіи Сигизмунда и Владислава, и распространилъ ихъ свободу еще болѣе [1]). Въ другихъ мѣстахъ, неимѣвшихъ магде-

[1]) Лѣт. повѣст. о Мал. Росс. 137.

Digitized by Google

бургскаго права, было, однако, въ устройствѣ много сходнаго съ нимъ. Вездѣ, даже въ селахъ, были войты и лавники, выбираемые народомъ, только объемъ ихъ дѣйствій былъ тѣсенъ; мѣщане были наравнѣ съ крестьянами отягощены повинностями и находились въ безусловномъ повиновеніи старостъ и пановъ. Теперь, съ ограниченіемъ власти дворянства, несвободные города могли возвыситься и стать на ряду съ муниципальными сами собою. Впослѣдствіи развитію мѣщанскаго класса препятствовало козачество. Въ 1650 году этого еще не чувствовали. Оставя городовой порядокъ, какъ онъ былъ, гетманъ съ генеральною старшиною обратилъ вниманіе на устройство военнаго класса: при составленіи реестра козаковъ, опредѣляемы были границы полковъ, сотенъ, отводились земли козакамъ; гетманъ назначалъ начальниковъ, вмѣсто убитыхъ или смѣненныхъ, по согласію съ выборомъ.

Остальное народонаселеніе, подъ именемъ посполитыхъ, долженствовало снова обратиться въ крестьянство. Уже начинались вспышки недовольныхъ, которыхъ не помѣщали въ реестрѣ; уже Хмельницкій не одного изъ нихъ казнилъ смертью [1]). Ясно можно было предвидѣть, что Украина снова поднимется, какъ только появятся паны, которые не смѣли еще показаться въ Украинѣ до утвержденія сеймомъ зборовскаго договора и приведенія въ порядокъ козацкаго реестра. Хмельницкій въ договорѣ позволилъ дворянамъ вступить снова въ прежнія права, но хотѣлъ воспользоваться короткимъ временемъ, пока они не пришли, чтобъ обезсилить панское сословіе еще болѣе и возвысить козацкое. Гетманъ приказалъ набирать въ реестръ преимущественно изъ имѣній Вишневецкаго и Конецпольскаго и вообще богатѣйшихъ пановъ; этого казалось мало: онъ отбиралъ у нихъ цѣлыя имѣнія, города, села, хутора

---

[1]) Памятн. кіевск. комм. II. 315.

Digitized by Google

съ полями, лѣсами, всѣми угодьями подъ тѣмъ предлогомъ, что паны захватывали коронныя помѣстья, которыя должны служить жительствомъ козакамъ—королевскому войску. Гетманъ отдавалъ ихъ генеральнымъ старшинамъ, полковникамъ и полковымъ чиновникамъ. Съ этихъ поръ образовался на Украинѣ классъ ранговыхъ помѣщичьихъ имѣній, которыми владѣли козацкіе чины до тѣхъ поръ, пока носили чинъ свой. Этотъ порядокъ впослѣдствіи послужилъ основаніемъ введенію помѣщичьяго права въ Малороссіи [1]). «У Конецпольскаго отнято было семьдесятъ селъ; а что потерялъ Вишневецкій, то и вспомнить жаль» говоритъ польскій историкъ. «Хмельницкій воспользовался и на-счетъ тѣхъ имѣній, которыя оставилъ панамъ, забиралъ господскій скотъ, пчелъ, табуны, не бралъ только недвижимаго» говоритъ историкъ [2]).

Въ концѣ октября 1649 года король назначилъ къ Хмельницкому коммиссаровъ для окончательнаго устройства дѣлъ въ Украинѣ сообразно зборовскому договору, и для водворенія изгнанныхъ пановъ. Главнымъ коммиссаромъ, былъ, попрежнему, Адамъ Кисель, назначенный теперь воеводою кіевскимъ; онъ получилъ это мѣсто по зборовскому договору, обязывавшему назначать въ русскія провинціи особъ греческой вѣры. Вмѣстѣ съ нимъ собрались на Волыни изгнанные паны, дожидаясь съ нетерпѣніемъ, когда ихъ пустятъ въ имѣнія, а тѣхъ, которыео ранѣе осмѣливались пріѣхать въ свои домы, убивали хлопы. Для установленія порядка вступленія владѣльцевъ въ свои имѣнія собрался въ Житоміръ шляхетскій сеймикъ, подъ предсѣдательствомъ Киселя. Хмельницкій, по просьбѣ послѣдняго, послалъ туда двухъ товарищей войска запорожскаго удерживать поспольство, чтобъ не мѣшало спокойно

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 186.

[2]) Histor. Jan. Kaz. I 198.

Digitized by Google

отправляться сеймику и просилъ Киселя, чтобы владѣльцы помедлили со вступленіемъ въ маетности до окончанія составленія козацкаго реестра. Кисель не совсѣмъ былъ доволенъ такимъ желаніемъ и представлялъ гетману въ своемъ письмѣ, что надобно войти въ положеніе несчастнаго шляхетства, которое, послѣ такихъ продолжительныхъ тревогъ, желаетъ отдохнуть въ собственныхъ домахъ. Кисель совѣтовалъ Хмельницкому набирать прежде и болѣе всего козаковъ въ Украинѣ, изъ королевскихъ городовъ, а потомъ уже дополнять ихъ изъ панскихъ маетностей. Паны, увѣрялъ онъ, не будутъ препятствовать желающимъ выходить изъ ихъ имѣній въ козаки и переселяться. Очевидно это клонилось къ тому, чтобъ изъ панскихъ имѣній набиралось въ козачество какъ можно менѣе и паны могли спокойно владѣть большею частію тѣхъ, которые считались прежде ихъ хлопами. Это не сходилось съ видами Хмельницкаго и рѣшительно было противно общему народному стремленію того времени [1]). Хмельницкій выслалъ полковника съ почетнымъ отрядомъ для сопровожденія коммиссаровъ.

«Съ радостью буду ожидать я дорогихъ гостей, которые привезутъ мнѣ милость моего государя и помогутъ привести чернь къ послушанію. Съ удовольствіемъ слышу, что дворянство украинское возвращается въ свои помѣстья; прошу, однако, дворянъ обождать немного, пока окончится реестрованіе козаковъ и отводъ имъ земель: дѣло покажетъ, какія имѣнія королевскія и какія дворянскія, и тогда благородные паны пріѣдутъ въ свои имѣнія». Такъ писалъ онъ.

Прибыли коммиссары въ Кіевъ и увидѣли въ русскомъ народѣ сильное раздраженіе, злобу противъ пановъ и го-

---

[1]) Grabowski. Ojczyste Spominki. II. 122—127.

Digitized by Google

товность хоть сейчасъ воевать противъ Польши [1]). Хмельницкій пріѣхалъ въ Кіевъ съ полковниками 7-го ноября и обращался съ коммиссарами самымъ дружескимъ образомъ: не было ни тѣни похожаго на пріемъ въ февралѣ. Онъ отдалъ кіевскій магистратъ во власть воеводы и казнилъ до двадцати человѣкъ козаковъ за убійство [2]) шляхтича Голуба, совершенное незадолго передъ тѣмъ. Когда воевода подалъ ему свой креденціальный листъ, то есть увѣрительную грамоту въ томъ, что онъ дѣйствительно назначенъ коммиссаромъ, Хмельницкій поцѣловалъ поднись королевскую и, отъ умиленія, заплакалъ.

«О, какъ милостивъ король!,—восклицалъ Хмельницкій,—о, еслибъ мы могли возблагодарить ему, благодѣтелю нашему!»

Съ удовольствіемъ смотрѣли коммиссары на чувствительнаго козацкаго вождя. Началась попойка, пиры, праздники; гетманъ, казалось, выбивался изъ силъ, чтобъ угодить гостямъ. Все носило видъ искренняго согласія. Съ обѣихъ сторонъ сыпались увѣренія въ неразрывной дружбѣ и вѣчномъ мирѣ. Кисель разсказывалъ, какъ король любитъ и уважаетъ гетмана, величалъ милосердіе своего монарха. Хмельницкій увѣрялъ, что ищетъ случая доказать свою преданность его величеству и готовъ, если нужно, пролить кровь за Рѣчь Посполитую. Но гетманъ протягивалъ время и, подъ разными предлогами, долго отклонялся отъ требованій Киселя поскорѣе впустить дворянство [3]). «Наступаетъ зима,—говорилъ Кисель,—каждый хочетъ согрѣться на своемъ пепелищѣ, каждому домъ свой милъ послѣ двухлѣтней передряги; повѣрьте, каждый будетъ вести себя скромно и стараться привлечь къ себѣ

[1]) Рукоп. И. П. Библ. Akty Histor. od. 1648 do 1680.

[2]) Ibid.

[3]) Annal. Polon. Clim. I. 177.— Histor. Jan. Kaz. I. 107—108.— Pam. do pan. Zygm. III. Wł. IV i Jan. Kaz. II. 120. Latop. Jerlicza. III.

Digitized by Google

подданныхъ; только ваша милость прикажите, чтобъ тѣ, которые не войдутъ въ козачество, оставались послушными панамъ, и не смѣли, подъ страхомъ войсковаго наказанія, собирать шаекъ» [1]). Не прежде, какъ уже получивъ отъ короля универсалъ отъ 16-го января 1650 года [2]), извѣщавшій объ окончательномъ утвержденіи сеймомъ зборовскихъ статей, Хмельницкій выдалъ позволеніе панамъ вступить въ ихъ украинскія имѣнія.

Помѣщики и шляхтичи посыпали въ Украину [3]). Прежде прибытія въ имѣнія, владѣльцы приходили сами или присылали повѣренныхъ своихъ къ гетману, давали ему подарки, какъ хозяину, и просили покровительства [4]). Хмельницкій увѣрялъ ихъ, что все будетъ хорошо, что они будутъ жить счастливо и спокойно, и выдалъ универсалъ, которымъ приказывалъ всѣмъ, невошедшимъ въ реестръ, повиноваться своимъ господамъ, подъ опасеніемъ смертной казни [5]). Всѣмъ болѣе или менѣе хотѣлось быть вольными, но не всѣ могли ими быть, потому что не всѣ могли умѣститься въ ограниченномъ числѣ козацкаго званія. Даже тѣ, которые успѣли записаться въ реестръ, подвергались затрудненіямъ: живя въ панскихъ селахъ, они должны были покидать свои домы и перебираться въ козацкія селенія [6]).

Вмѣстѣ съ этимъ выдалъ универсалъ ко всѣмъ жителямъ Украины и король; онъ извѣщалъ, что, въ случаѣ бунтовъ хлоповъ противъ владѣльцевъ, коронное войско вмѣстѣ съ запорожскимъ будетъ давать отпоръ какъ бы пограничному непріятелю [7]).

---

[1]) Ojcz. spom. 125.
[2]) Памятн. кіевск. комм. II. 3. 1.
[3]) Annal. Polon. Clim. I. 177.
[4]) Histor. Jan. Kaz. I. 119.
[5]) Annal. Polon. Clim. I. 178.—Пам. кіевск. комм. II. 3. 62.
[6]) Ojcz. spom. 125.
[7]) Памят. кіевск. комм. II. 3. 6.

Digitized by Google

Какъ только разошлись эти универсалы, какъ только узнали невошедшіе въ реестръ, что они обязаны будутъ снова работать панщину, вдругъ вспыхнуло всеобщее волненіе.

«Какъ!—кричалъ народъ,—гдѣ же обѣщанія гетмана? Развѣ мы не были козаками?»

Хлопы на-отрѣзъ отказались служить панамъ. Большая часть пановъ едва только вступила въ свои имѣнія, какъ тотчасъ же должна была спасаться бѣгствомъ, а многіе заплатили жизнью за попытку управлять удалыми головами. Бѣглецы стекались въ Кіевъ подъ защиту воеводы, но жители самовольно не впускали ихъ въ средину города; шляхтичи скитались по предмѣстьямъ и пригороднымъ селамъ около Кіева, и рѣдкій, при ихъ бѣдности и тогдашней дороговизнѣ, могъ имѣть кусокъ бѣлаго хлѣба, или возъ сѣна. Голодъ день ото дня достигалъ ужасающихъ размѣровъ. По свидѣтельству современника, мѣра или *маца* ржи стоила 45 злотыхъ. Зажиточные покупали хлѣбъ отъ московскихъ купцовъ, которымъ царь дозволилъ вывозъ, а бѣдняки пухли и умирали по дорогамъ и улицамъ, напрасно стараясь травою и листьями поддержать существованіе. Это положеніе усиливало буйство и мятежъ [1]).

Между тѣмъ богатые и знатные паны вступили въ свои имѣнія съ надеждою воротить прежнее положеніе дѣлъ. Князь Корецкій, какъ только пріѣхалъ въ свои имѣнія на Волыни, тотчасъ велѣлъ отыскать между подданными тѣхъ удальцовъ, что, во время всеобщаго возстанія, возбуждали свою братью къ мятежу. «Князь, говоритъ современный историкъ, бралъ примѣръ съ Тарквинія, припоминая какъ онъ сбивалъ маковыя головки и этимъ показывалъ, что для прочнаго господства

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 179.—Latop. Jerlicza. 113.

Digitized by Google

надобно посбивать головы зачинщикамъ, и тогда нечего бояться народа, потому что народъ самъ по себѣ бездушное тѣло, если нѣтъ духа, который бы оживлялъ его и возбуждалъ къ дѣятельности». Притомъ же до князя доходило, что эти самые люди, недовольные исходомъ возстанія, не получившіе свободы, теперь слишкомъ громко роптали и другихъ волновали. Ихъ поймали, заперли въ тюрьму, а потомъ, по приказанію князя, посадили на колъ. «Надобно показать примѣръ строгости на страхъ прочимъ», говорилъ князь Корецкій. Примѣръ этотъ, дѣйствительно, не остался безъ послѣдствій и навелъ страхъ на весь околодокъ, особенно на подданныхъ князя. «Прежнія бѣды рушатся на наши головы: паны уже начинаютъ мстить намъ и мучить насъ!» роптали хлопы. Одни бѣжали, другіе же собрались въ толпу и волновались, не зная что дѣлать. Въ эту толпу явился православный священникъ и говорилъ имъ:

«Вотъ награда за все что мы терпѣли; вотъ до чего довела насъ потеря нашей крови, пролитой на то, чтобъ добыть свободу и скинуть съ себя невыносимое польское ярмо! Вотъ образчикъ панской милости. Вотъ вамъ клейноты польской славы—трупы нашей братіи на кольяхъ; не одолѣли ляхи нашей крѣпости силою, такъ одолѣваютъ лестію. Это, братія, значитъ, свирѣпство поляковъ! Самъ Богъ теперь открываетъ нашей простотѣ глаза, чтобъ мы не повѣряли панской злобѣ своихъ душъ. Много насъ паны обижали, много мы пострадали отъ панскаго тиранства, а теперь, по доброй волѣ, вложили свои головы въ то же ярмо, чуть только скинули его съ шеи. Лисица звѣрь — и та не пойдетъ въ другой разъ въ капканъ, и птица не полетитъ въ другой разъ на приманку! А человѣку на то и разумъ данъ, чтобъ онъ разбиралъ и отъ бѣды уходилъ. Кто, братія мои, только захочетъ пановать, тотъ на все дурное пойдетъ, лишь бы самому усидѣть на панствѣ. Вотъ они нашего брата хитро засядутъ, а послѣ

Digitized by Google

скажутъ, что это не вѣроломство, а благоразуміе. Такой почетъ даютъ паны своимъ дѣламъ. Въ панскихъ дворахъ обманъ похваляется, и когда нельзя кого одолѣть силою, такъ паны одолѣваютъ обманомъ и еще тѣмъ величаются. Паны не смотрятъ на то, что праведно: лишь бы имъ корыстно было. Давно ли высохла кровь нашего доблестнаго Павлюка, какъ послѣ Кумеекъ паны заманили его, увѣрили клятвою, что ему ничего не будетъ, а потомъ казнили въ Варшавѣ на цѣломъ своемъ сеймѣ? Да что давнее вспоминать: посмотрите на вашихъ братьевъ: они еще на кольяхъ,—можетъ быть, еще дышатъ и призываютъ васъ беречь себя самихъ и содѣлаться слугами божьими на праведное мщеніе за ихъ муки!»

Эта рѣчь была произнесена съ силою и вдохновеніемъ, личность и санъ оратора помогали впечатлѣнію. Толпа заволновалась. Ожесточенные хлопы кричали: «оружія! оружія! бить ихъ, бить всѣхъ и большихъ и малыхъ! Кара имъ за ихъ злодѣйства!» Вѣсть разнеслась по окрестностямъ, и въ разныхъ мѣстахъ составились партіи, соединялись между собою и побуждали другихъ поселянъ составлять такія же партіи. Нѣсколько дворянъ попались къ нимъ и были замучены. Услышавъ о волненіи, князь Корецкій отрядилъ противъ бунтовщиковъ три тысячи своей конницы. Этотъ отрядъ легко бы, казалось, могъ расправиться, по одиночкѣ, съ шайками крестьянъ, которыя, какъ доносили князю, дѣйствовали одна отъ другой отдѣльно. Но вышло не такъ. Хлопы окружили его и обратили въ бѣгство, и еслибъ у хлоповъ были въ то время лошади, то вѣрно бы истребили всѣхъ. Событіе это, какъ слѣдовало ожидать, способствовало къ распространенію мятежа; слухъ о немъ скоро дошелъ въ Варшаву и надѣлалъ тамъ большаго переполоха. Король былъ недоволенъ Корецкимъ, и поручилъ канцлеру написать къ нему письмо съ выговоромъ. «Въ настоящее время,

Digitized by Google

было писано въ этомъ письмѣ, вовсе негодится возбуждать и раздражать хлоповъ. Еслибъ даже казненные вполнѣ были достойны этого, и тогда нельзя похвалить такой строгости; благоразумный человѣкъ долженъ сообразоваться съ обстоятельствами и знать, что не всегда должно наказывать преступленіе, когда изъ этого можетъ произойти соблазнъ. Ваша милость, требуя отъ своихъ хлоповъ повиновенія, сами вашими поступками возбуждаете и усиливаете въ нихъ строптивость и неуваженіе къ себѣ. Извольте же исправить сдѣланную вами ошибку; ибо по вашей винѣ не должна страдать вся Рѣчь Посполитая» [1]). Неизвѣстно, какъ поправилъ свои ошибки Корецкій. Мятежъ то усиливался, то улегался, но не прекращался. Какъ только бывшіе въ войскѣ въ прошлую войну хлопы возвращались въ свои жилища, владѣльцы стали ихъ мучить. «Вотъ это и вашему Хмельницкому будетъ,—говорили они,—дайте только намъ справиться». Хлопы составляли шайки, владѣльцы обращались къ Хмельницкому съ жалобами [2]). Хмельницкій казнилъ непослушныхъ, вѣшалъ, сажалъ на колъ [3]), и чрезъ то имя его, которое до того времени произносилось съ благоговѣніемъ русскими, стало у многихъ предметомъ омерзенія. Забужане и поднѣстране, самый бойкій и отважный народъ въ Южной Руси, отличались предъ всѣми приверженностью къ буйству и неповиновенію. Они составляли шайки, называемыя въ томъ краѣ ватагами левенцовъ. Въ Червоной Руси ихъ звали опришками: въ числѣ послѣднихъ, кромѣ непокорныхъ панскихъ хлоповъ, были карпатскіе горцы; названіе опришки было старинное, но прежде они образовали небольшія разбойничьи шайки, не имѣвшія никакой задачи, кромѣ грабежа, теперь они стали сплочаться и преслѣдовать одну

---

[1]) Stor delle guer. civ. 202—204.

[2]) А. Ю. и З. Рос. III. 401.

[3]) Памятн. кіевс. комм. II. 3. 20—30.

Digitized by Google

цѣль—освобожденіе отъ власти панства и возмездіе шляхетству за прежнія утѣсненія. Начались по-прежнему убійства и пожары; начальникомъ мятежныхъ сталъ Нечай, храбрый брацлавскій полковникъ. Говорили, что къ Хмельницкому нагрянула толпа тысячъ въ пятьдесятъ [1]).

«Такъ-то ты насъ покидаешь, гетманъ,—говорили они,—покидаешь тѣхъ, кого обязанъ защищать и не давать въ обиды панству! Или ты слѣпъ и не видишь, что ляхи тебя обманываютъ своими ласками, чтобъ потомъ погубить коварно? Или не понимаешь, что они хотятъ тебя обезоружить, поссоривъ съ вѣрными воинами? Поступай же, какъ хочешь; если тебѣ нравится неволя, оставайся въ ней; а мы выберемъ себѣ другаго старшого, который лучше тебя постоитъ за насъ».

Гетманъ не осмѣлился пренебречь голосомъ брацлавскаго полковника, любимаго народомъ Нечая, котораго имя до сихъ поръ осталось въ народной поэзіи идеаломъ мужества и отваги. Гетманъ убоялся, — говорятъ лѣтописцы,—чтобъ его не свергли съ гетманства. Въ увѣренности, что гетманъ не посмѣетъ принять противъ него суровыхъ мѣръ, Нечай не ограничился смѣлыми заявленіями, и послѣ приведеннаго выше объясненія съ Хмельницкимъ, въ маѣ, находясь недѣли три въ Кіевѣ, отправилъ просьбу къ Очаковскому бею прислать къ нему въ полкъ брацлавскій двѣ тысячи орды, такъ какъ ляхи, писалъ онъ, не хотятъ быть съ нами въ мирѣ. Эта орда, ворвавшись въ Подолію, разорила нѣсколько дворовъ шляхетскихъ, убила одного шляхтича въ его домѣ и ушла съ добычею. Кисель требовалъ, чтобъ Хмельницкій за такой поступокъ самовольный казнилъ Нечая; Хмельницкій обѣщалъ, позвалъ Нечая, но тотчасъ выпустилъ. Кисель сообщаетъ, что Хмельницкій взялъ тогда съ Нечая

---

[1]) А. Ю. и З. Рос. Ш. 401.

Digitized by Google

нѣсколько тысячъ злотыхъ. Нечай былъ богачъ и въ народѣ имѣлъ силу, равную съ Хмельницкимъ [1]). Гетманъ прибѣгнулъ къ изворотамъ.

«Въ реестръ принимать болѣе нельзя,—объявлялъ онъ;— кто захочетъ быть охочимъ козакомъ, пусть будетъ» [2]).

Это охочее войско, которое называли просто гультайствомъ (сбродомъ), гетманъ отправилъ подъ начальствомъ того же Нечая, котораго Киселю обѣщалъ казнить, къ Горыни, на границу отъ Польши.

Въ то же время, не показывая вида, что онъ какимъ либо образомъ потворствуетъ народнымъ волненіямъ, онъ отрубилъ еще нѣкоторымъ головы и, въ томъ числѣ какому-то, неизвѣстному по имени, который объявилъ себя гетманомъ и собиралъ подъ свои знамена запорожцевъ [3]). Но выходило, что Хмельницкій строгъ былъ тогда къ тѣмъ, которые были менѣе сильны и значительны въ народѣ, а тѣмъ, которые могли потягаться съ нимъ, мирволилъ.

Кисель узналъ, что Хмельницкій начинаетъ двоить, и не поѣхалъ къ нему самъ, потому что зналъ его крутой и горячій нравъ, а послалъ митрополита.

Старикъ явился къ гетману.

«Ужъ я старъ и дряхлъ,—сказалъ архипастырь: — не долго буду трудиться для пользы вашей милости, панъ гетманъ! Постарайся пріобрѣсти имени своему вѣчную благодарность отъ короля и Рѣчи Посполитой, а отъ Бога благословеніе надъ своими дѣтьми. Усмири кровопролитіе, осуши слезы изгнанниковъ; иначе онѣ потекутъ изъ очей ихъ на твою душу. Вспомни, что они наслаждались изо-

---

[1]) Jak. Michałowsk. Xięga Pamiętn. 549—551.

[2]) Истор. о през. бр. — Annal. Polon. Clim. I. 179. — Histor. Jan. Kazim. I. 110.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kazim. II. 123.—А. Ю. и З. Р. III. 404.

[3]) Памятн. кіевск. комм. II. 20.

Digitized by Google

биліемъ, а теперь лишены куска хлѣба; вспомни, что многіе изъ собратій нашихъ, исповѣдующихъ православную вѣру, которую исповѣдую и я съ тобою, проводятъ дни въ слезахъ и поруганіяхъ; иные уже умерли съ голода, другихъ злодѣйски замучили хлопы. Богъ взираетъ на это и месть его не дремлетъ!»

«Тебѣ извѣстно, почтенный архипастырь,—отвѣчалъ гетманъ:—что я употреблялъ всѣ мѣры, какія только могъ; съ моей стороны нѣтъ никакой вины. Но что-жъ мнѣ дѣлать съ народомъ? Пока изъ маленькаго деревца выростетъ большой дубъ, много лѣтъ надобно ждать!»

Хмельницкій пріѣхалъ въ Кіевъ.

«Господа поляки,—сказалъ онъ Киселю, почесывая голову, по выраженію польской лѣтописи, — поддѣли меня; по ихъ просьбамъ я согласился на такой договоръ, котораго исполнить нельзя никакимъ образомъ. Сами посудите: сорокъ тысячъ козаковъ; что я буду дѣлать съ остальнымъ народомъ? Они убьютъ меня, а на поляковъ все-таки поднимутся».

Кисель не находилъ, какой совѣтъ дать ему [1]).

Тогда Хмельницкій назначилъ въ Переяславлѣ генеральную раду въ первыхъ числахъ марта [2]). Никогда еще

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I.—Histor. Jan. Kaz. I.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II.

[2]) Всѣхъ полковъ было въ 1650 году шестнадцать: 1) брацлавскій, подъ начальствомъ Данила Нечая, занималъ земли между Бугомъ и Днѣстромъ на юго-западъ, до границъ Молдавіи, и на югъ до незаселенныхъ степей, гдѣ кочевали орды, по рѣкамъ Лядовой и Рову, въ нынѣшнихъ уѣздахъ могилевскомъ, ямпольскомъ, значительной части винницкаго и брацлавскаго. Брацлавъ, главный городъ воеводства брацлавскаго, былъ полковымъ городомъ этого полка. Въ немъ заключалась двадцать-одна сотня, и въ числѣ ихъ Могилевъ, Ямполь, значительный тогда по торговлѣ, мѣстечки: Мурахва, Браиловъ, Тульчинъ. 2) Уманьскій, подъ начальствомъ Іосифа Глуха, на правой сторонѣ Буга, надъ которымъ была послѣдняя его сотня Ладыжинъ, на границѣ брацлавскаго полка, по рѣкамъ Кобличу, Буичу, Горскому-

Digitized by Google

не производилось въ Украинѣ такой рады; «она,—говоритъ современникъ, — была похожа на польскій сеймъ и была настоящимъ національнымъ собраніемъ государства вольнаго и независимаго» [1]). Тамъ былъ окончательно прочи-

[1]) Histor. ab. exc. Wlad. IV.

Тикачу, Синюхѣ, отдѣлявшей его съ юга отъ степей, въ нынѣшнемъ уѣздѣ уманьскомъ, въ восточной части гайсинскаго, въ восточной части липовецкаго; онъ захватывалъ также западную часть звенигородскаго уѣзда. Эта земля носила названіе Уманьщины. Въ немъ было тринадцать сотенъ. Умань былъ его полковой городъ. 3) Кальницкій, подъ начальствомъ Ивана Хведоренка, заключалъ лѣвый берегъ Буга отъ Винницы до Райгородка, послѣдней сотни брацлавскаго полка, на сѣверъ до береговъ Десны, гдѣ послѣдняя сотня кальницкаго полка была Прилуки; берега Соби до Погребыща, (которое было его послѣднею сотнею на границѣ полка бѣлоцерковскаго,) въ нынѣшнемъ уѣздѣ липовецкомъ, въ сѣверной части брацлавскаго, въ сѣверовосточной винницкаго, занималъ западную часть таращанскаго и южную половину махновскаго. Всѣхъ сотенъ въ немъ было восемнадцать. Между ними—города Винница и Липовецъ и значительныя мѣстечки Немировъ и Животовъ. 4) Чигиринскій, подъ начальствомъ Ѳедора Якубовича Вешняка, занималъ земли на лѣвомъ берегу Тясмина и его системы до Днѣпра, и на лѣвой сторонѣ Днѣпра, берегъ его, до впаденія Псела, въ нынѣшнихъ уѣздахъ чигиринскомъ, звенигородскомъ и въ западной части кременчугскаго. Въ немъ было восемнадцать сотенъ: въ числѣ ихъ Кременчугъ и Омельникъ на лѣвой сторонѣ; на правой—мѣстечки Крыловъ, Медвѣдовка, Жаботинъ, Смила. 5) Корсунскій, подъ начальствомъ Лукьяна Мозыры, въ уѣздахъ нынѣшнихъ: таращанскомъ, каневскомъ, на берегахъ Роси, Гнилого-Тикача, Ольшанки. Корсунъ, возобновленный отъ пожара, нанесеннаго ему Потоцкимъ, былъ его главнымъ городомъ. Всѣхъ сотенъ было девятнадцать, въ числѣ ихъ Мліевъ и Лисянка. 6) Черкасскій, подъ начальствомъ Яська Ворончeнка, оканчивался на сѣверѣ Росью и простирался на лѣвую сторону Днѣпра до рѣки Золотоноши, въ нынѣшнемъ черкасскомъ уѣздѣ и западной части золотоношскаго. Въ немъ было девятнадцать сотенъ и, кромѣ полковаго города Черкасъ, городъ Золотоноша. 7) Каневскій, подъ начальствомъ Семена Савича, на сѣверъ отъ черкасскаго, занималъ правый берегъ Днѣпра до рѣки Ирани, уѣздъ каневскій и южную часть кіевскаго. Городъ Каневъ былъ его полковымъ городомъ; въ немъ было пятнадцать сотенъ и, въ числѣ ихъ, Терехтемировъ и Стайки, близъ Днѣпра. 8) Кіевскій, подъ начальствомъ Антона Ждановича, отъ Ирани до Припети, по берегамъ Ирпеня, Здвижа, на востокъ до Тетерева, гдѣ

Digitized by Google

танъ и утвержденъ народомъ реестровый списокъ, который должно было послать къ королю. Историки разногласятъ въ числѣ козаковъ, вошедшихъ въ реестръ; извѣстно, однако, что ихъ было не ровно сорокъ тысячъ. Ко-

Корыстышевъ (пограничное мѣстечко гетманщины), занималъ также Полѣсье въ нынѣшнемъ уѣздѣ кіевскомъ, въ восточной части васильковскаго, въ радомысльскомъ, овручскомъ и западной части остерскаго. Въ Кіевѣ, главномъ полковомъ городѣ, была сотня того названія. Всѣхъ сотенъ было семнадцать и въ томъ числѣ города Овручъ, Васильковъ и мѣстечко Бровары на лѣвой сторонѣ Днѣпра. 9) Бѣлоцерковскій, подъ начальствомъ Михайла Громыки, занималъ берега Роси съ ея притоками, въ уѣздахъ: сквирскомъ, въ западной части васильковскаго, сѣверной таращанскаго. Мѣстечко Бѣлая-Церковь было его полковымъ городомъ. Въ числѣ сотенъ его были: Хвастовъ, Паволочь, Трилисы. 10) Кропивинскій, подъ начальствомъ Филона Джеджалія, занималъ земли на востокъ отъ чигиринскаго полка до Сулы, между Оржицею и Удаемъ, вверхъ по Удаю до Журавки, которая была его послѣднею сотнею на границѣ съ прилуцкимъ полкомъ, въ восточной части золотоношскаго уѣзда, въ западной части лубенскаго, въ восточной пирятинскаго. Полковой городъ его былъ Кропивна, мѣстечко близъ Золотоноши, на рѣкѣ Кропивнѣ. Всѣхъ сотенъ въ немъ было одиннадцать, въ числѣ ихъ городъ Пирятинъ. 11) Переяславскій, подъ начальствомъ Ѳедора Лободы, на лѣвой сторонѣ вдоль Днѣпра, по рѣчкамъ: Трубежу, Недрѣ, Супою и по лѣвому берегу Десны до Остра, въ нынѣшнихъ уѣздахъ: переяславскомъ, остерскомъ и южной половинѣ козелецкаго. Всѣхъ сотенъ въ немъ было восемнадцать; полковой городъ былъ Переяславль. Въ числѣ его сотенъ былъ Остеръ. 12) Прилуцкій, подъ начальствомъ Тимоѳея Носача, повыше кропивинскаго, по Удаю, и мелкимъ рѣчкамъ, впадающимъ въ Удай, въ нынѣшнемъ прилуцкомъ уѣздѣ, захватывалъ небольшую часть нѣжинскаго. Полковой городъ Прилуки. Въ полку было девятнадцать сотенъ. 13) Миргородскій, подъ начальствомъ Матвѣя Гладкаго, на востокъ отъ кропивинскаго, по Сулѣ, Хоролу и ихъ притокамъ, въ нынѣшнихъ уѣздахъ: миргородскомъ, восточной части лубенскаго, въ лохвицкомъ, роменскомъ, хорольскомъ. Въ немъ было шестнадцать сотенъ и, въ числѣ ихъ, нынѣшніе города: Миргородъ, тогда главный полковой городъ, Лубны, Лохвица, Роменъ и Хоролъ. 14) Полтавскій, подъ начальствомъ Мартына Пушкаренка, занималъ земли по рѣкамъ Пселу, Ворсклѣ, въ нынѣшнихъ уѣздахъ: полтавскомъ, гадячскомъ, зеньковскомъ и кобыляцкомъ. Полтава былъ его полковой городъ. Въ полку считалось семнадцать сотенъ и въ числѣ ихъ нынѣшніе города: Полтава, Гадячъ, Зеньковъ, Кобыляки, мѣс-

Digitized by Google

ховскій говоритъ, что ихъ было менѣе —37,549 [1]), а украинскіе лѣтописцы говорятъ, что число ихъ превышало опредѣленное по договору: одни изъ нихъ считаютъ до 47,350 козаковъ, другіе до 50,009 [2]). Извѣстія украинцевъ заслуживаютъ въ этомъ случаѣ болѣе довѣрія, потому что Хмельницкій въ письмѣ своемъ къ королю извиняется, что хотя по зборовскому договору слѣдовало бы уменьшить число реестровыхъ козаковъ, но онъ этого не могъ сдѣлать, потому что уже и безъ того претерпѣвалъ большія затрудненія при реестрованіи [3]). Каждый реестровый козакъ вступалъ въ козацкое званіе со всѣмъ семействомъ и имѣлъ по одному конному и пѣшему подпомощнику, кромѣ работниковъ [4]); сверхъ того, Хмельницкій составилъ еще двадцать тысячъ козаковъ для резерва: этотъ корпусъ находился подъ особой командой сына его, Тимоѳея [5]). Такимъ образомъ, число очутившихся тогда въ вѣдомствѣ козацкаго начальства было довольно значительно и доходило до трехсотъ тысячъ [6]). Но тѣмъ не менѣе въ краѣ оставалось болѣе такихъ, которые

течки Рашевка и Веприкъ. 15) Нѣжинскій, подъ начальствомъ Прокопа Шумейки, по рѣкѣ Острѣ, въ нынѣшнихъ уѣздахъ нѣжинскомъ и козелецкомъ. Всѣхъ сотенъ было въ немъ девять и, въ томъ числѣ, въ полковомъ городѣ Нѣжинѣ три сотни Козелецъ былъ его сотнею. 16) Черниговскій, подъ начальствомъ Мартына Небабы, по рѣкѣ Деснѣ до Сейма въ уѣздахъ: черниговскомъ, борзнянскомъ, сосницкомъ, конотопскомъ. Полковой городъ Черниговъ. Всѣхъ сотенъ было шесть; въ числѣ ихъ нынѣшніе города: Сосница, Борзна, Конотопъ. Выше, въ нынѣшней черниговской губерніи, въ уѣздахъ: стародубскомъ, мглинскомъ, городненскомъ, новгородсѣверскомъ, кролевецкомъ, глуховскомъ, суражскомъ, козаковъ тогда не было. Эта часть южнорусской земли обращена въ козачество уже послѣ самимъ Хмельницкимъ.

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 186.

[2]) Кратк. опис. о Мал. Рос.

[3]) Памятн. кіевск. комм. П. 3. 14.

[4]) Кратк. опис. о коз. мал. нар. 14.

[5]) Кратк. истин. опис. о Мал. Рос. 43.

[6]) Повѣсть о томъ, что случ. въ Украинѣ.

Digitized by Google

не вошли въ реестръ, должны были разстаться съ блестящими надеждами быть вольнымъ сословіемъ и должны были по требованію Рѣчи Посполитой, какъ поспольство, поступать снова въ подданство панамъ. Надобно предполагать, что эта переяславская рада была шумная и бурная, потому что Хмельницкій жалуется на затрудненія, которыя онъ претерпѣвалъ при утвержденіи своего реестра[1]). Кисель присутствовалъ на этомъ собраніи русскаго народа, какъ воевода важнѣйшей русской земли, и подавалъ чрезъ это католикамъ новый поводъ сомнѣваться въ его искренности[2]). Изъ Переяславля Хмельницкій прибылъ въ Кіевъ отдать визитъ Киселю. Съ нимъ пріѣхали старшины и всѣ полковники; то было 13-го марта. Въ Кіевѣ въ это время столпилось болѣе десяти тысячъ народа — поспольства и козаковъ: все это были недовольные, роптали на гетмана за реестрованіе, за исключеніе изъ козацкаго званія тѣхъ, которые уже привыкли считать себя козаками. Распространился слухъ, что коронное войско приближается къ границамъ козацкой земли. «Ляхи,— кричали тогда недовольные,—насъ обманули; они только для вида намъ миръ дали, а теперь хотятъ напасть на насъ, когда мы оставили оружіе. Зачѣмъ такое великое войско идетъ въ Украину?» Волновало ихъ возвращеніе изъ плѣна Потоцкаго; не нравилось имъ, что его оставили въ званіи гетмана, опасались, что онъ будетъ мстить козакамъ за свое пораженіе и униженіе. Какое-то духовное лицо, которое Кисель въ своемъ письмѣ къ королю не именуетъ, указывало народу на то, что ляхи обѣщали уничтожить унію и не уничтожили, а Кисель не поддерживалъ вѣры, да еще мирволилъ ляхамъ. Злились на Киселя за то, что онъ привелъ съ собою триста человѣкъ

---

[1]) Памятн. кіевск. комм. II. 3. 14.

[2]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 57.

Digitized by Google

вооруженной ассистенціи. Хмельницкій боялся, чтобъ не составилась чернечая рада и не свергла его съ гетманства. Уже на Запорожьѣ нѣкто Гудскій назвался гетманомъ и къ нему стекались недовольные. Хмельницкій не рѣшался поступать круто, тѣмъ болѣе, что и на доброжелательство полковниковъ къ себѣ не могъ положиться. Толпа народа, собравшись въ Кіевѣ на Подолѣ, послала къ Киселю требовать, чтобъ онъ распустилъ свою ассистенцію. Кисель отвѣчалъ: «Мнѣ дана ассистенція отъ короля и вамъ о томъ объявлено. Вамъ надобно прежде было говорить объ этомъ. Мнѣ писали, меня приглашали, обѣщали принять дружелюбно, и теперь не нужно выдумывать такого, чтобъ только показать ко мнѣ неуваженіе. Я и то взялъ только половину той ассистенціи, которую мнѣ дали, и теперь не отошлю ее, а если вамъ она не нравится, такъ самъ съ нею отъ васъ уѣду». Послѣ этого отвѣта, на другой день 15-го марта, опять собралась народная рада, очень шумная. Хмельницкій не могъ ее успокоить. Противъ его желанія послали къ Киселю требовать, чтобъ онъ явился на раду и далъ отчетъ съ чѣмъ пріѣхалъ? «Я пріѣхалъ, — отвѣчалъ Кисель, — не заключать договоры, а быть стражемъ уже постановленнаго мирнаго договора. Все прежнее покончено». Этотъ отвѣтъ усилилъ волненіе, крики и угрозы, но толпа разошлась, не рѣшившись ни на что. Тогда Хмельницкій пригласилъ къ себѣ старшину и полковниковъ и убѣдилъ ихъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ къ Киселю съ визитомъ. Онъ предувѣдомилъ Киселя. Воевода приказалъ изготовить обѣдъ для гостей. 16-го марта Хмельницкій съ полковниками, въ сопровожденіи трехсотеннаго коннаго отряда, поднялся на гору и въѣхалъ въ замокъ, но въ это мгновеніе въ толпѣ народа вспыхнулъ мятежъ, начали кричать, что пришла пора расправиться съ Киселемъ и огромная вооруженная толпа бросилась на гору, окружила замокъ съ угрожающими криками и ругатель-

Digitized by Google

ствами. Хмельницкій выслалъ асауловъ и полковниковъ укрощать народъ, а потомъ и самъ не остался обѣдать и выбѣжалъ. По собственному признанію Киселя, и онъ и вся его ассистенція очень перепугались, а въ особенности женщины: «наши, — говоритъ Кисель, — пріѣхали сюда съ семьями какъ домой, надѣясь на миръ». Хмельницкій прекратилъ смятеніе. Тутъ на счастье его пришло извѣстіе, что смѣльчакъ, принявшій на Запорожьѣ гетманскій титулъ, схваченъ и отправленъ въ Чигиринъ. Хмельницкій понялъ, что, не смотря на возникшее противъ него неудовольствіе, онъ все еще столько силенъ, что соперника ему быть не можетъ и сталъ смѣлѣе и рѣшительнѣе. На другой день, переговоривши по секрету съ Киселемъ, онъ самъ собралъ на раду козаковъ, говорилъ имъ длинную рѣчь, присягнулъ передъ всѣми, что не станетъ заключать договора съ Киселемъ, увѣрялъ, что за Киселемъ нѣтъ измѣны, а еслибъ вышло иначе, то онъ самъ его задержитъ, обѣщалъ не пускать пановъ въ маетности, а между тѣмъ отправить посольство къ королю, и приказалъ всѣмъ козакамъ расходиться въ полки и беречь границы на случай, еслибы въ самомъ дѣлѣ ляхи вздумали вступить съ войскомъ. Козаки послушались гетмана и расходились. Посполитство шумѣло, роптало и не смѣло ничего предпринять въ Кіевѣ; только кіевляне мстили Киселю тѣмъ, что не хотѣли давать провіанта ни ему, ни его ассистенціи, такъ что онъ долженъ былъ содержать ее на свой счетъ, тратя ежедневно, при большой дороговизнѣ, по сту талеровъ въ день и жалуясь на скудость своихъ средствъ, подорванныхъ разореніемъ его маетностей.

Хмельницкій написалъ универсалъ, которымъ строго запрещалъ бунты и неповиновеніе, угрожалъ непослушнымъ жестокою казнію и приказывалъ полковникамъ немедленно казнить всѣхъ, кто окажется виновнымъ, а въ примѣръ другимъ, приказалъ казнить въ Кіевѣ сдѣлав-

Digitized by Google

шихъ передъ тѣмъ возмущеніе въ Кальникѣ и убившихъ пана Лагевницкаго. Но въ то же время онъ обратился къ воеводѣ вмѣстѣ съ своею старшиною и говорилъ: «надобно сообразоваться съ временемъ (служить часу), подымнаго пока не собирать, войску коронному отнюдь не подходить къ линіи, а панамъ можно оставаться въ Украинѣ только тѣмъ, которые уже прежде пріѣхали сюда въ свои имѣнія, да и то тѣмъ только, которые не такъ важны, а *можнѣйшимъ* надобно попріудержаться, пока поспольство утихнетъ. Пусть присылаютъ своихъ урядниковъ, только непремѣнно русскихъ, съ самымъ малымъ числомъ провожатыхъ, а съ подданными пусть обращаются какъ можно скромнѣе и дружелюбнѣе» [1]). Кисель долженъ былъ согласиться съ доводами гетмана; но по своей привычкѣ держаться средины, въ одно и то же время дружески совѣтовался съ Хмельницкимъ и писалъ королю, что гораздо лучше взяться за оружіе снова, чѣмъ имѣть хлоповъ и не владѣть ими, и просилъ только, чтобъ когда начнется война, то дали бы ему тайно знать заранѣе, дабы онъ могъ безопасно убраться изъ Украины и вывести оттуда дворянство подъ благовиднымъ предлогомъ отъѣзда на сеймъ [2]).

Хмельницкій съ своимъ реестромъ отправилъ посольство къ королю. Въ письмѣ своемъ къ Яну Казимиру козацкій гетманъ изъявлялъ отъ имени своего козачества благодарность за утвержденіе зборовскаго договора, и замѣтилъ, что какъ на сеймѣ не приняли митрополита, и поэтому не дали возможности прекратить религіозныя недоумѣнія, то козачество проситъ, чтобъ, согласно договору зборовскому, унія была непремѣнно уничтожена, и всѣ церкви и церковныя имѣнія, которыми владѣютъ униты

---

[1]) Автогр. Публ. библ. 165.

[2]) Памятн. кіевск. комм. II. 3. 24 и 30.

Digitized by Google

по прежнимъ королевскимъ привилегіямъ, были, по смерти ихъ, немедленно возвращены греческому духовенству, дабы не было отнюдь разъединенія въ православной вѣрѣ [1]).

Гетманъ поручалъ своимъ депутатамъ просить короля, чтобъ всѣ должности во всѣхъ русскихъ областяхъ были раздаваемы православнымъ, чтобы паны, приходящіе въ украинскія помѣстья, являлись безъ военной ассистенціи и обращались кротко съ хлопами, причемъ замѣчалось, чтобъ и кіевскій воевода не имѣлъ при себѣ ассистенціи. Хмельницкій, сверхъ того, требовалъ, чтобъ коронное войско не приближалось къ линіи, обозначавшей границы земли, уступленной по зборовскому договору козакамъ, наконецъ, онъ домогался выдачи своего врага Чаплинскаго.

Король принялъ депутатовъ очень ласково, а на просьбу, представленную ими, козацкіе депутаты въ маѣ получили такой отвѣтъ: «относительно уніи король сообщалъ, что кіевскій митрополитъ въ присутствіи епископовъ разговаривалъ съ унитами, а что касается до эпархій и церквей, то король уже болѣе сдѣлалъ, чѣмъ обѣщалъ; если же кто изъ частныхъ лицъ препятствуетъ, то король готовъ оказать правосудіе». Это были только слова. При этомъ король счелъ нужнымъ замѣтить, что обѣщаніе раздавать должности только исповѣдующимъ греческую вѣру относится единственно къ тремъ воеводствамъ: черниговскому, кіевскому и брацлавскому. Сообразно козацкой просьбѣ, король обѣщалъ написать къ кіевскому воеводѣ, чтобъ и онъ самъ и другіе паны жительствовали въ этихъ трехъ воеводствахъ безъ вооруженной ассистенціи, ограничиваясь только домашнею прислугою, но заявлялъ свое недовольство составленнымъ козацкимъ реестромъ: изъ шляхетскихъ имѣній брацлавскаго воеводства вписано въ реестръ много хлоповъ; шляхта на это жалуется и ко-

---

[1]) Памятн. кіев. комм. II. 3. 9—18.

Digitized by Google

роль приказывалъ или замѣнить ихъ другими, или вывести изъ шляхетскихъ имѣній, чтобъ они не присвоивали себѣ панскихъ грунтовъ и не волновали подданныхъ, съ которыми имѣли совмѣстное жительство. Относительно желанія, чтобъ коронное войско не приближалось къ козацкой границѣ, король замѣчалъ, что коронное и запорожское войско равнымъ образомъ принадлежатъ Рѣчи Посполитой и коронное войско будетъ имѣть право идти повсюду, гдѣ окажется нужнымъ, не дѣлая вреда запорожскому, а гетманъ коронный долженъ сноситься съ запорожскимъ о мѣрахъ порядка и защиты. Что же касается до Чаплинскаго, то король высказалъ, что находитъ требованіе Хмельницкаго уже неприличнымъ, послѣ того какъ подъ Зборовомъ онъ вошелъ въ милость короля и все прежнее должно быть забыто. Король прибавилъ, что не нуждается ни въ какой услугѣ Чаплинскаго [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ король писалъ къ воеводѣ, чтобъ онъ внушилъ шляхтичамъ и панамъ не раздражать простаго народа, обращаться съ подданными ласково, не подавать никакого повода къ безпорядкамъ [2]).

Панство вообще было очень недовольно этими требованіями Хмельницкаго.

«Видимое ли дѣло! — кричали поляки. — Хмельницкій смѣетъ требовать уничтоженія уніи, и отъ кого же? отъ короля-католика! И король принимаетъ такія посольства!»

Хмельницкій зналъ объ этихъ толкахъ. Въ маѣ онъ прибылъ въ Кіевъ съ полковниками, сотниками и двумя тысячами козаковъ; козаки окружили замокъ, гдѣ былъ тогда Кисель, и гетманъ имѣлъ съ нимъ свиданіе. Бѣдные шляхтичи думали, что ихъ ограбятъ и перебьютъ вмѣстѣ съ воеводою. Но хотя гетманъ и воевода поговорили

---

[1]) Рук. И. П. Б. разнояз. № 5.

[2]) Памятн. кіевск. комм. II. 3. 38.

Digitized by Google

другъ съ другомъ крупно за свое первенство, однако разстались друзьями, и вслѣдъ затѣмъ въ Кіевѣ казнено нѣсколько бунтовщиковъ [1]). Но это не успокоило народа. Болѣе вела къ спокойствію уступчивость самаго дворянства.

Нѣкоторые паны, видя, что «плетью обуха не перешибешь», какъ гласитъ пословица, стали приходить въ свои маетности одни и соглашались жить и управлять на такихъ условіяхъ, какія имъ предложатъ. Мужики, услыша это, покидали оружіе и возвращались. Они сходились на сходки и разсуждали, какъ имъ принимать пановъ.

Въ Немировѣ была подобная сходка изъ сосѣднихъ селъ; мужики выбрали себѣ атаманомъ какого то Куйку и совѣтовались, какъ жить съ панами и служить имъ. «А що, говорилъ Куйка, дамо ему плугъ волівъ, та чотири мірки солоду; буде зъ его; абы не вмеръ зъ голоду».

Въ другихъ мѣстахъ хлопы уговаривались отдавать панамъ поклоны по большимъ праздникамъ, то есть приносить имъ отъ своего желанія что-нибудь, и отказывались отъ всякой панщины. Дворяне принуждены были довольствоваться тѣмъ, что даютъ имъ изъ милости ихъ собственные подданные [2]), надъ которыми они такъ недавно имѣли неограниченную власть; дворяне принимали такія условія, надѣясь поправиться современемъ. «Но какого исправленія можно было ожидать отъ такихъ своевольныхъ и необузданныхъ подданныхъ? — говоритъ современный панъ. — Наше перемиріе съ ними пахло рабствомъ для насъ самихъ» [3]). Самые богатые прежде паны не получали ни гроша изъ огромныхъ маетностей, которыя только по имени слыли собственностью ихъ. Тѣ же, которые были по-проще и по-бѣднѣе, — говоритъ лѣтопи-

---

[1]) Latop. Jerl. 112.

[2]) А. Ю. и З. Р. III. 401.—Pamiętn. Jemiołowsk. 17.

[3]) Памятн. кіевск. комм. II. 3. 19—35.

Digitized by Google

сецъ [1]), — принялись сами пахать и косить, и жены ихъ, прежде боявшіяся выйти на солнце, чтобъ не загорѣть, вязали снопы въ іюльскій полдень. «Не было деревни, не было дома, гдѣ бы бѣдный шляхтичъ могъ и зѣвнуть свободно, — говоритъ современникъ; — чуть мало кто-нибудь погорячился, тотчасъ бунтъ, а сорокъ тысячъ реестровыхъ, словно горохъ изъ мѣшка, разсыпавшись по цѣлой Украинѣ, производили страшный для насъ шорохъ» [2]).

Хмельницкій не переставалъ наказывать строптивыхъ. Эта потачка окураживала владѣльцевъ; они стали заключать между собою договоры усмирять непокорныхъ оружіемъ [3]); богатые паны, захвативши изъ своего хозяйства, что возможно было захватить на скорую руку [4]), убѣгали въ Польшу и возвращались въ Украину съ командами, врывались въ мятежныя села и наказывали зачинщиковъ, отрѣзывали уши, пороли носы, выкалывали глаза [5]). Начали появляться въ Украинѣ снова унитскіе попы, ксендзы и даже іезуиты [6]).

Хлопы рѣшительно не хотѣли служить владѣльцамъ, убѣгали за Днѣпръ въ степи и селились въ московскихъ земляхъ; другіе составляли загоны, подъ названіемъ левенцевъ, то есть молодцовъ, и бились съ польскими партіями. Во всѣхъ трехъ воеводствахъ Украины происходили всѣ ужасы безначалія и безпорядка, и недоставало ничьихъ силъ прекратить такое состояніе. Въ особенности же Подоль представляла жалкое зрѣлище. Гетманъ Потоцкій, освободившись изъ крымской неволи, собиралъ вновь войско и ставилъ около Каменца. Тогда жолнѣрскія

---

[1]) Истор. о през. бр.

[2]) Woyna dom. Ч. 2. 4.

[3]) Пам. кіевск. комм. II. 3. 53.

[4]) Jemiołowsk. Pamiętn. 17.

[5]) Ист. о през. бр.

[6]) Пов. о томъ, что случ. въ Укр.

Digitized by Google

партіи врывались за черту, подъ видомъ усмиренія хлоповъ; хлопы нападали на военныя квартиры. Эта партизанская война сопровождалась самыми отвратительными варварствами съ обѣихъ сторонъ [1]). Хмельницкій ясно видѣлъ невозможность удержаться въ мирѣ съ поляками, на основаніи зборовскаго договора, заключеннаго съ ними на-скоро. Онъ не могъ довѣрять своимъ козакамъ, когда до него доходили свѣдѣнія, что козаки то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ толкуютъ о томъ, что надобно гетмана Хмельницкаго свергнуть и избрать вмѣсто него другого. Хмельницкій сталъ полагаться болѣе на татаръ, которыхъ въ его распоряженіи было тогда двадцать тысячъ, и окружилъ себя, кромѣ того, поляками, которые находились въ разладѣ съ Рѣчью Посполитою. Это были банниты, то есть за преступленіе объявленные внѣ законнаго покровительства и по извѣстію великороссіянъ, посѣщавшихъ тогда Украину, было такихъ около Хмельницкаго до шести тысячъ. Они-то особенно настраивали Хмельницкаго къ враждѣ противъ ихъ отечества: «теперь-то вотъ настоящая пора смирить ляховъ, — говорили они: — другой такой поры можетъ быть никогда не будетъ» [2]).

Изъ тогдашняго внутренняго положенія Украины истекала причина новой неизбѣжной войны. Хмельницкій заранѣе хотѣлъ обезопасить себя отъ сосѣдей и преклонить ихъ на свою сторону.

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I.

[2]) А. Ю. и З. Р. III. 404.

Digitized by Google

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Сношенія гетмана съ Московскимъ государствомъ.—Московское посольство въ Польшѣ.—Сношенія съ Турціею.—Чаушъ въ Чигиринѣ.—Молдавскія дѣла.—Сватовство Хмельницкаго.—Союзъ съ татарами.—Истязанія поляковъ надъ мятежниками.—Походъ въ Молдавію.—Вынужденное согласіе на бракъ.—Посольство Кравченка къ Потоцкому.—Письмо короля къ Хмельницкому.—Универсалъ короля.—Сеймъ.—Посольство Хмельницкаго въ Варшаву.—Требованія Киселя.—Раздраженіе поляковъ.—Объявленіе войны.—Посольство поляковъ къ Хмельницкому.—Сношенія Хмельницкаго съ Турціею, Крымомъ и Ракочи.

Мы видѣли, что Московское государство и Турція обратили съ самаго начала возстанія Хмельницкаго вниманіе на Украину. Хмельницкій обращался разомъ къ царю и къ султану.

Гетманъ составилъ планъ затянуть Московское государство въ войну съ Польшею. Вскорѣ послѣ отпуска Унковскаго, Хмельницкій въ маѣ 1649 года посылалъ въ Москву чигиринскаго полковника Ѳедора Вешняка. Въ письмѣ своемъ къ царю Алексѣю Михайловичу онъ выражался: «Прими насъ, слугъ своихъ, въ милость своего царскаго величества и благослови, православный государь, наступить своей рати на тѣхъ, которые наступаютъ на православную вѣру, а мы Бога о томъ молимъ, чтобъ

Digitized by Google

ваше царское величество, правдивый и православный государь былъ надъ нами царемъ и самодержцемъ». Въ отвѣтъ на такое льстивое предложеніе, московскій государь въ своей грамотѣ похвалилъ Хмельницкаго за желаніе, но замѣтилъ, что при отцѣ его, царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, заключенъ былъ съ Польшею вѣчный миръ, и потому нельзя наступать войною на литовскую землю. «А буде,— говорилось въ той же грамотѣ, — королевское величество тебя гетмана и все войско запорожское учинитъ свободными безъ нарушенія вѣчнаго докончанія съ нами, тогда мы, великій государь, тебя гетмана и все войско запорожское пожалуемъ: велимъ васъ принять подъ нашу царскаго величества царскую руку» [1]).

Москва, цѣлыя столѣтія не поддававшаяся на предложеніе вѣчнаго мира съ Польшею, въ послѣднее время связала себя такого рода миромъ и должна была ожидать благопріятнаго случая. Хмельницкому пришлось воевать съ поляками безъ московской помощи. Послѣ зборовскаго договора онъ говорилъ одному великорусскому сыну боярскому, пріѣзжавшему въ Украину по дѣламъ пограничнымъ: «крымскій ханъ звалъ меня воевать московскую землю, да я не хочу, и его отговорилъ отъ этого; я желалъ государю служить во всемъ и не такъ бы слѣдовало быть, какъ сталось: государь не пожелалъ, не пожаловалъ насъ, не подалъ помощи, намъ христіанамъ, противъ враговъ». Отказъ московскаго государя сильно запалъ ему въ душу; по своему обычаю сдержанный въ трезвомъ видѣ и откровенный въ пьяномъ, Хмельницкій иначе обошелся съ другимъ сыномъ боярскимъ, также пріѣзжавшимъ по дѣламъ пограничнымъ. Когда онъ ему представлялъ о взаимныхъ спорахъ пограничныхъ жителей между собой, Хмельницкій, бывшій тогда на-веселѣ, говорилъ:

---

[1]) А. Ю. и З. Р. III. 309. 321.

Digitized by Google

«вы мнѣ все про дубье, да про пасѣки толкуете, а я пойду изломаю Москву и все Московское государство, да и тотъ, кто у васъ на Москвѣ сидитъ, отъ меня не отсидится: зачѣмъ онъ не учинилъ намъ помощи на поляковъ ратными людьми?» Козаки распространяли зловѣщіе слухи о томъ, что на Московское государство скоро нападутъ татары, а Хмельницкій съ ними за-одно. «Будетъ у насъ, — говорили козаки — съ вами, москали, большая война за то, что отъ васъ намъ на поляковъ помощи не было».

Всю осень и зиму послѣ того въ Московскомъ государствѣ опасались, чтобъ Хмельницкій за-одно съ татарами не напалъ на царскія области. Въ Москвѣ стали понимать, что оставаться въ нейтральномъ положеніи трудно. Придется рано или поздно, либо воевать съ Польшею за Украину, либо терпѣть нападенія и разоренія отъ козаковъ и татаръ. Поэтому москвичи старались вывѣдать, въ какой степени слабы силы Рѣчи Посполитой и, при случаѣ, искать предлога нарушить мирный договоръ. Въ концѣ 1649 года посланъ въ Варшаву гонецъ Кунаковъ извѣстить о прибытіи вслѣдъ за нимъ пословъ и вмѣстѣ для узнанія польскихъ дѣлъ. Въ своей запискѣ онъ передавалъ сообщенныя ему въ Варшавѣ разсужденія поляковъ въ такомъ смыслѣ:

«Король нашъ подъ Зборовомъ нарушилъ по-неволѣ вѣчное докончаніе съ московскимъ царемъ; онъ позволилъ крымскому хану ходить съ войскомъ черезъ Польшу и Литву, куда ему понадобится, а крымскому хану черезъ наши земли некуда ходить, развѣ на одно Московское государство. Узнаетъ про это царь и можетъ начаться война, и если съ царскими войсками соединится Богданъ Хмельницкій, то нашей Рѣчи Посполитой придетъ крайняя бѣда. И Москва нынѣ стала *субтельна*, устроила у себя рейтарскій строй, а на Украинѣ всѣ люди привыкли

Digitized by Google

къ ратному дѣлу. Хмельницкій, съ ними одной вѣры. Наша Польша бѣдствуетъ отъ панскаго несогласія; польскія и литовскія войска поражены отъ козаковъ и хлоповъ; жолнѣры наши умѣютъ только свое государство грабить, а отъ козаковъ убѣгаютъ. Да еще у насъ неурожай. Всѣ паны вдались въ роскошь и своевольство; на сеймахъ нѣтъ согласія. Духовенство только собираетъ себѣ сокровища и даетъ мало денегъ для спокойствія Рѣчи Посполитой».

Кунаковъ доносилъ, что паны очень боятся, чтобы въ письмахъ къ царю не сдѣлать ошибки и не дать Москвѣ повода къ войнѣ. Русскому гонцу передавалъ вѣсти о разговорахъ между сенаторами, купецъ Данило Грекъ, который былъ вхожъ къ референдарію. То же подтверждалъ бывшій при немъ приставомъ Свяцкій.

Донесеніе Кунакова произвело въ Москвѣ ободрительное вліяніе. За придирками дѣло не стало. Москва сочла умѣстнымъ оскорбиться тѣмъ, что нѣкоторые польскіе писатели помѣщали въ своихъ сочиненіяхъ непріятныя ей выраженія. Эти сочиненія послалъ въ Москву Хмельницкій. Первое изъ нихъ былъ панегирикъ Владиславу IV, написанный какимъ-то ксендзомъ. Авторъ прославлялъ подвиги поляковъ противъ москвитянъ, избраніе на царство Владислава и называлъ москвитянъ народомъ вѣроломнымъ, а царя Михаила Ѳедоровича назвалъ просто вождемъ Ѳедоровичемъ. Другое — была извѣстная исторія Владислава IV, написанная Вассенбергомъ. Московская политика находила оскорбительнымъ описаніе бѣдствій, понесенныхъ Московскимъ государствомъ отъ поляковъ и похвалы доблестямъ и храбрости послѣднихъ. И между прочимъ особенно не понравились Москвѣ нѣкоторыя мѣста въ сдѣланномъ тогда нарочно русскомъ переводѣ, напр. «*И нынѣ пусть Московія за своимъ Михаиломъ опять исподоволь возрастаютъ и возносятся либо паче того къ*

Digitized by Google

большему паденію, а возрастати именуется то: возрасти и буде высоко вознесенъ, чтобъ паче зъ большимъ паденіемъ ко дну разоритьца. А въ то время буди Владиславусъ прямой и истинной великой князь московской, а Михаило буди прозваной великой князь московской и мучитель». Или: «Москвитеня, которые только лише голымъ именемъ христіяня словутъ, а дѣломъ и обычаями многимъ пуще и хуже варваровъ самихъ, и тѣхъ мы часто одоляли, побивали, и потомъ лутчую часть ихъ земли подъ наше государство и владѣніе привели». Такихъ мѣстъ, принадлежавшихъ частнымъ писателямъ, въ тѣ времена, казалось достаточнымъ для того, чтобы начать искъ объ оскорбленіи со стороны той націи, къ которой принадлежали писатели [1]).

Хмельницкій извѣщалъ, что латинскіе проповѣдники поносятъ православіе, а король замышляетъ съ татарами напасть на Московію. Извѣщенія его были кстати: между московскимъ и варшавскимъ дворами уже начались неудовольствія. Царь жаловался, что поляки пишутъ неполно его титулъ; такое обвиненіе относилось, между прочимъ, и къ Іереміи Вишневецкому [2]). Хмельницкій раздувалъ начавшееся несогласіе.

Въ началѣ 1650 года царь послалъ въ Варшаву посломъ боярина Григорія Пушкина съ товарищами. Польскіе лѣтописцы разсказываютъ, что когда король выслалъ на встрѣчу царскимъ посламъ пановъ, то цѣлый день прошелъ въ толкахъ о церемоніяхъ; московскіе люди долго не хотѣли садиться въ карету, домогаясь узнать, дѣйствительно ли это королевская карета [3]), и не хотѣли давать правой руки высланнымъ къ нимъ на-встрѣчу посламъ. Пушкинъ, въ переговорахъ по этому предмету, закричалъ

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Росс. т. III. ст. 373—416.

[2]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 12.

[3]) Annal. Polon. Clim. I. 181.—Histor. Jan. Kaz. I. 112.

Digitized by Google

на пана Тышкевича «лжешь», а тотъ ему въ отвѣтъ сказалъ: «за такія слова у насъ бьютъ въ рожу, еслибы ты не представлялъ царской особы!..» «И у насъ дураковъ бьютъ, которые не умѣютъ чтить великихъ пословъ», сказалъ Пушкинъ. Потомъ, указавши на товарища Тышкевича, Тыкоцинскаго, Пушкинъ спросилъ: «что это онъ ничего со мною не говоритъ?» «Не понимаю по-русски, что вы говорите» сказалъ тотъ. «А зачѣмъ же король прислалъ дураковъ ко мнѣ?» сказалъ Пушкинъ. «Не я дуракъ» отвѣчалъ Тыкоцинскій, а меня послали къ дуракамъ; мой гайдукъ могъ бы вести съ вами посольское дѣло». Пушкинъ завопилъ о безчестіи и ввернулъ обычную московскую поговорку: б..... сынъ! Такое начало не предвѣщало хорошаго. Московское правительство какъ будто нарочно посылало такого посланника, который способенъ былъ произвести разрывъ [1]).

На третій день по пріѣздѣ въ Варшаву, въ частной бесѣдѣ съ нѣкоторыми послами во дворцѣ, бояре вспоминали о прежнихъ войнахъ москвитянъ съ поляками, вздыхали о своихъ неудачахъ, приписывая ихъ наказанію Божію за грѣхи, но прибавляли, что и русскихъ Господь изберетъ орудіемъ мщенія за преступленія поляковъ. «Если, говорили они, поляки не отдадутъ намъ Смоленска и княжествъ Сѣверскаго и Черниговскаго, отторженныхъ отъ Россіи при Владиславѣ, то едва ли можно надѣяться покоя» [2]).

Распространился въ городѣ слухъ, что послы пріѣхали съ объявленіемъ разрыва [3]). Хотя сказанное послами было ихъ частное мнѣніе, однако польское правительство такъ испугалось грозящей войны, что немедленно послало въ Москву гонцомъ Бартлинскаго для успокоенія царя и узна-

---

[1]) Jak. Michał. 533.

[2]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 58.

[3]) Annal. Polon. Clim. I. 182.

Digitized by Google

нія, что̀ за причина такой перемѣны [1]). Между тѣмъ король поручилъ Радзивиллу и нѣсколькимъ другимъ сенаторамъ вступить въ переговоры съ московскими послами.

Послы не упоминали офиціальнымъ образомъ о Черниговѣ и Смоленскѣ, но, тѣмъ неменѣе, Пушкинъ съ перваго раза началъ говорить *и досадно и доткливо* [2]).

«Великій государь изволитъ гнѣваться на васъ, поляковъ, за нарушеніе крестнаго цѣлованія. При вѣчныхъ и доконченныхъ грамотахъ мирныхъ постановлено было, чтобъ титулъ царскаго величества писался съ большимъ страхомъ и безъ малѣйшаго пропуска, а вы этого не соблюдаете. Его царское величество требуетъ, чтобъ всѣ, которые написаны въ этой росписи, которую мы предлагаемъ вамъ, были подвергнуты за большія вины казни, а за малыя—наказанію».

Паны, послѣ многихъ отговорокъ, отвѣчали, что виновные будутъ наказаны на первомъ сеймѣ, по конституціи 1637 года, при тѣхъ послахъ, которыхъ царь пришлетъ съ прописными грамотами.

Разумѣется, такое обѣщаніе не было искреннимъ; власть короля и сената не столько была сильна, чтобъ имѣть возможность наказать Іеремію Вишневецкаго, которому шляхтичи оказывали уваженіе болѣе, чѣмъ самому королю. Поляки хотѣли отдѣлаться какъ-нибудь отъ войны, пока Рѣчь Посполитая соберется съ силами; но они не предвидѣли, что, давая обѣщанія, которыхъ не могли исполнить, сами подавали впередъ на себя поводъ къ нападенію.

Послѣ этого притязанія, Пушкинъ объявилъ другое. Дѣло шло объ оскорбительныхъ сочиненіяхъ.

---

[1]) Histor. ab. ex. Wlad. IV. 58.

[2]) Полн. собр. зак. I. 240.

Digitized by Google

«Его царское величество—говорилъ онъ: — требуетъ, чтобъ всѣ *безчестныя* книги были собраны и сожжены въ присутствіи пословъ, чтобъ нетолько слагатели ихъ, но и содержатели типографій, гдѣ онѣ были печатаны, наборщики и печатальщики, а также и владѣльцы маетностей, гдѣ находились типографіи, были казнены смертью».

Замѣчательно, что въ числѣ этихъ виновныхъ противъ царской чести оказывался и Іеремія Вишневецкій.

«Изъ вашихъ требованій,—отвѣчали огорченные сенаторы,—видимъ, что его царское величество ищетъ предлога къ войнѣ. Нѣсколько строкъ, въ которыхъ погрѣшили литераторы, еще не даютъ повода къ разрыву мира. Въ такомъ случаѣ и мы можемъ жаловаться на московскихъ лѣтописцевъ, которые въ своихъ писаніяхъ умаляютъ честь польскаго народа. Стоитъ-ли какое-нибудь оскорбительное слово, написанное по легкомысленности, или ошибка въ титулѣ, происшедшая, быть можетъ, отъ случайнаго недостатка чернилъ, стоитъ ли все это того, чтобъ проливать человѣческую кровь?»

«Какъ!—возражалъ посланникъ,—возможно ли, чтобъ царь терпѣлъ уменьшеніе своей чести, когда Господь Богъ возвеличилъ его предъ всѣми владыками и монархами земными? Такія укоризны не только помазаннику Божію, но даже и простому человѣку терпѣть не пристало, а у васъ за то, по конституціи 1637 года, положена казнь, латинскимъ языкомъ называемая *пенамъ пердуелліонисъ*, почему государь царь и требуетъ, чтобъ оскорбители его были наказаны. Это оскорбленіе дѣлаетъ намъ «большую кручину», поэтому мы не хотимъ вступать съ вами въ дальнѣйшіе переговоры, пока король не удовлетворитъ насъ».

Паны оставили конференцію и отправились съ вопросомъ къ королю. «Болѣло, говоритъ польскій лѣтописецъ, сердце короля, но дѣлать было нечего. Рѣчь Посполитая

Digitized by Google

не залѣчила еще корсунскихъ и зборовскихъ ранъ; Русь готова была отъ нея оторваться совершенно; финансы были истощены; войско въ безпорядкѣ: жолнѣры не хотѣли служить, потому что имъ платили, какъ выражались они, вмѣсто наличной монеты, клочками бумагъ и росписками на полученіе жалованья. Трудно было ввязаться въ войну съ Россіею. Король попробовалъ еще одно средство смягчить требованія пословъ».

Съ кроткимъ видомъ Радзивиллъ явился къ русскимъ.

«Его величество король, — говорилъ онъ: — почитаетъ честь и достоинство царя столько же, сколько и свое собственное. Всякое оскорбленіе, нанесенное его царскому величеству, любезному его брату, онъ принимаетъ также и на себя. Разбирательство *безчестныхъ* книгъ и преслѣдованіе ихъ сочинителей не только не произведетъ уменьшенія, но прибавитъ оскорбленія его царскому величеству. Поэтому король, щадя и соболѣзнуя о чести любезнаго брата своего, его царскаго величества, проситъ васъ, бояръ, пословъ царскихъ, оставить это дѣло».

«Ни за что! — отвѣчали послы: — если намъ не дадутъ удовлетворенія, то мы уѣдемъ, не окончивъ переговоровъ».

«За такую великую досаду, причиненную его царскому величеству и всему государству Московскому, возвратите намъ Смоленскъ со всѣми принадлежащими къ нему городами, а за безчестье бояръ заплатите 60,000 червонныхъ золотыхъ, тогда мы подтвердимъ договоръ вѣчнаго мира; а если не изволите такъ поступить, то мы соберемъ наше духовенство и, взявши въ руки мирное докончанье, будемъ носить его по церквамъ и свидѣтельствовать предъ Богомъ въ Троицѣ славимымъ и Пречистою Дѣвою Богородицею и предъ всѣми святыми, что вы не содержите мирнаго договора и нарушаете его. Мы напишемъ еще къ Турчину и Татарину, что вы ихъ въ своихъ книжкахъ дурно описываете, будто они противъ васъ ничего не выиграли,

Digitized by Google

тогда и они за-одно съ нами пойдутъ на васъ. Будетъ съ нами и войско запорожское, которое давно уже хочетъ поступить подъ покровительство нашего царя. Вотъ и письма Хмельницкаго къ царю: мы ихъ вамъ покажемъ. Ваше государство опустошено войною и жолнѣрами такъ что, начавши отъ Смоленска, вплоть до Станиславова не услышишь пѣнія пѣтушьяго. Люди у васъ съ голоду умираютъ и крестьяне изъ вашихъ владѣній бѣгутъ къ намъ и просятъ корма отъ его царскаго величества. Въ нашемъ же государствѣ всего изобильно и военной силы много, и чужеземцы на службѣ у насъ есть и шведы даже. Подумайте лучше о себѣ» [1]).

Послѣ такихъ заявленій со стороны пословъ, порѣшили наконецъ на томъ, что послы останутся въ Варшавѣ до возвращенія гонца, отправленнаго къ царю. Послы и отъ себя отправили своего гонца. Эти гонцы воротились 1-го іюля; послы, оставаясь въ польской столицѣ, получали отъ короля на свое содержаніе 500 зл. въ день. Возвратившійся изъ Москвы гонецъ Рѣчи Посполитой принесъ извѣстіе, что царь вовсе не требуетъ возвращенія завоеванныхъ Польшею провинцій, напротивъ, желаетъ вѣчнаго мира между москвитянами и поляками, въ надеждѣ обратить соединенныя силы обоихъ христіанскихъ народовъ на Оттоманскую имперію; но требуетъ непремѣнно, чтобъ виновные въ оскорбленіи его царскаго величества посредствомъ книгъ были преданы казни, а также наказаны примѣрно и тѣ, которые писали царскій титулъ съ пропусками, и только на этихъ условіяхъ можно надѣяться прочнаго мира.

Тогда Радзивиллъ далъ посламъ такой отвѣтъ:

«Его величество король обѣщаетъ выдать универсалъ, чтобъ впередъ никто не смѣлъ печатать оскорбительныхъ

---

[1]) Jak. Michałowsk. Xięga Pamiętn. 537.

Digitized by Google

книгъ на его царское величество подъ опасеніемъ лишенія маетностей».

«Этого мало, — говорили послы: — надобно воспретить подъ опасеніемъ смертной казни».

Паны обѣщали и это, отговариваясь будущимъ сеймомъ, равнымъ образомъ обѣщали наказать прежде оказавшихся виновными. Нѣсколько листовъ, вырѣзанныхъ изъ печатныхъ книгъ, гдѣ находились отзывы, которые московскіе послы ставили въ оскорбленіе своему государству, въ томъ числѣ сочиненія Твардовскаго, были сожжены въ присутствіи посольскаго дворянина Фустова на рынкѣ [1]), а по посольскимъ извѣстіямъ въ домѣ маршалка [2]); но эта мѣра не успокоила ни ту ни противную сторону. Поляки, узнавши о такой уступчивости, считали ее униженіемъ для своей націи, а московскіе послы, обласканные и обдаренные королемъ при прощальномъ цѣлованіи королевской руки, бывшемъ 25-го іюля, уѣхали 31-го числа того же мѣсяца, повторивъ, что впередъ только наказаніе «слагателей безчестныхъ книгъ» и писавшихъ царскій титулъ съ пропусками можетъ отклонить войну Московскаго государства съ Польшею [3]).

Поляки видѣли, что начавшееся недоумѣніе съ московскимъ дворомъ доведетъ ихъ рано или поздно до неминуемой войны, а потому заранѣе начали искать себѣ союзниковъ. Они стали сходиться съ крымскимъ ханомъ. Сперва поляки медлили доставкою денегъ, обѣщанныхъ по зборовскому договору. На сеймѣ въ концѣ 1649 года

---

[1]) Арх. Ин. Д. 1650 г.

[2]) Pam. Albr. Radz. II. 422.

[3]) Полн. собр. зак. I. 237—242.—Histor. ab exc. Wl. IV. 62.—Kubala I. 229. Сс. на рук. Оссолин. №№ 222. 224.—Annal. Polon. Clim. I. 181—185.—Histor. Jan. Kaz. I. 111—117.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 124—127.—Woyna dom. Ч. 2. 7.—Истор. о през. бр.

Digitized by Google

говорили, что не слѣдуетъ платить крымскому хану ничего, потому что онъ нарушилъ договоръ съ королемъ, утвержденный ханскою присягою: ханъ не долженъ былъ допускать татаръ до разоренія польскаго края, а въ противность этому, татары разорили столько городовъ и селеній, столько увели въ плѣнъ народа, что надѣлали ущерба Рѣчи Посполитой на болѣе высокую сумму, чѣмъ та, которую Польша обязалась заплатить хану [1]). Но такъ разсуждали тѣ, которымъ извѣстенъ былъ только офиціальный договоръ; они не знали о секретныхъ условіяхъ, въ которыхъ, между прочимъ, допускалось татарамъ разореніе польскихъ областей. Въ январѣ 1650 года [2]), за медленность въ доставкѣ денегъ, обѣщанныхъ по зборовскому договору, ханскій визирь послалъ къ канцлеру, а ханъ къ самому королю угрозы и упреки, но весной того же года польскій король отправилъ въ Бахчисарай Бѣчинскаго съ извѣстіемъ, что деньги уже въ Каменцѣ; тогда, по этому извѣстію, во время пребыванія московскихъ пословъ въ Варшавѣ, пріѣхалъ отъ Исламъ-Гирея въ Польшу посолъ Мустафа-Ага. «Что онъ вамъ скажетъ, то будутъ наши слова, — писалъ Исламъ Гирей, — какое дѣло хотите начинайте, только дайте намъ знать чрезъ Мустафу-Агу, въ какое время можете быть готовы. Лѣтомъ-ли, зимою — когда будетъ ваша воля; а мы готовы и ждемъ вашего рѣшенія. Дѣло великое! Много государствъ и царствъ можете пріобрѣсти, только будьте готовы и намъ дайте знать; а о козакахъ запорожскихъ, если какіе люди вамъ скажутъ дурное, не вѣрьте; они ваши слуги и подданные. Куда вы замыслите — они тамъ служить вамъ будутъ охотно; такой у насъ съ ними договоръ, что безъ нашей воли никуда не смѣютъ двинуться» [3]).

---

[1]) А. Ю. и З. Р. III. 400.

[2]) Jak. Michałowsk. Xięga Pam. 528—529.

[3]) Jak. Michał. 540.

Digitized by Google

Мустафа-Ага предлагалъ отъ своего государя соединенными силами напасть на Московское государство.

«Татары — говорилъ онъ, — не могутъ сидѣть спокойно дома: имъ надобно войны; нападемъ же вмѣстѣ на этихъ бородатыхъ козловъ (такъ называлъ онъ московскихъ русскихъ); сто тысячъ крымцевъ будутъ готовы хоть сейчасъ къ услугамъ Рѣчи Посполитой [1]).

«Москали, — отвѣчали поляки, — наши общіе враги: не владѣютъ ли они достояніемъ татаръ? Не были ли и сами данниками татарскихъ хановъ? Если твое ханское величество соединишься съ королемъ на завоеваніе Московскаго государства, то получишь снова въ удѣлъ себѣ астраханское царство [2]).

Такимъ образомъ предложено было дѣйствовать въ случаѣ нужды соединенными силами противъ Московскаго государства.

Втайнѣ совѣщались, если война окончится счастливо, обратить взаимныя силы на козаковъ, которыхъ поляки изображали давними недругами татаръ [3]). Ханъ побаивался козаковъ, которые взяли верхъ, по выраженію лѣтописца [4]).

Хмельницкій узналъ объ этомъ: не даромъ дѣйствовалъ въ его пользу при дворѣ Верещака.

Крымскій ханъ послѣ того усиленно побуждалъ поляковъ скорѣе начинать войну противъ москалей, и въ письмахъ своихъ къ королю [5]), жаловался на пановъ, которые отсовѣтываютъ нападать на Московское государство, изъявлялъ надежду завоевать его, себѣ присвои-

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 184.—Histor. ab exc. Wlad. IV. 62.

[2]) Истор. о през. бр.

[3]) Истор. о през. бр.

[4]) Ibid.

[5]) Jak. Michałowsk. Xięga Pam. 556.

Digitized by Google

валъ земли, населенныя магометанами, а христіанскія уступалъ Польшѣ.

Прибыли и къ Хмельницкому татарскіе послы съ предложеніемъ соединиться съ поляками и съ ними идти на Москву [1]). Кисель располагалъ гетмана къ этой войнѣ, въ случаѣ, если поляки вынуждены будутъ вести ее, и представлялъ, что для козаковъ это будетъ случай загладить прежнія огорченія, нанесенныя Польшѣ [2]). Хмельницкій съ притворною радостью слушалъ эти предложенія, указывалъ Киселю соображенія о томъ, какими путями татары и козаки въ одно время съ поляками могутъ напасть на московскую державу, но просилъ, между прочимъ, чтобы войско польское ни подъ какимъ видомъ не приближалось къ Украинѣ, для избѣжанія столкновенія, а между тѣмъ давалъ [3]) приказаніе козакамъ сбираться, приводить въ порядокъ артиллерію, снаряжалъ войсковую амуницію и такъ держалъ себя предъ Киселемъ въ этомъ отношеніи, что послѣдній, казалось, уже начиналъ вѣрить его искренности. Но въ самомъ дѣлѣ, въ то же время, Хмельницкій отправилъ гонца въ Москву съ предостереженіемъ, и послалъ царю реестръ своего войска, желая удостовѣрить въ своей силѣ.

«Пусть его царское величество не думаетъ ничего дурнаго о насъ; мы не замышляемъ и замышлять не будемъ никакого зла», говорилъ козацкій посланецъ.

Хмельницкій тогда же просилъ покровительства (протекціи) царскаго надъ Украиною.

Поляки, узнавъ, что тайные замыслы ихъ возбудить противъ Московскаго государства козаковъ и татаръ открыты, думали поразить Хмельницкаго тѣмъ же оружіемъ,

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 196.

[2]) Истор. о през. бр.

[3]) Jak. Michałowskiego Xięga Pamiętn. 551.

Digitized by Google

и король уже на исходѣ 1650 года отправлялъ въ Москву Альберта Пражмовскаго [1]).

«По дружбѣ своей къ любезному брату (говорилъ польскій посланецъ въ Москвѣ) король предупреждаетъ его, что Хмельницкій, по наущенію турковъ, соединяется съ татарами и думаетъ ворваться въ Московское государство. Онъ, вмѣстѣ съ крымскими послами, присылалъ къ намъ просить вспомогательныхъ силъ противъ Москвы; но его величество король не хочетъ нарушать мира съ своимъ братомъ и предупреждаетъ его, чтобъ онъ, въ случаѣ, если козаки нападутъ на Москву съ татарами, не подозрѣвалъ въ участіи короля и Рѣчь Посполитую».

Бояре отвѣчали, что козаки—подданные короля и ему слѣдуетъ унимать ихъ и не допускать до своевольства.

Такъ велись въ этотъ годъ отношенія гетмана къ Московскому государству. Московское правительство дѣйствовало въ его пользу нерѣшительно, а между тѣмъ, Хмельницкій видѣлъ со стороны поляковъ явное желаніе разорвать Зборовскій договоръ; татары принуждали его воевать Московское государство и скрывали подъ этимъ предлогомъ другой планъ: напасть на Украину; имъ все равно было гдѣ бы ни воевать, лишь бы грабить и наѣздничать; они могли служить Польшѣ удобнымъ орудіемъ къ порабощенію Украины, какъ недавно служили Украинѣ къ ея освобожденію. Они заранѣе показывали это, потому что, скучая миромъ, нападали загонами на украинскія села. Соображая все, что можетъ послѣдовать въ ближайшемъ будущемъ, Хмельницкій рѣшился продолжать свои сношенія съ Турціею.

Гетманъ послалъ въ Константинополь какого-то полковника съ предложеніемъ союза и съ просьбою воспретить татарамъ набѣги на Украину. Козацкій посланникъ

---

[1]) Соловьевъ. Ист. Рос. X. 286.

Digitized by Google

ласкалъ турецкое правительство надеждою, что Украина будетъ находиться подъ покровительствомъ Турціи.

Обрадованный этимъ, визирь послалъ въ Чигиринъ чауша Османъ-Агу, который привезъ Хмельницкому въ подарокъ турецкую саблю съ рукояткою слоновой кости, знамя съ изображеніемъ луны, гетманскую булаву, осыпанную каменьями, лакомствъ въ мѣшкахъ: изюма, фигъ, миндаля и шафрана, и грамату, въ которой Хмельницкій титуловался княземъ Украины. Пріемъ турецкаго посла происходилъ 30-го іюля. Чаушъ предлагалъ помощь противъ поляковъ сто тысячъ войска, кромѣ орды, и потомственное княжество въ Украинѣ, если только Хмельницкій вполнѣ признаетъ себя подъ покровительствомъ султана. Хмельницкій, съ своей стороны, уступалъ въ такомъ случаѣ въ полное владѣніе Турціи всю землю по Днѣстру и, въ томъ числѣ, Каменецъ [1]); козаки обязывались, въ отношеніи Турціи, помогать войною и преимущественно не допускать донскихъ и другихъ козаковъ пиратствовать на Черномъ морѣ. Визирь писалъ, что гетманъ съ козаками будетъ въ особенной чести предъ прочими подвластными Турціи назарейской вѣры вельможами, и что татары не посмѣютъ болѣе дѣлать насилія Украинѣ [2]).

Еще султанскій посолъ находился въ Чигиринѣ, какъ 2-го августа къ гетману прибыли послы отъ вернувшагося изъ плѣна гетмана Потоцкаго. Они пріѣхали уговаривать Хмельницкаго воевать Москву и были свидѣтелями его сношеній съ Турціей. Угостивъ ихъ обѣдомъ и, по обыкновенію, подвыпивши, Хмельницкій говорилъ имъ:

«Ни король, ни Рѣчь Посполитая не можетъ меня принуждать ни къ какой службѣ; я себѣ воленъ—кому захочу тому и послужу. Мнѣ турецкій царь поможетъ, москов-

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 188.—Woyna dom. Ч. 2. 5.—Ojcz. Spominki. II. 107.

[2]) Малорос. переп. хранящ. въ Оруж. пал. 3.

Digitized by Google

скій тоже; всѣ орды со мною постановили договоръ. Не то, что Польскую Корону—Римскую имперію кому захочу, тому и отдамъ. Если ляхи двигаютъ свое войско, такъ вѣдь и я свое двину и тогда тѣ, что тамъ живутъ, прежде войска своею жизнію заплатятъ [1]).

Старикъ Кисель, узнавши въ пору о начавшихся сношеніяхъ съ Турціею, клонящихся къ отдачѣ Украины подъ власть султана, такъ испугался, что, по словамъ польскаго историка, чуть не умеръ [2]). Онъ отправилъ къ Хмельницкому брата своего Юрія и тотъ прибылъ въ Чигиринъ на другой день послѣ бесѣды гетмана съ послами короннаго гетмана.

Козацкій гетманъ былъ взбѣшонъ: ему только что донесли, что Потоцкій сталъ съ войскомъ на границѣ Украины, и жолнѣры врываются за черту въ козацкую землю подъ видомъ укрощенія непокорныхъ хлоповъ. Хмельницкій встрѣтилъ Киселя этими словами:

«Здравствуй! я принялъ уже турецкую протекцію!»

«Ваша вельможность,—вскричалъ поблѣднѣвшій Кисель:—если для тебя ничего не значитъ погибель Рѣчи Посполитой и самого короля твоего, то ради православной вѣры, которую мы исповѣдуемъ, ради свободы... неужели думаешь, что турокъ будетъ хранить драгоцѣнный завѣтъ вѣры и свободы? Если ты хочешь вступить съ турками въ какое нибудь сношеніе, то найди предлогъ удержать до времени посла, и спроси совѣта у короля, открывъ ему искренно предложенія турецкаго двора.»

«А что мнѣ дѣлать,—сказалъ Хмельницкій:—когда ляхи ищутъ моей погибели! Ваши несправедливости, ваши тайныя козни вынуждаютъ меня искать защиты у турковъ».

Кисель хотѣлъ доказывать, но бѣшеный гетманъ прервалъ его и закричалъ:

---

[1]) Jak. Michał. Xięga Pam. 554.

[2]) Histor. Jan. Kaz. I. 118.

Digitized by Google

«Не тільки Украину, Польщу всю и Римъ и папежа завоюю, та туркамъ отдамъ!»

Кромѣ Киселя, здѣсь стояли депутаты отъ разныхъ украинскихъ владѣльцевъ: они приносили подарки Хмельницкому и просили у него укрощенія непокорныхъ хлоповъ. Хмельницкій замѣтилъ, что проговорился и пришелъ въ большую досаду, которую готовъ былъ излить на все окружающее.

«Это измѣнники, это шпіоны! — кричалъ онъ: — они пришли подглядывать за мною».

Онъ обратился къ Выговскому и, указавъ на Киселя, сказалъ:

«Повѣсить его!»

Потомъ обратился къ депутатамъ и прибавилъ:

«Утопить ихъ!»

Гостей увели. Гетманъ пилъ еще съ досады, бѣсился, наконецъ упалъ и заснулъ. Проснувшись, онъ вспомнилъ о своей горячности и первый вопросъ его былъ:

«А що, живий Кисель! Позовите его!»

Жена Хмельницкаго и Выговскій, зная, что вспыльчивый гетманъ часто, въ минуты гнѣва, давалъ приказанія, о которыхъ жалѣлъ послѣ, не исполнили его приказанія. Кисель вошелъ къ гетману; Хмельницкій просилъ у него прощенія. «Я вчера съ досады напился, сознавался онъ, и совсѣмъ обезумѣлъ!»

Кисель простилъ ему вспышку, продолжалъ уговаривать не знаться съ невѣрными и просилъ пріѣхать на совѣщаніе съ митрополитомъ и кіевскимъ воеводою. Гетманъ разсыпался въ увѣреніяхъ, но тѣмъ неменѣе отправилъ чауша съ особенными знаками признательности и расположенія къ султану [1]).

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 188—189.—Pam. do pan. Zygm III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 130.—Histor. Jan. Kaz. I. 118—119.—Belli. scyth.

Digitized by Google

Сблизившись съ турецкимъ дворомъ, Хмельницкій былъ тогда въ состояніи дѣйствовать на подручника оттоманской порты, хана крымскаго, и разорвать союзъ крымцевъ съ Польшею. Онъ началъ съ того, что вмѣсто Москвы, направилъ татаръ на Молдавію.

Молдавскій господарь, обязанный въ 1648 году спасеніемъ Хмельницкому, далъ обѣщаніе выдать за Тимоѳея Хмельницкаго дочь свою, (домну-Локсандру т.-е. госпожу Александру — m-me Alexandrine) [1]), называемую въ источникахъ Домною Розандою, но это обѣщаніе было неискренно; сначала господарь отказывался подъ благовиднымъ предлогомъ, что не смѣетъ на это отважиться безъ позволенія Турціи; а когда Хмельницкій истребовалъ не только позволеніе, но и приказаніе турецкаго двора на этотъ бракъ, тогда Лупулъ сблизился съ поляками и началъ тайно дѣйствовать ко вреду Хмельницкаго. Сама невѣста, если вѣрить украинскому историку, любила Тимоѳея; а если вѣрить польскимъ лѣтописямъ, то предпочитала козаку Димитрія Вишневецкаго, молодаго и ловкаго кавалера, который, слыша о ея красотѣ, явился въ Яссы подъ чужимъ именемъ и познакомился съ княжною очень романически. Неизвѣстно — дѣйствительно-ли понравился домнѣ Локсандрѣ князь Вишневецкій, но Лупулъ находилъ болѣе удобнымъ отдать ее за него, чѣмъ за Хмельницкаго. Уже старшая дочь его была за Радзивилломъ; отдавъ другую за Вишневецкаго, онъ вступалъ въ родство съ двумя знатнѣйшими фамиліями Рѣчи Посполитой и могъ надѣяться имѣть всегда сильную опору въ Польшѣ, которая, не смотря на временной упадокъ, все еще, какъ

---

cosac. 104—105.—Кратк. опис. о коз. мал. нар. 41.—Лѣтоп. повѣств. о Мал. Росс. 147.—Jakuba Michałowsk. Xięga Pamiętn. 555.

[1]) Такъ объясняли автору этого сочиненія природные румыны. Но авторъ, чтобъ не дѣлать нововведеній, рѣшился удержать то имя, какое даютъ ей всѣ современные источники.

Digitized by Google

казалось, могла снова сдѣлаться могущественною державою. Хмельницкому очень не понравилось, когда онъ узналъ, что Лупулъ принималъ радушно пановъ, возвращавшихся изъ крымской неволи, заискивалъ расположенія гетмана Потоцкаго, давалъ полякамъ деньги на войско. Раздосадованный двоедушіемъ Лупула, Хмельницкій написалъ ему: «если ты не отдашь своей дочери за моего сына, то я пошлю къ тебѣ сто тысячъ сватовъ!» Хмельницкій жаловался турецкому посланнику, что господарь перехватываетъ его грамоты, посланныя къ турецкому двору и передаетъ ихъ польскимъ панамъ, увѣрялъ, что господарь надѣется на Радзивилла, хочетъ отложиться отъ Турціи и воевать противъ нея. Съ своей стороны, и турки сообщали Хмельницкому явныя доказательства зложелательства къ нему господаря. Невѣрнымъ хотѣлось, по мнѣнію современниковъ, стравливать между собою христіанскихъ сосѣдей, чтобъ потомъ порабощать ихъ [1]). Лупулъ обратился къ Потоцкому, который около Каменца укрощалъ левенцовъ и опришковъ [2]).

Услыша это и видя со стороны господаря рѣшительное нежеланіе отдать дочери, Хмельницкій обратился къ брату крымскаго хана салтану Калгѣ и приглашалъ его помогать козакамъ воевать Молдавію.

Салтанъ прислалъ къ нему своего посла потолковать о предложеніи.

Хмельницкій старался внушить татарамъ недовѣрчивость къ полякамъ, и одно обстоятельство доставило ему удобный для этого случай. Посланникъ брата ханова салтана Калги прибылъ въ Чигиринъ снова располагать Хмельницкаго къ войнѣ съ Московскимъ государствомъ.

Когда гетманъ, сидя въ Чигиринѣ, разсуждалъ съ та-

---

[1]) Истор. о през. бр.—Histor. Jana Kaz. 1. 126.—Лѣтоп. Самов. 16.
[2]) Pamiętn. Jemiołowsk. 18.

Digitized by Google

тарскимъ посланцемъ, вдругъ даютъ ему знать, что толпа подольскихъ хлоповъ хочетъ представиться своему повелителю. Онъ вышелъ на площадь вмѣстѣ съ татариномъ.

Толпились козаки: среди ихъ находились существа, въ которыхъ трудно было узнать человѣческій образъ: у однихъ не было рукъ, другіе ползали безъ рукъ и ногъ, третьи выказывали отвратительныя лица безъ ушей и носовъ, съ ямками вмѣсто глазъ. Козаки гремѣли саблями и кричали: «кара клятвопреступникамъ!»

Эти несчастные—были жертвы Потоцкаго и его жолнѣровъ. Когда коронный гетманъ расположился на Днѣстрѣ съ войскомъ, левенцы начали набѣгать на жолнѣровъ, уводить лошадей, похищать запасы. Они образовали изъ себя совершенную разбойничью шайку: ґрабили въ Молдавіи и переносили продавать награбленное въ Польшу, грабили въ Польшѣ и продавали въ Молдавіи. Потоцкій выслалъ противъ нихъ сильный отрядъ, подъ начальствомъ Кондрацкаго. Кондрацкій разбилъ левенцевъ въ лѣсу Недоборѣ и привелъ связаннаго главнаго предводителя Мудренка, съ двадцатью другими предводителями. Потоцкій однихъ изъ нихъ посадилъ на колъ, другихъ перекалѣчилъ и распустилъ по Украинѣ, чтобъ видъ ихъ наводилъ страхъ на всякого, кто захочетъ показать свою удаль и не станетъ повиноваться панамъ. Этихъ-то изуродованныхъ привели къ гетману.

«Боже праведный!—восклицалъ Хмельницкій, увидя ихъ:—вотъ, что значитъ слово поляковъ! Во время мира они такъ поступаютъ съ нами и дѣлаютъ, подъ видомъ согласія съ нами, такія безчеловѣчія. Не явное ли дѣло, что, не успѣвъ одолѣть насъ силою, они вздумали обезоружить насъ посредствомъ зборовскихъ статей, чтобъ потомъ удобнѣе и легче истребить?»

«Убѣдитесь же,—сказалъ онъ татарамъ:—каковы ляхи, ваши союзники! Что же будетъ далѣе, когда они отпра-

Digitized by Google

вять насъ въ Московское государство? Тогда они нападутъ на беззащитные домы наши, предадутъ ихъ огню, истребятъ города и села, умертвятъ женъ и дѣтей нашихъ. Скажите же салтану Калгѣ, что кіевскій воевода, подъ предлогомъ войны съ москалями, предлагалъ мнѣ напасть на крымцевъ и турокъ. Потоцкій уже сталъ на турецкой границѣ—не ясно ли? Вотъ то же самое, что дѣлаютъ теперь съ нами, начнутъ они дѣлать и съ вами, когда орда и козаки отправятся противъ москалей. Но мы съ татарами друзья, и не скрываемъ отъ нихъ опасности» [1]).

Послѣ этого Калга сблизился съ Хмельницкимъ и отправился съ нимъ къ Молдавіи. Достойно замѣчанія, что Хмельницкій, собираясь задавать страхъ волоскому краю, скрывалъ это отъ Московскаго государства. Въ іюлѣ 1650 года пріѣзжали къ нему двое московскихъ торговыхъ людей съ сорокомъ соболей, присланныхъ въ подарокъ отъ путивльскаго воеводы боярина кн. Прозоровскаго, и встрѣтили Хмельницкаго на походѣ изъ Полтавы въ Миргородъ. Онъ пригласилъ московскихъ людей обѣдать, пилъ здоровье московскаго государя, не забылъ съ упрекомъ припомнить, что царь не оказалъ ему помощи, когда онъ ее просилъ, воюя съ поляками, увѣрялъ въ своей готовности служить царю и привести подъ высокую государеву руку не только польскіе и литовскіе города, но самый Царьградъ и всю страну до Іерусалима, а о своихъ тогдашнихъ обстоятельствахъ сообщалъ, что онъ, гетманъ, отпустилъ сына своего изъ Полтавы въ Крымъ съ тремя тысячами козацкаго войска на помощь крымскому хану противъ горскихъ черкесъ [2]). Это была неправда. Хмельницкій посылалъ тогда сына съ войскомъ воевать, при содѣйствіи татаръ, волоскій край, но ему совѣстно было со-

---

[1]) Истор. о през. бр.—Annal. Polon. Clim. I. 194—198.

[2]) А. Ю. и З. Р. III. 421—422.

Digitized by Google

знаваться и доводить до свѣдѣнія православнаго государя, что онъ, выказывавшій себя воителемъ и охранителемъ восточнаго благочестія, посылаетъ дѣлать разоренія въ православномъ жительствѣ. И Кисель, узнавши, что Хмельницкій еще съ мая мѣсяца собираетъ выборное войско подъ Полтавою, и слыша, что это дѣлается для какой-то услуги хану, не зналъ подлинно какіе замыслы были въ головѣ козацкаго гетмана [1]). Только въ августѣ стали они раскрываться. Шестнадцать тысячъ козаковъ, подъ начальствомъ Тимоѳея Хмельницкаго, прилуцкаго полковника Носача, полтавскаго полковника Пушкаря и арматнаго писаря Дорошенка, и съ ними двадцать тысячъ крымцевъ двинулись къ городу Сорокѣ и сожгли его [2]). Потомъ свадебные поѣзжане, какъ называли они себя, разсѣялись отрядами по Молдавіи и обращали ее *въ нивецъ*, по выраженію современника, до самыхъ горъ [3]). Дикія толпы татаръ забирали скотъ, хлѣбъ, врывались въ дворы бояръ, уводили въ плѣнъ людей, не щадили и церквей. Пылали города и села; удерживались только крѣпкіе замки. Главное войско приблизилось къ Яссамъ: напрасно Лупулъ умолялъ Потоцкаго прибыть для спасенія его.

«О Потоцькій! Потоцькій! или у тебя розумъ жиноцькій?» такія слова влагаетъ ему въ уста народная дума; «ты себѣ пируешь, а Хмельницкаго не останавливаешь! Вотъ ужъ онъ началъ пахать конскими копытами молдавскую землю и поливать ее кровью [4])».—«Ты не знаешь Хмельницкаго, а я знаю его,—отвѣчалъ ему Потоцкій, по словамъ украинской лѣтописи:—онъ убилъ моего сына, а потомъ и меня побѣдилъ и, помучивъ недѣлю на пушкѣ,

---

[1]) Jak. Michałowsk. Xięga Pam. 548.

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 198.—Лѣтоп. пов. о Мал. Росс.—Народ. дума см. Южнор. пѣсни, изд. Метлинскаго, 393.

[3]) Лѣтоп. Самов. 16.

[4]) Максим. Украин. нар. пѣсни 41.

Digitized by Google

отдалъ татарамъ въ плѣнъ, отъ котораго я избавился съ большимъ трудомъ» [1]).

Въ самомъ же дѣлѣ, Потоцкій сильно былъ занятъ укрощеніемъ хлоповъ. «Ему, говоритъ польскій лѣтописецъ, хотѣлось бы наказать и козаковъ, но король воспретилъ ему оборонять чужое просо, покинувъ свое» [2]).

Лупулъ, не видя ни откуда помощи, убѣжалъ изъ Яссъ. «О Яссы мои Яссы!—восклицалъ онъ, по словамъ народной думы,—были вы когда-то красны, да ужъ не будете такими, какъ посѣтятъ васъ козаки!»

Господарь скрылся въ буковомъ лѣсу и сидѣлъ въ засѣкѣ съ семействомъ и приближенными боярами, откуда выглядывалъ на зарево пылавшихъ жилищъ своихъ подданныхъ. Люди его, взобравшись на высокіе буки, донесли ему, что уже горятъ Яссы [3]) «какъ новая Троя для прекрасной Елены», по выраженію польскаго историка.

«Что дѣлать?» спрашивалъ господарь.

Было у него два поляка, Кутнарскій и Доброшевскій, которымъ онъ довѣрялъ по домашнимъ дѣламъ; они предложили единственное средство—согласиться на требованія Хмельницкаго.

Козацкій гетманъ, проводивши сына въ Молдавію, воротился съ Нуреддиномъ и сталъ на границахъ Молдавіи, въ Ямполѣ, куда прибылъ 17-го сентября и простоялъ тамъ до двадцатыхъ чиселъ того же мѣсяца. Пришло посольство отъ господаря; письмо Лупула было столько же унизительно, сколько прежнія его письма были высокомѣрны: онъ самъ предлагалъ теперь дочь въ замужество за Тимоѳея и десять тысячъ талеровъ. Другіе послы явились къ татарамъ и отсчитали 180,000 талеровъ, по другимъ извѣстіямъ—600,000. Такимъ образомъ господарь удовлетворилъ всѣхъ. Хмель-

---

[1]) Истор. о през. бр.

[2]) Histor. Jan. Kaz. I. 127.

[3]) Ibid. 125.

Digitized by Google

ницкій былъ доволенъ обѣщаніемъ; турки видѣли покорность владѣтеля Молдавіи, который обязывался находиться въ повиновеніи у султана; козаки и татары удовольствовались добычею. Только Лупулъ горько плакалъ надъ пепелищемъ столицы и ропталъ на поляковъ, которые побуждали его враждовать противъ Хмельницкаго, а въ бѣдѣ оставили на произволъ побѣдителя [1]). Тѣмъ не менѣе, онъ написалъ Потоцкому, что готовъ сейчасъ нарушить свой договоръ съ Хмельницкимъ, если только можетъ надѣяться, что Польша подастъ ему помощь и защиту [2]). «Онъ, говоритъ лѣтописецъ, имѣлъ привычку кланяться тому, кто сильнѣе—такова всегда судьба народа, живущаго посреди сильныхъ: съисподу дымъ выѣдаетъ глаза, а сверху каплетъ» [3]).

Передъ поляками Лупулъ извинялъ себя тѣмъ, что принужденъ былъ такъ поступать главнымъ образомъ оттого, что требовалъ того турецкій дворъ, отъ котораго онъ зависѣлъ, а турецкій дворъ. былъ такъ настроенъ просьбами Хмельницкаго, отдавшагося въ подданство Турціи [4]). Къ бо́льшему страху своему Лупулъ узналъ, что въ Царьградѣ отыскиваются искатели занять его мѣсто на господарствѣ и разносятъ лживыя вѣсти, будто Лупулъ уже убитъ на войнѣ противъ козаковъ и татаръ, а волоское господарство остается вакантнымъ. Послѣ избавленія отъ непріятельскаго нашествія, Лупулъ написалъ въ Царьградъ, что онъ цѣлъ и пребываетъ въ неизмѣнной за-

---

[1]) Акты Южн. и Зап. росс. III. 434.—Rudawsky стр. 64.—Annal. Polon. Clim. I. 199.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 138.—Histor. Jan. Kaz. I. 125.—Bell. scyth. cosac. 100—103.—Woyn. dom. ч. 2. 25.—Лѣтоп. Самов. 16.—Pam. o wojn. kozac. za Chm. 74.—Крат. опис. о козац. мал. нар. 40.—Лѣтоп. пов. о Мал. Росс. 149.—Истор. о ирез. бр.—Pam. Albr. Radz. II. 425.

[2]) Jak. Michał. Xięga. Pam. 577.

[3]) Histor. Jan. Kaz. I. 125.—Annal. Polon. Clim. I. 199.

[4]) Арх. Ин. Дѣлъ. Дѣла малороссійскія.

Digitized by Google

висимости отъ оттоманскаго двора. Этимъ избѣгнулъ Лупулъ грозившей ему опасности отъ турецкаго двора: ему султанъ отправилъ саблю, кафтанъ и подтвержденіе въ господарскомъ достоинствѣ. Но господарю тяжело было нести данное Хмельницкому обязательство, выдать свою дочь за его сына, и онъ черезъ короднаго гетмана подавалъ польскому королю совѣтъ послать, въ качествѣ государя, своему подданному Хмельницкому запрещеніе вступать въ родство съ вассаломъ оттоманской порты, такъ какъ этого рода союзъ набрасываетъ подозрѣніе въ вѣрности Хмельницкаго польскому королю [1]).

«Вотъ была слава!—восклицаетъ народная дума,—тогда козачество не давало себя на смѣхъ никому, а топтало ногами непріятеля; такъ-то Хмельницкій хорошо сдѣлалъ: Польшу побѣдилъ, Волощину засмутилъ, Гетьманщину взвеселилъ» [2]). «Не даромъ—замѣчаетъ безпристрастный украинскій лѣтописецъ—козаки побратались съ врагами христіанской вѣры» [3]).

Съ тѣхъ поръ рушился предполагаемой союзъ крымцевъ съ Польшею. Салтанъ Калга заключилъ «побратимство», какъ говорили тогда, съ Хмельницкимъ. Татары были довольны, что козаки скорѣе чѣмъ поляки дали имъ способъ обогащаться чужимъ; а ханъ, Исламъ Гирей, хотя и побаивался, что Русь сдѣлалась сильна, но не смѣлъ дѣйствовать наперекоръ Хмельницкому, потому что турецкій дворъ почиталъ Украину будущею данницею Турціи и повелѣлъ крымскому хану находиться съ Хмельницкимъ въ дружескихъ сношеніяхъ, какъ съ союзникомъ и подручникомъ Порты.

Когда Потоцкій стоялъ у Каменца, а Хмельницкій у Ямполя, соперники не начинали никакого враждебнаго

---

[1]) Jak. Michałowsk. Xięga Pamiętn. 577.

[2]) Собр. украин. пѣсенъ. Максим. 73.

[3]) Лѣтоп. Самов. 16.

Digitized by Google

дѣла. Хмельницкій побаивался, что Потоцкій вмѣшается въ дѣло съ Лупуломъ, однако обошлось безъ всякихъ непріязненныхъ выходокъ со стороны поляковъ; напротивъ, коронный гетманъ послалъ къ Хмельницкому въ подарокъ саблю въ дорогой оправѣ, съ паномъ Захоровскимъ, который долженъ былъ, если бы того потребовалось, присягнуть, что со стороны польскаго войска не должны козаки ожидать какихъ-нибудь непріятельскихъ дѣйствій [1]). И козацкій предводитель, съ своей стороны, возвратившись въ Украину, хотѣлъ показать, что, не смотря на войну съ союзникомъ Польши, онъ всетаки не думаетъ разрывать зборовскаго мира; онъ издалъ новый универсалъ, въ которомъ писалъ, что мятежи хлоповъ, усилившіеся въ послѣднее время, когда онъ находился въ походѣ, происходили противъ его воли, приказывалъ хлопамъ повиноваться шляхтѣ и грозилъ непослушнымъ казнью [2]).

Но въ половинѣ октября онъ отправилъ къ Потоцкому чигиринскаго полковаго хоружаго Васка̀ Кравченка и съ нимъ писаря Ѳедора Брагиля. Вмѣстѣ съ ними поѣхалъ и посланецъ отъ Калги.

Гордый козакъ, явившись къ коронному гетману, не поклонился и не сдѣлалъ ему должнаго привѣтствія, а тотчасъ заговорилъ грубымъ голосомъ:

«Или вы еще не напились крови нашей, панъ гетманъ! Зачѣмъ нарушаете зборовскій договоръ?»

Панъ замѣтилъ, чтобъ онъ обращался вѣжливѣе. Кравченко продолжалъ:

«Гетманъ Хмельницкій удивляется, для чего войско польское стоитъ на границѣ, когда нигдѣ не слышно о непріятелѣ?»

«Не знаю, чему удивляется Хмельницкій,—сказалъ

---

[1]) Ojczyste spominki. П. 68.

[2]) Памят. кіевск. комм. П. 3. 58—63.

Digitized by Google

коронный гетманъ:—развѣ ему неизвѣстно, что по старинному обычаю, кварцяное войско польское должно стоять на границѣ королевства даже и въ мирное время до самой зимы въ обозѣ, а не въ домахъ? Нашъ обозъ стоитъ на двадцать миль отъ козацкой линіи и ничего дурного наши вамъ не дѣлаютъ».

«Рѣчь Посполитая,—сказалъ Кравченко:—можетъ положиться на козаковъ: они служатъ пограничною стражею и защищаютъ отечество».

«Какіе это защитники, — возразилъ Потоцкій: — когда они дѣлаютъ насилія дворянству и принуждаютъ бѣжать владѣльцевъ, когда въ моемъ нѣжинскомъ староствѣ вооруженною рукою выгнали подстаросту? Мнѣ слѣдовало получить изъ заднѣпровскихъ маетностей полтораста тысячъ злотыхъ, а я не получилъ еще ни гроша, и панъ хоружій коронный—тоже и многіе другіе; а козаки не хранятъ ни даннаго слова, ни присяги: не только въ брацлавскомъ воеводствѣ, но и въ подольскомъ не впускаютъ владѣльцевъ въ ихъ маетности, какъ хотятъ такъ и поступаютъ, слугъ нашихъ и братью нашу побиваютъ».

Писарь Ѳедоръ сталъ было юридическимъ тономъ доказывать, что съ козацкой стороны нѣтъ неправды, а Кравченко не допустилъ его говорить далѣе и съ жаромъ произнесъ:

«Не найдеться того, милостывый пане гетмане; не наше то козацьке діло розбивати мужика: то опрышкы ваши справують!»

«Мнѣ—сказалъ Потоцкій,—это хорошо извѣстно: и моихъ и другихъ пановъ слугъ за Днѣпромъ перебили козаки, пана Волановскаго и пана Костына убили, на его коняхъ Нечай ѣздитъ, а другихъ Хмельницкому подарилъ».

«Хмельницкій и козаки, — отвѣчалъ Кравченко: — не дѣлаютъ насилія дворянству; а если панскіе подданные

Digitized by Google

такъ поступаютъ, то зачѣмъ паны мучатъ и утѣсняютъ народъ? Владѣльцы должны ласково и кротко обращаться съ поселянами, потому что они хотя и подданные ихъ, а въ ярмо шеи класть не станутъ».

Потоцкій не хотѣлъ вступать въ разсужденія съ козаками объ этомъ предметѣ и сказалъ:

«Прежде я спрошу тебя: съ чего это Хмельницкій, который хвастаетъ своею вѣрностью, собираетъ полки?.. Составляются партіи, вся Украина вооружается! По какому праву козацкій гетманъ ходилъ въ Молдавію? Если онъ что-нибудь предпринималъ, то долженъ былъ посовѣтоваться со мной, какъ съ главнокомандующимъ войскъ. Пусть онъ не надѣется меня одурачить. Я понимаю къ чему это клонится».

Послѣ того подошелъ татарскій посланецъ.

«Салтанъ оскорбился обидами, которыя вы наносили козакамъ, и принимаетъ ихъ такъ, какъ бы дѣлали тоже татарамъ» сказалъ онъ.

«А для чего это салтанъ Нуреддинъ вступилъ въ украинскія степи съ тридцатью тысячами татаръ?» спросилъ Потоцкій.

«Они, съ позволенія козаковъ, пасутъ лошадей», отвѣчалъ татаринъ.

«Но теперь миръ между ханомъ и королемъ,—возразилъ Потоцкій:—вы не должны занимать нашихъ пастбищъ, а мы вашихъ».

«Земля козацкая есть также земля татарская: козаки ни въ чемъ не отказываютъ татарамъ, своимъ союзникамъ,—сказалъ Кравченко:—напротивъ, по зборовскому договору, польскія войска не должны стоять за линіею, а ваши жолнѣры переходятъ черту: это противно договору».

«Земля никогда не была козацкою,—съ гнѣвомъ сказалъ Потоцкій:—земля принадлежитъ Рѣчи Посполитой.

Digitized by Google

Имѣю право стоять на линіи и за линіею. Не я самъ собралъ здѣсь войско, а король мнѣ это приказалъ; не сойду отсюда, пока не получу отъ его величества иного приказанія».

Желая какъ видно успокоить волненіе и показать со стороны татарской справедливое безпристрастіе, посланецъ Нуреддина сказалъ:

«До хана отъ козаковъ нѣсколько иначе доходятъ вѣсти: я доведу до его свѣдѣнія что́ узналъ, и чья сторона подаетъ другой поводъ къ непріязни и нарушаетъ зборовскій договоръ—противъ той будетъ ханъ. Такъ мнѣ велѣно объявить».

Въ спорѣ съ козакомъ коронный гетманъ чуть было не схватился за саблю, но удержался: онъ разсудилъ, что, быть можетъ, Хмельницкій нарочно прислалъ такого молодца, чтобъ раздражить его.

Письмо отъ Хмельницкаго, врученное Кравченкомъ коронному гетману, было написано почтительно; онъ давалъ Потоцкому титулъ благодѣтеля, просилъ убѣдительно распустить войско, представляя, что иначе и онъ принужденъ будетъ удерживать на Синихъ-Водахъ татарское войско и собирать въ Украинѣ стаціи на его содержаніе съ большими издержками и съ отягощеніемъ народа.

Въ заключеніе Потоцкій успокоился, пригласилъ козацкихъ пословъ вмѣстѣ съ татарскимъ къ обѣду и отпустилъ ихъ отъ себя дружелюбно. Онъ написалъ Хмельницкому вѣжливый отвѣтъ, поручивши Киселю передать его. Въ этомъ отвѣтѣ Потоцкій увѣрялъ и козацкаго гетмана и кіевскаго воеводу въ своемъ расположеніи и ручался, что со стороны войска не послѣдуетъ нарушенія мира [1]).

---

[1]) Ojczyste Spom. II. 67—68.—Bell. scyth. cosac. 108—110.—Кратк. опис. о коз. мал. нар. 41.—Кратк. опис. о бунт. Хмельн. 29.—Woyn.

Digitized by Google

Отправивъ Кравченка, коронный гетманъ доносилъ королю о новыхъ притязаніяхъ Хмельницкаго: онъ вписываетъ въ козачество жителей подольскаго воеводства за опредѣленною зборовскимъ договоромъ чертою для козаковъ; козацкій гетманъ дѣйствительно отдался въ протекцію Турціи, вся Украина волнуется, и нигдѣ хлопы вовсе не думаютъ о повиновеніи панамъ. Дворяне безпрестанно жаловались на подданныхъ. Вишневецкій, богатѣйшій изъ всѣхъ магнатовъ, представлялъ, что онъ не получаетъ вовсе никакихъ доходовъ.

Послы отъ разныхъ польскихъ пановъ, ѣздившіе къ Хмельницкому съ подарками и съ просьбою усмирить ихъ хлоповъ и принудить повиноваться панской власти, доставляли неутѣшительныя для поляковъ вѣсти. Они видѣли у Хмельницкаго московскихъ гонцовъ, искавшихъ отъ имени своего правительства союза съ козацкимъ гетманомъ, видѣли волоскаго митрополита, пріѣзжавшаго уговориться о времени предположеннаго брака сына Хмельницкаго съ молдавскою княжною. Все показывало, что Хмельницкій чувствуетъ свою силу. Часто, по обычаю своему, пьяный, онъ тогда задиралъ поляковъ и говорилъ имъ нелюбезныя рѣчи, вспоминалъ, что ему не выдали оскорбившаго его Чаплинскаго, говорилъ, что отыщетъ его и въ Варшавѣ и въ Гданскѣ, и въ противность заявляемому въ письмахъ желанію мира, выражался такъ: «Якъ васъ теперъ почну, то такъ и скончу. Маю татары, волохи, мультане, угры—якъ наступлю на васъ, то буде вже вамъ вічная памъять!» [1])

Всѣ въ Польшѣ сознавали необходимость войны. Янъ Казимиръ хотѣлъ еще продлить время, потому что фи-

---

dom. Ч. II. 6.—Annal. Polon. Clim. 198.—Pam. do panow. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 137.—Histor. Jan. Kaz. I. 124.—Истор. о през. бр.

[1]) Jak. Michałowsk. Xięga Pamiętn. 592—593.

Digitized by Google

нансы и войско не были въ порядкѣ; жолнѣры не хотѣли служить безъ чистыхъ денегъ и не вѣрили ассигнаціямъ и роспискамъ, такъ что Потоцкій, прежде удерживавшій ихъ, потомъ самъ вынужденъ былъ сказать: «вижу, что голодный жолнѣръ не слушается команды» [1]); въ особенности шумѣли и безчинствовали служившіе въ войскѣ иноземцы, между которыми считались и природные поляки, одѣтые по иноземному [2]). Въ этихъ обстоятельствахъ, король рѣшился собрать сеймъ для разсужденія о дѣлахъ отечества, а между тѣмъ хотѣлъ, до поры до времени, усыпить Хмельницкаго и послалъ къ козацкому гетману собственноручное письмо такого содержанія:

«Я не ожидалъ отъ тебя, благородный гетманъ, чтобъ ты нарушилъ такъ недавно постановленный миръ. Въ Украинѣ изъ едва потухшаго пепла опять появляются искры; дворянство терпитъ оскорбленія отъ подданныхъ, козаки самовольно воюютъ. Безъ моего позволенія ты принялъ въ Украину татаръ и послалъ ихъ съ козаками въ Молдавію опустошать огнемъ и мечомъ владѣнія союзника Рѣчи Посполитой. Напоминаю тебѣ, гетманъ, твою обязанность: распусти козачество, потуши начатки мятежа и накажи бунтовщиковъ, поднявшихъ оружіе на владѣльцевъ» [3]).

Хмельницкій принялъ это письмо съ обычнымъ почтеніемъ; но уже прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его послѣдняго универсала къ народу: этотъ универсалъ только больше раздражалъ непокорныхъ хлоповъ. Хмельницкій ясно увидѣлъ невозможность удержаться въ мирѣ съ Польшею на основаніи зборовскаго договора, отдавшаго большую часть народонаселенія Украины подъ власть пановъ.

---

[1]) Histor. Jan. Kaz. I. 127.

[2]) Ojcz. Spom. II. 68—69.—Jak. Michałowsk. 590.

[3]) Belli scyth. cos. 111.

Digitized by Google

Съ самаго перваго объявленія хлопамъ о возвращеніи ихъ въ прежнее подданство, онъ нѣсколько разъ издавалъ универсалы о покорности владѣльцамъ, безпрестанно наказывалъ непослушныхъ—все было напрасно. Виновныхъ было такъ много, что власть Хмельницкаго не могла съ ними сладить. Гетманъ началъ явно потакать освобожденію народа отъ пановъ. Онъ примирился съ Нечаемъ при посредствѣ кіевскаго митрополита. Буйство усилилось. Дворяне бѣжали изъ Украины и самъ Кисель, услыша о потачкѣ со стороны Хмельницкаго, ушелъ изъ Кіева въ свое волынское помѣстье, Гущу [1]).

Хмельницкій рѣшился потребовать уничтоженія уніи и зная, что поляки не согласятся на его требованія, приготовлялся къ войнѣ и обезопасивалъ Украину дипломатическими сношеніями. Полковникъ Джеджалій поѣхалъ въ Константинополь, и турецкій дворъ обѣщалъ, въ случаѣ войны съ поляками, помощь и приказаніе обоимъ господарямъ, мультанскому (валахскому) и волоскому (молдавскому), содѣйствовать Хмельницкому [2]). Хмельницкій вступилъ въ новыя сношенія и съ Ракочи, возбуждалъ въ немъ неудовольствіе противъ Польши за предпочтеніе Яна Казимира при выборѣ короля, и представлялъ ему возможность напасть на Краковъ [3]). Наконецъ, онъ завелъ сношенія съ Швеціею: по его настроенію отправлены были въ Стокгольмъ послы отъ татаръ [4]): это было начало тѣхъ сношеній Хмельницкаго съ шведами, которыя впослѣдствіи были такъ пагубны для Польши.

Всѣ эти тайныя сношенія стали извѣстны полякамъ тотчасъ же. Потоцкій получалъ чрезъ своихъ агентовъ

---

[1]) Annal. Polon. Cl. I. 202.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 141.—Stor. delle guer. civ. 229.

[2]) Лѣтоп. пов. о Мал. Росс. 174.

[3]) Woyn. dom. Ч. 2. 5.

[4]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 65.—Annal. Polon. Clim. I. 206.

Digitized by Google

вѣрныя извѣстія о дипломатическихъ дѣйствіяхъ украинскаго гетмана и сообщалъ ихъ королю. «Ясное дѣло,—писалъ онъ въ заключеніи своего донесенія,—что Хмельницкій хитритъ, какъ лисица, и обманываетъ поляковъ до тѣхъ поръ, пока не увидитъ удобнаго случая довести до конца свои намѣренія. Если только у поляковъ есть еще разумъ и силы, то слѣдуетъ напасть на Хмельницкаго и уничтожить козачество. Если мы будемъ медлить и не станемъ дѣлать того, что надобно, то насъ ожидаютъ печальныя послѣдствія коварства Хмельницкаго» [1]). Въ концѣ августа Исламъ-Гирей посылалъ королю польскому самое дружелюбное письмо, заявлялъ, что «у него одно только желаніе и намѣреніе—жить съ поляками въ сердечной а не въ притворной дружбѣ и въ братствѣ», извѣщалъ, что 27-го августа отправилъ брата своего Калгу салтана, назначивъ его предводителемъ крымскихъ и ногайскихъ ордъ, на войну противъ Московскаго государства и убѣждалъ послать также польское войско съ другой стороны [2]). Но въ октябрѣ Исламъ-Гирей заговорилъ съ польскимъ королемъ уже не тѣмъ дружелюбнымъ тономъ, какъ прежде. «Мы отправили было,—писалъ онъ,—нашего брата салтана Калгу, чтобъ онъ, соединившись съ запорожскимъ войскомъ, шелъ на Москву, въ то время, какъ вы, братъ нашъ, пойдете на нее съ другой стороны, но гетманъ запорожскій, готовясь садиться на коня, узналъ по вѣстямъ, дошедшимъ до нашего брата салтана Калги, что польскіе паны въ трехъ миляхъ отъ него собираютъ войско,—сказалъ, что онъ отъ этого войска въ опасности и не пошелъ на войну вмѣстѣ съ салтаномъ Калгою. Тогда беи и мурзы, припадая къ ногамъ нашего брата и представляя, что не годится отпускать татаръ по домамъ безъ добычи, упро-

[1]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 66.—Jak. Michałowsk. Xięga Pamiętn. 579.

[2]) Jak. Michałowsk. Xięga Pamiętn. 555—557.

Digitized by Google

сили его вести ихъ на волоховъ, на которыхъ братъ нашъ уже гнѣвался за давнія ихъ несправедливости противъ насъ. Если дѣйствительно козакамъ запорожскимъ угрожаетъ опасность отъ васъ, нашего брата, или отъ какихъ нибудь пановъ вашихъ, то это очень не хорошо. Между нами на томъ и миръ состоялся, чтобъ козаки спокойно сидѣли въ своихъ домахъ и ни одинъ вашъ панъ или староста не смѣлъ начинать никакой войны во вредъ имъ. Если сдѣлаете имъ что нибудь дурное, то и договоръ нашъ, утвержденный присягою, нарушается. Кто козакамъ запорожскимъ станетъ дѣлать какія нибудь непріятности, тотъ намъ, татарамъ, не другъ и не братъ» [1]).

Король оповѣстилъ собраніе чрезвычайнаго сейма. Онъ издалъ тогда универсалъ, изъ котораго поляки, собравшись на предварительныя сеймики, могли видѣть положеніе отечества и приготовиться къ важному дѣлу. Смыслъ этого универсала былъ таковъ: «Къ намъ приходятъ вѣрныя и несомнѣнныя извѣстія о непрестанныхъ козняхъ закоренѣлаго и заклятаго врага Рѣчи Посполитой, о чемъ извѣщаемъ всѣхъ нашимъ писаніемъ. Рѣчь Посполитая уже понесла много непоправимаго вреда отъ союза Хмельницкаго съ татарами. Въ недавнее время, пустивъ слухъ, будто хочетъ идти на Москву вмѣстѣ съ татарами, онъ внезапно бросился на доброжелательнаго Рѣчи Посполитой господаря молдавскаго и оружіемъ вынудилъ у него обѣщаніе отдать дочь за его сына. Если это станется—какая тогда опасность будетъ угрожать Рѣчи Посполитой, каждый можетъ разсудить. Недовольный этимъ нашъ врагъ ищетъ еще и другихъ способовъ увеличить свое могущество, ко вреду Рѣчи Посполитой. Онъ отдался подъ протекцію турецкаго императора, принималъ турецкихъ пословъ въ присутствіи нашихъ пословъ, отправлялъ своихъ

---

[1]) Jak. Michał. 574.

Digitized by Google

пословъ въ Константинополь съ изъявленіемъ покорности Портѣ, и держитъ тамъ своихъ резидентовъ для совѣщанія. Кромѣ того, недавно чрезъ наши земли проѣзжало посольство отъ татарскаго хана въ Швецію; послы не хотѣли открыть предмета своего посольства, и мы разумѣемъ это не иначе какъ такъ, что Хмельницкій побудилъ отправить это посольство съ цѣлью возбужденія шведовъ противъ Рѣчи Посполитой. Наконецъ, подстрекаемая имъ чернь опять начинаетъ неистовствовать и уже истребила десятки шляхетскихъ семей съ женами и дѣтьми, едва только онѣ, полагаясь на мирный договоръ, прибыли въ свои имѣнія. При такихъ замыслахъ и козняхъ, нельзя на будущую весну ожидать ничего иного, кромѣ новой войны отъ козаковъ въ соединеніи съ оттоманскими и татарскими вспомогательными силами. Сверхъ того, и другихъ сосѣдей надобно остерегаться и заранѣе предпринимать мѣры, а то не время будетъ собираться на сеймъ и разсуждать, когда непріятель явится въ срединѣ Рѣчи Посполитой. Донося вамъ объ этихъ опасностяхъ, желаемъ, чтобы вы поскорѣе измыслили средства къ ихъ отвращенію» [1]).

Въ декабрѣ открылся сеймъ. Каждый спѣшилъ въ Варшаву подать свой голосъ въ важномъ дѣлѣ: о цѣлости Рѣчи Посполитой.

Всѣ равно были раздражены противъ Хмельницкаго, но не всѣ равно горячо принимались за мысль о войнѣ съ нимъ.

Пока время проходило въ совѣщаніяхъ, донесли, что козацкіе послы прибыли съ прошеніемъ. Это были старшины Маркевичъ, Гурскій и Дорошенко. Нѣкоторые сенаторы до того воспламенились мыслью о необходимой во всякомъ случаѣ войнѣ, что не совѣтовали принимать ихъ.

---

[1]) Jak. Michał. 580—581.

Digitized by Google

«Это шпіоны,—говорили они:—они пріѣхали сюда съ цѣлью вывѣдать, что́ дѣлается на сеймѣ и какое будетъ его рѣшеніе». Но король представлялъ, что ихъ слѣдуетъ выслушать.

«Козаки,—говоритъ польскій лѣтописецъ,—явились съ видомъ покорности и почтенія, проговорили рѣчь, превозносили въ ней великодушіе и благодѣянія къ себѣ короля, а потомъ, потупя глаза въ землю, поднесли съ благоговѣніемъ прошеніе отъ лица Хмельницкаго и всего козачества» [1]). Оно заключало въ себѣ такой смыслъ: «Пусть архіепископы гнѣзненскій и львовскій, епископъ краковскій, великіе гетманы коронный и литовскій, воевода Ляндскоронскій и подканцлеръ коронный утвердятъ присягою миръ между Рѣчью Посполитою и войскомъ запорожскимъ, а заложниками мира пусть будутъ князь Вишневецкій, издавна нежелавшій смутъ и милостиво обращавшійся съ войскомъ запорожскимъ и своими подданными,—панъ коронный хоружій Конецпольскій, который привезъ намъ стародавнюю привилегію на Чигиринъ, гдѣ пусть и жительствуетъ, и паны: староста бѣлоцерковскій Любомирскій и обозный коронный (Калиновскій), которые пусть пребываютъ въ своихъ маетностяхъ. Всѣ они должны жить у насъ безъ войска и хоругвей, безъ большой дворни и ассистенціи, какъ заложники, и обращаться хорошо съ нами».

«Просимъ, чтобы унія, давняя причина всѣхъ золъ, была совершенно уничтожена, какъ въ Коронѣ такъ и въ Княжествѣ Литовскомъ, и всѣ епископства, каѳедры, церкви—были возвращены, чтобъ господа униты впередъ себѣ ничего не присвоивали коварствами и хитростями и вѣра наша не подвергалась никакимъ утѣсненіямъ. Свободное русское богослуженіе должно безпрепятственно

---

[1]) Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV. i Jan. Kaz. II. 143.

Digitized by Google

отправляться по старинѣ, сообразно своимъ обрядамъ во всѣхъ городахъ Короны и Великаго Княжества Литовскаго. Духовные и свѣтскіе паны римскаго вѣроисповѣданія въ имѣніяхъ, какъ королевскихъ, такъ и дѣдичныхъ, не должны принуждать къ повиновенію себѣ духовныхъ русской нашей вѣры, брать съ нихъ даней и десятинъ съ церковныхъ имѣній. По уничтоженіи уніи въ Коронѣ и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ униты немедленно должны возвратить неунитамъ всѣ епархіи, каѳедры, церкви, земли и имущества, а кто окажется непослушнымъ, того по конституціи слѣдуетъ судить и казнить жестоко. Священники древней русской религіи должны пользоваться такими же правами, какъ и римско-католическіе и не подчиняться свѣтскимъ законамъ, а жолнѣры у нихъ не должны занимать стоянокъ».

«Просимъ возвратить ко львовской каѳедрѣ село Перетынско и капитулѣ галицкой село Кцеловъ, сообразно привилегіи князя Льва, ея основателя».

«Доносимъ вашему величеству, что народъ русскій терпитъ большія утѣсненія отъ пановъ духовныхъ и свѣтскихъ. Просимъ покорно, чтобъ они отнюдь не мстили. Если мы, по милости вашего величества, получимъ отдѣльную линію, то просимъ, чтобъ и за этою линіею наши духовные и вся Русь оставались свободными при своихъ обрядахъ, чтобъ отъ унитовъ не было никакого утѣсненія, ибо въ чужихъ земляхъ нигдѣ не дѣлается такого угнетенія и преслѣдованія вѣрамъ, какъ въ нашей землѣ. Доносимъ еще вашему величеству, что пріятели наши изъ сосѣднихъ земель сообщали намъ, что изъ Польши послано просить помощи противъ кого-то, неизвѣстно съ вѣдома или безъ вѣдома вашего величества. Просимъ ваше величество все это намъ простить, ибо мы такъ поступаемъ по долгу подданства; извольте охранить насъ, вѣрныхъ подданныхъ, отъ всякихъ обидъ, иначе

Digitized by Google

мы, спасая свои головы, должны будемъ, въ предупрежденіе зла, искать себѣ пріятелей» [1]).

Эти статьи произвели въ сенатѣ величайшее волненіе.

«Вотъ, наконецъ, до чего дошли козаки,—кричали сенаторы:—имъ недостаточны зборовскія статьи—они хотятъ присяги, заложниковъ! Но что же значитъ присяга пановъ, когда слово монарха, которое для подданныхъ должно быть высочайшимъ закономъ, они считаютъ нарушеннымъ? Эти требованія козаковъ напоминаютъ басню, въ которой волки заключаютъ миръ съ пастухами съ условіемъ, чтобъ послѣдніе удалили собакъ. Такія требованія есть чисто плодъ безумной и наглой головы, которая посылаетъ ихъ въ насмѣшку надъ королемъ и представителями Рѣчи Посполитой!»

«Какъ?—говорили послы,—такъ мы будемъ игрушками Хмельницкаго? Такъ мы ему позволимъ это? Простимъ ему измѣну и наглость? Отдадимъ ему оплотъ нашъ отъ невѣрныхъ, Украину, которую онъ даритъ Оттоманской Портѣ? О, конечно, согрѣшили мы предъ Богомъ, терпимъ мы наказаніе его за наши преступленія. Покоримся, покаемся, братья: Онъ не излилъ еще на насъ полный фіалъ своего гнѣва; Онъ не отдалитъ отъ насъ своего милосердія» [2]).

Въ одно время съ козацкимъ прошеніемъ королю, который его сообщилъ сейму, явилась депутація отъ Киселя съ мнѣніемъ воеводы относительно успокоенія отечества. «Тогда,—говоритъ лѣтописецъ,—паны увидѣли, что Кисель какъ былъ схизматикъ, то и выказывалъ всегда свой схизматическій духъ».

Кисель находилъ, что отечество въ такой опасности, что надобно во многомъ уступить Хмельницкому. Онъ со-

---

[1]) Jak. Michał. Ks. Pam. 593.—Pamiętn. Albr. Radz. II. 431.

[2]) Woyna dom. Ч. 2. 9.

Digitized by Google

вѣтовалъ согласиться на заложниковъ, чтобъ они жили въ украинскихъ имѣніяхъ, но могли носить почетное званіе коммиссаровъ. Онъ надѣялся склонить Хмельницкаго подарками и деньгами, чтобъ онъ перевелъ всѣхъ своихъ козаковъ изъ панскихъ имѣній въ королевскія и, такимъ образомъ, прекратилъ бы возбужденія хлоповъ къ мятежу. Но Кисель считалъ неизбѣжнымъ уничтоженіе уніи. «Ссылаюсь на тѣхъ,—писалъ онъ,—которые были со мною вмѣстѣ подъ Зборовомъ: тогда состоялась безусловно статья объ уничтоженій уніи; гетманъ запорожскій иначе не хотѣлъ мириться, какъ только съ тѣмъ, чтобы присягнули на этомъ король и мы всѣ. Я съ трудомъ отклонилъ присягу и отложилъ уничтоженіе уніи до разговоровъ объ этомъ съ митрополитомъ. Въ Кіевѣ съ большими затрудненіями я довелъ дѣла до того, что вопросъ о вѣрѣ сталъ вопросомъ о церковныхъ имуществахъ; я было предлагалъ различіе имуществъ: чтобъ послѣ умершихъ владѣльцевъ-унитовъ они получались неунитами, а при живыхъ—неуниты были бы въ ожиданіи и тогда я чуть было не лишился жизни. Что дано и дозволено на сеймѣ — то не исполнено. Чернь мятется. Я всегда желалъ и желаю, чтобъ Русь была въ единствѣ съ Польшею, но я не желаю, чтобъ она уничтожалась. Если цѣлый народъ и клиръ противится уніи, а противъ народа стоитъ какой-нибудь десятокъ-другой духовныхъ особъ, ради церквей и деревень—скажите, ради Бога, что лучше: уступить-ли церкви и деревни, которыхъ наберется не болѣе двадцати или тридцати въ оныхъ епархіяхъ, или же, ради этихъ церквей, пусть тысячи костеловъ будутъ опустошены? Если есть способъ согласный съ онымъ католическимъ исповѣданіемъ, которому и я, по милости Божьей, благопріятствую, пусть тѣ господа изъ Руси, кто только изъ нихъ знаетъ, какъ онъ самъ вѣритъ и умѣетъ объясниться, соединятся съ цѣлымъ народомъ и клиромъ, а Рѣчь Посполитая останется въ покоѣ.

Digitized by Google

Въ самомъ дѣлѣ, перейти отъ обряда къ обряду, все равно, что одно платье скинуть, а другое надѣть. Такъ лучше поступить, когда вѣра одна и та же, чѣмъ подвергать крайней опасности Рѣчь Посполитую. Пусть Богъ лишитъ меня вѣчной жизни, если я не считаю обѣ вѣры за одно и то же по существу — разница въ обрядахъ; и у той и другой церкви — одинъ глава Христосъ, одно преемство отъ апостоловъ, одни вселенскіе учители, одно ученіе; одна безъ сущности другой существовать не можетъ; я только придерживаюсь обряда, въ которомъ родился и терплю то, что приходится терпѣть, а другіе не могутъ терпѣть и думаютъ, что дѣдовская вѣра чрезъ то уничтожается. Что же тутъ дѣлать? Не повѣсить же въ свободной націи всю Русь и не подвергать же Рѣчь Посполитую вѣчной опасности!» [1])

Это письмо взволновало посольскую избу. «Какъ козелъ не будетъ бараномъ, такъ схизматикъ не будетъ искреннимъ защитникомъ католиковъ и не можетъ охранить шляхетскія вольности, будучи одной вѣры съ бунтовщиками хлопами» говорили паны. «Вѣра есть даръ Духа святаго, а Духъ святый—іероглифъ вольности—гдѣ хочетъ и какъ хочетъ даетъ вдохновеніе. Какъ! для схизматиковъ, для глупаго хлопства дѣлать рабами шляхту, не позволять ей вѣрить, какъ повелѣваетъ Духъ святый,—а пусть вѣритъ какъ предписываетъ пьяная, сумасшедшая голова Хмельницкаго! Вотъ проявился какой докторъ чертовской академіи, холопъ, недавно отпущенный на волю, хочетъ отнять у поляковъ даръ Божій, вѣру святую! Имъ не нравится слово унія, а намъ не нравится схизма: пусть отрекутся безумнаго ученія своего схизматика, патріарха, оскверненнаго аріанскою ересью, посвященнаго бусурманскою властью, пусть соединятся съ западною церковью

---

[1]) Jak. Michał. 586—587.

Digitized by Google

и назовутся правовѣрные. На это Польша согласна, а Кисель, кіевскій воевода, что это? — хочетъ быть проповѣдникомъ козацкаго ученія?»

Въ сенаторской избѣ уничтоженіе уніи возбудило также толки.

«Требуютъ уничтожить унію, источникъ и начало зла — разсуждали сенаторы! — Не можетъ быть проченъ миръ гражданскій тамъ, гдѣ нарушается религіозный. Въ угодность заклятому врагу, мы должны насиловать совѣсть, распространять заблужденіе, нарушать основаніе закона: чего себѣ не хочешь, того другому не дѣлай. Но еслибъ мы этого и хотѣли, то въ-правѣ ли такъ поступать? Унія русскихъ съ римскою церковью установлена въ національномъ сѵнодѣ и утверждена св. отцомъ. Пусть такимъ образомъ и уничтожается!» [1]).

Домогательства русскихъ уничтожить унію тронули щекотливую струну польскаго сердца, фанатически-приверженнаго въ тотъ вѣкъ къ католической религіи. Всѣ единодушно были проникнуты негодованіемъ. Въ то время были открыты хитрости Верещаки; перехвачена переписка. Его заточили въ маріенбургскую крѣпость.

«Вотъ что дѣлаютъ эти защитники раскола, — говорили тогда паны: — они всѣ злодѣи, всѣ измѣнники!»

«О, не потерпи король, монархъ нашъ, такого гнуснаго униженія! — кричали въ посольской избѣ. — Ты принялъ на себя долгъ охранять свободный народъ; ты долженъ быть полнымъ королемъ нашей націи и не раздѣлять своей короны съ кѣмъ бы то ни было, тѣмъ болѣе съ хлопомъ. Препоясуй мечъ свой: мы идемъ за тобою; насъ много у тебя; пойдемъ всѣ поголовно, и юноши, и мужи, и старцы, за вольность нашу: накажемъ эту наглую сволочь! Пусть не брыкаетъ Хмельницкій; въ горло ему заткнемъ его дерзкое требованіе!»

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 211.

Digitized by Google

Мысль о защитѣ римско-католической церкви и шляхетской свободы породила рѣдкое между поляками единодушіе.

24-го декабря, въ послѣднее засѣданіе сейма, война была объявлена всѣми голосами. Сеймъ положилъ созвать посполитое рушенье и собирать временныя подати для платы регулярному войску. Такъ какъ это было противно обыкновенію, то нѣкоторые сначала стали представлять несообразность двухъ повинностей разомъ, приводя обыкновенную пословицу: «съ одного быка драть двѣ кожи». Но король, въ примѣръ прочимъ, пожертвовалъ значительную сумму на содержаніе войска изъ собственныхъ доходовъ; вслѣдъ за нимъ сенаторы дали обѣщаніе принести пожертвованія съ своей стороны. Эти примѣры подѣйствовали на пословъ. Изъ любви къ отечеству и для спасенія его,—какъ говорили они,—прекратились споры и недоумѣнія. Установили мѣры собиранія податей посредствомъ провинціальныхъ сеймиковъ, опредѣлили строгое наказаніе всѣмъ, кто сталъ бы противиться или медлить взносомъ, а равнымъ образомъ и неисправнымъ сборщикамъ. Король и сенаторы предложили отъ себя еще, кромѣ дарованныхъ пожертвованій, плату иностраннымъ отрядамъ, которыхъ предположили пригласить изъ Германіи. Послѣ тридцатилѣтней войны скитались по Европѣ толпы наемныхъ войскъ, готовыхъ пристать къ тому, кто даетъ имъ жалованье, и служить со всею честностью, какъ бы и за собственное отечество. Это были остатки тѣхъ войскъ, которыми предводительствовали въ кровавую эпоху Германіи то католическіе, то протестантскіе полководцы. Этихъ-то храбрыхъ, закаленныхъ въ бояхъ рубакъ вызывали теперь король и паны противъ козаковъ. Наконецъ, положили отправить посольство въ Римъ и просить у папы денежнаго вспоможенія для такого дѣла, которое касалось, по мнѣнію поляковъ, не

Digitized by Google

только спасенія христіанской державы, но вообще цѣлости и чести римско-католической церкви. Другое такое же посольство, съ просьбою о денежномъ пособіи, было послано къ императору Фердинанду III.

Поляки разсуждали, что новонабранное войско требуетъ нѣкотораго времени для обученія; вообще надобно было помедлить, пока финансовыя и военно-административныя дѣла ихъ придутъ въ надлежащій порядокъ; а потому, по предложенію короля, сеймъ рѣшился еще разъ попробовать, нельзя ли, посредствомъ мирныхъ сношеній, заставить Хмельницкаго отказаться отъ своихъ требованій, или, по крайней мѣрѣ, задержать военныя дѣйствія козаковъ. Козацкимъ посламъ вручили такой отвѣтъ на присланное прошеніе:

«Если козаки не хотятъ довольствоваться зборовскими статьями, то король и Рѣчь Посполитая не имѣютъ средствъ удовлетворить ихъ. Что же касается новыхъ, неслыханныхъ предложеній Хмельницкаго и требованій подтвержденія существующаго договора, то королевству даже принимать ихъ унизительно. Если козаки не оставятъ духа мятежа и не приведутъ въ исполненіе зборовскихъ статей при коммиссарахъ, назначенныхъ отъ Рѣчи Посполитой, то Рѣчь Посполитая принуждена будетъ, для усмиренія ихъ, употребить силу» [1]).

Однако, рѣшились еще прибѣгнуть къ прежнимъ мѣрамъ и попытаться устроить снова коммиссію для переговоровъ съ козаками, давши коммиссарамъ двѣ инструкціи, одну явную, другую секретную [2]). Но изъ этого ничего не могло выйти, потому что въ письмѣ короля къ Киселю, назначенному коммиссаромъ, Хмельницкому ничего не обѣ-

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 211.—Hist. panow. J. Kaz. I. 135—136.

[2]) Pamiętn. Albr. Radz. II. 431.

Digitized by Google

щалось, кромѣ того, что высказано было козацкимъ депутатамъ отъ сейма [1]).

Козацкіе послы получили дворянское достоинство. Поляки желали расположить къ себѣ этихъ лицъ. По отъѣздѣ ихъ отправились въ Украину и коммиссары, изъ которыхъ главнымъ былъ опять Кисель; но они еще не успѣли прибыть въ козацкую землю, какъ Хмельницкій уже узналъ, что сеймъ постановилъ воевать противъ него и не хочетъ принимать присланныхъ статей. Гетманъ, съ своей стороны, не хотѣлъ и не видѣлъ никакой возможности отрекаться отъ нихъ, а потому, не дожидаясь коммиссаровъ, созвалъ генеральную раду и объявилъ на ней, какъ водилось по козацкому обычаю, объ опасностяхъ, грозящихъ Украинѣ.

«Вотъ, наконецъ,—говорилъ онъ:—панове-братья, намъ объявляется война; давно уже грозятъ намъ ею поляки, тая замыселъ отнять у насъ свободу, доблестно купленную нашею кровью. Уже ляхи перестали вести совѣты между собою да пріискивать мѣры, чѣмъ и какъ уплатить войску, не спорятъ и о томъ, какъ нападать на нашу землю. Все порѣшили на послѣднемъ своемъ сеймѣ въ Варшавѣ, во всемъ согласились: и деньги платить, и помочь давать; продаютъ свои сокровища, вывозятъ дорогую утварь изъ краковскаго замка, чтобъ уплатить чужеземному войску и собрать своихъ подъ знамена; послали за пѣхотою въ нѣмецкую землю; набираютъ жолнѣровъ въ Коронѣ и Литвѣ; все шляхетство идетъ въ посполитое рушенье съ оружіемъ и запасами. Какъ только соберутъ людей, тотчасъ нападутъ на насъ: думаютъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; хотятъ начать войну зимою, чтобы мы не могли вести земляныхъ работъ, и чтобъ наши союзники татары, по недостатку подножнаго корма, не могли поспѣть къ

---

[1]) Jak. Michałowsk. 601—602.

Digitized by Google

намъ на помощь. Гроза большая наступаетъ на насъ и уже близко; надобно скорѣе браться за умъ! Что дѣлать? спрашиваю, братья, вашего совѣта. Ожидать ли намъ враговъ въ нашемъ отечествѣ, или опередить ихъ и самимъ на нихъ напасть?»

Одни говорили:

«Лучше намъ оставаться въ своей землѣ, укрѣпить границы и ждать ляховъ; тутъ они отъ холода и голода будутъ пропадать пуще, чѣмъ отъ оружія. Поляки привыкли спать на печкѣ, жить въ довольствѣ; не вынесутъ они зимней стужи и голода, и разбѣгутся сами».

Другіе возражали:

«Не приходится намъ сидѣть спокойно, ожидая непріятеля и смотрѣть, какъ онъ, безъ всякаго отпора, начнетъ лить кровь нашихъ земляковъ. Это нанесетъ большой вредъ и людямъ, и имуществамъ, и убьетъ въ насъ бодрость духа, съ какою мы одолѣвали всякія трудности и добыли себѣ свободу. Гораздо лучше будетъ, когда мы сами пойдемъ въ непріятельскую землю: одно — то, что войско наше будетъ продовольствоваться добычею; другое — умножится слава наша, а съ нею и храбрость наша, а врагамъ нанесетъ страхъ и смятеніе. Если мы успѣемъ, на первый разъ, одолѣть ляховъ, то уже трудно будетъ возвратить жолнѣрамъ бодрость, а шляхтѣ надежду; одна дума о своей слабости дастъ противной сторонѣ средства къ побѣдѣ».

Послѣ всѣхъ разсужденій, рѣшили держаться линіи между кіевскимъ и брацлавскимъ воеводствами по Бугу, и укрѣпить эту сторону, сколько можно [1]).

Вслѣдъ затѣмъ Хмельницкій издалъ универсалъ, въ которомъ объявилъ русскимъ о новой войнѣ, запрещалъ жить панамъ въ Украинѣ, исключая тѣхъ, которые от-

---

[1]) Stor. delle guer. civ. 235 и дал.

Digitized by Google

рекутся отъ своихъ правъ надъ хлопами и станутъ заодно съ козаками, и призывалъ весь народъ къ ополченію. Паны, которые не успѣли еще оставить въ числѣ прочихъ Украины, заранѣе бѣжали опрометью; нѣкоторые были убиты; со всѣхъ сторонъ стекались хлопы въ сборное мѣсто, назначенное у Ставищъ; девять тысячъ татаръ, передовой отрядъ крымской вспомогательной силы, былъ уже въ распоряженіи предводителя русскаго народа. Коммиссары увидѣли, что уже поздно переговариваться, побоялись ѣхать къ гетману и послали одного изъ нихъ, Маховскаго, къ митрополиту Сильвестру Коссову.

«Король, — говорилъ онъ: — опуская на время поднятое оружіе, обращается къ тебѣ, достойный архипастырь: останови своими пастырскими совѣтами пролитіе христіанской крови и опустошеніе земли русской».

Какъ ни должно было, повидимому, огорчать православнаго владыку пренебреженіе къ греческой вѣрѣ, но онъ и здѣсь не измѣнилъ своей кротости. Онъ умолялъ Хмельницкаго отложить всякую месть, а положиться на волю Божію. Хмельницкій, прочитавъ убѣжденіе митрополита, заплакалъ, какъ говоритъ польскій историкъ, и клялся, что долженъ воевать, единственно защищая отечество [1]).

Маховскій уѣхалъ прочь. Знакомый Богдану чаушъ опять явился въ Чигиринѣ. «Вы знаете,—писано было въ грамотѣ падишаха, — что высокія врата умѣютъ оказывать милость друзьямъ и карать недруговъ. И такъ какъ вы секретно сообщили нашему чаушу Осману, что вы со всею искренностію отдаетесь подъ крылья покровительства высокихъ вратъ, то мы, принимая это отъ всего сердца и не сомнѣваясь въ вашей вѣрности, послали крымскому хану строгое приказаніе, чтобъ онъ не обра-

---

[1]) Hist. Jan. Kaz. I. 137—138.

Digitized by Google

щалъ очей и ушей своихъ къ Польшѣ, а напротивъ, если бы оттуда повѣялъ на васъ какой нибудь вѣтеръ, и поляки захотѣли бы притѣснить васъ или напасть на васъ, то ханъ обязанъ тотчасъ защищать васъ своимъ быстролетнымъ войскомъ, и пока вы будете вѣрны и преданы счастливымъ вратамъ нашимъ, до тѣхъ поръ — имѣйте безопасныя сношенія съ ханомъ: вы въ немъ не обманетесь. Посылаемъ вамъ поставъ злотоглава и кафтанъ и требуемъ, чтобы, вѣря настоящему нашему писанію, вы возложили на себя этотъ кафтанъ въ знакъ вѣрности, подобающей нашему подручнику, потому что вы писали къ блистательнѣйшимъ вратамъ нашимъ, что готовы давать намъ такую же дань, какую даютъ другіе христіанскіе подданные наши, а мы, узнавши о вашей вѣрности, будемъ этимъ довольствоваться, вы же будете держать при насъ своихъ достойныхъ людей».

Хмельницкій отправилъ въ Константинополь Антона Ждановича и какого-то Павла Петровича съ толмачемъ благодарить падишаха [1]). Ихъ тамъ приняли съ знаками вниманія и дружелюбія. Но Исламъ-Гирей показывалъ неохоту идти на поляковъ; визирь приказывалъ ему: онъ далъ невольное обѣщаніе явиться со всею ордою, и послалъ вызовъ къ полякамъ, подъ предлогомъ, что идетъ воевать за оскорбленіе козаковъ, своихъ союзниковъ. Хмельницкій опасался принимать помощь отъ мультанскаго господаря Бассарабы, зная вообще непостоянство валаховъ, а еще менѣе отъ Лупула, который самъ набивался помогать козакамъ, но съ коварною цѣлью вредить имъ. Довѣрчивѣе онъ сошелся съ Ракочи: по договору, заключенному съ нимъ, седмиградскій князь долженъ былъ напасть на Краковъ въ то время, когда козаки будутъ громить Польшу съ востока [2]).

[1]) Рукоп. Арх. Иностр. дѣлъ. Сношен. Польши съ Турціею.

[2]) А. Южн. и Зап. Росс. III. 455.

Digitized by Google

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Начало непріязненныхъ дѣйствій.—Пораженіе и смерть Нечая.—Разореніе Ямполя.—Приступъ поляковъ къ городку Стѣна.

Первыя непріязненныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ открылись въ февралѣ 1651 года, въ Подоліи, землѣ, гдѣ отважный народъ не хотѣлъ признать зборовскаго договора и первый увлекъ своимъ примѣромъ Южную Русь къ новой брани съ поляками. Правительство польское намѣревалось начать войну ранѣе весны, чтобъ не допустить къ Хмельницкому турокъ и крымцевъ, которые не привыкли къ зимнему холоду и не могли обойтись безъ подножнаго корма для лошадей. Польское кварцяное войско раздѣлилось. Одна часть была разставлена въ украинныхъ воеводствахъ на зимнюю стоянку, а самъ Потоцкій уѣхалъ въ Варшаву на сеймъ, по окончаніи котораго — въ свою маетность Езуполь (въ нынѣшней Галиціи) и тамъ дожидалъ дальнѣйшихъ распоряженій отъ короля. Другая часть осталась подъ командой Калиновскаго и должна была дѣйствовать противъ козаковъ, какъ только со стороны послѣднихъ окажутся непріятельскія движенія. Калиновскій пошелъ съ своимъ войскомъ въ Баръ и выдалъ универсалъ къ русскимъ жителямъ; онъ

Digitized by Google

извѣщалъ ихъ, что польское войско вступитъ въ Украину, но единственно съ тѣмъ, чтобъ укрощать загоны и не будетъ оказывать непріязненныхъ дѣйствій, если простой народъ станетъ повиноваться владѣльцамъ, а козаки будутъ оставаться въ покоѣ на основаніи зборовскаго договора [1]).

Услышавъ объ этомъ, брацлавскій полковникъ Нечай хотѣлъ предупредить вторженіе; онъ двинулся съ своимъ полкомъ на Баръ и посылалъ воззванія къ жителямъ тѣхъ мѣстъ, которыя не вошли въ границы украинскія по зборовскому миру. Хлопы, которые только къ тому и стремились, чтобъ стать вольными козаками, стекались къ предводителю.

Брацлавскій воевода Ляндскоронскій, находившійся съ Калиновскимъ, послалъ, какъ начальникъ земли, къ козацкому вождю депутатовъ.

«Что это значитъ? — говорили они: — Хмельницкій еще не давалъ вызова на брань, а ты уже вооружился съ своимъ полкомъ!»

«Обманщики! — отвѣчалъ Нечай: — не вы ли сами думаете напасть на насъ, а показываете видъ, будто ничего не знаете? Вы хотите уловить насъ коварною дружбою!»

Депутаты не возвратились: Нечай приказалъ ихъ повѣсить въ присутствіи турецкаго коммиссара [2]).

Калиновскій, не допуская Нечая до Бара, пошелъ къ нему на-встрѣчу [3]).

Нечай, съ тремя тысячами, стоялъ въ мѣстечкѣ Красномъ и каждый день увеличивалъ свои силы. Наступила масляница. Козаки начали гулять. Полковникъ поставилъ передовую стражу въ Ворошиловкѣ, подъ начальствомъ сотника Шпаченка: онъ долженъ былъ наблюдать при-

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 223.—Woyna dom. Ч. 2. 11.

[2]) Bell. scyth. cos. 122.—Истор. о през. бр.

[3]) Annal. Polon. Clim. I. 223.

Digitized by Google

ближеніе непріятеля и извѣстить полковника. Поляки стояли въ Станиславовѣ.

Гетманъ Калиновскій созвалъ военный совѣтъ и говорилъ: «Дошла до насъ вѣсть, что хлопы собрались въ Красномъ, пьянствуютъ и празднуютъ масляницу, а насъ не боятся и не ожидаютъ, чтобъ мы на нихъ напали. Нападемъ на нихъ сонныхъ и пьяныхъ; побѣда достанется легко, а военнымъ она придастъ духа на-передъ!»

Въ прощальное воскресенье Нечай отправился къ какой-то кумѣ гулять. Козаки, съ часу на часъ, дожидались нападенія и уговаривали своего начальника не предаваться безпечности.

«Эй, пане Нечаю, — говорили они: — держи коника въ сідлі, а шаблю підъ опанчею!»

«У меня, — отвѣчалъ Нечай: — есть Шпакъ, добрый хлопецъ: онъ мнѣ дастъ знать о тревогѣ!»

Козаки послѣдовали примѣру начальника и начали пьянствовать.

Тѣмъ временемъ Калиновскій 20-го февраля выступилъ изъ Станиславова. Узнавъ, что Шпаченко стоитъ въ Ворошиловкѣ съ малымъ отрядомъ, Калиновскій стремительно бросился на него и поразилъ этотъ передовой отрядъ такъ, что не осталось ни одного человѣка принести въ Красное вѣсть о несчастіи. Была ночь. Въ Красномъ никто не думалъ объ опасности, какъ уже польскій передовой отрядъ, состоявшій изъ драгунъ, подъ начальствомъ Пясочинскаго и ротмистра Корецкаго подступилъ къ городу. Жолнѣры овладѣли городскими воротами и изрубили безъ сопротивленія пьяную безъ чувствъ стражу. Драгуны были разставлены кругомъ города, а конные полки вступали въ мѣстечко. Это было въ третьемъ часу по-полуночи. Когда поляки вошли въ мѣстечко, вдругъ залаяли и завыли собаки; пробудившіеся жители стали прислушиваться и явственно различали стукъ конскихъ копытъ и звукъ удилъ.

Digitized by Google

Ударили въ набатъ. Пьяные козаки схватились за оружіе. Предводитель сидѣлъ за ужиномъ «съ любезною кумою», по выраженію пѣсни.

«Гей, утікаймо, Нечаю, — кричали козаки: — ляхи въ місті».

Бѣгство тогда еще имъ было возможно; но разгоряченный виномъ полковникъ, вскочивъ изъ-за стола, закричалъ:

«Утікати! Щобъ-то козакъ Нечай утікавъ! Якъ можно славу свою козацькую підъ ноги топтати? Давай швидче коня, джуро! Виріжимъ всіхъ ляхівъ, таки всіхъ до одного!»

Онъ вскочилъ на своего буланаго, котораго не успѣли даже осѣдлать, и выѣхалъ на улицу, гдѣ козаки уже рѣзались съ жолнѣрами въ темнотѣ.

«О, та до-сына вражихъ синівъ! — кричалъ Нечай: — А ну лишь, хлопці, биймо ихъ, якъ курей!»

Онъ полетѣлъ впередъ на враговъ, собственноручно выбилъ изъ рукъ хорунжаго знамя, повалилъ его на землю; козаки, которымъ было тогда море по колѣно, принялись «сікти на капусту ляхівъ» какъ выражается пѣсня, а между тѣмъ жители палили на враговъ съ крышъ, изъ оконъ, съ заборовъ. Жолнѣры попятились назадъ и пришли въ безпорядокъ; вся улица уложена была трупами; журчали ручьи крови. Поляки бѣжали, козаки преслѣдовали ихъ за городскую браму, какъ вдругъ позади ихъ въ городѣ сверкнуло пламя и раздались выстрѣлы.

Это былъ многочисленный польскій отрядъ изъ разогнанныхъ подольскихъ шляхтичей, подъ начальствомъ Коссаковскаго; въ то время, когда козаки и жители мѣстечка расправлялись съ жолнѣрами, они ворвались въ мѣстечко со всѣхъ сторонъ и зажгли его въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Козаки воротились въ городъ, спотыкаясь на груды труповъ, а вытиснутое войско снова пришло въ порядокъ и обратилось на нихъ въ тылъ. Въ мѣстечкѣ сдѣлалось

Digitized by Google

страшное смятеніе. Среди пылавшихъ строеній козаки рѣзались отчаянно, отбиваясь отъ враговъ, наступившихъ на нихъ отовсюду; наконецъ стали уходить въ замокъ. Братъ Нечая, Матвѣй, палъ въ глазахъ его; полковникъ, изстрѣленный, изрубленный, еще отмахивался саблею; поляки силились взять его живьемъ и не взяли; только полковничья булава его да породистый конь достались Пясочинскому; самъ Нечай, умиравшій, былъ отнесенъ въ замокъ и скончался, заповѣдавъ козакамъ передать послѣдній поклонъ осиротѣвшей матери.

Начальство надъ козацкимъ отрядомъ послѣ Нечая приняли сотники: Гавратынскій, приставшій къ козацкой сторонѣ шляхтичъ, Кривенко красносельскій, Степко и другіе. Три дня они мужественно защищались: враги напрасно предлагали имъ помилованіе; на четвертыя сутки, не видя ни откуда спасенія, козаки ночью вырвались изъ замка, но утромъ поляки догнали ихъ на озерѣ, покрытомъ тогда льдомъ. Почти всѣ старшины брацлавскаго полка погибли въ сѣчѣ: только сотники Гавратынскій, Тышко и полковой писарь Жадкевичъ, были схвачены; первый былъ разстрѣленъ.

Занявъ замокъ, поляки вошли въ церковь и нашли въ ней мертвое тѣло Нечая; попы въ черныхъ ризахъ отпѣвали козацкаго рыцаря. Народная пѣсня говоритъ, что русскіе предлагали полякамъ окупъ за тѣло Нечая, дабы похоронить его съ честью; но «*вражи ляхи*» (выражается украинская пѣсня) не взяли ни серебра, ни золота, искрошили рыцаря на мелкія части и пустили ихъ по водѣ; только голова Нечая спаслась отъ посрамленія: русскіе какъ-то унесли ее, предали погребенію гдѣ-то въ церкви великомученицы Варвары, и произнесли надъ нею завѣтное прощаніе: «Прощай, козаче! Заживъ еси великоі славы!»

Мѣстечко сгорѣло; враги истребили безъ разбора жите-

Digitized by Google

лей; ихъ имущество, какое спаслось отъ огня, досталось побѣдителямъ [1]).

Это пораженіе показалось для русскихъ дурнымъ предзнаменованіемъ. Козаки, подобно татарамъ и полякамъ, вѣрили, что первый успѣхъ или неуспѣхъ служитъ предзнаменованіемъ счастливаго или несчастнаго окончанія войны. Убійственное предчувствіе распространилось въ народѣ съ вѣстью о погибели брацлавскаго полковника. Говорили, что въ Кіевѣ передъ тѣмъ появилась кровь на главныхъ воротахъ [2]).

Кисель, находясь тогда въ своей Гущѣ, все еще надѣялся, авось либо можно дипломатическимъ искуствомъ остановить кровопролитіе и былъ пораженъ извѣстіемъ о судьбѣ Нечая. Онъ обратился къ митрополиту, убѣждалъ его употребить пастырскія увѣщанія надъ Хмельницкимъ, писалъ къ Калиновскому, просилъ его пріостановить дальнѣйшія военныя дѣйствія, снестись и объясниться съ козацкимъ гетманомъ. По этому совѣту Калиновскій писалъ къ Хмельницкому, что разбитіе Нечая не должно считаться началомъ войны, что Нечай—своевольный бунтовщикъ, началъ войну безъ позволенія своего гетмана; Калиновскій припоминалъ, что Нечай еще прежде былъ непослушенъ Хмельницкому и поднималъ хлоповъ противъ пановъ. У Калиновскаго въ этомъ случаѣ не было ни мало искренности; онъ хотѣлъ поставить своего врага въ бездѣйствіе, чтобы тѣмъ временемъ нанести ему ударъ. Но Хмельницкій не былъ изъ тѣхъ, которыхъ можно прельстить и обмануть такими письмами. Когда митрополитъ, по просьбѣ Киселя, сталъ его увѣ-

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 223—225.—Woyna dom. Ч. 2, 11.—Histor. belli cosac. polon. 127—128.—Histor. delle guer. civ. 237—242.—Народныя пѣсни.—Jak. Michałowsk. Xięga Pamiętn. 606. 621.—Дневн. Освѣц. Кіевск. стар. 1882, февр., 372.

[2]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 72.

Digitized by Google

щевать, Хмельницкій письменно отвѣчалъ ему, что онъ не подалъ повода къ нарушенію мира и ожидалъ коммиссіи, какъ вдругъ поляки первые начали лить кровь. «Я согласенъ,—выражался онъ,—и теперь ждать коммиссіи, но пусть польское войско отступитъ отъ линіи и не дѣлаетъ нападеній. Я дитя той же орлицы, у которой оттоманскія руки общипали золотыя перышки: они скоро отростутъ, если только поссорившіеся братья, окончивъ вражду взаимнымъ прощеніемъ другъ другу, обнимутся по дружески» [1]). Отзываясь такъ чувствительно, Хмельницкій былъ увѣренъ, что война неизбѣжна и, желая возвратить къ себѣ прежнее довѣріе народа, выдалъ универсалъ, въ которомъ приказывалъ всѣмъ вооружиться поголовно за свободу русской земли и позволилъ истреблять всякіе остатки панскіе и католическіе въ земляхъ русскихъ [2]). Онъ разослалъ своихъ агентовъ и въ Польшу—волновать тамошнихъ простолюдиновъ, увѣряя ихъ, будто козаки воюютъ не за одну Русь, а вообще за весь простой народъ Рѣчи Посполитой [3]).

Въ то же время онъ послалъ къ хану, убѣждая его прибыть съ ордою, какъ возможно скорѣе.

«Польскаго войска не болѣе тридцати тысячъ,—писалъ онъ:—оно состоитъ изъ новобранцевъ и находится подъ командою Потоцкаго и Калиновскаго, которые недавно испытали татарскій плѣнъ и теперь не осмѣлятся показать лица передъ ордою; тѣ же, которые выдержали збаражскую осаду, уже погибли отъ трудовъ и нищеты. Теперь самое благопріятное время для войны. Король объявляетъ сборъ посполитаго рушенья; но вашему ханскому величеству извѣстно, какъ медленно и трусливо поляки собираются на войну. Если орда успѣетъ придти до прибытія посполитаго рушенья, то наше взаимное

[1]) Jak. Mich. Ks. Pam. 634.
[2]) Histor. belli cosac. polon. 129.
[3]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 73.

Digitized by Google

войско будетъ такъ велико, что десяти человѣкамъ придется бить одного, а если они одинъ разъ проиграютъ, то уже больше не поправятся. Все Королевство Польское, отъ Днѣстра до отдаленныхъ сѣверныхъ предѣловъ, отдадимъ подъ власть повелителя оттомановъ» [1]).

Замѣчая недоброжелательство къ себѣ хана, Хмельницкій еще разъ отправилъ въ Константинополь съ полковникомъ Ждановичемъ и при немъ съ переводчикомъ грекомъ Павломъ просьбу, чтобъ турецкое правительство принудило своего данника выступить поскорѣе на поляковъ, не теряя драгоцѣннаго времени. Это козацкое посольство было принято самымъ радушнымъ образомъ въ Стамбулѣ. Въ мартѣ великій визирь Мелекъ-Ахметъ-паша послалъ именемъ падишаха повелѣніе крымскому хану и его братьямъ салтанамъ помогать всѣми силами Хмельницкому, какъ вассалу турецкой имперіи и, отпуская пословъ козацкихъ, отправилъ разомъ съ ними знакомаго Хмельницкому Османъ-чауша съ дарами отъ падишаха. Вторично отправляя Османа, визирь напоминалъ гетману, чтобъ козаки помнили присягу, данную Оттоманской портѣ и сохраняли ее свято. Одинъ изъ вліятельныхъ турецкихъ вельможъ, Ректашъ-Ага, писалъ Хмельницкому, что въ Стамбулѣ всѣ радуются союзу козаковъ съ турками и знатнѣйшіе сановники при дворѣ падишаха денно и нощно прославляютъ подвиги Богдана Хмельницкаго. Кромѣ султанскаго повелѣнія хану крымскому, дано приказаніе бѣлогородскимъ беглербегамъ и очаковскому Арамаданъ-бею помогать своими силами козакамъ въ ихъ войнѣ съ Польшею. Исламъ-Гирей хотя не смѣлъ ослушаться падишаха, но самъ нерасположенъ былъ тогда начинать войны противъ поляковъ, надѣявшись еще недавно въ союзѣ съ поляками и козаками громить Москву. Хмельницкій, однако,

---

[1]) Histor. belli cosac. polon. 129.—Woyna dom. ч. 2. 12—13.

Digitized by Google

уже въ мартѣ сильно безпокоился на-счетъ искренности хана и писалъ объ этомъ крымскимъ мурзамъ. Перекопскій бей Субанъ-Газы (отъ февр. 14) успокоивалъ письменно козацкаго гетмана и увѣрялъ, что всѣ крымскіе беи, мурзы и аги желаютъ оставаться въ союзѣ и дружбѣ съ козаками [1]).

Сколько пораженіе Нечая опечалило русскихъ, столько же обрадовало поляковъ. «Вотъ несомнѣнные признаки дальнѣйшихъ побѣдъ и успѣховъ!» говорили въ Польшѣ. Калиновскій, предлагая въ своемъ письмѣ къ Хмельницкому миръ, въ то же время писалъ въ Польшу, что онъ намѣренъ очистить отъ мятежниковъ подольскую землю, а потомъ пойти въ средину Украины [2]). Письмо его произвело восторгъ въ Варшавѣ. Служили благодарственные молебны, при дворѣ отправлялись балы и праздники [3]), носились между шляхтичами утѣшительныя извѣстія; когда послѣ того не приходило долго вѣсти отъ войска—это приписывалось быстрымъ его успѣхамъ. «Теперь,—говорили поляки,—они, конечно, уже подлѣ Чигирина, а можетъ быть, и далѣе, гонятъ врага въ степи къ Дону». Другіе даже начинали роптать за собираніе податей и объявленіе посполитаго рушенья. «Насъ только пугаютъ,—говорили они,—для того, чтобъ выманить деньги. Мы пойдемъ въ посполитое рушенье да проходимся до Вислы или Сана, а оттуда назадъ разойдемся, ничего не сдѣлавъ, потому что войско и безъ насъ размечетъ въ прахъ хлоповъ» [4]). Самъ король, такъ неотступно спѣшившій на войну, дожидался несомнѣнной вѣсти о новыхъ побѣдахъ и отправился на богомолье въ Журавицы, на границу Литвы, гдѣ

---

[1]) Рукоп. Арх. Иностр. Дѣлъ.

[2]) Pam. o wojn. kozac. za Cmieln. 78.

[3]) Histor. belli. cosac. polon. 133.

[4]) Woyna dom. ч. 2 15.

Digitized by Google

была икона Божіей Матери, которой приписывали чудодѣйственную силу [1]).

Усиливъ свое войско новыми отрядами, прибывшими изъ главнаго лагеря подъ Каменцемъ, Калиновскій началъ опустошать страну между Бугомъ и Днѣстромъ. Богатое мѣстечко Мурахва сдалось безъ сопротивленія. Пораженный подъ Ворошиловкою банановской сотни сотникъ Шпаченко ушелъ съ козаками, а мѣщане и сошедшіеся изъ окрестныхъ селъ хлопы хотѣли было защищаться въ замкѣ, но на другой день принесли повинную и выдали одного изъ своей среды, какъ зачинщика бунта. Жолнѣры не убивали жителей, но ограбили ихъ. Такую же участь имѣли многолюдный городъ Шаргородъ и мѣстечко Черніевцы [2]). Мѣщане заранѣе выслали къ польному гетману изъявленіе покорности. 3-го марта войско двинулось къ мѣстечку Стѣнѣ, откуда пріѣзжало къ польному гетману двое депутатовъ отъ мѣщанъ съ изъявленіемъ покорности и готовности впустить польское войско. Но услышавъ, что въ Ямполѣ на Днѣстрѣ собиралась ярмарка, поляки разсчитали, что тамъ будетъ чѣмъ поживиться. Калиновскій распустилъ слухъ, что идетъ къ Винницѣ, и послалъ на Ямполь изъ двухъ полковъ отрядъ подъ начальствомъ Ляндскоронскаго. Жители Ямполя не ожидали нападенія, вѣря ложнымъ слухамъ объ удаленіи польскаго войска въ противную сторону. Вдругъ утромъ, на самомъ разсвѣтѣ, когда большая часть спала и только лавочники раскладывали свои товары, явились неожиданно новые гости, приносившіе, по выраженію современника, вмѣсто товаровъ, раны и убійства. Зазвонили въ колокола, схватились за оружіе, но уже было поздно: большее войско вторглось въ городъ вслѣдъ за передовыми. Пріѣзжіе бросились бѣжать,

---

[1]) Bel. scyth. cos. 125.

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 225. – Histor. belli cosac. polon. 130.— Woyna dom. ч. 2. 13.

Digitized by Google

покинувъ свои товары, и столпились на мосту; мостъ обломился, и всѣ попадали въ рѣку. Поляки окружили городъ, ограбили его совершенно, наполнивъ множество возовъ разными произведеніями и, въ томъ числѣ, венгерскими винами: купцы привозили ихъ въ предположеніи распродать на свадьбѣ Тимоша, которая, какъ думали, будетъ здѣсь справляться. Когда уже болѣе нечего было брать, поляки зажгли городъ и начали умерщвлять всѣхъ жителей безъ разбора, не щадя ни стариковъ, ни женщинъ, ни младенцевъ. Тогда погибло болѣе десяти тысячъ народа всякихъ націй—русскихъ, волоховъ, венгерцевъ и ни одной живой души не оставили жолнѣры [1]).

Между тѣмъ самъ Калиновскій приступилъ къ городку Стѣнѣ (Стина, Сцяны) и тамъ поляки встрѣтили совсѣмъ не такой пріемъ, какъ обнадеживали ихъ пріѣзжавшіе оттуда депутаты отъ мѣщанъ. Изъ окружавшихъ городъ Стѣну хуторовъ выбѣжали хлопы, съ самопалами, луками и другимъ оружіемъ, стрѣляли, произносили угрозы и въ насмѣшку надъ врагами показывали имъ кукиши и выставляли заднія части тѣла. То были обычные пріемы задора. Съ большимъ трудомъ поляки, однако, наперли на нихъ, вогнали въ городъ и овладѣли хуторами. Самъ городокъ раздѣлялся на двѣ части: одна находилась на неприступной горѣ, другая лежала у подошвы горы. На горѣ засѣлъ храбрый козацкій сотникъ, котораго одни историки называютъ Калюшемъ [2]), а другіе — Александренкомъ [3]). Калиновскій послалъ къ нему предложеніе сдаться и заплатить окупъ.

«У меня нѣтъ денегъ,—отвѣчалъ козакъ:—есть люди и оружіе: будемъ сражаться до послѣднихъ силъ!»

---

[1]) Annal. Polon. Cl. I. 226.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 156.

[2]) Annal. Polon. Clim. I.

[3]) Histor. belli cosac. polon. 130.

Digitized by Google

Калиновскій ударилъ на низменный городъ. Послѣ перваго сопротивленія, жители убѣжали на гору; поляки хотѣли взять верхній городъ—козаки храбро отразили ихъ; три дня приступали враги на утесистую скалу и три дня напрасно теряли людей [1]). Наконецъ козаки согласились дать окупъ и обѣщали четыре тысячи злотыхъ, но когда польный гетманъ согласился, они заплатили только тысячу злотыхъ. Польный гетманъ удовлетворился только тѣмъ, что принялъ отъ нихъ присягу, и отпустилъ прибывшихъ къ нему посланцами хлоповъ съ принесенными деньгами [2]). Оттуда поляки двинулись подъ Винницу, которая недавно изъ сотни кальницкаго полка сдѣлана была полковымъ городомъ [3]). Винницкимъ полковникомъ былъ Иванъ Богунъ. У него было только три тысячи козаковъ. Онъ «упремудрилъ» ляховъ, говоритъ украинская лѣтопись. Прежде всего онъ отправилъ къ Хмельницкому просить помощи, а самъ составилъ планъ задержать поляковъ подъ Винницею, пока подойдетъ войско отъ Хмельницкаго. Польный гетманъ остановился на дорогѣ въ Сутискѣ и оттуда 10-го марта отпустилъ къ Винницѣ брацлавскаго воеводу Ляндскоронскаго съ передовымъ отрядомъ къ Винницѣ. Какъ только поляки подходили къ Винницѣ, Богунъ оставилъ въ винницкомъ замкѣ гарнизонъ, а самъ вышелъ на встрѣчу врагамъ и, послѣ первой стычки обратился въ бѣгство, перешелъ рѣку и заперся въ монастырѣ, который находился вблизи Винницы и омывался со всѣхъ сторонъ водою. Поляки замѣтили, что у непріятеля войско не сильно, и думали, что на козаковъ напалъ страхъ; они обратились прямо на монастырь, и никому не вошло въ голову, зачѣмъ по льду раскидана солома. Богунъ приказалъ заранѣе прорубить на Бугѣ ледъ,

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 225.

[2]) Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882 г. февр. 374.

[3]) Histor. belli cosac. polon. 11.

Digitized by Google

и, когда утренній морозъ подернулъ воду тонкою корой, набросать соломы. Двѣ польскія хоругви—Киселя и Мелешки [1]) ступили на эти мѣста и стремглавъ пошли на дно. Въ числѣ нѣсколькихъ сотъ утонувшихъ былъ Юрій, братъ Киселя, едва спасшійся прошлый годъ отъ висѣлицы въ домѣ Хмельницкаго. Отважный Ляндскоронскій едва выкарабкался изъ проруби и поднятъ былъ своими на льду, сильно избитый прикладами козацкихъ самопаловъ [2]).

Взбѣшонный этою хитростью, Калиновскій къ вечеру въ тогъ же день прибылъ къ Винницѣ и рѣшился во что бы то ни стало взять Богуна. Онъ отправилъ своего сына, короннаго обознаго, за Бугъ наблюдать, чтобъ не явилось неожиданно свѣжее козацкое войско, и разузнать, гдѣ находится козацкій гетманъ [3]), а самъ приказалъ брать Винницу. Богуну не нужно было упорно охранять городъ: онъ старался только задержать поляковъ отъ похода далѣе въ Украину. Козаки дали сильный отпоръ, стоившій полякамъ много людей, затѣмъ въ полночь зажгли городъ во многихъ мѣстахъ и ушли въ монастырь.

Всѣ усилія поляковъ взять приступомъ замокъ были напрасны [4]). Черезъ два дня (во вторникъ) козаки послали къ Калиновскому предложеніе заплатить ему окупъ въ 4000 воловъ и 5 бочекъ меда. Калиновскій потребовалъ, чтобъ они выдали пушки, знамена и своего предводителя Богуна. Козаки отвѣчали, что они лучше погибнутъ, чѣмъ станутъ выдавать кого-нибудь изъ своихъ старшинъ. Остановились съ обѣихъ сторонъ на томъ, что козаки выдадутъ полякамъ отнятыя у нихъ знамена и возвратятъ лошадей,

---

[1]) Дневн. Освѣщ. Кіевск. Стар. 1882. февр. 377.

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 228.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 157.—Ист. о през. бр.—Histor. bell. cosac. polon. 131.

[3]) Histor. bell. cosac. polon. 132.

[4]) Woyn. dom. Ч. 2. 14.

Digitized by Google

захваченныхъ во время приключенія на прорубяхъ. Они просили также, чтобъ войско польское очистило поле передъ монастыремъ для свободнаго выхода козаковъ. Поляки согласились и расположились въ городѣ по улицамъ, но Калиновскій замыслилъ устроить козакамъ засаду, и когда они станутъ выходить, то окружить ихъ со всѣхъ сторонъ и принудить отдать и своихъ старшинъ и орудія. Богунъ догадался о хитрости и потребовалъ обмѣна заложниковъ съ обѣихъ сторонъ. Поляки и на то согласились. Но послѣ того Богунъ потребовалъ, чтобъ Калиновскій съ своимъ войскомъ отступилъ отъ Винницы за милю. Калиновскій видя, что замыселъ его не удается, не согласился. «Иначе мы будемъ обороняться хотя бы намъ всѣмъ пришлось тутъ погибнуть», объявили козаки. Возобновили бой. Поляки, сколько ни усиливались, ничего не могли сдѣлать, бросали въ козацкій станъ бомбы, но козаки ихъ счастливо тушили. Поляки потеряли не мало своихъ людей и выбились изъ силъ, не разсѣдлывая лошадей, не покидая ни на мигъ оружія [1]). Богунъ съ изумительною для враговъ дѣятельностью и быстротою не только отражалъ удачно приступы жолнѣровъ, но и безпокоилъ ихъ отважными выходками. Современники разсказываютъ, что въ одну ночь козацкій полковникъ сдѣлалъ вылазку съ тремя стами козаковъ на другую сторону Буга для узнанія, нейдетъ-ли къ нему вспомогательное войско; этотъ отрядъ вступилъ въ битву съ поляками; послѣдніе узнали Богуна, потому что лучи мѣсяца ярко играли на его блестящемъ панцырѣ. Враги устремились на него. Уже хоружій Рогальскій ударилъ его рукояткою своего знамени, а другіе жолнѣры хватали его за руки, но Богунъ, необычайно сильный, однимъ встряхомъ повалилъ на землю своихъ преслѣдователей и поскакалъ во весь

---

[1]) Дневн. Освѣцима. Кіевск. Стар. 1882 г. февр. 378.

Digitized by Google

духъ, отмахиваясь саблею отъ толпы гонителей, какъ вдругъ, въ жару битвы, попалъ въ одну изъ тѣхъ продушинъ, въ которыя прежде такъ хитро спровадилъ враговъ. Но борзый конь его счастливо выкарабкался изъ воды на ледъ и донесъ своего мокраго и обмерзлаго сѣдока въ монастырь. Поляки думали, что это приключеніе отобьетъ у него охоту къ такимъ смѣлымъ выходкамъ, но къ удивленію ихъ, на другой же день Богунъ снова показался на своемъ буланомъ конѣ.

«Каково здоровье?» кричали ему насмѣшливо поляки.

«Вчера поляки отомстили мнѣ такою же банею, какою я ихъ угостилъ», отвѣчалъ Богунъ.

«Такъ-то, замѣчаетъ современникъ, храбрецы, въ одно и то же время, и сражаются и весело разговариваютъ между собою» [1]).

Такъ проходили дни, какъ вдругъ 20 марта возвращается обозный коронный молодой Калиновскій и приноситъ отцу угрожающую вѣсть: онъ дошелъ только до Липовца и тамъ нежданно напали на него козаки. То были козаки полтавскаго полка. Обозный Калиновскій едва могъ привести въ порядокъ свой отрядъ; жолнѣры должны были покинуть своихъ разсѣдланныхъ лошадей и поспѣшать назадъ къ Винницѣ, къ польскому стану. Но козаки, преслѣдуя ихъ, поразили отрядъ сопровождавшій обозъ ихъ. Тѣмъ не менѣе, однако, молодой Калиновскій привелъ таки двухъ схваченныхъ козаковъ, а тѣ на сдѣланномъ имъ допросѣ показали, что Хмельницкій уже выступилъ изъ Бѣлой-Церкви и идетъ съ своимъ войскомъ на встрѣчу польскому войску. За ушедшими изъ-подъ Липовца поляками погнался уманскій полковникъ Іосифъ Глухъ съ десятью тысячами козаковъ и долженъ былъ не сегодня-зав-

---

[1]) Annal. Polon. Clim. 229. — Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 155.

Digitized by Google

тра явиться подъ Винницею [1]). Это навело паническій страхъ, подобный, по замѣчанію лѣтописцевъ, тому, который овладѣлъ поляками подъ Пилявою.

«Бѣжать! бѣжать!—кричали предводители:—насъ застигнетъ мартовская распутица, переправы будутъ невозможны; притомъ наше войско будетъ во всемъ нуждаться въ непріятельской землѣ».

Польный гетманъ увидѣлъ необходимость, въ виду ожидаемаго появленія козацкихъ силъ на помощь осажденнымъ въ Винницѣ, перейти съ своимъ войскомъ въ какую-нибудь иную мѣстность, болѣе удобную для продовольствія, но въ послѣдній разъ хотѣлъ попытаться уничтожить упорнаго Богуна и началъ снова приступъ предъ солнечнымъ восходомъ. Но чрезъ нѣсколько часовъ появился Глухъ съ своимъ отрядомъ. Козаки, чтобы поразить слухъ непріятеля, произвели большой крикъ и безпрепятственно расположились въ части города, носившемъ названіе «новаго міста», отдѣленнаго отъ другой части, гдѣ стояли поляки, однимъ мостомъ. Враги находились другъ отъ друга на разстояніи одного выстрѣла изъ лука [2]). Тотчасъ было дано приказаніе—какъ можно скорѣе уходить и побросать даже всѣ возы, которые были полны со времени разоренія Ямполя. Но нѣкоторыя хоругви до того прониклись страхомъ, что побѣжали, не слушая команды, сами не зная куда [3]).

Гетманъ и начальники, желая ихъ удержать, поспѣшили за ними и оставили на время лагерь и большую часть войска безъ дисциплины. Ляндскоронскій съ пѣхотою защищалъ въ городѣ мостъ, черезъ который пройти порывались козаки, приведенные Глухомъ. Но въ это время служители, пользуясь сумятицею, бросились на возы

---

[1]) Histor. belli cosac. polon. 152.

[2]) Дневн. Освѣцима. Кіевск. Стар. 1882. февр. 379.

[3]) Pam. do pan. Jan. Kaz. II. 159.

Digitized by Google

и начали самовольно выбирать изъ нихъ, что кому хотѣлось; хозяева вступались за свою добычу; началась драка... въ то же время иные жолнѣры спали мертвецки пьяны, а другіе начали тревожно будить ихъ; проснувшимся представилось, что на нихъ наступаютъ козаки: они схватились за ружья и начали палить по своимъ.

Такъ прошелъ день. Прошла ночь. На разсвѣтѣ Богунъ сдѣлалъ вылазку, и поляки бросились въ разсыпную, кидая не только возы, но даже пушки и оружіе... [1]) «словно, говоритъ современникъ [2]), боязливый человѣкъ увидитъ въ лѣсу нѣсколько волковъ и ему представляется огромная стая, между тѣмъ, какъ число ихъ невелико: такъ точно бѣжали и мы; и нашимъ глазамъ представлялись ужасныя химеры; въ самомъ же дѣлѣ не было большой опасности. Возвращавшійся изъ подъѣзда Димитрій Вишневецкій привелъ въ порядокъ нѣсколько отрядовъ и спасъ по крайней мѣрѣ часть артиллеріи». Впрочемъ, поляки не ушли бы отъ совершеннаго пораженія, еслибъ козаки не бросились на оставленные возы и тѣмъ не дали возможности переднимъ уйти далеко. Задніе не избѣжали такъ легко бѣды. «Такое смятеніе произошло, говоритъ очевидецъ, что походило на пилявское дѣло. Одни изъ нашихъ бѣжали въ ворота, а другіе лѣзли прямо черезъ валъ, тѣ верхомъ, тѣ пѣшіе.... если бы самъ Богъ насъ не оборонилъ, мы всѣ пропали бы тогда!» Одни козаки, стоя на валахъ, проводили бѣгущаго непріятеля насмѣшливыми криками: «цыганы, побѣгушки, безмозглые ляхи, пилявчики! Утікайте дальше за Вислу. Тутъ не ваше діло». Но другіе гнались за ними по пятамъ, а тутъ были не только тѣ, которые прогнали поляковъ изъ Винницы, но еще и новыя козацкія силы, присланныя Хмельницкимъ

---

[1]) Истор. о през. бр. — Woyn. dom. ч. 2. 14—15. — Annal. Polon. Clim. I. 230.—Лѣтоп. пов. о Мал. Росс. 77.

[2]) Woyna dom. Ч. II. 15.

Digitized by Google

ОДСКАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

съ асауломъ генеральнымъ Демкомъ и съ чигиринскимъ полковникомъ Ильяшомъ Богачемъ, и всего какъ говорили, погналось тогда за поляками козаковъ тысячъ до ста и татаръ до тридцати тысячъ. Пока жолнѣры добѣжали 24-го марта до Бара, то оставили болѣе тысячи раненыхъ своихъ собратій, и потеряли не только все награбленное ими у подолянъ, но и всѣ собственные пожитки: въ Барѣ у нихъ не было ни бѣлья, ни платья и притомъ ихъ утомляли непрестанные караулы: «по три дня и по три ночи, приходилось намъ,—говоритъ Мястковскій,—стоять на сторожѣ, не разводя огня, и мы поморозили себѣ носы, руки и ноги» [1]). Вину неудачи поляковъ подъ Винницею современникъ приписываетъ безладицѣ и постояннымъ ссорамъ между польнымъ гетманомъ и брацлавскимъ воеводою Ляндскоронскимъ. Еще послѣ дѣла въ Красномъ польный гетманъ сердился на Ляндскоронскаго за то, что тотъ присвоилъ себѣ перначъ Нечая. Польный гетманъ хотѣлъ взять эту вещь себѣ и обругалъ брацлавскаго воеводу, когда тотъ не отдавалъ ее. Съ той поры во все время похода до Винницы, паны эти дѣлали другъ другу непріятности. Въ Шарогродѣ брацлавскій воевода подвергался упрекамъ отъ польнаго гетмана, будто возбуждаетъ противъ него подчиненныхъ, а брацлавскій воевода сказалъ, что, напротивъ, онъ убѣждалъ жолнѣровъ повиноваться предводителю. Калиновскій показалъ ему кукишъ и произнесъ: ваши увѣщанія имѣли столько вѣса, какъ вотъ это! Стыдно и позорно,—замѣчаетъ по этому поводу современникъ,—вождямъ дозволять себѣ такія школьническія выходки. Послѣ того въ Прилукахъ какой-то поручикъ, которому брацлавскій воевода дѣлалъ выговоръ за упущенія по службѣ, былъ такъ дерзокъ, что сказалъ

---

[1]) Jak. Michał. Ks. Pam. 625.—Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882 г. февраль. 386.

Digitized by Google

воеводѣ: тебѣ приличнѣе быть козьимъ пастухомъ, чѣмъ сенаторомъ! Оскорбленный воевода обратился съ жалобою къ польному гетману, а тотъ съ ироніею произнесъ: гдѣ брѣютъ, тамъ и бьютъ! Калиновскій постоянно передъ всѣми старался выставить Ляндскоронскаго виновнымъ за неосторожность подъ Винницею, гдѣ на прорубяхъ погибло не мало заслуженныхъ товарищей, и такое мнѣніе расходилось въ польскомъ обществѣ къ ущербу чести Ляндскоронскаго [1]). Изъ Бара жолнѣры въ началѣ апрѣля поспѣшили въ Каменецъ, и тамъ Калиновскій расположилъ ихъ по окрестностямъ [2]).

Съ тѣхъ поръ войско стояло подъ Каменцемъ и уже не осмѣливалось выступать изъ лагеря. Оно находилось въ бѣдномъ положеніи. Наступила Пасха, а для жолнѣровъ, говоритъ современникъ, была она настоящею іудейскою пасхою въ пустынѣ. За неимѣніемъ хлѣба, они поневолѣ ѣли хлѣбы въ родѣ опрѣсноковъ, безъ соли и съ горечью, потому что эти хлѣбы печены были изъ лебеды [3]). Угрожавшія вѣсти тревожили ихъ: господарь Лупулъ писалъ, что Хмельницкій намѣревается грянуть на нихъ съ сильнымъ войскомъ, чтобъ не допустить до соединенія съ королемъ [4]). Предводители посылали къ королю извѣстія, вовсе непохожія на прежнія, описывали свое бѣдствіе и умоляли о скорѣйшей помощи [5]). И вотъ въ Варшавѣ внезапно разочаровались поляки въ своихъ блестящихъ надеждахъ на счетъ удивительныхъ побѣдъ кварцянаго войска. «Тѣ, которые сочиняли небывалыя событія,—го-

---

[1]) Дневникъ Освѣц. Кіевск. Стар. 1882. г. февр. 381.

[2]) Кратк. опис. о коз. малор. нар. 45.—Woyn. dom. ч. 2. 15.—Истор. о през. бр.—Histor. ab. exc. Wlad. IV. 72.—Акты Южн. и Запад. Рос. Ш. 454.

[3]) Hist. belli cosac. polon. 132.

[4]) Woyn. dom. ч. 2. 16.

[5]) Histor. belli cosac. polon. 133.

Digitized by Google

воритъ лѣтописецъ,—теперь первые опустили руки [1]); а охотники до таинственнаго со вздохомъ разносили вѣсти, что въ Варшавѣ, на кладбищѣ казнимыхъ преступниковъ, у мертвеца изъ уха пролилось много крови, а другой мертвецъ изъ могилы просунулъ руку.—Это пророчить большія бѣды Польшѣ», говорили тогда [2]).

---

[1]) Woyna dom. 15—16.

[2]) Stor. delle guer. civ. 244.

Digitized by Google

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Ополченіе въ Польшѣ.—Папскій легатъ. — Коринѳскій митрополитъ Іосафъ въ Украинѣ.—Выступленіе короля изъ Люблина къ Сокалу.—Планы Хмельницкаго.—Неудачная осада Каменца.—Битва подъ Купчинцами.—Хмельницкій подъ Збаражемъ.—Семейная драма у Хмельницкаго. — Положеніе лагерей козацкаго и польскаго. — Татарскій мурза.—Поляки идутъ къ Берестечку.—Прибытіе хана къ Хмельницкому.—Планы Хмельницкаго.—Поляки идутъ къ Дубну.—Вишневецкій предупреждаетъ опасность.—Возвращеніе поляковъ.—Переправа польскаго лагеря черезъ Стырь.—Появленіе татарско-козацкаго войска.—Первыя стычки.—Гнѣвъ хана.—Ночь передъ битвою.

Король получилъ въ Журавицѣ донесеніе изъ Каменца и, какъ будто пробудившись отъ сна, по выраженію недоброжелательнаго къ нему историка [1]), побѣжалъ въ Варшаву. Онъ недолго оставался въ столицѣ и, въ половинѣ апрѣля, выѣхалъ въ Люблинъ съ королевою, сенаторами, окруженный всѣмъ дворомъ и многими знатными особами обоего пола, съ десятью тысячами новоприбывшаго изъ Германіи войска. По пріѣздѣ въ Люблинъ, двадцатаго апрѣля, онъ выдалъ *третьи вицы* на посполитое рушенье. «Сообразно сеймовой конституціи, —писалъ король,—оповѣщаемъ, сими третьими и послѣдними вицами, всѣхъ обы-

[1]) Histor. belli cosac. polon. 133.

Digitized by Google

вателей Рѣчи Посполитой, что мы лично идемъ для укрощенія своевольныхъ мятежниковъ, которые, соединившись съ невѣрными, покушаются искоренить не только всю шляхетскую кровь, свободу, вольности и самое имя польское, но даже и святую католическую вѣру, всегда процвѣтавшую въ нашемъ королевствѣ, и ниспровергнуть костелы, посвященные имени Божію. Мѣстомъ сбора для всѣхъ, подлежащихъ посполитому рушенью, назначаемъ Константиновъ на пятое число мѣсяца іюня и желаемъ, чтобы никто, подъ страхомъ наказанія по закону, не уклонялся отъ этого служенія Рѣчи Посполитой, но каждый спѣшилъ бы въ указанное мѣсто, съ охотою и готовностію, какъ подобаетъ защитникамъ Христовой вѣры, чести Рѣчи Посполитой, свободы и вольности» [1]).

Дорогой гость посѣтилъ короля въ Люблинѣ. Это былъ снова Іоаннъ де-Торресъ, епископъ адріанопольскій, легатъ папы Иннокентія X, пріѣзжавшій въ Польшу прежде при Владиславѣ. Папа не прислалъ денегъ, которыхъ просили поляки; онъ отговаривался тѣмъ, что римская казна истощена; за то онъ прислалъ всѣмъ полякамъ, идущимъ на брань, свое первосвященническое благословеніе и полное отпущеніе всѣхъ грѣховъ, королю въ подарокъ мантію и освященный мечъ, украшенный жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, а королевѣ золотую розу. Во время утренняго богослуженія легатъ вручилъ Яну Казимиру и его супругѣ эти дары и, отъ имени св. отца, торжественно провозгласилъ польскаго короля защитникомъ св. вѣры. Вниманіе папы обрадовало поляковъ. Нѣсколько дней прошло въ религіозныхъ церемоніяхъ, напоминавшихъ времена крестовыхъ походовъ. Король обнародовалъ, что самъ святой отецъ благословляетъ ополчающихся на брань и повелѣвалъ творить въ храмахъ торжественныя моленія

---

[1]) Jak. Michal. Ks. Pam. 611

Digitized by Google

о ниспосланіи счастливаго окончанія войнѣ, предпринятой за честь римско-католической религіи. Религіозный характеръ войны возбуждалъ въ полякахъ отвагу и мужество; шляхтичи выходили съ увѣренностью въ побѣдѣ, потому что въ Римѣ будутъ молиться за нихъ; шли на смерть съ надеждою очиститься отъ грѣховъ участіемъ въ такомъ святомъ дѣлѣ и пріобрѣсть мученическій вѣнецъ на небѣ [1]).

Польша возстала. Шляхтичи не только выходили сами, но выбирали изъ своихъ подданныхъ крѣпкихъ и рослыхъ, вооружали ихъ и брали съ собою на войну [2]).

И у козаковъ также было религіозное возбужденіе. Ближайшій архипастырь Хмельницкаго кіевскій митрополитъ вовсе не показывалъ сочувствія къ козацкому дѣлу. Происходя изъ шляхетскаго званія, Сильверстъ Коссовъ не могъ до такой степени разорвать узы крови, привязывавшія его къ шляхетской породѣ, чтобы всецѣло перейти на хлопскую сторону. Онъ, подобно Адаму Киселю, былъ поставленъ въ истинно-фальшивое положеніе неудачнаго примирителя польскаго дворянства съ русскимъ мужичествомъ. По настоянію Киселя митрополитъ писалъ къ Хмельницкому, убѣждалъ не проливать крови, не раздирать внутренностей общаго отечества, а Хмельницкій отвѣчалъ ему, что не съ его стороны и не отъ козаковъ послѣдовало возобновленіе войны, а дали къ этому поводъ поляки, истребивши въ Красномъ Нечая со многими людьми русскими. Козацкій гетманъ по-прежнему увѣрялъ, что готовъ ожидать коммиссіи и вступить въ мирные переговоры, но съ тѣмъ, чтобъ войска польскія подальше отступили отъ черты границы козацкой земли. На самомъ дѣлѣ Хмельницкій былъ уже далекъ отъ того, чтобъ на-

---

[1]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 72.—Annal. Polon. Clim. I. 240.

[2]) Истор. о през. бр.

Digitized by Google

чинать снова безплодные толки съ коммиссарами. Когда козацкій гетманъ, двигаясь на походѣ, былъ ожидаемъ въ Погребыщѣ, Кисель отправилъ къ нему посланца съ письмомъ, въ которомъ, по обыкновенію, убѣждалъ его пріостановить непріятельскія дѣйствія. Хмельницкій не отписалъ ему, а приказалъ изустно посланцу передать кіевскому воеводѣ такую рѣчь: «панъ воевода манютъ меня коммиссіею и миромъ, а брата своего посылаетъ воевать вмѣстѣ съ Калиновскимъ и Ляндскоронскимъ. Братъ его убитъ, мнѣ жаль его; онъ былъ настоящій рыцарь и мнѣ пріятель! Но самъ виноватъ! Заварили поляки войну, пусть и расхлебываютъ» [1]). Но вмѣсто кіевскаго митрополита давали Хмельницкому благословеніе съ востока. Въ Польшѣ — легатъ; у козаковъ такое же лицо былъ митрополитъ коринѳскій. Онъ препоясалъ Хмельницкаго мечомъ, освященнымъ патріархомъ на самомъ гробѣ Господнемъ, вручилъ ему частицы мощей изъ Греціи, кропилъ войско святою водою, ободрялъ надеждами на помощь Божію и рѣшился самъ съ духовенствомъ идти на брань за честь православной вѣры. Этотъ пастырь, проживая въ Украинѣ, тайно сносился съ Москвою черезъ своего двоюроднаго брата Илью, писалъ къ цареву тестю Милославскому и къ самому царю, сообщалъ о томъ, что дѣлается въ Украинѣ, извѣщалъ о благожелательствѣ къ Москвѣ гетмана, котораго онъ, съ своей стороны, настраивалъ вступить въ подданство царю: «Гетманъ Хмельницкій,—писалъ онъ,—мнѣ сказалъ такъ: если государь хочетъ, чтобы мы ему поклонились и оберегали его Украину безъ жалованья, и если онъ любитъ христіанскую вѣру, какъ подобаетъ истинному христіанскому государю, — пусть пришлетъ намъ помощь, и мы признаемъ его царемъ и учинимся его подданными; какъ служатъ ему

---

[1] Jak. Michałowsk. Xięga Pam. 632—635.

Digitized by Google

донскіе казаки, такъ и мы будемъ служить ему, ради единой христіанской вѣры; и если онъ изволитъ отбирать отъ поляковъ свои города, мы будемъ помогать ему взять ихъ; если же онъ захочетъ, чтобы этими городами владѣли ляхи, то козаки и татары разорятъ ляховъ, а не дадутъ имъ владѣть русскими городами». Отъ себя митрополитъ замѣчалъ: «мы подлинно слышимъ, что козаки ляховъ побѣдятъ; мира между ними ни за что не будетъ; гетманъ хочетъ ихъ до конца разорить и посадить на польское королевство короля истинной христіанской вѣры» [1]). Въ Москвѣ, черезъ грековъ, распространился слухъ, будто Хмельницкій договорился съ Ракочи: послѣдній будетъ помогать козакамъ, а когда поляковъ завоюютъ, то гетманъ посадитъ на польскій престолъ Ракочіева брата, съ тѣмъ, что этотъ новый король приметъ православную вѣру. Этими слухами хотѣли увѣрить царя и бояръ, что Хмельницкій ведетъ войну за торжество православной вѣры. Но греки старались укрыть передъ царемъ и боярами дружелюбныя сношенія гетмана съ Турціею; грекъ Илья говорилъ въ Москвѣ, что турецкій падишахъ предлагалъ Хмельницкому войско, но гетманъ отвѣчалъ: «мнѣ турецкое войско не нужно: я и съ своими войсками могу стоять противъ ляховъ». Кромѣ коринѳскаго митрополита былъ тогда въ Украинѣ другой митрополитъ съ востока—назаретскій, по имени Гавріилъ. Отправляясь на войну, Хмельницкій взялъ съ собою Іосафа, а Гавріила отправилъ въ Москву съ письмомъ къ царю — умолялъ царя прислать ему ратную помощь и изъявлялъ готовность поступить въ подданство со всею Украиною. Къ этимъ сношеніямъ съ Москвою, которыя велись безпрестанно черезъ грековъ: Илью, Ивана и Павла и серба Василія, примазался и писарь Выговскій. Никогда не любя

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Росс. III. 456.

Digitized by Google

Москвы, хитрый писарь видѣлъ, что гетманъ къ ней расположенъ и соображалъ, что, рано-ли поздно, Украинѣ придется отдаться Москвѣ и потому заранѣе пользовался случаемъ выказаться и выслужиться передъ московскимъ государемъ. Онъ поручалъ грекамъ говорить въ Москвѣ, что они ведутъ сношенія иногда тайно отъ гетмана, но всегда въ соумышленіи съ Выговскимъ. Но такъ какъ они всетаки не говорили, чтобы гетманъ былъ не расположенъ къ Москвѣ, то быть можетъ, все это дѣлалось и съ согласія Хмельницкаго: для него было полезно, чтобы царь получалъ свѣдѣнія о его преданности Москвѣ такими путями, которые будто бы совершаются мимо его; тѣмъ самымъ царь былъ склоннѣе довѣрять ему.

Другіе греки служили дѣлу возстанія въ самой Украинѣ. Аѳонскіе монахи ходили по городамъ и селамъ и призывали православныхъ къ оборонѣ своей святыни. Самъ константинопольскій патріархъ прислалъ Хмельницкому грамоту, восхвалялъ его благочестіе, одобрялъ предпринятую войну противъ враговъ и утѣснителей православія, называлъ римскихъ католиковъ вообще измѣнниками-разорителями, орудіями самого сатаны. Эту грамату послалъ онъ съ какимъ-то Никитою Михайловичемъ, русскаго происхожденія, и поручалъ ему изложить нужды восточной церкви и просить помощи. Съ этимъ Никитою Михайловичемъ отправлено было посланіе къ кіевскому митрополиту: патріархъ просилъ его быть дружелюбнымъ къ Хмельницкому, и осѣнить своимъ благословеніемъ его предпріятіе. Патріархъ писалъ и къ коринѳскому митрополиту: хвалилъ за то, что онъ остается при Хмельницкомъ, и ободрялъ на подвиги во имя православной вѣры [1]).

Хмельницкій выступилъ изъ Чигирина еще 16-го фе-

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Росс. т. III. 447.—Письма Парѳенія константиноп. патріарха въ рукоп. Арх. иностр. дѣлъ.

Digitized by Google

враля и щелъ на пути къ Бару, увеличивая свои силы козаками, которые по его универсалу должны были приставать къ нему. О предполагаемой коммиссіи съ поляками онъ уже не думалъ. По извѣстіямъ современниковъ онъ былъ тогда озлобленъ лично за то, что видѣлъ съ польской стороны препятствія къ устроенію брака сына его Тимоѳея съ дочерью молдавскаго господаря [1]). Но войска у Хмельницкаго въ этотъ годъ было менѣе, чѣмъ прежде: значительная часть его была оставлена для охраненія Украины. На случай вторженія литовскаго войска, гетманъ опредѣлилъ для защиты края три полка: полтавскій, черниговскій и переяславскій, составлявшіе вмѣстѣ отрядъ въ двадцать тысячъ человѣкъ подъ наказнымъ начальствомъ черниговскаго полковника Небабы [2]); притомъ Хмельницкій не имѣлъ тогда той нравственной силы, какая была у него прошлый годъ. Хлопы, воины неискусные въ строю, хотя шли съ фанатизмомъ противъ пановъ, но питали недовѣрчивость къ своему гетману за потачку панамъ и казни мятежниковъ. Многіе реестровые козаки, пользуясь уже своими правами, охотнѣе хотѣли бы идти противъ турокъ, съ которыми сносился и дружился ихъ предводитель. Новый союзъ съ татарами не нравился имъ, потому что эти союзники, вступая въ русскую землю подъ видомъ помощи, уводили въ плѣнъ женщинъ. Были такіе козаки, которые, при самомъ началѣ войны, предложили полякамъ свои услуги противъ того, кого за годъ боготворили [3]).

Въ первыхъ числахъ мая король выступилъ изъ Люблина; отряды посполитаго рушенья безпрестанно прибывали къ нему, одни за другими, изъ ближнихъ воеводствъ. Дворъ провожалъ короля до Красностава; ко-

[1]) Дневн. Освѣцима. Кіевск. Стар. 1882 г. февраль 361.

[2]) Ibid. май. 258.

[3]) Histor. belli cosac. polon. 138.

Digitized by Google

ролева хотѣла слѣдовать съ нимъ далѣе, изъявляя готовность раздѣлять съ нимъ труды и опасности для славы и чести. Поляки съ восхищеніемъ смотрѣли на такую отвагу. «Это была новая Томира, — говоритъ современникъ; — ея смѣлый духъ, ея мужественная осанка показывали въ ней не только женщину съ мужскимъ сердцемъ, но какъ будто мужа, скрывшагося подъ женскою одеждою». Однако король и сенаторы упросили ее воротиться; они представляли ей, что, не подвергая себя опасностямъ въ полѣ, пусть лучше она заботится о спокойствіи оставленнаго отечества вмѣстѣ съ примасомъ. Королева уступила съ нежеланіемъ; только тогда, когда настала минута прощанія, она измѣнила своей твердости и прослезилась и вмѣстѣ съ нею, — говоритъ историкъ, — заплакали прекрасныя и любезныя придворныя дамы знатнѣйшихъ польскихъ фамилій, а между тѣмъ, молодые придворные кавалеры утѣшали ихъ, говоря: «эти слезы сокрушатъ дерзость мятежниковъ; съ Божіею помощью, они заплатятъ кровью за слезы героинь польскихъ» [1]).

Король прибылъ подъ Сокалъ и тамъ рѣшился стоять лагеремъ, пока кварцяное войско не успѣетъ съ нимъ соединиться [2]); великій коронный гетманъ Потоцкій долженъ былъ по королевскому приказу собрать всѣ вновь навербованныя войска у Владимира-Волынскаго. Обѣ половины кварцянаго войска должны были соединиться вмѣстѣ и примкнуть къ королю и къ посполитому рушенью. Въ королевскихъ третьихъ вицяхъ было назначено сборное мѣсто подъ Константиновомъ, но послѣ это мѣсто признали неудобнымъ для сбора войскъ, потому что страна, гдѣ находился Константиновъ, была уже въ рукахъ козаковъ и, притомъ, кварцяному войску изъ-подъ

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 241.—Histor. ab. exc. Wlad. IV. 72.

[2]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 73.—Pamiętn. Albr. Radziw. II 437.

Digitized by Google

Каменца надобно было идти чрезъ непріятельскую землю, между тѣмъ какъ теперь оно могло пройти чрезъ Червоную Русь.

Хмельницкій все это время дожидался хана, но крымскій повелитель посылалъ къ нему только обѣщанія и отговаривался тѣмъ, что ему прежде надобно усмирить калмыковъ [1]).

Такимъ образомъ терялось драгоцѣнное для козаковъ время. Хмельницкій не рѣшался съ одними собственными силами ударить на кварцяное войско, стоявшее подъ Каменцемъ.

Но вотъ донесли ему, что король уже выступилъ въ походъ и посполитое рушенье собирается въ его лагерь. Не дожидаясь болѣе союзника, Хмельницкій составилъ планъ пресѣчь кварцяному войску соединеніе съ королемъ. Онъ послалъ сильный козацкій отрядъ, тысячъ въ сорокъ, подъ начальствомъ асаула Демка и полковниковъ Джеджалія и Савича на Каменецъ ударить на жолнѣровъ сзади, когда они двинутся [2]), а самъ, съ восемнадцатью тысячами, долженъ былъ идти на Тарнополь и перерѣзать имъ дорогу. Но молдавскій господарь узналъ объ этомъ и сообщилъ Потоцкому во-время. Польское войско двинулось ранѣе, чѣмъ козаки могли стать въ положеніе, необходимое для ихъ плановъ [3]). Посланное козацкое войско, прибывъ подъ Каменецъ, не застало тамъ непріятельскаго войска. Демко и Савичъ [4]) отправились въ погоню, а Джеджалій принялся штурмовать Каменецъ. Джеджалій нѣсколько дней пускалъ въ Каменецъ ядра, которыя, при неискуствѣ козацкихъ

---

[1]) Histor. belli cosac. polon. 137.

[2]) Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 163.

[3]) Histor. belli cosac. polon. 135.

[4]) Истор. о през. бр.—Histor. belli cosac. polon. 136.—Woyn. dom. ч. 2. 71.

Digitized by Google

пушкарей, не нанесли полякамъ вреда, и 19-го мая покинулъ его. Козаки взяли только недалеко лежавшую крѣпость Паневцы: имъ отворилъ ворота какой-то Тржилатковскій, уговорившись, что за это онъ получитъ чинъ полковника въ козацкомъ войскѣ; но когда козаки вошли въ крѣпость, то вмѣсто полковничьяго чина дали ему петлю на шею, въ награду за измѣну своему долгу и отечеству [1]). Между тѣмъ тотъ козацкій отрядъ, который пошелъ въ погоню за польскимъ войскомъ, догналъ поляковъ на переправѣ чрезъ рѣку Серетъ, при селеніи Купчинцы; но поляки узнали заранѣе о погонѣ и поставили за холмомъ и лѣсомъ по обѣимъ сторонамъ дороги скрытые отряды, а когда козаки явились, то побросали возы и пустились бѣжать. Козаки погнались за ними, прошли чрезъ рѣку, но едва достигли мѣста, гдѣ была скрыта засада, бѣгущее войско вдругъ оборотилось, скрытые отряды выскочили на козаковъ съ боковъ и притиснули ихъ къ рѣкѣ. Много ихъ потонуло [2]). Плѣнные козаки сказали полякамъ, что Хмельницкій заходитъ съ другой стороны прямо имъ на встрѣчу. Это извѣстіе снова породило въ войскѣ страхъ; поляки спѣшили днемъ и ночью и, недалеко отъ Сокала, доходя до Буга, увидѣли позади себя чернѣющіе ряды людей: имъ показалось, что они летѣли прямо на нихъ. «Бѣда! бѣда! — кричали поляки, — это Хмельницкій!» Они сожгли возы свои, покинули въ поморянскомъ замкѣ больныхъ и раненыхъ, бросили порохъ и двѣ пушки и торопились соединиться съ королемъ, дѣлая по двѣ и по три мили въ день. Иные въ-торопяхъ кидались въ Бугъ вплавь, и многіе изъ такихъ утонули—«и много тогда погибло ляховъ отъ одной

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 236—237.

[2]) Истор. о през. бр.—Histor. belli cosac. polon. 184. — Annal. Polon. Clim. I. 238.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 165.—Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882 г. май 259.

Digitized by Google

боязни», говоритъ лѣтописецъ [1]). Хмельницкаго не было; чернѣвшая толпа былъ татарскій загонъ, уводившій невольниковъ. Увидя польское войско, татары бѣжали отъ него въ страхѣ, никакъ не предполагая, что ихъ появленіе надѣлало такого ужаса тѣмъ, которыхъ они боялись сами [2]).

Избавившись отъ опасности, польское войско прибыло въ королевскій лагерь безъ запасовъ, пожитковъ и потеряло значительную часть артиллеріи въ своихъ походахъ. Потоцкій съ другою частью войска прибылъ къ Сокалу, около 10-го мая, ранѣе короля и отправилъ къ Калиновскому присланнаго отъ короля подканцлера Радзѣевскаго, который имѣлъ нарочно порученіе отъ короля примирить обоихъ гетмановъ; послѣдніе продолжали ненавидѣть другъ друга. 17-го мая прибылъ въ Сокалъ Янъ Казимиръ съ шестью тысячами и тотчасъ приказалъ укрѣплять валомъ мѣсто для стана, опасаясь, чтобъ козаки не напали на нихъ прежде, чѣмъ соберутся всѣ польскіе отряды. Высланный на разъѣзды съ вѣрными Рѣчи Посполитой козаками Забусскій, произведенный королемъ въ 1649 году въ званіе козацкаго гетмана, привелъ нѣсколькихъ плѣнныхъ козаковъ, и тѣ показали, что Хмельницкій намѣревается съ быстротою ударить на королевскій станъ прежде, чѣмъ то войско, что шло изъ-подъ Каменца, достигнетъ его. Но Хмельницкому не удалось. 22-го мая Калиновскій прибылъ въ Сокалъ, за нимъ явилось и все его войско. Всѣ представлялись королю передъ его шатромъ. Король надѣялся, что это войско придетъ въ числѣ 12000 человѣкъ, а его осталось только 6000; всѣ люди были истомлены и измучены долговременными трудами, лошади изранены, а у многихъ това-

---

[1]) Истор. о през. бр.—Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882 г. май 260.
[2]) Histor. belli cosac. polon. 135.

Digitized by Google

рищей и у большей части прислуги лошадей вовсе не было и они плелись пѣшкомъ [1]).

Хмельницкій доходилъ до Тарнополя, но услышалъ, что планы его разрушены и что войско уже соединилось съ королемъ. Досадуя на Джеджалія за то, что провелъ попустому время подъ Каменцемъ [2]), гетманъ возвратился назадъ, сталъ подъ Збаражемъ и тамъ рѣшился дожидаться хана [3]).

Такъ находились непріязненныя войска въ своихъ лагеряхъ около трехъ недѣль; оба теряли удобное время къ нападенію одно на другое. Хмельницкій не отваживался напасть на короля, потому что польскія силы увеличивались съ каждымъ часомъ, между тѣмъ какъ положеніе козаковъ подъ Збаражемъ было невыгодно: распространились въ таборѣ повальныя болѣзни, до того пагубныя, что въ короткое время козаки вывезли двѣсти шестьдесятъ возовъ съ мертвыми и больными [4]). Кромѣ того, край этотъ былъ опустошенъ прежнею войною и въ послѣдній годъ саранчею [5]). Армія начала терпѣть голодъ. Хмельницкій посылалъ отряды въ Полѣсье и на Волынь для фуража [6]).

Въ это время у Хмельницкаго произошла семейная драма, одно изъ такихъ событій, которые сами по себѣ, въ ряду громкихъ политическихъ событій, кажутся для исторіи малозначительными, на самомъ же дѣлѣ, по тому вліянію, какое оказываютъ на сердце героевъ эпохи, гораздо важнѣе, чѣмъ быть можетъ предполагаютъ. Жена гетмана Богдана Хмельницкаго, бывшая Чаплинская, за-

---

[1]) Дневн. Освѣц. Кіевс. Стар. 1882 г. май 261.

[2]) Истор. повѣст. о Мал. Росс. 78.

[3]) Woyna dom. ч. 2. 19.—Hist. belli cosac. polon. 142.—Stor. delle guer. civ. 252.

[4]) Woyna dom. ч. 2. 21.

[5]) Истор. о през. бр.

[6]) Hist. belli cosac. polon. 138.

Digitized by Google

гадочная женщина, въ личности которой надобно искать завязку всей драмы, называемой въ народномъ преданіи Хмельнищиною, женщина несомнѣнно любимая гетманомъ страстно — измѣнила ему, связалась съ какимъ-то часовщикомъ изъ Львова, котораго Хмельницкій сдѣлалъ своимъ дворецкимъ и довѣрялъ ему беречь свое казнохранилище. Неджанно, когда въ виду наступавшей войны надобно было платить союзникамъ татарамъ, Хмельницкій недосчитался одного боченка съ червонцами. Сперва думалъ Хмельницкій, что взялъ его сынъ гетманскій Тимошъ, который былъ тогда посланъ съ козаками къ предѣламъ Литвы; онъ написалъ объ этомъ сыну, а Тимошъ письменно отвѣчалъ, что не зналъ даже о существованіи этого боченка. Тогда Хмельницкій приказалъ сдѣлать допросъ своему любимцу дворецкому, а самъ между тѣмъ уѣхалъ къ войску, собравшемуся въ походъ противъ Польши. Допросъ съ пытками производилъ въ отсутствіи гетмана сынъ его Тимошъ. Преступникъ сознался не только въ покражѣ денегъ, но и въ любовной связи съ женою гетмана. Хмельницкій, получивши такое свѣдѣніе, въ порывѣ оскорбленнаго чувства и поруганной чести, написалъ къ сыну приказаніе покончить съ обоими. Виновныхъ раздѣли до-нага, связали вмѣстѣ въ такомъ видѣ, въ какомъ они прелюбодѣйствовали (sicut erant in actione adulterii) и повѣсили [1]). По извѣстію одного современнаго дневника Тимошъ вмѣстѣ со своею мачихою повѣсилъ и мать ея [2]). Въ другомъ также сомеменномъ дневникѣ говорится, что жена Хмельницкаго была казнена самасемь, то есть съ шестью другими лицами [3]). Малороссійскій лѣтописецъ, писавшій уже позже, по преданію, кото-

---

[1]) Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882 г. май стр. 270. — Pamiętn. Albr. Radziwiłła II. 437.

[2]) Staroż. Polskie. I. 353.

[3]) Latop. Jerlicza. I, 120.

Digitized by Google

рому самъ не даетъ полной вѣры, говоритъ, что Тимоѳей повѣсилъ свою мачиху на воротахъ [1]). Когда Хмельницкому 10-го мая 1651 года доставили вѣсть объ этомъ, онъ впалъ въ тоску [2]). Можно себѣ вообразить какая трагическая тревога совершилась тогда въ душѣ этого человѣка. Вѣроятно не затихала она долго и была, можетъ быть, одною изъ причинъ печальнаго исхода войны, который скоро увидимъ.

Королевское войско, безпрестанно увеличиваясь, подвергалось во время стоянки подъ Сокаломъ тоже тѣмъ неудобствамъ, отъ которыхъ терпѣло козацкое: и тамъ распространились повальныя болѣзни, отъ которыхъ многіе умирали, не увидѣвъ непріятеля. Многочисленное стеченіе народа произвело дороговизну, которая скоро возвысилась до того, что шляхтичи, говоритъ современникъ, нерѣдко дрались между собою за кусокъ бѣлаго хлѣба, а овесъ былъ по 20 злотыхъ за корецъ, тогда какъ въ обыкновенное время цѣна его была 2 злотыхъ [3]). Сверхъ того безпокоили короля обычныя несогласія пановъ и духъ неповиновенія, никогда не оставлявшій поляковъ. Король употреблялъ всѣ мѣры, чтобъ усмирить волненія, и въ особенности дѣйствовалъ посредствомъ религіи. Онъ самъ часто ѣздилъ въ бернардинскій монастырь, показывалъ всѣмъ примѣръ, что въ такое время мысли должны быть обращены къ Богу. Наступилъ праздникъ Тѣла Господня. Въ этотъ день все войско было собрано; канцлеръ епископъ Лещинскій, совершилъ литургію и, по окончаніи ея, вынесъ св. Дары съ торжествомъ, какъ слѣдовало по обряду праздника. За нимъ шелъ король съ горящею свѣчею, послѣ него слѣдовали сенаторы и воеводы. Все войско было выстроено и, по данному знаку, каждая

---

[1]) Величка. Лѣтоп. I. 14.

[2]) Акты Южн. и Зап. Росс. III. 452.

[3]) Stor. delle guer. civ. 246.—Woyna dom. ч. 2. 20.

Digitized by Google

хоругвь должна была подходить къ духовенству, стоявшему около канцлера, который держалъ безкровную жертву. Впереди хоругви шелъ хоружій съ своимъ знаменемъ и, подошедъ къ архипастырю, клалъ съ благоговѣніемъ знамя у ногъ его; всѣ за нимъ становились на колѣни и хоружій, отъ имени своихъ подчиненныхъ, произносилъ клятву пребывать въ согласіи и единствѣ, какъ прилично воинамъ креста. Примѣръ тому показала хоругвь королевская, за нею слѣдовали прочія хоругви; обрядъ этотъ, кромѣ того, что поддерживалъ въ воинахъ духъ, послужилъ и для обозрѣнія всего войска [1]). По извѣстію современнаго дневника, смотръ войска, начавшійся съ 27-го мая, продолжался цѣлыхъ три дня, такъ какъ войско кварцяное раздѣлялось на три отдѣла: конницу и два рода пѣхоты, иностранную и польскую. Это войско было тогда еще неполно; изъ нѣкоторыхъ воеводствъ еще не успѣло придти посполитое рушенье, что очень не нравилось королю. Въ станѣ подъ Сокаломъ онъ былъ также дѣятеленъ, какъ и подъ Зборовомъ, производилъ маневры, училъ неопытныхъ, отправлялъ подъѣзды и безпрестанно возбуждалъ и поддерживалъ въ подчиненныхъ духъ воодушевленія и порядка [2]).

Простоявъ нѣсколько недѣль подъ Сокаломъ, паны сочли неудобнымъ для встрѣчи съ непріятелемъ то мѣсто, которое до того времени считали выгоднымъ. Случилось обстоятельство, которое заставило ихъ перевести лагерь изъ подъ Сокала въ другое мѣсто.

Ханъ еще въ маѣ отправилъ къ Хмельницкому мурзу Ханъ-Мамбета съ передовымъ отрядомъ орды и самъ обѣщалъ вскорѣ явиться со стотысячнымъ войскомъ [3]). Въ то время, когда король прибылъ въ Сокалъ, татарское

---

[1]) Bell. scyth. cosac. 134.

[2]) Woyna dom. Ч. 2. 20.

[3]) Акты Южн. и Зап. Росс. III. 458.

Digitized by Google

полчище съ ханомъ во главѣ переправилось своимъ обычнымъ способомъ вплавь черезъ Днѣпръ и шло къ Волыни такою массою, которая, по словамъ польскаго историка [1]), походила на густой лѣсъ или на грозовую тучу, поднимающуюся изъ-за горизонта и готовую разразиться. Татаръ съ ханомъ было до ста тысячъ, а лошадей у нихъ болѣе двухъ сотъ пятидесяти тысячъ, потому что каждый татаринъ велъ съ собою непремѣнно лишняго коня, а иной и пару. Орда шла быстро, дѣлая въ день верстъ по сорока; татары останавливались для покорма лошадей на самое короткое время и не расходясь въ стороны загонами для поимки плѣнныхъ, какъ обыкновенно у нихъ дѣлалось; теперь это было запрещено ханомъ. Съ пути ханъ отправилъ посольство къ королю. Эти послы имѣли тайное свиданіе съ королемъ, и потомъ спросили позволеніе повидаться съ Ничахомъ или Нетычай-мурзою (какъ именуетъ его Освѣцимъ) плѣннымъ мурзою, взятымъ Калиновскимъ подъ Купчинцами. Этотъ богатырь, черный какъ негръ, исполинскимъ ростомъ приводившій въ изумленіе, пользовался благосклонностью пановъ, какъ знатокъ военнаго дѣла; онъ совѣтовалъ имъ не покидать мѣста подъ Сокаломъ. Когда татары сошлись съ нимъ, тогда два поляка, знавшіе по-татарски, нарядились въ платье нѣмецкихъ солдатъ и, стоя на караулѣ подъ видомъ часовыхъ, услышали, что этотъ мурза описывалъ воиновъ посполитаго рушенья трусами и передавалъ хану совѣтъ поскорѣе напасть на поляковъ подъ Сокаломъ, гдѣ онъ, между тѣмъ, будетъ ихъ задерживать своими совѣтами, потому что мѣсто для нихъ неудобно и тѣсно. Ханскихъ пословъ отпустили съ честью. Хитраго мурзу, послѣ того, отправили въ Варшаву [2]).

---

[1]) Kubala. I. 264.

[2]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 74. Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882. іюнь 440.

Digitized by Google

Польскіе историки не говорятъ, что за цѣль была этого посольства и какое послѣдствіе оно имѣло; но лѣтописцы украинскіе повѣствуютъ, будто король, замѣтивъ, что ханъ нерасположенъ къ козацкому гетману, предлагалъ ему южную степную часть Украины, гдѣ находилось Запорожье—пріютъ недовольныхъ, колыбель возстаній, если только ханъ отступитъ отъ козаковъ [1]). У насъ теперь нѣтъ никакихъ данныхъ провѣрить справедливость этого извѣстія, во всякомъ случаѣ позднѣйшаго, хотя не лишеннаго правдоподобія. Но есть современныя извѣстія, что Хмельницкій на козацкой радѣ говорилъ подобное о замыслахъ короля [2]).

Какъ бы то ни было, поляки если и знали тогда, что ханъ недоволенъ своимъ союзникомъ Хмельницкимъ, то всетаки разсчитывали, конечно, что ханъ не упуститъ случая, когда можно, повредить полякамъ. Послы съ какими-то тайными предложеніями могли быть также и шпіоны, присланные для того, чтобъ узнать, какъ велико польское войско и есть ли возможность съ нимъ сладить [3]). Паны не смѣли оставаться на томъ мѣстѣ, которое непріятель почиталъ для себя выгоднымъ: рѣшили перенести лагерь на Волынь [4]). «Лучше, говорили они, воевать въ землѣ враждебнаго народа, чѣмъ отягощать собственный народъ войною» [5]). Конецпольскій былъ посланъ впередъ съ двумя тысячами пятьюстами человѣкъ осмотрѣть переправы и доносилъ, что самое удобное мѣсто стать лагеремъ—подъ мѣстечкомъ Берестечкомъ, на рѣкѣ Стырѣ; «тамъ, извѣщалъ онъ, просторное поле, обильное

---

[1]) Кратк. истор. опис. о Мал. Росс. 16.
[2]) Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882. Май. 269.
[3]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 74.
[4]) Woyn. dom. ч. 2. 20.
[5]) Histor. bel. cosac. polon. 139.

Digitized by Google

пастбище, хорошая вода» [1]). Но прошло нѣсколько дней, поляки все еще не рѣшались какъ имъ поступать. «У насъ въ войскѣ, сообщаетъ современный дневникъ [2]), господствовала страшная неурядица: планы военныхъ дѣйствій мѣнялись чуть не черезъ каждый часъ,... отсутствіе точныхъ свѣдѣній о замыслахъ и движеніяхъ непріятельскихъ было главною причиною частой перемѣны плановъ. Извѣстія добывались исключительно отъ языковъ, а изъ ихъ показаній никогда не было возможности добиться истины. Случалось плѣнникъ скажетъ, что Хмельницкій двигается на насъ и мы сейчасъ опускали носы и рѣшали ожидать его и защищаться на мѣстѣ; но проходило дня два, Хмельницкій не появлялся, а новый языкъ сообщалъ противоположное первому извѣстіе и мы немедленно предавались радости и возгорались охотою идти ему на встрѣчу. Это повторялось нѣсколько разъ». То совѣтовали идти къ Берестечку, утверждая, что Хмельницкій намѣренъ двинуться на польское войско и не можетъ миновать Берестечка, то, услыхавши отъ языковъ, будто Хмельницкій думаетъ отступить въ Украину, хотѣли отрѣзать ему путь къ Кіеву, но получали отъ языковъ иное извѣстіе, что Хмельницкій думаетъ двигаться къ Кракову на соединеніе съ Ракочіемъ, который съ своимъ войскомъ нагрянетъ на этотъ пунктъ. Тогда являлся новый планъ—передвинуть войско къ Глинянамъ, откуда удобнѣе будетъ пересѣчь путь непріятеля къ Кракову. Нѣкоторые же находили, что лучше всего не трогаться съ мѣста и ожидать непріятеля подъ Сокаломъ. Наконецъ взяло верхъ мнѣніе тѣхъ, которые совѣтовали идти къ Берестечку. У нѣкоторыхъ была мысль идти къ Берестечку на-легкѣ, оставивъ обозъ и прислугу въ укрѣпленномъ станѣ подъ Сокаломъ съ пѣхо-

---

[1]) Pam. o Koniecp.

[2]) Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882. Іюнь. 434—437.

Digitized by Google

тою; но это показалось тогда же опаснымъ: на польскую прислугу, очень многочисленную и состоящую въ значительномъ количествѣ изъ хлоповъ, нельзя было положиться. Послѣ ухода своихъ господъ она могла поднять бунтъ, разграбить возы съ пожитками и пристать къ Хмельницкому. Рѣшили войску идти съ обозомъ, не раздѣляясь на части. 4-го іюня выслали снова короннаго хоружаго Конецпольскаго подъ Берестечко занять переправы, а король, раздѣливъ войско на десять полковъ, носившихъ названія пановъ ими начальствовавшихъ (короля, двухъ гетмановъ, Потоцкаго и Калиновскаго, воеводы брестскаго Щавинскаго, русскаго Іереміи Вишневецкаго, подольскаго Станислава Потоцкаго, брацлавскаго Ляндскоронскаго, великаго короннаго маршала Юрія Любомирскаго, подканцлера литовскаго Льва Сапѣги и хоружаго короннаго Александра Конецпольскаго) 5-го іюня (15-го н. с.) двинулся въ походъ. Впередъ по направленію на югъ, гдѣ былъ Хмельницкій, высланъ былъ Вишневецкій, съ тремя тысячами, для наблюденія за непріятелемъ [1]).

Какъ только поляки замыслили идти на Волынь, Хмельницкій узналъ объ этомъ и задумывалъ напасть на нихъ въ то время, когда они будутъ проходить по болотистымъ мѣстамъ между Сокаломъ и Берестечкомъ, и запереть ихъ въ непроходимомъ мѣстѣ. Но онъ съ часу на часъ дожидался хана и не рѣшился выступить до его прибытія цѣлымъ войскомъ, а послалъ только впередъ отрядъ, готовясь броситься вслѣдъ за нимъ и самъ когда придетъ ханъ [2]).

Первый день польское войско проходило по болотистому, вязкому лугу; лошади забивались въ тину; ломались по кочкамъ колеса; солдаты сбивались съ дороги. Вечеромъ войско должно было переправляться по узкому

---

[1]) Histor. belli cosac. polon. 142.

[2] Ibid. 143.

Digitized by Google

сухому пути, окруженному топями; оно растянулось на большое пространство и находилось въ такомъ положеніи, что еслибъ непріятель напалъ на него, то поляки, при всей своей многочисленности, не въ силахъ были дѣйствовать взаимными силами и были бы разбиты [1]). На третій день 17-го іюня н. с., шесть часовъ сряду, король раздѣлялъ свое войско на отдѣлы, для удобнѣйшаго перехода [2]). Въ слѣдующую затѣмъ ночь, на ночлегѣ между селами Брамою и Долгимъ, сдѣлалась тревога. Разбудили короля. Все войско всполошилось и быстро стало въ боевой порядокъ. Вскорѣ оказалось, что тревога была напрасная и дѣло кончилось тѣмъ, что король обругалъ начальниковъ площадными словами и матернею бранью, которую поляки нашли неприличною въ королевскихъ устахъ, тѣмъ болѣе, что по мнѣнію начальниковъ ихъ, напротивъ, слѣдовало похвалить за исправность, съ какою они, по данному сигналу, успѣли выстроить жолнѣровъ къ ожидаемому бою [3]). Поляки шли медленно. Но Вишневецкій прислалъ королю пойманныхъ козаковъ. Принужденные пытками, плѣнники разсказали о намѣреніи гетмана напасть на поляковъ во время ихъ похода къ Берестечку на переправахъ черезъ рѣки или на ночлегѣ. То же подтверждалъ перебѣжчикъ изъ козацкаго стана. Вспомнили также о прежде подслушанномъ разговорѣ татарскаго мурзы съ землякомъ. Король приказалъ спѣшить день и ночь, и на пятый день пути, 19-го іюня поляки достигли Берестечка [4]). Хмельницкій пропустилъ удобное время напасть на поляковъ вовремя перехода.

---

[1]) Woyn. dom. Ч. 2. 21.

[2]) Bell. scyth. cosac. 142.—Лѣтоп. пов. о Мал. Росс. 79.—Дневникъ Освѣц. Кіевс. Стар. 1882 г. іюнь. 438.

[3]) Дневн. Освѣц. Кіевс. Ст. 1882 г. іюнь. 439.

[4]) Histor. belli cosac. polon. 143.—Woyna domowa. Ч. 2. 21.—Берестечко—мѣстечко дубенскаго уѣзда, въ трехъ верстахъ отъ австрійской границы).

Digitized by Google

Польское войско остановилось на лѣвой сторонѣ Стыри, окаймленной по обоимъ берегамъ болотами, между мѣстечками Струмильцемъ и Берестечкомъ [1]), и тамъ простояли нѣсколько дней въ ожиданіи прибытія посполитаго рушенья и устройства переправы у Берестечка для перехода черезъ Стырь на правую сторону, куда король призналъ лучшимъ перевести войско, потому что тамъ была огромная равнина.

Между тѣмъ до поляковъ доходили одна за другою невѣрныя вѣсти о ихъ непріятелѣ. 20-го іюня пріѣхали монахи изъ Почаева просить себѣ королевскаго охраннаго универсала для безопасности отъ польскихъ жолнѣровъ, которыхъ своевольства они боялись какъ православные. Изъ такой просьбы поляки заключили, что вѣрно Хмельницкій удаляется въ Украину, и почаевскіе монахи, оказывавшіе ему сочувствіе, боятся мести поляковъ, лишившись въ козакахъ надежды на опору. Потомъ явились съ просьбою о такомъ же охранномъ универсалѣ для себя мѣщане мѣстечка Вишневца и сообщали, что, по словамъ козаковъ, Хмельницкій хочетъ отступать къ Константинову и къ Маначину. Наконецъ, калаузъ (конвойный) брацлавскаго воеводы сообщалъ, что Хмельницкій, потерявши всякую надежду на прибытіе хана, уже повернулъ назадъ, такъ какъ прослышалъ, что татары разоряютъ Украину [2]).

22-го іюня началась переправа. Польское войско было такъ огромно и такъ своевольно, что переправа не окончилась въ нѣсколько дней. «Мы были до того безразсудны,— говоритъ современникъ [3]), — что въ то время, когда уже непріятель, угрожавшій погибелью нашей свободѣ, готовъ былъ не сегодня-завтра, появиться предъ нашими глазами, въ нашемъ войскѣ возникли волненія. Шляхта негодовала на короля за предпочтеніе нѣмцамъ. Иные, поссорившись

---

[1]) Дневн. Освѣц. Кіевс. Ст. 1882 г. іюнь. 441.

[2]) Ibid. 442.

[3]) Woyna dom. Ч. 2. 21.

Digitized by Google

съ товарищами, требовали отъ начальства наказанія своимъ соперникамъ и кричали, что если имъ не окажутъ удовлетворенія, то они не пойдутъ на переправу [1]). Шумъ, смятеніе, даже драка въ самыя опасныя минуты»... Еще разъ былъ благопріятный случай для Хмельницкаго, но Хмельницкій не являлся, а между тѣмъ польскія силы увеличились еще нѣсколькими десятками тысячъ: подъ Берестечкомъ прибыли ополченія посполитаго рушенья воеводствъ краковскаго, сендомирскаго, волынскаго, бельзскаго и русскаго [2]).

Хмельницкій въ то самое время былъ занятъ пріемомъ хана. Узнавши о приближеніи союзника, козацкій гетманъ двинулся изъ подъ Збаража и расположился станомъ при селѣ Колодеѣ на широкомъ полѣ, и оттуда съ полковниками отправился встрѣчать хана. Онъ представился ему подъ Лабишиномъ 8-го іюня и, повидавшись съ ханомъ, съ его братьями и знатными мурзами, уѣхалъ въ свой станъ. Затѣмъ ханъ, въ сопровожденіи беевъ, мурзъ и агъ, прибылъ въ козацкій станъ. Радостныя восклицанія, звонъ колоколовъ и привѣтственный громъ шестидесяти орудій возвѣщали на далекое пространство о соединеніи козацкаго гетмана съ повелителемъ крымцевъ [3]). Но уже первое свиданіе союзниковъ предвѣщало мало добраго. Есть польское извѣстіе, что когда ханъ пріѣхалъ въ козацкій станъ, его встрѣтили съ почетомъ всѣ козацкіе полковники, а гетмана съ ними не было: онъ лежалъ мертвецки пьянъ, что съ нимъ происходило безпрестанно послѣ его семейной трагедіи. Это одно уже расположило къ нему омерзѣніе у мусульманскаго властителя [4]). Впрочемъ, по-

---

[1]) Woyna dom. Ч. 2. 22.

[2]) Starož. Pols. I. Woyna z kozak. i tat. 273.

[3]) Histor. belli cosac. polon. 142.

[4]) Kubala. I. 266. Ссылается между прочимъ на рукописи библ. Оссолинскихъ, Дзѣдушицкаго и краковской Академіи.

Digitized by Google

мимо такой черты, которая могла быть противна хану, Исламъ-Гирей не могъ забыть о предполагавшейся войнѣ съ москвитянами, которой такъ успѣшно помѣшалъ Хмельницкій, и теперь ханъ принималъ холодно увѣренія гетмана въ благодарности. Исламъ-Гирей, по-неволѣ, долженъ былъ нарушить зборовскій договоръ, выгодный для него и представлявшій ему случай — обогатившись уже на-счетъ Польши, обогатиться еще и на счетъ Московскаго государства. Не по вкусу было Исламъ-Гирею и то, что Хмельницкій, дѣйствуя посредствомъ турецкаго двора, насильно принудилъ крымскаго хана идти противъ поляковъ. Между татарскими беями были враги и недоброжелатели Хмельницкаго, одинъ изъ нихъ Велибей разсылалъ къ разнымъ татарамъ письма, убѣждалъ не ходить на помощь къ козакамъ, и увѣрялъ, что того желаетъ самъ ханъ [1]).

Не успѣвъ исполнить своего плана и преградить врагамъ путь къ Берестечку, Хмельницкій затѣялъ другой: онъ пустилъ слухъ, что хочетъ уходить въ Украину, и сдѣлалъ это съ тѣмъ, чтобъ тѣ козаки, которые попадутся въ плѣнъ, или перейдутъ въ польскій станъ, разносили объ этомъ вѣсть между поляками. Такимъ путемъ онъ надѣялся раздѣлить польское войско и атаковать его на двухъ переправахъ: оставшихся — на Стырѣ, а тѣхъ, которые погонятся за нимъ, воображая, что онъ уходитъ въ Украину, — на рѣкѣ Иквѣ, среди болотъ и яровъ.

Сначала планъ было удался. Стефанъ Чарнецкій, отправившись съ отрядомъ въ разъѣздъ для провѣдки вѣстей, доставилъ ложное извѣстіе: будто татары не пришли на соединеніе съ козаками и козаки, потерявши всякую надежду на прибытіе союзниковъ, отступаютъ въ Украину. Кто-то, какъ сообщалъ Чарнецкій, видѣлъ собственными глазами, какъ Хмельницкій у Ямполя заботился объ устрой-

---

[1]) Польская рукоп. архив. иностр. дѣлъ.

Digitized by Google

ствѣ переправы черезъ рѣку для отступающаго козацкаго войска. «Теперь, — говорили тогда услышавши такія вѣсти поляки, — намъ придется сразиться съ козаками развѣ подъ Кіевомъ» [1]). Тогда еще обозъ на Стырѣ не успѣлъ переправиться; оставалось еще множество возовъ и пѣхоты на другомъ берегу, а по настоянію короля, вопреки возраженіямъ Потоцкаго, на военномъ совѣтѣ рѣшили—идти съ конницею подъ Дубно съ цѣлію начать погоню за отступающими въ Украину козаками.

На другой день, едва только стало разсвѣтать, раздались трубы, и передовые полки двинулись по дорогѣ къ Дубно. Самъ король, собравшись въ путь, слушалъ обѣдню. Въ это время приводятъ къ Потоцкому какого-то шляхтича.

«Я шелъ изъ Подкаменя, — сказалъ онъ, — и одинъ Промыслъ спасъ меня. Когда я проходилъ чрезъ лѣсъ, то видѣлъ изломанные кустарники и свѣжіе слѣды конскихъ копытъ — несомнѣнный признакъ, что непріятельское войско недалеко». Вслѣдъ затѣмъ предводитель вѣрныхъ Рѣчи Посполитой козаковъ, Забусскій, посланный короннымъ гетманомъ въ подъѣздъ, принесъ болѣе вѣрное извѣстіе, что татарская орда несомнѣнно уже присоединилась къ козацкому войску и Хмельницкій выслалъ передовой отрядъ въ 15.000 человѣкъ, подъ начальствомъ винницкаго полковника Богуна къ селу Горынкѣ, чтобъ занять нужную дорогу [2]).

Потоцкій съ такимъ извѣстіемъ побѣжалъ къ королю и прервалъ его благочестивыя занятія. Онъ разсказалъ ему о вѣсти и заклиналъ, именемъ булавы, которую государь вручилъ ему, не идти впередъ.

«Умоляю, ваше величество,—сказалъ онъ:—не выступать, по крайней мѣрѣ, сегодня; если желаніе безсмертной

---

[1]) Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882 г. Сентябрь. 510.

[2]) Дневн. Освѣц Кіевск. Стар. 1882 г. Сентябрь. 511—512.

Digitized by Google

славы и побѣды такъ горячо побуждаетъ ваше величество—то повременимъ до утра: быть можетъ, тѣмъ временемъ, мы получимъ навѣрное извѣстіе о непріятелѣ».

Король приказалъ помедлить, но всетаки собирался въ походъ, и передовые полки были за четыре версты отъ стана [1]). Вдругъ прибѣгаетъ гонецъ Вишневецкаго.

Іеремія уже успѣлъ подъ Радзивилловомъ войти въ новую битву съ козаками и узналъ намѣреніе непріятеля.

«Воротитесь,—извѣщалъ онъ,—и не покидайте своего поста. Хмельницкій идетъ къ Дубно, чтобъ остановить войско наше во время переправы чрезъ Икву, а ханъ хочетъ напасть на оставшійся обозъ на Стыри и уже сосредоточилъ свои силы около мѣстечка Перенятина» [2]).

Тогда король далъ приказаніе немедленно воротиться и началъ переправлять остальную пѣхоту и обозъ съ лѣвой стороны Стыри на правую. Эта работа продолжалась весь день и, наконецъ, цѣлую ночь, при зажженныхъ лучинахъ [3]).

Король запретилъ, подъ страхомъ наказанія, выходить изъ обоза пасти лошадей, для того, чтобъ какой-нибудь нерасторопный слуга не попался подъ татарскій арканъ и не высказалъ непріятелю о положеніи войска. Но поляки, какъ обыкновенно у нихъ дѣлалось, не слушали приказаній, попадались въ плѣнъ и черезъ это Хмельницкій зналъ о всѣхъ движеніяхъ своихъ непріятелей. Такъ случилось и въ этотъ день [4]). Попавшись въ плѣнъ, слуги сказали, что король уже нейдетъ къ Дубно. Хмельницкій узналъ, что другой планъ его разрушенъ Вишневецкимъ.

---

[1]) Woyna dom. Ч. 2. 23—24.

[2]) Histor. belli cosac. polon. 143.—Bel. scyth. cosac. 144.—Woyna z koz. i tat. I. 272.—Stor. delle guer. civ. 256.

[3]) Histor. belli cosac. polon. 145.

[4]) Staroż. Pols. I. Woyna z kozak. i tat. 272.—Hist. belli cos. polon. 144. —Кратк. ист. о бунт. Хмельниц. 33.—Stor. delle guer. civ. 256.

Digitized by Google

Досадно стало гетману, что его кровный и непримиримый врагъ одинъ уничтожаетъ замыслы его и, какъ будто насмѣхаясь надъ его силою, стоитъ въ отдаленіи отъ главнаго войска и спасаетъ всѣхъ своею храбростью и предусмотрительностью. Хмельницкій послалъ сильный отрядъ сломить и уничтожить храбреца.

Недалеко отъ Берестечка, напали козаки на Вишневецкаго; два раза онъ посылалъ просить подкрѣпленія и два раза не выдержали поляки. Приходилось Вишневецкому посрамить свою воинскую славу, какъ вдругъ, уже на закатѣ солнца, является Конецпольскій, а ему въ подмогу послалъ коронный гетманъ маршала короннаго. Они ударили на непріятеля сзади. Непріятельскій отрядъ поспѣшно оставилъ поле битвы и ушелъ за переправу, потерявъ взятыми въ плѣнъ двадцать человѣкъ и одного мурзу. Съ торжествующимъ видомъ прибыли паны въ обозъ съ новыми плѣнниками. Татарскіе плѣнники сказали, что ханъ хотя прибылъ, но вовсе нерасположенъ сражаться и теперь хочетъ возобновить миръ [1]).

Это было передъ вечеромъ, 18-го іюня (28-го н. с.). Вдругъ на горизонтѣ зачернѣла толпа. Въ польскомъ лагерѣ раздался крикъ, началась бѣготня. Король приказалъ коннымъ полкамъ выходить въ поле. Но это были только передовые татарскіе наѣздники, открывавшіе сраженіе, по своему обыкновенію, герцами. Они вызывали поляковъ помѣряться силою и, чтобъ раздражить ихъ, называли трусами и показывали разные оскорбительные знаки. Нѣсколько отважныхъ выѣхало на герцы. Дѣло обошлось безъ большаго кровопролитія, татары удалились съ тайнымъ предчувствіемъ неудачи. «У татаръ, говоритъ современникъ, былъ обычай замѣчать, въ какую сторону

---

[1]) Hist. belli cosac. polon. 144.—Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882 г. Сент. 513.—Pamiętn. Albr. Radziw. II. 443.

Digitized by Google

головою упадетъ первый татарскій трупъ: если къ непріятелю, то это счастливая примѣта, а если къ своимъ, тогда ждали потери». Случилось, что какой-то татаринъ на пѣгомъ конѣ разскочился на поляка, но тотъ ударилъ его копьемъ — и наѣздникъ упалъ навзничъ головою къ своимъ [1]).

Стемнѣло. Король, ожидая съ минуты на минуту появленія цѣлаго непріятельскаго войска, не велѣлъ конницѣ возвращаться въ лагерь. Жолнѣры провели ночь сидя на коняхъ, жалуясь, по выраженію современника, на лѣнивую зарю, которая, какъ казалось имъ, слишкомъ медлила и оставляла ихъ въ непріятномъ положеніи [2]).

19-го іюля (29-го н. ст.), когда взошло солнце, поляки увидѣли издали на югѣ непріятеля. «Козаки, въ своихъ коротенькихъ черныхъ свиткахъ, были подобны громовымъ тучамъ, волнуемымъ бурею, говоритъ современникъ [3]). Они остановились таборомъ, верстъ за пять отъ польскаго лагеря, надъ рѣчкою Пляшовою, впадавшею въ Стырь. Вслѣдъ за ними начали, мало по малу, появляться татары. Пойманные наканунѣ поляками плѣнники говорили, что въ этотъ день союзники не будутъ начинать генеральной битвы по какимъ-то колдовскимъ примѣтамъ, а потому король выстроилъ только часть своего войска, остальнымъ же не велѣлъ выходить изъ обоза, приказывая, однако, быть на готовѣ по первому вызову [4]).

Вдругъ десять тысячъ татаръ летятъ вмѣстѣ съ козацкими отрядами, выстроенными въ видѣ треугольника, на лѣвое крыло польской арміи. Король велѣлъ перемѣшать кварцяныхъ жолнѣровъ съ посполитымъ рушеньемъ и дви-

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 248.—Pam. do pan. Zygm III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 174.

[2]) Woyn. dom. Ч. 2. 26.

[3]) Hist. belli cosac. polon. 148.

[4]) Woyna dom. Ч. 2. 26.

Digitized by Google

нуть на непріятеля. Непріятель нарочно пускалъ стрѣлы и пули въ посполитое рушенье, замѣтя, что это народъ невоинственный. Оглушительный крикъ татаръ придавалъ имъ боязнь: они пришли въ безпорядокъ и побѣжали [1]). Два раза король посылалъ имъ свѣжія силы, но изъ козацкаго табора прилетали на помощь своимъ новыя толпы [2]). Уныніе начало распространяться по рядамъ; мирный шляхтичъ не могъ смотрѣть безъ содроганія на потоки крови, слышать стоны умирающихъ, крики раненыхъ. Коронный гетманъ, ободряя ихъ, кричалъ:

«Никто не долженъ страшиться такого зрѣлища: всякій знаетъ, что оно обыкновенное игралище Марса!»

«Пріятно,—замѣчаетъ современникъ [3]),—было смотрѣть издали, какъ бѣгущіе опять возвращаются на непріятеля, какъ опрокидываютъ его, какъ перелетаютъ съ одной стороны на другую знамена, берутъ плѣнниковъ; и не даромъ одинъ почтенный мужъ при этомъ зрѣлищѣ воскликнулъ: «Господи Боже! покажи на мнѣ милость свою, чтобъ въ то время, когда другіе бьются, я могъ только смотрѣть и любоваться».

Враги разошлись; и тѣ и другіе приписывали себѣ побѣду. Поляки говорили, что заставили козаковъ и татаръ оставить поле битвы [4]); козаки хвалились, что тогда-то познали поляки козацкую силу [5]). Убитыхъ, по свидѣтельству современнаго дневника, было двѣсти съ обѣихъ сторонъ [6]); по другому извѣстію, козаковъ и татаръ пало

---

[1]) Ibid. 2. 27.
[2]) Histor. belli cosac. polon. 149.
[3]) Histor. belli cosac. polon 150.
[4]) Woyna dom. Ч. 2. 27.
[5]) Пов. о томъ, что случ. въ Украинѣ 1.
[6]) Starożyt Pols. I. Wojna z kozak. i tatar. 273.

Digitized by Google

до 1000 [1]), а по третьему — число павшихъ со стороны поляковъ простиралось до 300 человѣкъ [2]). Изъ замѣтныхъ того времени пановъ пали въ этотъ день люблинскій староста Оссолинскій, каштелянъ галицкій Казановскій; ротмистръ Ермолай Іорданъ погибъ съ цѣлою своею хоругвью, а Янъ Собѣскій, будущій король польскій, тогда еще только староста яворовскій, бывъ окруженъ отовсюду татарами, какъ будто какимъ-то чудомъ спасся. Изъ татаръ погибъ въ этотъ день Тугай-бей перекопскій, первый подавшій руку помощи Хмельницкому при началѣ его возстанія. Сабля Тугай-бея досталась Марку Собѣскому, брату Яна. Поляки говорятъ, что изъ ихъ воиновъ рѣдкій воротился въ станъ съ поля битвы безъ раны. Сами они сознавались, что не сдержали бы натиска враговъ, если бы козаки и татары ударили на нихъ всѣми своими силами [3]). Поляки видимо падали духомъ, тѣмъ не менѣе, желая ободриться, старались увѣрить себя, что въ этотъ день битва для нихъ была успѣшна и вечеромъ служили благодарственное молебствіе передъ чудотворнымъ образомъ Хелмской Богородицы, поставленнымъ въ особомъ наметѣ, гдѣ устроенъ былъ алтарь и каждый день отправлялась литургія [4]).

Истомленное безсонницею прошлой ночи и сраженіемъ, польское войско нуждалось въ успокоеніи, а потому король позволилъ конницѣ возвратиться въ обозъ, но приказалъ быть въ совершенной готовности, когда сдѣлается тревога [5]); между тѣмъ, на передовыхъ окопахъ поставлены были караулы для наблюденія за движеніемъ непріятеля [6]).

---

[1]) Дневн. Освѣц. Кіевс. Стар. 1882 г. сент. 515.

[2]) Pamiętn. Albr. Radziw. II. 444.

[3]) Дневн. Освѣц. Кіевс. Стар. 1882 г. Сент. 516.—Histor. belli cos. polon. 151.

[4]) Pamiętn. Jemiołowsk. 23.

[5]) Woyn. dom. Ч. 2. 28.

[6]) Histor. belli cosac. polon. 151.

Digitized by Google

Эта первая стычка мало удовольствія принесла и Хмельницкому. Въ продолженіе сраженія, ханъ съ холма смотрѣлъ въ зрительную трубу и удивлялся многочисленности польскаго войска [1]). По возвращеніи орды съ поля, онъ собралъ около себя мурзъ и началъ совѣтоваться: нельзя-ли отыскать предлога оставить Хмельницкаго и примириться съ поляками? Услышавъ объ этомъ, Хмельницкій прибѣжалъ къ Исламу.

«Какъ же это?—сказалъ ханъ,—ты увѣрялъ, что у поляковъ войска тысячъ какихъ нибудь тридцать, да и тѣ неопытная молодежь, а я вижу, что у короля войско огромное и есть воины храбрые».

«Они отважны на первыхъ порахъ,—возразилъ Хмельницкій:—пусть-ка попробуютъ пуль, лагерныхъ неудобствъ, непогоды, солнечнаго зноя и безсонныхъ ночей, а наконецъ, голода; не станетъ вина и другихъ напитковъ: воды пить не привыкли; холода и голода не испытывали,—посмотрите, какъ они сами поднимутъ мятежъ и оставятъ своихъ начальниковъ. Надобно только истребить кварцяныхъ, а посполитое рушенье отъ одного страха пойдетъ въ разсыпную. Назадъ тому три дня, уже и такъ многіе, разсердившись на короля, ушли домой» [2]).

«Если ты мнѣ завтра не расправишься съ поляками,—сказалъ, по извѣстію поляковъ, ханъ:—то я тебя самого отведу къ королю» [3]).

Украинскіе лѣтописи увѣряютъ, будто въ эту ночь дѣйствительно было заключено новое и окончательное тайное условіе между ханомъ и королемъ. Поляки отдавали хану Запорожье, обѣщали подарки и союзъ, и ханъ далъ слово, что будетъ слѣдующій день сражаться только для вида [4]).

---

[1]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 75.

[2]) Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan Kaz. II. 175

[3]) Woyn. domowa Ч. 2. 28.

[4]) Лѣт. пов. о Мал. Росс. 154.

Digitized by Google

Есть причины, заставляющія, съ другой стороны, сомнѣваться въ справедливости этого извѣстія, особенно, если вѣрить описаніямъ сраженія по историкамъ польскимъ, а русскихъ современныхъ подробныхъ описаній не сохранилось.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно только то, что ханъ показывалъ въ то время сильное нерасположеніе къ козацкому вождю. Хмельницкій, который безпрестанно пилъ и постоянно находился въ состояніи какого-то столбняка, вдругъ какъ будто проснулся, по выраженію поляковъ [1]). Удалившись изъ Исламова шатра, онъ сталъ наблюдать въ сумеркахъ польскій лагерь; видѣлъ, какъ разставляли караулы, и замѣтилъ, что одинъ крайній редутъ, около рѣки Стыри, охранялся слабо. Козацкій гетманъ выбралъ шайку отважнѣйшихъ и приказалъ имъ напасть на нѣмцевъ, которымъ былъ ввѣренъ этотъ пунктъ. Въ полночь козаки переплыли Стырь и тихо подкрались къ непріятелю. Нѣмцы спали, утомленные битвою и трудами. Разсыпавшись между сонными, козаки начали ихъ колоть, и уже много погибло нѣмцевъ,—ни одинъ не успѣлъ пикнуть. Но, послѣ долгаго труда, руки ослабѣли у козаковъ и умиравшіе, сквозь сонъ почувствовавъ мученіе, произносили глухіе стоны. Это пробудило одного артиллериста... онъ встаетъ, догадывается, подходитъ къ пушкѣ и выпаливаетъ. Громъ ея пробудилъ множество народа; раздалась тревога на трубахъ отъ одного редута до другаго; скоро затрубили по всему лагерю, и вся армія была уже на ногахъ. Воины летѣли туда, откуда послышалась тревога. Козаковъ уже не было: они бросились въ рѣку, переплыли ее, и когда жолнѣры, съ зажженными лучинами, смотрѣли на зарѣзанныхъ нѣмцевъ, молодцы уже выбрались на-сухо, съ удивительною для враговъ скоростью [2]).

---

[1]) Kubala I. 278.

[2]) Histor. belli cosac. polon. 152.

Digitized by Google

Съ этой минуты все войско польское не спало. Проснулись и въ козацкомъ войскѣ. И тамъ, и у поляковъ начали готовиться къ рѣшительному бою. Какъ только сталъ показываться на востокѣ свѣтъ и можно было отличить человѣка отъ человѣка, король началъ устроивать войско въ боевой порядокъ [1]). Онъ раздѣлилъ его, какъ водится, на три части. Правымъ крыломъ командовалъ Потоцкій; подъ его начальствомъ были, между прочими: Ляндскоронскій, Александръ Конецпольскій, Юрій Любомирскій и два брата Собѣскихъ; лѣвымъ крыломъ начальствовалъ Калиновскій; здѣсь былъ и герой этой эпохи — Іеремія. Въ предшествовавшіе дни ему было указано быть на правомъ крылѣ, а въ день битвы переведенъ былъ онъ на лѣвое [2]). Ополченія посполитаго рушенья перемѣшаны были съ кварцяными: ополченія сендомирское, краковское, бельзское, любельское, волынское, русское и сѣрадское— шляхтичи, большею частью потомки православныхъ предковъ, находились на лѣвой сторонѣ. Прочіе были на правой. Правое крыло примыкало къ лѣсу, лѣвое къ Стыри. Центромъ начальствовалъ самъ король. Впереди, въ центрѣ, стоялъ Пржіемскій съ артиллеріею, за нимъ ряды нѣмецкой пѣхоты, прикрытой по оконечностямъ отрядами конницы; далѣе, въ видѣ полукруга, гусары съ копьями, украшенными красными древками, а за ними король, окруженный пятьюстами конной дружины изъ знатнѣйшихъ дворянъ; за королемъ была пѣшая гвардія, полки нѣкоторыхъ воеводствъ, въ томъ числѣ драгуны, присланные бранденбургскимъ курфирстомъ, по долгу ленной зависимости. Позади былъ лагерь, окруженный возами, скованными цѣпями, а за нимъ Берестечко и извилистая Стырь [3]).

---

[1]) Histor. belli cosac. polon. 153.

[2]) Pamiętn. Jemiołowsk. 24.

[3]) Bel. scyth. cos. 158—161. Histor. belli cosac. polon. 141—148.—

Digitized by Google

Число всего польскаго войска простиралось до трехсотъ тысячъ [1]), но если прибавить къ тому слугъ, погонщиковъ, не участвовавшихъ въ фронтовой службѣ, то быть можетъ оно было болѣе и могло дѣйствительно привесть въ страхъ не одного хана. «Въ то время,—говоритъ современникъ[2]),—только ксендзы, женщины, старики и дѣти оставались дома въ Польшѣ; всѣ взрослые и сильные пошли на войну, освященную благословеніемъ римскаго первосвященника: всякому желательно было избавиться отъ грѣховъ и мученій послѣ смерти».

Канцлеръ Лещинскій совѣтовалъ королю удалиться съ поля битвы для предохраненія себя отъ опасности.

«Народъ божій,—говорилъ онъ:—удалялъ отъ опасности Давида, дабы не затмилось свѣтило Израиля; Владиславъ, Ягелло и Сигизмундъ III всегда издали смотрѣли на сражавшихся, да и самъ ханъ предъ глазами нашими, хотя и считается смѣльчакомъ, но только зритель битвы, а не боецъ».

«Собственная безопасность для меня не дороже безопасности отечества,—сказалъ король: — король живетъ одною жизнью съ народомъ; едино тѣло должно быть оживляемо единымъ духомъ. Другимъ королямъ угодно было удаляться отъ битвы, а я знаю, что побѣды зависятъ прежде всего отъ Бога, а потомъ отъ короля и вождей. Пусть дворяне видятъ своего короля и ободряются; пусть враги видятъ его и боятся насъ. Пуля найдетъ виновнаго» [3]).

Хмельницкій тоже устроивалъ свою армію: она раздѣлена была на двѣ половины по союзнымъ народамъ. По

Annal. Polon. Clim. I. 253—255. Histor. ab exc. Wlad. IV. 77.—Starożytn. Pols. I. Wojna koz. i tat. I. 273.—Past. Hist. plen.

[1]) Woyn. dom. Ч. 2. 28.—Истор. о през. бр.

[2]) Woyn. dom. Ч. 2. 29.

[3]) Annal. Polon. Clim. I. 251.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV. i Jan. Kaz. II. 180.

Digitized by Google

отлогости равнины, на лѣвой сторонѣ, расположились татары; ихъ длинный рядъ загибался назадъ, въ видѣ полумѣсяца, и соединялся съ козацкимъ войскомъ; козаки прямо стояли противъ лѣваго польскаго крыла; впереди находился знаменитый козацкій четвероугольникъ изъ возовъ въ три ряда, скованныхъ между собою цѣпями: пѣхота уставлена была рядами въ серединѣ этого подвижнаго укрѣпленія, которое, по сознанію поляковъ, могло выдержать самый сильный напоръ. Пѣхота была прикрыта по бокамъ отрядами конницы [1]). Число ханскаго войска вообще историки простираютъ до ста тысячъ. Но надобно не упускать изъ вниманія того, что татары въ то время неохотно держались своей орды и уходили самовольно. Въ этотъ самый день въ татарскомъ войскѣ распространилась неувѣренность къ козакамъ: насъ, толковали они, завели подъ обозъ польскаго короля; а что̀ какъ польскій король съ козаками помирится, да насъ начнутъ бить разомъ и поляки и козаки? Лучше мы вотъ что сдѣлаемъ: козаки изъ Украины своей вышли, а мы безъ нихъ туда нагрянемъ и въ домахъ козацкихъ набогатимся. А кстати у насъ теперь байрамъ: биться съ поляками нельзя! И много ихъ тогда ушло грабить козацкія селенія [2]). Число козацкаго войска польскіе историки явно преувеличиваютъ, ибо одни простираютъ его до 350,000, другіе до 250,000 [3]), иные до 200,000 [4]), но, по всѣмъ вѣроятіямъ, у Хмельницкаго не было столько войска, потому что тысячъ болѣе тридцати поставлено было на границѣ литовской; нѣкоторые украинскіе полки, напримѣръ, кіевскій, уманьскій, оставлены были въ срединѣ Украины и почти всѣ мѣстечки наполнены были козаками. Подъ Збаражемъ

---

[1]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 77.

[2]) Акты Южн. и Зап. Рос. III. 478.

[3]) Hist. ab. exc. Wl. IV. 77.

[4]) Annal. Polon. Clim. I 246.

Digitized by Google

Хмельницкій не имѣлъ войска болѣе восьмидесяти тысячъ. Современные польскіе дневники также упоминаютъ только о восьмидесяти тысячахъ дѣйствующаго русскаго войска подъ Берестечкомъ [1]). Если прибавить сюда толпу простонародья изъ Волыни, которая смотрѣла за возами и лошадьми и служила для исправленія всякихъ работъ, то, быть можетъ русское войско простиралось до ста тысячъ слишкомъ. Такимъ образомъ одинъ польскій историкъ, упоминая о числѣ всего войска, дѣйствовавшаго подъ Берестечкомъ съ обѣихъ сторонъ, справедливо насчитываетъ только пятьсотъ тысячъ слишкомъ, но триста тысячъ изъ него было поляковъ. Опытные реестровые козаки, такъ называемые ветераны, были въ войскѣ Хмельницкаго такая же сильная надежда, какъ нѣмецкіе полки въ польскомъ войскѣ; но вообще у козаковъ тогда уже начало показываться качество, нѣсколько угаснувшее въ эпоху всеобщаго волненія—предательство.

Выстроенные къ битвѣ враги долго не видѣли другъ друга за утреннимъ туманомъ, разстилавшимся по стырской равнинѣ. Въ польскомъ лагерѣ пѣли молитвословія; по рядамъ носили чудотворный образъ Хелмской Божіей Матери, котораго работу преданіе приписывало св. евангелисту Лукѣ [2]). Онъ былъ подаренъ, какъ думали поляки, константинопольскимъ императоромъ кіевскому князю, и въ этомъ-то памятникѣ былой эпохи независимости Южной Руси поляки искали помощи противъ козаковъ, ополчавшихся за возвращеніе русской землѣ независимости. Канцлеръ, съ духовенствомъ и клирошанами, отправлялъ торжественную процессію и, возвышая крестъ, ободрялъ воиновъ благочестія и креста Христова, какъ называли поляки свое посполитое рушенье. Король, разъѣзжая по

---

[1]) Staroź. Pols. I. Wojna z koz. i tat. I. 319

[2]) Belli scyth. cosac.

Digitized by Google

рядамъ съ обнаженною саблею, въ блестящемъ собраніи польской знати, возбуждалъ мужество въ воинахъ:

«Друзья,—восклицалъ онъ,—теперь пришелъ часъ воздать справедливую месть мятежникамъ, соединеннымъ съ невѣрными, за оскорбленіе святыни римско-католической церкви, и спасти потоптанное божественное право и честь польскаго королевства. Я съ вами неразлучно: или уничтожимъ хлопа и возвратимся домой съ побѣдою, или всѣ ляжемъ здѣсь, защищая отеческую свободу. Лучше смерть, чѣмъ быть въ неволѣ у хлоповъ и въ посмѣяніи у всѣхъ народовъ» [1]).

Тоже дѣлалось и въ козацкомъ войскѣ, гордившемся именемъ ополченія за православіе, хотя въ немъ половина войска состояла изъ враговъ Іисусова креста. Коринѳскій митрополитъ Іосафъ, въ архіерейскомъ одѣяніи, проѣзжалъ на конѣ между русскими; предъ нимъ несли церковныя хоругви и образа; дымъ кадильный возносился предвѣстникомъ дыма пушечнаго.

«Братія и воины Христовы, — говорилъ архіерей: — постойте за церковь вашу, отродившую васъ духовнѣ» [2]).

Хмельницкій, въ своей горностаевой мантіи, препоясанный освященнымъ мечомъ, съ булавой, осыпанной драгоцѣнными камнями, леталъ на безцѣнномъ аргамакѣ и напоминалъ козакамъ, что пришелъ день утвердить навсегда свободу вѣры и русскаго отечества; и голосъ его, приводившій враговъ въ трепетъ своею рѣзкостью, разносился на далекое пространство.

---

[1]) Woyn. dom. Ч. 2. 31.

[2]) Истор. о през. бр.

Digitized by Google

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Сраженіе при Берестечкѣ.—Бѣгство хана.—Задержаніе Хмельницкаго.—Десять дней осады.—Переговоры.—Вылазки.—Бѣгство русскихъ.—Расхищеніе козацкаго лагеря.—Мужество козаковъ.

Среди такихъ церемоній взошло солнце; но безъ лучей было дневное свѣтило: туманъ еще съ часъ закрывалъ враговъ другъ отъ друга. «Наконецъ, словно занавѣсъ,— говоритъ современникъ [1]),—поднялся его воздушный пологъ и лучи солнца отразились въ блестящихъ оружіяхъ и панцыряхъ, и утренній вѣтерокъ заигралъ желтыми значками, раздвоенными на острые клинышки, и гордо вдали на холмѣ въ татарскомъ лагерѣ высилось бѣлое знамя, поставленное близъ шатра, гдѣ находился повелитель Крыма». «Былъ видъ величественный,—говорятъ современники,—на пространствѣ, сколько можно было окинуть взоромъ, разостлались несмѣтные ряды трехъ враждебныхъ народовъ: каждый изъ нихъ готовился къ бою за то, что было для нихъ всего драгоцѣннѣе: поляки за отечество, татары за славу и добычу, козаки за независимость [2]). Польское войско, собранное въ такомъ гро-

[1]) Bel. scyth. cos.

[2]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 78.

Digitized by Google

мадномъ размѣрѣ, въ какомъ рѣдко собиралось, блистало чрезвычайною нарядностію и пестротою. Бросались въ глаза зрителю своимъ щегольствомъ и богатою обстановкою королевскіе гвардейцы съ тигровыми и леопардовыми шкурами на плечахъ и гусары, одѣтые въ желѣзныя брони съ золотыми украшеніями на нихъ, съ серебряными крыльями на плечахъ, въ шишакахъ, съ страусовыми перьями на головѣ. Ихъ породистые кони были покрыты богато-вышитыми чепраками, богатыми сѣдлами, уздами, украшенными золотыми бляхами и драгоцѣнными камнями и множествомъ разныхъ металлическихъ висюлекъ. Меньше богатства, но неменѣе разнообразія и пестроты выказывали пятигорцы (родъ улановъ) въ сѣтчатыхъ панцыряхъ, съ длинными копьями при сѣдлѣ, — пѣхота, одѣтая въ разноцвѣтные колеты и иностранная рейтарія въ шляпахъ, съ высокими гребнями. Посполитое рушенье различалось по воеводствамъ, землямъ и повѣтамъ и дѣлилось на ополченія: каждое ополченіе имѣло свой уборъ, отличаясь отъ другого ополченія и по цвѣту одежды и по масти лошадей. У всѣхъ были свои знамена, съ различными изображеніями. Нарядность и пестрота польскаго войска представляла противоположность съ простотою козацко-татарскаго полчища, гдѣ масса хлоповъ въ бѣдныхъ сермягахъ шла въ походъ съ дубинами вмѣсто оружія, а татары, кромѣ мурзъ и беевъ, одѣты были въ холстинные чекмени и въ бараньи шапки [1]). Раздѣляло враждебныя полчища ровное поле, которому суждено было упиться кровью и устлаться трупами. Враги смотрѣли другъ на друга безмолвно, недвижно, какъ бы любуясь огромностью силъ своихъ» [2]). Хмельницкій не приказалъ начинать битвы до тѣхъ поръ, пока самъ непріятель не бросится на нихъ. Король далъ при-

---

[1]) Kubala II. 241—243.

[2]) Woyna. dom. ч. 2. 30.

Digitized by Google

казаніе не выходить изъ строя подъ опасеніемъ смертной казни, и не отвѣчать на татарскіе вызовы [1]). Въ такомъ торжественномъ безмолвіи стояли они до полудня и только рѣдкіе крики прерывали глубокую тишину, подобную той, какая бываетъ въ воздухѣ предъ наступленіемъ грозы. «Въ эти часы томительнаго ожиданія и неизвѣстности явился, — говоритъ преданіе, сохраненное польскими лѣтописцами, — въ воздушной синевѣ архангелъ Михаилъ и свѣтоноснымъ мечемъ грозилъ татарскому полчищу, а въ далекомъ небѣ блеснулъ образъ Св. Дѣвы. Многіе видѣли это,—говоритъ лѣтопись,—и оживлялись мужествомъ сердца ихъ и бездѣйствіе было тягостнѣе битвы» [2]).

«Что бы это значило, что непріятель не трогается? — спрашивали другъ друга поляки, — вѣрно онъ боится нашей огромной силы и думаетъ бѣжать».

Другіе подозрѣвали, не замышляетъ-ли Хмельницкій какой нибудь хитрости [3]). Король приказалъ оглядываться назадъ и остерегаться нападенія съ тыла. Поглядывая въ зрительную трубу на далекій холмъ, гдѣ бѣлѣлось ханское знамя, иные думали, что невѣрные собираютъ на нихъ силы ада и заклинаніями хотятъ поразить ихъ пуще оружія. Непонятное опасеніе стало распространяться между полководцами, такъ что нѣкоторые хотѣли было отложить битву до другаго дня. Тогда король, желая прекратить толки и не допустить войско до упадка духа, послалъ къ хану Отвиновскаго, знавшаго восточные языки, съ вызовомъ открыть поскорѣе битву.

«А что, — сказалъ ханъ окружавшимъ его: — вытрезвился-ли Хмельницкій, который мнѣ говорилъ ложь о польскомъ войскѣ, будто оно ничтожно? Пусть идетъ

---

[1]) Лѣтоп. повѣств. о Мал. Рос. 82.

[2]) Woyna dom. ч. 2. 31.

[3]) Кратк. истор. о бунт. Хмельн. 34.

Digitized by Google

подбирать медъ у этихъ пчелъ, у которыхъ такъ много жалъ» [1]).

Было два часа пополудни; облако начало находить на солнце и вѣтеръ подулъ съ запада: вдругъ въ польскомъ войскѣ заиграли на трубахъ и запѣли торжественную пѣснь въ честь Богородицы «O Gospodzia uwielbiona», которую пѣли всегда предъ начатіемъ сраженія [2]).

Пѣхота козацкая двинулась подъ прикрытіемъ своего укрѣпленія. Татары, съ дикимъ гикомъ, бросились къ центру польской арміи [3]). Тогда Іеремія Вишневецкій съ двѣнадцатью полками кварцянаго войска и съ четырьмя ополченіями: краковскимъ, сендомирскимъ, ленчицкимъ и сѣрадскимъ, бросился стремительно на козаковъ [4]). Безстрашный полководецъ самъ указывалъ всѣмъ дорогу и летѣлъ впередъ съ обнаженнымъ мечемъ. Непобѣдимый, по сознанію поляковъ, козацкій четвероугольникъ распался [5]).

Въ войскѣ козацкомъ изъ полководцевъ было много такихъ, которые для *«паньства великого, для лакомства несчастного»*, какъ выражается старинная пѣсня, готовы были предать врагамъ свободу вѣры и отечества. Украинская лѣтопись указываетъ на Гурскаго, родомъ кіевлянина, котораго называетъ генеральнымъ асауломъ. Хмельницкій, если вѣрить этому сказанію, наблюдая самъ за двухмысленнымъ ханомъ, оставилъ Гурскому команду надъ пѣхотою, но Гурскій, недавно пожалованный поляками въ дворяне и обласканный ими, во время нападенія Вишневецкаго, двинулъ козаковъ назадъ [6]). Трудно рѣшить, насколько правды въ этомъ извѣстіи, передавае-

---

[1]) Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 150.

[2]) Staroż. Polsk. I. Wojna z koz. i tat. 274.

[3]) Annal. Polon. Clim. I. 225.

[4]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 78.

[5]) Histor. belli cosac. polon. 153.—Woyna dom. ч. 2. 32.

[6]) Кратк. Истор. опис. о Мал. Рос. 16.

Digitized by Google

момъ источникомъ болѣе или менѣе позднимъ. Въ польскихъ дневникахъ нѣтъ нигдѣ намека на это событіе, такъ какъ поляки не могли знать, что дѣлалось у ихъ враговъ и приписываютъ побѣдоносный подвигъ только мужеству и храбрости своихъ воиновъ. Они ясно видѣли только то, что происходило явно передъ глазами всѣхъ и каждаго. Поляки проскочили среди козацкаго войска, разорвали его и князь Вишневецкій вдали показывалъ знамя съ гербомъ своего дома, посреди непріятельскаго лагеря, вдалекѣ отъ прочихъ знаменъ Рѣчи Посполитой [1]).

По слѣдамъ Іереміи, король приказалъ двинуть на козаковъ артиллерію и иностранную пѣхоту, а между тѣмъ съ праваго крыла прибѣжалъ на помощь Вишневецкому Александръ Конецпольскій [2]). «Тогда,—говоритъ очевидецъ,—грянуло разомъ нѣсколько десятковъ пушекъ, поднялась черная туча, разрываемая огненными фонтанами; раздался ужасный крикъ; ржаніе коней, ревъ испуганныхъ воловъ, вопли раненыхъ смѣшивались съ оглушающими пушечными выстрѣлами и сквозь поднявшійся дымъ виднѣлись багровые потоки крови, груды труповъ въ панцыряхъ, съ обнаженными саблями и ружьями въ заледенѣлыхъ рукахъ, и бѣшеные кони, волочившіе по полю своихъ всадниковъ, не успѣвшихъ вынуть ногъ изъ сѣдла и кончавшихъ жизнь подъ шипами подковъ».

Къ вечеру дѣло совершенно было кончено. Ханъ закричалъ, какъ говоритъ украинскій лѣтописецъ: «въ козацкомъ войскѣ измѣна!» и стремительно бросился въ бѣгство [3]); за нимъ, пораженные паническимъ страхомъ, пустились въ безпорядкѣ татарскія полчища... Бѣгство ихъ государя и за нимъ всѣхъ мурзъ до того поразило татаръ,

---

[1]) Woyna domowa. Ч. 2. 32. — Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. Сент. 1882. стр. 518.—Кр. ист. о бунт. Хмельниц. 34.

[2]) Woyna domowa. Ч. 2. 32.

[3]) Истор. о през. бр.

Digitized by Google

что они, не будучи никѣмъ преслѣдуемы, бросали, въ безпамятствѣ, свои арбы съ женами и дѣтьми, свои сокровища, награбленныя на Руси, больныхъ и даже мертвыхъ, въ противность алкорану, запрещавшему оставлять правовѣрныхъ безъ погребенія [1]). Хмельницкій, изумлявшій нѣкогда враговъ твердостью и присутствіемъ духа, стоялъ, какъ ошеломленный; потомъ отдалъ начальство Джеджалію, а самъ бросился за ханомъ въ надеждѣ уговорить его и воротить на сраженіе [2]). Ханъ покинулъ поле битвы, остановился верстахъ въ трехъ отъ козацкаго обоза. «На насъ сегодня на всѣхъ,—сказалъ ханъ Хмельницкому,—какой-то страхъ напалъ, татары не пойдутъ биться; останься со мной, подумаемъ; а завтра я пошлю своихъ людей помогать козакамъ» [3]).

Поляки заняли все поле, гдѣ прежде стояли татары, захватили ханскій шатеръ, взяли даже серебряный барабанъ, которымъ скликали татаръ на битву [4]), начали поражать козацкія силы съ трехъ сторонъ; вдобавокъ, усилился вѣтеръ и дулъ прямо въ лицо козакамъ, и смятеніе до того распространилось между ними, что одна часть войска, желая подать помощь другой, наткнулась, въ дыму, на собственныя пушки, и пушкари, вмѣсто поляковъ, начали бить своихъ. Тогда часть конницы, видя пораженіе, убѣжала изъ лагеря и пустилась вслѣдъ за татарами. Другая часть конницы и пѣхота сомкнулись снова. Мужественный Джеджалій привелъ все въ порядокъ, храбро отражалъ натиски и сталъ ретироваться къ рѣкѣ Плящовой.

Вечерѣло. Облака, съ самого полудня мало-по-малу за-

---

[1]) Histor. belli cosac. polon. 154.—Woyna dom. Ч. 2. 38.—Лѣтоп. пов. о Мал. Росс. 83.

[2]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 78.—Истор. о през. бр.

[3]) А. Ю. и З. Рос. III. 479.

[4]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 78.

Digitized by Google

волакивавшія небо, распустились сильнымъ дождемъ; лошади и люди спотыкались, порохъ подмочился; поляки прекратили битву.

«Это всегда такъ бываетъ,—говорили старые воины:—послѣ каждой кровавой битвы Богъ смываетъ съ своей земли человѣческую кровь, пролитую человѣческими руками» [1]).

Торжественное «Te Deum» разносилось по полю битвы [2]). Всю ночь послѣ того утомленные жолнѣры спали, какъ убитые, гдѣ кто упалъ, и никто не боялся хитростей непріятелей, которые, еслибъ воспользовались такою увѣренностью, повернули бы дѣло иначе. Дождь лилъ, какъ изъ ведра, небо покрывали тучи, раздираемыя молніями; только неутомимый король былъ на воздухѣ, съ открытою головою, не смотря на то, что получилъ контузію въ ногу; онъ подавалъ собою примѣръ дѣятельности прочимъ полководцамъ [3]).

Въ козацкомъ таборѣ воины тоже не спали. Они дожидались своего гетмана, который обѣщалъ къ нимъ воротиться. Тѣмъ временемъ, они снова сбили возы въ четвероугольникъ и начали окапывать обозъ съ трехъ сторонъ; съ четвертой не нужно было никакихъ окоповъ: тамъ простиралось болото, въ которомъ утонула бы нога и человѣческая, и лошадиная [4]). Окопы окончились въ одну ночь и козаки утромъ готовы были на новую битву, къ удивленію поляковъ, которые говорили: «вотъ бойкій народъ! копать землю имъ ни-почемъ; но вѣдь на то они хлопы!» [5]).

---

[1]) Annal. Polon. Clim. l. 57.—Pam. do panow. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 182.—Ист. о през. бр.

[2]) Annal. Polon. Clim. l. 257.—Woyna dom. Ч. 2. 34.

[3]) Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882. Сент. 519.—Bel. scyth. cosac. 175.—Woyna dom. Ч. 2. 35.—Past. Hist. Plen. L. IX.

[4]) Bell. scyth. cosac. 177.

[5]) Ibid.—Stor delle guer. civ. 259.

Digitized by Google

Писарь Выговскій, бывшій вмѣстѣ съ гетманомъ у хана, отпущенный послѣднимъ съ увѣреніями скораго прибытія помощи, находился при всѣхъ этихъ работахъ и окончивъ распоряженія, уѣхалъ къ хану просить, чтобы онъ отпустилъ къ козакамъ гетмана, явно задержаннаго. Но самъ писарь уже не воротился въ обозъ. Ханъ и его задержалъ вмѣстѣ съ гетманомъ.

Въ субботу, 21-го іюня (1-го іюля н. ст.), жолнѣры собирали и считали тѣла, и нашли убитыми шесть тысячъ съ обѣихъ сторонъ. «Съ такимъ малымъ кровопролитіемъ мы пріобрѣли рѣшительную побѣду!» воскликнули они [1]). Тѣла поляковъ были отвозимы къ погребенію во Львовъ; этимъ завѣдывали кармелиты [2]). Современный польскій дневникъ считаетъ поляковъ въ семьсотъ человѣкъ, и по этому поводу говоритъ, что они могли, по примѣру римлянъ, воевавшихъ съ Югуртою, сказать: никогда мы не сражались съ такимъ успѣхомъ и съ такимъ малымъ пролитіемъ нашей крови [3]). Между тѣмъ, король и предводители начали совѣтъ.

«Что дѣлать? — говорилъ Янъ Казимиръ: — добывать-ли козаковъ штурмомъ, или морить обложеніемъ?»

Іеремія Вишневецкій совѣтовалъ дѣйствовать рѣшительно: истребить все непріятельское войско, не щадить ни силъ, ни средствъ, чтобъ затушить совершенно воз-

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 258.

[2]) Впрочемъ, вѣроятно хоронили и на мѣстѣ. Близъ Берестечка, на лѣвомъ берегу Стыри, есть курганъ, на которомъ построена каменная каплица, со статуею св. первомученицы Ѳеклы. Народное преданіе говоритъ, будто въ этомъ холмѣ, погребены триста (а по другимъ три тысячи) дѣвицъ, прибѣжавшихъ искать спасенія въ польскомъ лагерѣ отъ татаръ. Въ то самое время, когда на правой сторонѣ Стыри сраженіе было въ самомъ разгарѣ, толпа татаръ забралась на лѣвую, позади польскаго лагеря и перебила этихъ дѣвицъ.

[3]) Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882· Сент. 521.

Digitized by Google

станіе. Приверженцы его совѣтовали послать войско за рѣку, подѣлать плотины и палить въ козаковъ со всѣхъ сторонъ; другіе предлагали спустить воду и затопить козацкій обозъ.

«Стоитъ ли терять благородную кровь, чтобъ получить какія нибудь попоны или отрепья? — говорили другіе, — лучше стѣснимъ ихъ, пока они преклонятся предъ королевскимъ величествомъ» [1]).

Король прибавилъ при этомъ:

«Мы не должны быть суровѣе самихъ козаковъ, которые не уничтожали войска, разбѣжавшагося подъ Пилявою, не шли изъ-подъ Замостья на Польшу и не употребили всѣхъ правъ побѣды подъ Зборовомъ. Для чего же и намъ взаимно не заплатить имъ великодушіемъ, если они согласятся на справедливыя условія? Умѣримъ милосердіемъ нашу побѣду. Эти неблагородные члены государства нужны, однако, для благородныхъ; лучше мы излечимъ ихъ кроткими средствами» [2]).

Наконецъ, рѣшили осадить козаковъ и палить въ козацкій станъ до тѣхъ поръ, пока они будутъ просить мира, а тѣмъ временемъ послать за пушками въ Гродно и Львовъ, потому что въ польскомъ лагерѣ орудій было недостаточно для такого большаго пространства [3]); козацкій станъ былъ такъ обширенъ, что поляки не могли видѣть его конца.

Въ воскресенье поляки подвинулись къ непріятельскому лагерю и растянулись около него въ видѣ полумѣсяца. Нѣмцамъ было приказано подѣлать на другой сторонѣ шанцы и палить на непріятеля съ востока. Такимъ образомъ козаки отовсюду были осыпаемы пулями.

---

[1]) Woyn. dom. Ч. 2, 36.—Истор. о през. бр.

[2]) Histor. belli cosac. polon. 151.—Woyn. dom.

[3]) Staroż. Polskie. I. Wojna z koz. i tat. 275. 315.—Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882. Ноябрь. 328.

Digitized by Google

Козаки ждали Хмельницкаго цѣлую субботу и не дождались; ждали его до полудня въ воскресенье, съ безпокойствомъ поглядывая на окопы, которые насыпали для пушекъ польскіе жолнѣры. Гетманъ не являлся. Между тѣмъ многіе изъ козацкихъ чиновныхъ людей, а особенно шляхтичи по происхожденію, вѣроятно, желая облегчить полякамъ побѣду, переѣзжали въ польскій лагерь, какъ скоро увидѣли, что будетъ штурмъ. Наконецъ, со всѣхъ сторонъ, загремѣли пушки, градомъ посыпались картечи въ козацкій лагерь. Козачество заволновалось. Довбиши ударили въ котлы и толпа повалила на раду.

«Поляки хотятъ насъ добывать, — говорили они: — а кто же теперь насъ поведетъ? Нельзя быть безъ головы! Надобно выбрать старшого» [1]).

Хмельницкій, уходя изъ табора, оставилъ вмѣсто себя команду Джеджалію; ему предоставляли теперь начальство вольные голоса.

Кропивенскій полковникъ долго отказывался отъ этой чести. Того требовали запорожскіе обычаи; къ тому же онъ зналъ, что Хмельницкій не любилъ, если кто нибудь беретъ на себя принадлежащее ему начальство: за нѣсколько дней первенства онъ могъ поплатиться головою [2]). Наконецъ, послѣ усильныхъ просьбъ и даже угрозъ и брани, безъ чего не обходилось въ козацкомъ обществѣ, онъ принялъ команду только на одинъ день.

Первое дѣло этого новоизбраннаго наказнаго гетмана было послать къ полякамъ просить мира. Это сдѣлано было не для того, чтобъ козаки хотѣли въ самомъ дѣлѣ помириться, но для того, чтобъ поляки на время пріостановили штурмъ и дали имъ, въ свою очередь, сдѣлать удачныя нападенія. Поляки перестали палить и тогда

---

[1]) Истор. о през. бр.

[2]) Staroż. Polsk. I. Wojna z koz. i tat.

Digitized by Google

русскіе быстрымъ полетомъ пустились въ двѣ стороны: одни на польскіе шанцы, другіе, черезъ рѣку, на нѣмцевъ. Много въ тотъ день пало польскихъ воиновъ, много было взято въ плѣнъ, но главное зло — нѣмцы остались: ихъ хладнокровія не сломила горячая козацкая удаль.

Ночью Богунъ съ отважными переправился черезъ рѣку; они подползли по берегу до нѣмецкихъ шанцевъ. Караульные заснули. Козаки отняли нѣсколько пушекъ, перетащили черезъ рѣку и убили до ста человѣкъ, но тутъ подоспѣли къ нѣмцамъ на помощь—и козаки принуждены были обратиться назадъ [1]).

«Вотъ, что значитъ спускать непріятелю!» говорили тогда поляки, и рѣшились не давать козакамъ отдыха ни на минуту.

Досадуя на козаковъ за ихъ коварство, поляки сами не прочь были обмануть своихъ враговъ.

Козацкій бѣлоцерковскій полковникъ Крыса прислалъ письмо къ князю Вишневецкому, просилъ пощады козакамъ и извѣщалъ, что они пришлютъ отъ всѣхъ просить прощенія. По этому поводу у пановъ происходило совѣщаніе и на немъ многіе настаивали, что надобно объявить козакамъ прощеніе, а потомъ — отнять у нихъ пушки, распредѣлить козаковъ въ качествѣ плѣнныхъ по польскимъ полкамъ и всѣхъ поголовно перебить, въ заключеніе уничтожить всѣ привилегіи козацкому званію, данныя королями, запретить имъ навсегда носить оружіе, стереть съ лица земли навсегда самое имя козаковъ и истребить ихъ схизматическую вѣру. Въ виду того, что Адамъ Кисель исповѣдовалъ одну вѣру съ козаками, его заранѣе устранили и подъ какимъ-то благовиднымъ предлогомъ не допустили быть на этомъ совѣщаніи. Нѣко-

---

[1]) Staroż. Pols. I. Wojn. z koz. i tat. 320.—Woyn. dom. Ч. 2. 36.—Bell. scyth. cosac. 179.—Кратк. опис. о коз. мал. нар. 32.—Лѣтоп. нов. о Мал. Рос. 33.

Digitized by Google

торые паны были противъ поголовнаго избіенія козаковъ, совѣтовали ограничиться казнію старшинъ и особенно выдающихся бунтовщиковъ [1]). Это совѣщаніе не окончилось никакимъ общепринятымъ рѣшеніемъ, но оно достаточно показываетъ нравственный уровень польскаго общества того времени.

Весь понедѣльникъ происходила битва: козаки опрокинули нѣсколько хоругвей и набрали много плѣнниковъ.

Во вторникъ, съ утра до вечера, гремѣли съ обѣихъ сторонъ пушки. Козаки огромною толпою выскочили изъ окоповъ, бросились на средину польской арміи, и тяжелъ былъ для нихъ этотъ день.

Ночью, со вторника на среду, козаки бросились неожиданно на польскій лагерь, но лунная ночь помѣшала ихъ намѣренію сломить непріятеля внезапнымъ напоромъ [2]).

Въ среду цѣлый день шелъ проливной дождь, мѣшавшій равно обѣимъ воюющимъ сторонамъ.

Ночью, съ среды на четвертокъ, почти все козацкое войско бросилось на разные пункты польской арміи, но помѣшала, говоритъ современникъ, хлопамъ гроза и проливной дождь.

Храбры и отчаянны были ихъ выходки, хитры замыслы, которые обыкновенно выдумывалъ и исполнялъ Богунъ; но страшная безладица не допускала ихъ приводить къ концу начатаго дѣла. Одни избирали начальникомъ Джеджалія, другіе Богуна, третьи еще какого нибудь вождя. Каждая партія исполняла только то, что приказывалъ ея вождь, и не хотѣла дѣйствовать такъ, какъ хотѣлъ избранный другою партіею; а начальники

---

[1]) Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882 г. Ноябрь. 329.

[2]) Starož. Polsk. I. Woyna z koz. i tat. 321.

[3]) Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882. Ноябрь. 332.

Digitized by Google

эти поступали нарочно на-перекоръ одинъ другому [1]). Паны узнали о такомъ безпорядкѣ и ободряли этимъ жолнѣровъ: «гдѣ нѣтъ старшаго, тамъ ничего не сдѣлаетъ солдатъ, хотя бы у него была чертовская отвага».

6-го іюля, въ четвергъ, полякамъ привезли пушки; началась такая пальба, что козаки, какъ они сами сознавались, думали, что земля подъ ними провалится. Они храбро отстрѣливались, но польскія пушки были больше козацкихъ и наносили козакамъ больше вреда. Тогда, подобно осажденнымъ полякамъ подъ Збаражемъ, русскіе окапывали себя и лошадей, хотя такая война была не въ козацкомъ духѣ. Козаки готовы были пойти въ огонь, въ воду, но сидѣть неподвижно и бояться выглянуть на свѣтъ — было не сходно съ ихъ размашистою натурою. Джеджалій, принявшій въ третій или въ четвертый разъ начальство, увидѣлъ, что, вмѣсто поляковъ, они скоро начнутъ съ досады бить другъ друга, и опять послалъ къ панамъ предложеніе прекратить пальбу для начатія мирныхъ переговоровъ. Король принялъ его, но приказалъ держать на-готовѣ артиллерію. «Уже разъ, — говорили поляки, — они насъ обманули; съ ними надобно дружиться, а камень за пазухой держать» [2]).

И вотъ въ русскомъ лагерѣ собралась рада шумная, безпокойная, какъ бывала только въ крайнихъ случаяхъ угрожавшей гибели.

«Старшина насъ покинула, — говорили русскіе; — Хмельницкій всему виною! Онъ злодѣй, измѣнникъ, погубилъ насъ! Мы выбились изъ ляшской неволи, а онъ насъ опять предалъ панамъ! Мы возстали... вотъ онъ намъ за то и надѣлалъ бѣды! Онъ нарочно покинулъ войско! Онъ подружился съ бусурманомъ и самъ ушелъ съ нимъ,

---

[1]) Истор. о през. бр.—Woyna dom. Ч. 2. 38.

[2]) Staroż. Pols. I. Woyna z koz. i tat. 325.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 185.—Annal. Polon. Clim. I. 261.

Digitized by Google

а насъ оставилъ на-зарѣзъ! Будемъ просить милости у короля; пусть только онъ сохранитъ наши зборовскія статьи; а злодѣя Хмельницкаго поймаемъ и выдадимъ. У насъ будетъ лучше его гетманъ».

Тутъ среди разъяренной толпы явился митрополитъ Іосафъ съ духовными и успокоивалъ волненіе.

Послѣ разныхъ споровъ и несогласій, рѣшили наконецъ отправить къ королю посольство съ предложеніемъ заключить миръ [1]). Посланы были три чиновника: чигиринскій полковникъ (по другимъ бѣлоцерковскій) Крыса, миргородскій полковникъ Гладкій, и сотникъ переяславскаго полка Петрашенко [2]).

Въ блестящихъ кармазинныхъ кунтушахъ, какъ будто для показанія козацкаго богатства, явились козацкіе посланцы къ Потоцкому.

«Мы пришли просить милосердія и пощады!» сказали они по латыни (всѣ трое были люди образованные) и поклонились почтительно.

Потоцкій воскликнулъ также по латыни:

«Ахъ, вы, измѣнники! ахъ, вы, злодѣи, какихъ на свѣтѣ еще не было! И вы смѣете толковать о вѣрѣ, представляете будто воюете за церковь? Христіане ли вы, когда побратались съ невѣрными татарами и турками? Нѣтъ, вы недостойны видѣть короля» [3]).

«Милостивый пане, — отвѣчали козаки: — мы пришли просить прощенія; не мы сами зачинщики зла; насъ обманули лихіе люди, привели насъ насильно на войну, а потомъ оставили» [4]).

---

[1]) Истор. о през. бр.

[2]) Ibid.—Starož. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 322.

[3]) Starož. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 322. — Hist. belli cosac. polon. 158.

[4]) Annal. polon. Clim. I. 263.--Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV. i Jan. Kaz. II. 186—187.

Digitized by Google

Потоцкій продолжалъ имъ читать нравоученіе; козаки просили прощенія. Наконецъ Потоцкій сказалъ имъ ласковѣе:

«Хорошо; дожидайтесь! Если его величеству будетъ угодно, васъ позовутъ».

Черезъ нѣсколько часовъ ихъ позвали въ королевскій шатеръ, который тогда находился на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь былъ ханскій. Король сидѣлъ посреди сенаторовъ и воеводъ. Козаки вошли, потупя глаза, и тотчасъ пали на колѣни. Петрашенко началъ говорить рѣчь:

«Козаки, побѣжденные тобою, великій король, и уцѣлѣвшіе отъ смерти на кровавомъ полѣ, умоляютъ тебя о милосердіи. Мы преисполнили мѣру человѣческихъ преступленій, но думаемъ, что еще не превысили врожденнаго милосердія твоего. Пощади кающихся, или скорѣе умертви виновныхъ! Сто тысячъ повергаютъ передъ тобою головы, готовыя къ отсѣченію, если тяжесть нашихъ преступленій можетъ быть смыта только обильною кровью. Но къ чему, государь, употреблять оружіе противъ тѣхъ, которыхъ мучитъ совѣсть! Въ твоей волѣ казнить насъ или помиловать; мы въ своемъ лагерѣ, какъ въ темницѣ, будемъ ожидать казни. Но если ты во власти умертвить насъ за оскорбленіе твоего величества, то пріобрѣтешь болѣе славы, если простишь наши заблужденія и тѣмъ заставишь насъ умирать ежедневно отъ раскаянія въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Ты умножишь побѣду свою нашею погибелью, но уменьшишь царство свое, потому что принесешь многихъ въ даръ мщенію» [1]).

«Для чего вы подняли оружіе? Развѣ вамъ худо было? Не сдѣлалъ ли король по вашему желанію? Не простилъ ли вамъ прежнихъ проступковъ?» обращались къ нимъ паны съ укоризненными вопросами.

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 263.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład IV. i Jan. Kaz. II. 186—187.

Digitized by Google

Козаки продолжали просить прощенія, взваливали всю вину на Хмельницкаго и, заливаясь слезами, цаловали, по тогдашнему польскому обыкновенію, руки и полы одеждъ сенаторовъ и пановъ [1]).

«Видимъ въ васъ добрые знаки покорности, — сказали паны:—хорошо, если только они не притворные».

Козаки увѣряли, что они хотятъ оставаться въ повиновеніи у короля и Рѣчи Посполитой [2]).

Козакамъ приказано было выйти, и король началъ совѣтъ. Въ козацкой просьбѣ, которая тутъ же была прочитана, не было ничего, кромѣ покорности и охоты предаться на волю короля. Послѣ продолжительнаго совѣщанія, козаки снова были позваны.

«Хотя подобныхъ вамъ злодѣевъ и свѣтъ не производилъ,--сказалъ канцлеръ отъ имени присутствовавшаго здѣсь же короля: — хотя ваши преступленія исключаютъ всякую надежду на прощеніе, но удивительное милосердіе королевскаго величества подобно безконечному милосердію Господа, небеснаго Творца, который ниспосылаетъ и грѣшникамъ щедроты своей благости; его величество король не желаетъ вамъ окончательной гибели, если только ваше раскаяніе непритворное и невынужденное вашимъ положеніемъ, и вы покажете знаки послушанія. Завтрашній день вы получите приказанія; двое изъ васъ могутъ идти въ войско и объявить королевскую милость, а одинъ пусть остается здѣсь, чтобъ мы видѣли первый примѣръ покорности вашей».

Козаки недовѣрчиво поглядывали другъ на друга; но Крыса вызвался остаться безъ принужденія. Онъ не думалъ уже возвращаться и остался у поляковъ въ служ-

---

[1]) Starož. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 322.—Кратк. опис. о козак. малор. нар. 53.—Bel. scyth. cos. 184.

[2]) Starož. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 222.

Digitized by Google

бѣ. «Видно, что у тебя не черная душа!» говорили ему паны [1]).

На другой день, въ пятницу, явились козаки за обѣщанными условіями и были допущены къ коронному гетману и канцлеру, которые находились тогда вмѣстѣ.

«Его величество обѣщаетъ вамъ пощаду,—говорилъ канцлеръ: — если вы намъ выдадите Хмельницкаго, его сына Тимоша, писаря Выговскаго и шляхтичей, приставшихъ къ вамъ, и разорвете союзъ съ татарами. Одни изъ васъ пойдутъ спокойно за плугъ, а другихъ король пошлетъ въ погоню за Хмельницкимъ и татарами. Вы должны выдать намъ шестнадцать человѣкъ старшинъ своихъ въ видѣ заложниковъ, не для наказанія, отдать всѣ пушки, распустить по домамъ всѣхъ хлоповъ и самимъ, затѣмъ, оставаться въ совершенной зависимости у короля, ожидая рѣшеній будущаго сейма объ устройствѣ козацкаго войска на будущее время».

«Хмельницкаго у насъ нѣтъ и не знаемъ, гдѣ онъ; пановъ будемъ слушать; татаръ бить будемъ, а старшинъ и пушекъ отдать, не знаемъ, какъ присудитъ рада; *нехай до завтра, бо теперь вісько пьяне*» [2]).

«Ступайте!» сказали имъ. Послы пошли, потупивъ головы.

Снова грянули поляки изо всѣхъ орудій и нѣсколько часовъ палили такъ, что въ польскомъ обозѣ слышно было, какъ картечи ломали козацкіе возы. Козаки отстрѣливались, но слабо, потому что тогда у нихъ происходила рада.

Недовольное неудачею посольства, козачество смѣнило съ начальства Джеджалія. Избранъ былъ снова Богунъ.

---

[1]) Ibidem. 323.—Дневн. Освѣц. Кіевс. Стар. 1882. Ноябрь. 333. 335. Bell. scyth. cos. 184. — Histor. belli cos. polon. 158. — Annal. Polon. Clim. I. 264.

[2]) Staroż. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 320, 325. — Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882. Ноябрь. 335.

Digitized by Google

Духовные по прежнему старались увѣрить ихъ, что Хмельницкій ушелъ для ихъ же пользы и скоро воротится, — но уже тогда мало вѣрили этому.

«Мы согласны,—говорили козаки,—помириться съ королемъ; пусть только онъ намъ подтвердитъ зборовскія статьи; старшинъ выдавать не будемъ, а также и шляхтичей не выдадимъ, потому что имъ уже обѣщано прощеніе по зборовскому договору. Паны пусть въѣзжаютъ въ свои украинскія помѣстья, но только безъ военныхъ хоругвей. Если король на такихъ условіяхъ приметъ насъ подъ свое покровительство, то мы пойдемъ за татарами розыскивать Хмельницкаго и другихъ, сбившихъ насъ съ пути, хотя бы пришлось добывать ихъ въ самомъ Крыму, и на будущее время вѣрно будемъ служить Рѣчи Посполитой». На такомъ прошеніи, поданномъ отъ всѣхъ осажденныхъ козаковъ, подписи ихъ наказнаго гетмана Джеджалія не было. Вѣроятно, онъ остерегался гнѣва Хмельницкаго за обѣщаніе розыскивать его для выдачи полякамъ, включенное въ прошеніе [1]).

Такія требованія были написаны и въ субботу 28-го іюня (3-го іюля н. с.) отправлены съ депутаціею къ королю [2]).

Потоцкій, вѣроятно, думалъ, что польскія картечи укротили русскихъ, когда увидѣлъ новую депутацію; но удивился вспыльчивый гетманъ, когда прочиталъ совсѣмъ другое, нежели ожидалъ.

«Ахъ вы, хлопы!—закричалъ онъ:—что это такое? Не изъ чего-жъ и война идетъ, какъ черезъ то, что Рѣчь Посполитая не хочетъ связываться этимъ договоромъ ни въ какомъ случаѣ! Если хотите какой нибудь милости его величества, то забудьте о зборовскомъ договорѣ; съ этимъ предложеніемъ нельзя являться къ королю, иначе вы раз-

---

[1]) Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882 г. Ноябрь. 336.

[2]) Истор. о през. бр.—Staroż. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 320.

Digitized by Google

гнѣваете его еще больше. Москвитяне не хуже васъ, а выдали Владиславу пушки и знамена подъ Смоленскомъ, и король оказалъ имъ милосердіе. Повинуйтесь, а не то всѣ пропадете, хлопы [1]). Вотъ вамъ пункты: два часа срока—не болѣе».

Въ пунктахъ, поданныхъ козакамъ, было сказано:

«Такъ какъ Хмельницкаго и Выговскаго нѣтъ въ таборѣ, то козаки обязаны дать въ заложники полковниковъ до тѣхъ поръ, пока не представятъ Хмельницкаго и Выговскаго; отдать всѣ пушки, и тѣ, какія въ лагерѣ, и какія есть въ Украинѣ; возвратить знамена, полученныя Хмельницкимъ отъ королей Владислава и Яна Казимира; выдать бунчукъ, булаву и всѣ гетманскія принадлежности. Король назначитъ имъ гетмана и впередъ будетъ самъ производить въ гетманы, а число козацкаго войска опредѣлитъ будущій сеймъ. Зборовскія статьи уничтожаются, а вмѣсто нихъ козаки будутъ довольствоваться ожеговскими, заключенными гетманомъ Конецпольскимъ» [2]).

Эти статьи отнимали у козаковъ всякую свободу выбирать чиновниковъ, лишали ихъ возможности почитать себя вольнымъ народомъ.

Вмѣстѣ съ послами отправился въ козацкій лагерь сендомирскій хоружій.

«Никогда! никогда!—кричала рада:—король забылъ, что обязанъ намъ свободою и жизнью подъ Зборовомъ. Подпишите зборовскія условія, которыя мы вамъ написали саблею, иначе мы не хотимъ мириться и лучше всѣ до одного положимъ свои головы» [3]).

Съ такимъ отвѣтомъ воротился хоружій.

---

[1]) Histor. belli cosac. polon. 160.— Акты Ю. и З. Рос. III. 467.

[2]) Staroż. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 323.—Woyna dom. Ч. 2. 40.

[3]) Истор. о през. бр.—Staroż. Pols. I. Woyna z koz. i tat. 320—324.—Woyn. dom. Ч. 2. 325.

Digitized by Google

Паны, надменные побѣдою, далеки были отъ того, чтобъ согласиться на требованіе козаковъ. Только подканцлеръ Радзѣіовскій, уже до того времени бывшій съ королемъ въ ссорѣ, доказывалъ съ жаромъ, что въ самомъ дѣлѣ Янъ Казимиръ долженъ, по всѣмъ правамъ, подписать зборовскій договоръ, и возбудилъ противъ себя негодованіе короля и шляхты.

Между тѣмъ изъ козаковъ болѣе и болѣе находилось такихъ, которые переходили въ польскій лагерь. За Крысою вслѣдъ пришелъ Липинскій, родомъ шляхтичъ, потомъ также шляхтичъ Головацкій [1]). Не мало послѣ нихъ было такихъ *вѣрныхъ*, какъ назывались они въ польскомъ ополченіи. Ихъ принимали ласково, чтобъ обнадежить другихъ, и позволяли служить въ польскомъ войскѣ. Только одинъ изъ такихъ *зміевъ, которымъ жити не треба*, какъ выражается украинская лѣтопись, получилъ иной пріемъ. Это былъ Лисенко, атаманъ кровожаднаго загона вовгуревцевъ. Онъ явился безъ оружія въ ставку князя Вишневецкаго, избравъ самаго злѣйшаго врага козачества, чтобъ тѣмъ сильнѣе доказать свое обращеніе. «Принимаю унію,—говорилъ онъ,—признаю св. отца и клянусь польскимъ *крыжемъ* не дѣлать зла католикамъ». Князь съ отвращеніемъ смотрѣлъ на атамана и, не сказавъ ему ни слова, обратился къ своимъ мечникамъ, далъ знакъ, а самъ ушелъ прочь. Лисенка разорвали на двухъ доскахъ, соединенныхъ посрединѣ гвоздями и расходившихся въ разныя стороны [2]).

Началась снова пальба. Козаки, изъ мести и ожесточенія, начали умерщвлять плѣнниковъ въ виду польскаго войска: одному свернули голову, другому забили подъ колѣна гвозди [3]). Богунъ рѣшился не сдаваться до послѣд-

---

[1]) Staroż. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 325.

[2]) Повѣсть о томъ, что случ. въ Украинѣ. II.

[3]) Bell. scyth. cosac. 185.

Digitized by Google

ней капли крови и дѣйствовалъ противъ поляковъ какъ оружіемъ, такъ и своею хитростью. Онъ распространилъ въ польскомъ лагерѣ слухъ, будто ханъ съ Хмельницкимъ воротились и ночью нападутъ на польское войско. Немедленно отправили за рѣку большой корпусъ. Чтобъ увѣрить поляковъ въ истинѣ этого, козаки затрубили въ трубы, забарабанили въ литавры, заиграли на инструментахъ [1]). Тѣмъ временемъ Богунъ напалъ на усѣвшихся на близкихъ окопахъ и одержалъ надъ ними верхъ [2]). Ни искуство Богуна, ни отвага козаковъ не могли спасти ихъ. Волненіе въ таборѣ дошло до крайности. Толпы новонабранныхъ хлоповъ, исправлявшихъ разныя работы и вооруженныхъ только косами, сходились на сходки.

«Что, братцы,—говорили на этихъ сходкахъ ораторы,—король хочетъ, чтобъ полковники и вся старшина шли въ заставу, а они не хотятъ: оттого не мирятся; а тѣмъ временемъ татары разоряютъ край нашъ, побрали нашихъ женъ и дѣтей. Выдадимъ старшину ляхамъ и будемъ свободны».

Богунъ узналъ о такомъ замыслѣ и, собравъ на совѣщаніе старшинъ, говорилъ: «глупая чернь отдаетъ насъ на убой и сами всѣ пропадутъ. Остается выйти отсюда и спасти какъ самихъ себя, такъ и ихъ».

Старшины рѣшили ретироваться; но, чтобъ этотъ замыселъ могъ быть исполненъ какъ слѣдуетъ, Богунъ не приказывалъ объявлять о немъ, а велѣлъ переводить козаковъ, мало-по-малу, на другой бокъ рѣки, и между тѣмъ безпрестанно сражаться съ непріятелемъ, чтобъ отвлечь вниманіе. Такъ, подъ распоряженіемъ Богуна, начали дѣлать мосты черезъ Пляшовую и плотину черезъ болото [3]).

---

[1]) Staroż. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 325—326.

[2]) Ист. о през. бр.

[3]) Ibid.

Digitized by Google

Народу говорили, что это дѣлается для того, чтобъ имѣть пастбища на другой сторонѣ рѣки.

Но поляки немедленно узнали объ этомъ. Одинъ изъ многочисленныхъ тогда козаковъ, переходившихъ къ полякамъ, неизвѣстный по имени, козакъ *гожій*, какъ выражается о немъ современникъ, явился въ польскій лагерь и объявилъ, что козаки думаютъ уйти [1]).

«Надобно прижать этихъ ужей, чтобъ больше не кусались!» говорили тогда поляки [2]). По совѣту передавшагося къ полякамъ Крысы, чтобы прервать козакамъ сообщеніе съ другимъ берегомъ и преградить имъ путь къ отступленію, Потоцкій, отправилъ Ляндскоронскаго съ двумя тысячами за рѣку [3]); хотѣли было послать туда Вишневецкаго, но подвиги его возбудили зависть: не желали, чтобъ отъ него зависѣло окончаніе битвы, потому что и безъ того приверженцы провозгласили его побѣдителемъ на генеральномъ сраженіи [4]).

Весь день, въ воскресенье, шелъ проливной дождь и козаки готовились уходить, какъ вдругъ увидѣли, что за Пляшовой стоитъ польскій отрядъ. Послана была еще одна депутація въ польскій лагерь и явилась въ обѣденную пору къ Потоцкому [5]).

«Что еще? зачѣмъ?» вскрикнулъ гетманъ.

Козаки по-прежнему просили утвердить зборовскій договоръ.

«Было время,—писали они,—когда подъ Зборовомъ король находился въ такой же бѣдѣ, какъ и мы теперь, но козаки пустили его въ добромъ здоровьѣ, истребовавъ

---

[1]) Staroż. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 326.

[2]) Ibid. 327.

[3]) Истор. о през. бр.—Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882 года. Ноябрь 338.

[4]) Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV. i Jan. Kaz. II. 189.

[5]) Star. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 326.

Digitized by Google

только права свои. Зачѣмъ же, поляки, не помните этого, наступаете на насъ силою и хотите истребить? У насъ одна свободная дорога, а вы и ту хотите отнять» [1]).

Потоцкій вспыхнулъ, затопалъ, закричалъ и прогналъ пословъ съ ругательствами. Вслѣдъ за тѣмъ прискакалъ къ нему король, услышавъ о новыхъ послахъ изъ русскаго лагеря.

«Что это значитъ? панъ коронный гетманъ!..—сказалъ съ сердцемъ Янъ Казимиръ: — вы распоряжаетесь самовольно и не даете знать королю».

«Ваше величество!—отвѣчалъ Потоцкій,—эти измѣнники не стоятъ того, чтобъ ихъ допускать къ высокой особѣ. Еслибъ я зналъ, что у нихъ написано въ прошеніи, то приказалъ бы вытолкать, не допуская къ себѣ» [2]).

Нечего было дѣлать. Богунъ рѣшился вести войско на проломъ. Въ воскресенье вечеромъ онъ приказалъ начать сраженіе для того, чтобъ занять хлоповъ битвою съ поляками въ то время, когда другіе будутъ заниматься приготовленіемъ плотины. Богунъ выкатилъ имъ горѣлки и отчаянные хлопы полетѣли изъ окоповъ. Они сражались въ тотъ вечеръ храбро, увели много плѣнниковъ, которыхъ обрекали на мучительныя казни на слѣдующій день. Вечеромъ ударили отбой, и поляки говорили тогда:

«Чортъ возьми! у нихъ люди храбры, да и пороху много, а у насъ вѣтеръ лошадьми колышетъ! Богъ вѣсть, что дальше будетъ» [3]). Поляки съ часу на часъ чувствовали какъ трудно было имъ овладѣть козацкимъ таборомъ. Даромъ что козаки были погромлены и находились въ осадѣ: выходило однако такъ, что, по замѣчанію очевидца

---

[1]) Истор. о през. бр.

[2]) Star. Polsk. I. Wojna z koz. i tat. 326.

[3]) Staroż. Pols. I. Wojn. z koz. i tat. 327.

Digitized by Google

и современника, осаждавшіе оказывались болѣе павшими духомъ и угнетенными, чѣмъ осажденные [1]).

Утомленные хлопы не подозрѣвали, что̀ будутъ дѣлать козаки и ихъ предводители, напились горѣлки и скоро весь таборъ заснулъ. Козаки тѣмъ временемъ свозили на болото возы, кожухи, шатры, кунтуши, свитки, мѣшки, сѣдла, попоны—все, что имѣли и безъ чего, при нуждѣ, могли обойтись, бросали въ болото, и такимъ образомъ устроили три плотины [2]). Ляндскоронскій увидѣлъ это и поспѣшилъ имъ на встрѣчу, чтобъ не дать переправиться. Богунъ выстроилъ на трехъ плотинахъ войско, выставилъ впереди двѣ пушки, а сзади поставилъ часть конницы, затѣмъ должны были слѣдовать черезъ плотины артиллерія и козаки отрядами. Богунъ шелъ впереди и командовалъ, какому отряду слѣдовало когда переправиться [3]). Передніе крикнули рѣзкимъ голосомъ. Этотъ крикъ испугалъ Ляндскоронскаго; онъ подумалъ, что на него наступаетъ цѣлый таборъ; и такъ какъ у него было немного войска, то уступилъ дорогу непріятелю и ушелъ прочь по направленію къ Козину [4]). Козаки начали свободно переходить, но, несмотря на увѣщанія полковниковъ не спѣшить, такъ столпились, что многіе, при ночной темнотѣ, положили головы во время этой переправы.

Занялась заря. Хлопы проснулись, а уже половины войска и всей конницы не было въ лагерѣ [5]). Взошло солнце; они все еще ни о чемъ не знали, потому что таборъ былъ очень великъ, да притомъ утренній туманъ закрывалъ видъ. Только тѣ, которые ночевали ближе къ

---

[1]) Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882 г. Ноябрь 338.

[2]) Истор. о през. бр.—Star. Pol. I. Wojna z koz. i tat. 326.

[3]) Annal. Polon. Clim. I. 265.

[4]) Истор. о през. бр. — Annal. Polon. Clim. I. 265. — Woyna dom. Ч. 2. 42.—Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882 г. Ноябрь 339.

[5]) Annal. Polon. Clim. I. 266.

Digitized by Google

переправѣ, продолжали переходить толпами. Было около десяти часовъ; хлопы стали завтракать [1]). Это былъ день св. апостоловъ Петра и Павла [2]): надобно было разговляться.

Со стороны поляковъ не было ни малѣйшаго нападенія [3]). Вдругъ кто-то посреди толпы крикнулъ рѣзкимъ голосомъ: «Братці! уже ні едного полковника немае въ табори, поутикали усі!»

По всей массѣ пробѣжалъ внезапный страхъ, раздался крикъ нѣсколькихъ тысячъ голосовъ, перепугавшій поляковъ и, въ минуту, весь оставшійся таборъ пришелъ въ крайнее смятеніе [4]). Кто держалъ ложку съ горячимъ кулишомъ, кто наливалъ чарку горѣлки для бодрости, другой заряжалъ ружье, иные держали плѣнныхъ шляхтичей, готовясь, можетъ быть, живьемъ зарывать ихъ въ землю:— все было покинуто. «Словно воробьи, — говоритъ поэтъ очевидецъ [5]),—когда вырвутся изъ сѣти и мечутся во всѣ стороны, и бросаются толпами на блестящія окна,»—такъ всѣ бросились въ разсыпную съ отчаянными криками: «пропали мы!» ища перехода. «Сюда! Сюда!» кричали передніе козаки и вели ихъ на плотины, но хлопы въ такомъ множествѣ натолпились, что плотины разгрузли и они начали тонуть [6]). Напрасно Богунъ, съ другаго берега подъѣхавши къ нимъ, увѣрялъ, что онъ никогда въ мысляхъ не имѣлъ бросать ихъ на произволъ судьбы [7]), и уговаривалъ переходить въ порядкѣ; напрасно козаки

---

[1]) Star. Pols. I. Wojn. z koz. i tat. 328.

[2]) Истор. о през. бр.

[3]) Star. Pols I. Wojn. z koz. i tat. 328.

[4]) Bell. scyth. cosac. 188.—Star. Pols. I. Wojn. z koz. i tat. 328.— Лѣтоп. Самов. 17.—Stor. delle guer. civ. 263.

[5]) Odmiana sfery niest. kozac.

[6]) Bell. scyth. cosac. 189.—Staroż. pols. I. Wojn. z koz. i tat. 328.

[7]) Лѣт. пов. о Мал. Росс. 88.

Digitized by Google

кричали имъ «стойте! стойте! тише!» Хлопы, не поспѣвъ на плотину, бросились въ разныя стороны, толкались, стучали лбами другъ о друга, по выраженію очевидцевъ и, въ испугѣ, стремглавъ летѣли въ воду [1]). Поляки нѣсколько времени смотрѣли на своихъ непріятелей и не могли понять, что это значитъ. Нѣкоторые думали, что непріятель задумалъ хитрость, что козаки притворнымъ бѣгствомъ хотятъ завлечь поляковъ въ таборъ [2]). Они разувѣрились только тогда, какъ въ польскій лагерь прибѣжали плѣнные шляхтичи, чудесно спасшіеся отъ мучительной смерти. «Непостижимо! —говорили тогда поляки,— мы на нихъ вовсе не нападали; вдругъ непріятель съ крикомъ бросается, ни съ того ни съ сего. Больше ничему нельзя приписать этого, какъ особенному промыслу Божію» [3]).

Со всѣхъ сторонъ повалили поляки въ козацкій таборъ и съ жадностью подбирали все, что имъ попадалось на глаза: на рожнахъ жарились большіе куски говядины, на треногахъ стояли горшки съ борщемъ, киселемъ, или козацкою соломахою [4]). «О, Господи Боже! — восклицали жолнѣры, — какъ Ты милосердъ! мы уже страдали голодомъ, а Ты намъ, ни оттуда, ни отсюда, послалъ столько хлѣба, муки, каши, мяса!» Въ таборѣ было много овецъ и быковъ, и много стояло лошадей, совсѣмъ осѣдланныхъ, такъ что жолнѣрамъ стоило сѣсть на нихъ и гнаться за козаками. Двадцать восемь пушекъ досталось побѣдителямъ; ружей и пороха было столько, по замѣчанію современниковъ, что ими можно было снабдить все польское

---

[1]) Star. Pols. I. Wojn. z koz. i tat. 328. — Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882 г. Ноябрь. 339. — Bel. scyth. cosac. 189. — Odm. sf. niest. kozac.

[2]) Woyna dom. Ч. 2. 42.—Pam. o wojn. kozac. za Chm. 90.

[3]) Star. Pols. I. Wojna z. koz. i tat. 328.

[4]) Woyna dom. Ч. 2. 42.—Bell. scyth. cosac. 129.

Digitized by Google

войско. Козачество потеряло и тѣ знаки, которые служили для него залогомъ уваженія къ его мужеству и доблестямъ. Это были два знамени: одно, пожалованное Владиславомъ, когда онъ предпринималъ войну противъ невѣрныхъ и втайнѣ думалъ возстановить значеніе короля посредствомъ русскаго народа; другое, присланное Хмельницкому въ Переяславль Яномъ Казимиромъ [1]). Митрополитъ Іосафъ — двойственное лицо въ этой кровавой эпохѣ, проповѣдникъ крестоваго похода православныхъ противъ католичества и вмѣстѣ пропагаторъ соединенія Украины съ мусульманскою державою, главная, по замѣчанію поляковъ, причина упорства осажденныхъ русскихъ въ послѣднее время, — не достался врагамъ на жестокія мученія, которыя ожидали бы его, по сознанію самихъ поляковъ [2]). Послѣдній разъ онъ выдержалъ себя и, представъ въ архіерейской мантіи предъ растерянными толпами, хотѣлъ остановить ихъ и палъ съ освященнымъ мечомъ въ рукѣ, освятивъ его, по замѣчанію историковъ, своею кровію [3]): какой-то шляхтичъ закололъ его [4]). Поляки принесли къ королю его облаченіе: красную бархатную митру, окаймленную золотыми бляхами крестообразной формы, евангеліе въ золотой оправѣ, двѣ чаши, трикиріи, крестъ изъ яшмы, омофоръ драгоцѣнной работы, жезлъ, литой изъ серебра, и освященный мечъ. Всѣ эти вещи вмѣстѣ со взятыми въ шатрѣ Богуна козацкими знаменами, пожалованными отъ польскихъ королей, положены были у подножія алтаря, устроеннаго въ шатрѣ передъ образомъ Богоматери, котораго чудодѣйственной силѣ приписывалась побѣда, одержанная надъ схизматиками и му-

---

[1]) Bell. scyth. cosac. 195.—Staroż. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 327—329.—Pam. o wojn. kozac. za Chm.

[2]) Bell. scyth. cos. 194.

[3]) Pam. o wojn. kozac. za Chm. 91.—Истор. о през. бр.

[4]) Кратк. опис. о коз. малор. нар. 56.—Bell. scyth. kosac. 144.

Digitized by Google

сульманами. Янъ Казимиръ приказалъ похоронить архіерея въ близкой русской церкви со всѣмъ его облаченіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Вишневецкій привелъ къ королю турецкаго посла, находившагося при Хмельницкомъ, одѣтаго очень нарядно, съ привезенными имъ для Хмельницкаго саблею и кинжаломъ въ дорогой оправѣ. Его вытащили изъ болота. Жолнѣры разграбили шатеръ Хмельницкаго, взяли шкатулку, въ которой было множество писемъ,— и тридцать тысячъ талеровъ, хранившихся въ двухъ сундукахъ и предназначавшихся въ уплату Ордѣ. Деньги достались полякамъ, кто успѣлъ подхватить ихъ: одному товарищу досталось суммою на 1,500 червоныхъ злотыхъ, другимъ — на нѣсколько сотъ и даже только на нѣсколько десятковъ. Одинъ захватилъ и присвоилъ себѣ бархатную мантію Хмельницкаго, подбитую соболями. Письма и печать войска запорожскаго принесли къ королю [1]). Поглядывая на кипы бумагъ, заключавшихъ переписку съ турецкимъ правительствомъ, молдавскимъ господаремъ, трансильванскимъ князёмъ и агентами въ Польшѣ, паны говорили въ шутку: «теперь будетъ что читать!» [2]). Однако, нѣкоторыя письма были написаны условною азбукою.

Среди раненыхъ и убитыхъ, поляки отыскали нѣсколько своихъ несчастныхъ собратій: одни были облуплены, какъ скотины на бойнѣ, у иныхъ были отсѣчены руки и ноги, другіе еще дышали въ страшныхъ мученіяхъ; по трупамъ нѣкоторыхъ поляки видѣли, что козаки употребляли всякія варварства, какія придумывало ожесточеніе [3]). Это возбудило свирѣпство воиновъ; они гонялись за русскими, хватали и терзали ихъ. Въ таборѣ было

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 266.—Кратк. опис. о коз. мал. нар. 66.— Истор. о през. бр.—Woyn. dom. ч. 2, 42.—Лѣтоп. пов. о коз. мал. нар. I. 88—89.

[2]) Staroż. Pols. I. Wojn. z koz. i tat. 329.

[3]) Annal. Polon. Clim. I. 266.

Digitized by Google

много женщинъ, которыя пришли въ лагерь раздѣлять труды и опасности со своими мужьями и братьями. Никому не было пощады, даже раненымъ и чуть живымъ. «Наши,—говоритъ современникъ,—были похожи на разъяренныхъ охотничьихъ собакъ, которыя, преслѣдуя звѣря, пронюхаютъ его во всякой ямѣ, во всякомъ кустѣ» [1]). Напрасно хлопы кричали: *милостивиі панове ляхи, на Бога гляньте, будемъ вірні: мы не козаки, а мужики зъ черні!* — «Нѣтъ пощады тѣмъ, которые пили шляхетскую кровь и грабили костелы!» [2]) кричали поляки. Жолнѣры вытаскивали безсильныхъ враговъ изъ-подъ возовъ, изъ болотъ, и мучили безъ состраданія, отплачивая за своихъ. Отличились тогда передъ другими въ истребленіи козаковъ шляхтичи ополченія плоцкаго воеводства [3]). Русскіе, спасаясь отъ враговъ, толпами сами бросались въ воду и скорою смертью избавлялись отъ мученій.

Триста молодцовъ не посрамили тогда козацкой славы, какъ говорилось въ тотъ вѣкъ въ Украинѣ. Они засѣли на небольшомъ островѣ, на рѣкѣ Стыри, и оборонялись цѣлый день; сколько ни подходили къ нимъ шляхтичи, козаки ловко палили по нимъ и метко задѣвали ихъ косами, коль скоро какой нибудь отважный бросался черезъ воду. Послѣ неудачныхъ попытокъ надъ храбрецами, долго начальники не могли вызвать на нихъ охотниковъ. Потоцкій послалъ депутата къ этимъ отчаяннымъ, для которыхъ не существовалъ страхъ смерти [4]).

«Панъ краковскій, — говорилъ депутатъ: — удивляется вашей храбрости и, жалѣя такихъ мужественныхъ воиновъ, даруетъ вамъ жизнь, если вы сдадитесь.

---

[1]) Woyna domowa. Ч. 2. 42.

[2]) Odmiana sfery niestat. kozac.

[3]) Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882 г. Ноябрь. 340.

[4]) Bel. scyth. cosac. 191.

Digitized by Google

«Скажите пану краковскому,—отвѣчали козаки:—чтобъ онъ такъ не думалъ о козакахъ. Нѣтъ, ляхи, не проведете насъ обѣщаніями: намъ жизнь недорога, а милостями враговъ гнушаемся мы!»

Они показали множество серебра и золота, которое унесли съ собою изъ табора.

«Смотрите,—продолжали они:—какъ мало значитъ для насъ добро мірское». Драгоцѣнности полетѣли въ воду въ глазахъ изумленныхъ поляковъ.

«Знайте,—прибавили козаки:—что свобода для козака всего дороже».

Потоцкій послалъ на нихъ двѣ хоругви. Самъ король прибѣжалъ смотрѣть на это рѣдкое зрѣлище. Они обняли другъ друга, прочитали молитву и бросились на поляковъ; каждый изъ нихъ не прежде разставался съ жизнью, какъ убивъ врага и сказавъ ободрительное слово товарищу. Цѣлая сотня полка Радзивиллова погибла прежде, чѣмъ перебили неустрашимыхъ русскихъ. Оставался только одинъ изъ храбрыхъ; онъ вскочилъ въ лодку и началъ отмахиваться косою. Четырнадцать пуль запустили въ него: онъ былъ еще живъ и держался! Не знаю, замѣчаетъ современникъ, не попадали ли въ него стрѣлки, или пули его не брали. Одинъ жолнѣръ бросился на него также съ косою и попятился назадъ. Король приказалъ сказать козаку, что удивляется его храбрости и даруетъ ему жизнь.

«Я гнушаюсь жизнью,—отвѣчалъ воинъ,—хочу умереть, какъ истинный козакъ!»

Одинъ мазовшанинъ изъ цѣхановецкаго повѣта вошелъ по шею въ воду, ударилъ его косою, потомъ закололъ копьемъ [1]).

---

[1]) Bell. scyth. cosac. 193.—Лѣтоп. пов. о Мал. Рос. 58.—Крат. ист. опис. о коз. мал. нар. 55.—Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882. Ноябрь 340.

Digitized by Google

«Каждый можетъ видѣть,— говорили тогда поляки, — что Богъ лелѣетъ счастіе и благосостояніе польскаго народа. Кто можетъ сказать: мы побѣдители непріятеля? Самъ Богъ низложилъ его!»

Digitized by Google

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Напирскій.—Поляки преслѣдуютъ козаковъ.—Король уѣзжаетъ въ Варшаву.—Польское войско идетъ въ Украину.—Дѣла въ Украинѣ.—Пораженіе Небабы. — Занятіе Чернигова. — Радзивиллъ вступаетъ въ Кіевъ.—Хмельницкій у хана.—Хмельницкій въ Паволочи.—Свиданіе съ полковниками.—Судьба жены Хмельницкаго.—Третья женитьба Хмельницкаго.—Козацкій лагерь на Масловомъ Бродѣ.—Повсемѣстное возстаніе русскихъ. — Смерть Вишневецкаго. — Разореніе Трилисъ.—Кіевскій пожаръ.—Неудача козаковъ подъ Кіевомъ. — Письмо Хмельницкаго къ Потоцкому.

Почти въ это время всеобщей радости пришли въ войско вѣсти, довершившія побѣдоносное торжество польскаго короля. Хмельницкій, объявляя войну, разбудилъ и поселянъ Червоной Руси. Въ этой части русской земли, присоединенной къ Польшѣ еще въ XIV вѣкѣ, болѣе угасала національность, изглаживались воспоминанія о временахъ князя Ярослава и короля Данила. Посѣщеніе Хмельницкимъ Львова, въ 1648 году, а въ особенности воззванія Нечая, который въ своемъ полку считалъ множество хлоповъ изъ воеводства русскаго, сдѣлали червоно-руссовъ участниками борьбы русскаго народа съ Польшею. Но по сосѣдству, духъ возстанія, надежда на освобожденіе народа отъ власти пановъ проникли и въ польское населеніе.

Digitized by Google

Хмельницкій разсылалъ своихъ агентовъ по всѣмъ краямъ Рѣчи Посполитой. Нѣкто Стасенко, называвшій себя полковникомъ Хмельницкаго, разослалъ толпу возмутителей, поджигавшую народъ въ разныхъ краяхъ. Появилось множество неизвѣстныхъ бродягъ, нищихъ, прикидывавшихся калѣками и при первой возможности оказывавшихся здоровыми и дюжими; они возбуждали народъ противъ владѣльцевъ, увѣряли, что самъ король желаетъ народъ освободить и что онъ за-одно съ Хмельницкимъ противъ панства, которое и королю враждебно; они поджигали города и замки и научали другихъ тоже дѣлать; составлялись удалыя дружины, готовыя истреблять пановъ и жидовъ, а руководителемъ всѣхъ былъ какой-то попъ изъ Цѣшанова. Возстаніе перешло и къ ближайшимъ сосѣдямъ южноруссовъ польскимъ горцамъ, называемымъ *горалями*, жителями пространства отъ Кракова на югъ до угорской границы. И туда Хмельницкій разослалъ свои универсалы и обнадеживалъ помощью Ракочи. На челѣ возстанія явился тогда Напирскій, пройдоха, сорви-голова, промотавшійся шляхтичъ, думавшій поправить свое положеніе среди всеобщаго замѣшательства: такъ описываютъ его современники [1]). По свидѣтельству другаго современника [2]) это былъ Симонъ Бзовскій, побочный сынъ короля Владислава IV. Въ младенчествѣ онъ былъ отданъ на попеченіе въ домъ Костокъ, знатной древней фамиліи, уважаемой въ Рѣчи Посполитой по кровной связи предковъ съ св. Станиславомъ, считаемымъ патрономъ поляковъ. Потомъ въ юности взятъ онъ былъ пажемъ къ королевѣ Ренатѣ, воспитывался во дворцѣ и, при своихъ отличныхъ способностяхъ, получилъ блестящее образованіе; въ двадцать лѣтъ отъ роду вла-

[1]) Bel. scyth. cosac. 207.—Annal. Polon. Clim. I. 244.

[2]) Kubala. I. 327. Ссылка на рукоп. Библ. Оссолинскихъ № 189. (Описаніе возмущенія Напирскаго, сдѣланное Голинскимъ, райцею гор. Казимира подъ Краковомъ).

Digitized by Google

дѣлъ многими иностранными языками. Послѣ смерти Владислава онъ удалился изъ дворца, шатался неизвѣстно гдѣ, а въ 1651 году явился въ окрестностяхъ Кракова, неся съ собою универсалы Хмельницкаго, возбуждавшіе хлоповъ противъ своихъ пановъ, храня ихъ втайнѣ до той поры, когда нужнымъ найдетъ объявить ихъ. Онъ выдавалъ себя за принадлежащаго къ фамиліи Костокъ и назывался Александромъ Львомъ Косткою изъ Штернберга. Его аристократическія манеры и знаніе языковъ не подавали повода сомнѣваться въ его родовитости. Это былъ молодой человѣкъ очень красивый, статный, хотя ростомъ невысокій, съ черными усиками, съ маленькой остроконечной бородкой, съ прекрасными курчавыми волосами, умный, вкрадчивый, необыкновенно привлекательный. Онъ подружился въ городкѣ Новомъ Торгѣ съ тамошнимъ подстаростою Здановичемъ, добродушнымъ старичкомъ провинціаломъ и увѣрилъ его, что король Янъ Казимиръ поручилъ ему вербовать людей въ войско. Старикъ полюбилъ его какъ родного сына. Чрезъ него познакомился онъ и сошелся съ однимъ школьнымъ сельскимъ учителемъ въ селѣ Пцимѣ, Мартиномъ Радоцкимъ, который до фанатизма былъ проникнутъ идеями анабаптистовъ, оставившихъ когда-то слѣды своего ученія въ этомъ краѣ. Проходимецъ такъ поддѣлался къ этому фанатику, что тотъ призналъ въ немъ посланника неба, который съ согласія королевскаго приноситъ народу миръ Христовъ и свободу. Нашлась у Радоцкаго королевская грамота на вербовку войска, такъ называемый приповѣдный листъ, данный годъ тому назадъ какому-то Напирскому. Мартинъ искусно поддѣлалъ подобный документъ на имя Александра Льва Костки-Напирскаго и утвердилъ его печатью, снятою съ предыдущей грамоты; съ этимъ поддѣльнымъ документомъ началъ Костка-Напирскій свою вербовку. Въ этомъ краѣ, прилегавшимъ къ Карпатамъ, жили такъ называемые сол-

Digitized by Google

тысы, люди имѣвшіе подобіе съ козаками: то были свободные земледѣльцы, обязанные только военною службою государству, народъ своевольный и буйный, занимавшійся разбоями и постоянно поддерживавшій въ панскихъ хлопахъ ненависть къ панамъ. Напирскій подружился съ однимъ изъ солтысовъ изъ Стараго Дунайца, Станиславомъ Лентовскимъ, имѣвшимъ большое вліяніе на всю свою братію и прозваннымъ маршалкомъ солтысовъ. Въ соумышленіи съ нимъ и съ Мартиномъ Радоцкимъ, Напирскій распустилъ воззваніе къ народу, чтобы всѣ собрались подъ начальство Костки противъ жидовъ и шляхты, такъ какъ жиды замучили Христа, а шляхта замыслила поднять бунтъ противъ короля. Обѣщалась народу вольность, раздѣлъ шляхетскихъ лѣсовъ, грунтовъ и полей, и помощь козацкая отъ Богдана Хмельницкаго. Всѣ приставшіе къ этому предпріятію должны были убрать свои хаты зеленью, чтобы проходя черезъ такое село, гдѣ это встрѣтятъ, прочіе соумышленники знали, что тамъ ихъ соучастники и не причиняли имъ никакого зла, а въ походѣ вѣнокъ, привѣшенный къ зеленой сосновой вѣтви, долженъ быть знакомъ для взаимнаго обознанія [1]). По извѣстію другого источника, такимъ знакомъ былъ зеленый снурокъ, носимый каждымъ изъ ополченія, и пламя угрожало тому селу, гдѣ не хотѣли видѣть этого знака [2]). Напирскій надѣялся на Хмельницкаго: тогда еще никто не предвидѣлъ берестечскаго пораженія; надѣялся и на трансильванскаго князя. Напирскій думалъ воспользоваться повсемѣстнымъ отсутствіемъ дворянства, ушедшаго въ посполитое рушенье. Предводитель хотѣлъ завладѣть всѣми укрѣпленными мѣстами, потомъ взять Краковъ и предать столицу въ руки Хмельницкаго въ то время, когда шляхтичи будутъ отстаи-

---

[1]) Дневн. Освѣц. Кіевс. Стар. 1882 г. сент. 505.

[2]) Bell. scyth. cos. 209.

Digitized by Google

вать права свои на Волыни. Для удобнѣйшаго исполненія замысла, и притомъ, чтобъ не тратить понапрасну людей, Напирскій, называя себя Косткою, распустилъ слухъ, будто присланъ отъ Яна Казимира съ повелѣніемъ занять крѣпости, оставленныя безъ обороны. Первая крѣпость, съ которой онъ началъ дѣло, была Чорстынъ, лежащая на неприступной горѣ, на берегу рѣки Дунайца. Тамъ, вмѣсто старосты, оставался подстароста, жидъ. Напирскій требовалъ, чтобъ его впустили. Самозванецъ показывалъ грамоту съ подписью короля, съ большою висячею печатью. Жидъ сначала было воспротивился, но вскорѣ почувствовалъ, говоритъ современникъ, что у него недостало духу. Мятежники заняли Чорстынъ 14-го іюня.

Напирскій поручилъ Радоцкому и Лентовскому, которыхъ наименовалъ полковниками, собирать охотниковъ и приводить къ нему въ Чорстынъ. Онъ распустилъ еще универсалъ отъ своего имени, въ которомъ, выдавая себя за королевскаго посланца, предостерегалъ всѣхъ, чтобъ не довѣряли никакимъ другимъ универсаламъ, хотя бы съ королевскою подписью и съ печатью, потому что король, находясь подъ страхомъ отъ шляхты, поневолѣ долженъ издавать то, что ему прикажутъ. Отдавая на полный произволъ хлоповъ ихъ владѣльцевъ шляхетской породы, Напирскій возбранялъ трогать костелы и единственное лицо изъ всѣхъ пановъ—Здановскаго, новоторжскаго обывателя. 24-е іюня было днемъ, предназначеннымъ Напирскимъ для своего похода на Краковъ. Но въ этотъ заранѣе намѣченный день случилось иное.

Дошла вѣсть до краковскаго епископа, которому король предоставилъ тогда надзоръ за этимъ краемъ. Онъ отправилъ шестьдесятъ драгунъ и поручилъ старостѣ добчицкому Іордану отобрать занятый замокъ.

«По какому праву и по чьему приказанію занятъ Чор-

Digitized by Google

стынъ и что за войско появилось въ Польшѣ?» написалъ Напирскому епископъ.

«Я Костка, природный дворянинъ Рѣчи Посполитой,— отвѣчалъ самозванецъ:—я присланъ отъ короля для охраненія границы отъ непріятельскихъ нападеній. Его величество безпокоится, что всѣ дворяне вышли изъ отечества и потому прислалъ меня».

Іорданъ не былъ допущенъ занять замокъ и долженъ былъ вернуться ни съ чѣмъ въ Краковъ. Видѣвшіе Напирскаго сами не знали кѣмъ слѣдуетъ считать его: тѣмъ-ли за кого себя выдаетъ, или самозванцемъ, но увѣряли епископа, что сами видѣли королевскую грамоту, и разсказали ему примѣты новаго чорстынскаго коменданта.

«Не можетъ быть,—сказалъ епископъ:—я знаю всѣхъ Костокъ, сколько ихъ есть въ Польшѣ. Это не Костка».

Подозрѣніе его оправдалось: въ Краковъ привели изъ отряда Напирскаго покупщиковъ пороха и олова; они сознались подъ пытками, что зàмокъ занятъ приверженцемъ Хмельницкаго.

Узналъ тогда епископъ, что сельскій людъ составляетъ сходки и утыкаетъ свои хаты вѣтвями. Епископъ понялъ, что затѣвается что-то недоброе для шляхетства. Онъ послалъ отрядъ своей надворной команды и съ нимъ хоругвь староства Опунцкаго, всего около тысячи человѣкъ, подъ начальствомъ шляхтича Яроцкаго, а между тѣмъ, написалъ къ королю о случившемся.

Къ Напирскому въ Чорстынъ не успѣли еще собраться скопища народа, возбуждаемаго имъ противъ пановъ. Съ нимъ въ Чорстынѣ на первыхъ порахъ было всего сорокъ пять горцевъ и пять дѣвушекъ. То былъ его весь наличный гарнизонъ. Неожиданно явились подъ зàмкомъ епископскіе драгуны. Напирскій не впалъ въ отчаяніе, приказалъ зажигать натертые смолою пуки соломы и выставлять ихъ на показъ, чтобъ этимъ сигналомъ дать знакъ

Digitized by Google

своимъ единомышленникамъ и побудить ихъ поспѣшить на выручку, а самъ бодро и стойко оборонялся противъ драгуновъ и за скудостію огнестрѣльныхъ снарядовъ лилъ на нихъ со стѣнъ растопленную смолу и металъ камни. Прошло такъ два дня. Ожидаемой выручки не было. Тогда подначальные, потерявши терпѣніе, стоя на стѣнѣ замка, закричали, что готовы выдать Напирскаго и его товарища Лентовскаго, если имъ дарують пощаду и прощеніе. Яроцкій сразу на все согласился, опасаясь долго медлить, потому что могла появиться многолюдная ватага мятежныхъ хлоповъ, съ которою не легко будетъ расправиться. Горцы связали Напирскаго и Лентовскаго и выдали Яроцкому. Тогда же схваченъ былъ и выданъ произведенный Напирскимъ въ полковники Чепецъ. Этотъ человѣкъ прежде былъ атаманомъ разбойничей шайки и пойманный былъ осужденъ на смерть въ Новомъ Торгѣ въ то время, когда Напирскій проживалъ у Здановича и выдавалъ себя за лицо, которому король поручилъ вербовать воиновъ. Напирскій упросилъ городскихъ райцевъ освободить отъ смертной казни Чепца, дюжаго молодца, и позволить взять его въ войско. Получивши, такимъ образомъ, этого Чепца въ свою власть, Напирскій сдѣлалъ его своимъ пособникомъ въ дѣлѣ народнаго возмущенія.

На третій день послѣ выдачи Напирскаго, ѣхали всѣ трое, выданные Яроцкому, въ цѣпяхъ: толпы народа съ любопытствомъ смотрѣли на нихъ. Горцевъ, бывшихъ съ Напирскимъ въ Чорстынѣ, выпустили безъ преслѣдованія.

Будучи подъ стражею въ цѣпяхъ, Напирскій казался бодрымъ и веселымъ. На пути изъ Чорстына въ Краковъ, онъ все пилъ, игралъ, шутилъ и вообще держалъ себя такъ, какъ будто не было повода ожидать себѣ чего-нибудь худаго. Его ввезли въ Краковъ на телѣгѣ въ стоячемъ положеніи; руки его были привязаны къ водруженной на телѣгѣ лѣстницѣ. На той же телѣгѣ сидѣлъ Лен-

Digitized by Google

товскій со связанными назадъ руками, въ грязной сорочкѣ. Его грубое старческое лицо, окаймленное круглою сѣдою бородою, составляло противоположность съ лицомъ Напирскаго, цвѣтущимъ юностію и красотою. Всѣхъ ихъ подвергли допросу и пыткамъ. Напирскаго пытали, привязывая ногами къ помосту, а руками къ потолку, и вытягивали составы, потомъ прижигали свѣчами бока и брызгали горящею сѣрою на грудь.

«Я побочный сынъ короля Владислава, Симонъ Бзовскій,—сказалъ онъ,—я помогалъ Хмельницкому. Еслибы мнѣ удалось и меня бы не выдали, у меня бы набралось народа десятки тысячъ; я взялъ бы Краковъ и освободилъ бы хлоповъ отъ власти пановъ ихъ и жидовъ».

При немъ былъ найденъ универсалъ Хмельницкаго, обращенный ко всѣмъ хлопамъ польскаго происхожденія. Гетманъ козацкій обѣщалъ, послѣ подчиненія себѣ шляхетской державы польской, всему польскому черному народу свободу отъ всякихъ повинностей и работъ въ пользу пановъ; онъ убѣждалъ довѣриться ему наравнѣ съ южнорусскими хлопами, отречься отъ своихъ пановъ, возстать противъ панской и жидовской власти и, соединяясь въ многочисленные, по возможности, отряды, прибывать къ нему для содѣйствія вмѣстѣ съ русскимъ народомъ заодно.

Напирскаго приговорили посадить на колъ, Лентовскаго и Чепца — четвертовать, а Мартину Радоцкому, котораго также арестовали и привлекли къ суду—отрубить голову.

Приговоръ былъ исполненъ 28-го іюня (нов. ст.) передъ полуднемъ. Хотя Напирскій, слѣдуя на казнь, былъ смертельно блѣденъ, но силился казаться равнодушнымъ и разсматривалъ по сторонамъ народныя толпы, собравшіяся глядѣть на сцену казни преступниковъ. Но когда онъ увидалъ орудія ожидавшей его казни, всѣ замѣтили, что ужасъ отразился на лицѣ его; однако, онъ оправился и быстрыми твердыми шагами пошелъ на лютую смерть, какъ будто

Digitized by Google

такого рода смерти онъ всегда и давно уже ожидалъ для себя [1]).

Когда епископъ краковскій извѣстилъ короля, изъ-подъ Берестечка отправлены были отряды мечника Зебржидовскаго и конюшаго короннаго Любомирскаго для укрощенія возстанія, но оно было уже укрощено прежде чѣмъ посланные отряды прибыли къ своей цѣли.

Подобное возмущеніе сдѣлалось около Познани, въ Великой Польшѣ. Туда явилось шесть русскихъ шляхтичей, православной вѣры, посланныхъ Хмельницкимъ. Сначала они прикидывались предъ дворянами будто бы убѣжали изъ родины, спасаясь отъ народнаго возстанія, а потомъ, когда, по случаю отхода шляхетства въ посполитое рушенье, число шляхетскаго сословія стало рѣдѣть въ краѣ, они стали возмущать простой народъ, распускали слухи о побѣдахъ козаковъ, о пораженіи короля, толковали, что Хмельницкій возсталъ за свободу не только русскихъ, но вообще всего простаго народа въ Польшѣ, призывали свергнуть иго владѣльцевъ и, такимъ образомъ, набрали толпу, которая начала возмущеніе. Одинъ изъ эмиссаровъ, шляхтичъ сѣрадскаго воеводства радомскаго повѣта, Кулаковскій, былъ задержанъ и разсказалъ о нѣкоемъ Гржибовскомъ, который, возвратившись изъ татарской неволи, съ разрѣшенія короннаго гетмана собиралъ милостину на уплату татарамъ за свою свободу. Этотъ Гржибовскій въ Познани открылъ ему, Кулаковскому, что онъ принадлежитъ къ обществу, котораго цѣль посылать своихъ агентовъ ходить, притворяясь нищими, освѣ-

---

[1]) Kubala. Szkice Histor. I. Ссылка на рукопись Библіот. Оссолинск. № 189. Разсказъ Голинскаго. — Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882 г. Декабрь. 542. — Bel. scyth. cos. 211—214. — Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 193. 194.—Annal. Polon. Clim. I. 244. 270—272.— Hist. ab. exc. Wlad. IV. 75.– Stor. delle guer. civ. 254—255. – Woyna dom. II. 50.

Digitized by Google

домляться о состояніи шляхетскихъ дворовъ, и подстрекать хлоповъ къ возстанію, — что такихъ агентовъ въ Польшѣ есть до двухъ тысячъ и всѣ они — подъ наблюденіемъ полковника Стасенка, отряженнаго для этой цѣли Хмельницкимъ. Кулаковскій былъ подвергнутъ мукамъ, а другіе его товарищи, которыхъ по именамъ назвалъ Кулаковскій пять, собрали толпу хлоповъ въ лѣсу у Кроликовецъ и укрѣпляли валомъ свою стоянку подъ командой Гржибовскаго; кромѣ того, множество сновало ихъ въ одеждѣ богомольцевъ, ксендзовъ и даже женщинъ, все высматривали и при случаѣ производили поджоги [1]). Но князь Чарторижскій, управлявшій тогда познанскимъ епископствомъ, погасилъ мятежъ въ самомъ началѣ. Отрядъ изъ пятисотъ всадниковъ, посланныхъ имъ противъ мятежниковъ, напалъ на нихъ: хлопы не знали ни военнаго строя, ни дисциплины, и съ перваго натиска разбѣжались. Четверо изъ эмиссаровъ были схвачены и посажены на колъ; другіе скрылись въ лѣсахъ. Это пораженіе отняло отвагу у другихъ хлоповъ, которые, по примѣру этихъ, уже были готовы подняться. Вѣсть о пораженіи Хмельницкаго подъ Берестечкомъ погасила всякую попытку на новыя движенія; иначе Польшу ожидали бы большіе перевороты[2]).

Послѣ расхищенія козацкаго табора, самъ король намѣревался идти въ Украину со всѣми, и обѣщалъ не оставлять войска до тѣхъ поръ, пока не прибудетъ въ Кіевъ, центръ непріятельской земли.

Вишневецкій и Калиновскій были посланы впередъ съ семью хоругвями, для преслѣдованія бѣжавшихъ козаковъ. Первый отправился къ Дубно, а другой, на югъ, къ Кременцу [3]). Король, посылая эту погоню, обнародовалъ по

---

[1]) Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882 г. Іюнь. 450.

[2]) Hist. ab exc. Wlad. IV. 75.

[3]) Pam. o Koniecp.—Star. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 328.—Bell. scyth. cos. 190.

Digitized by Google

Волыни универсалъ, который должно было оповѣстить по приходскимъ церквамъ городовъ и селъ.

«Желаемъ смягчить правосудіе милосердіемъ,—было сказано въ этомъ универсалѣ,—и объявляемъ милость свою русскому народу: мѣщанамъ и поселянамъ, если они не будутъ имѣть ничего общаго съ мятежниками, будутъ ловить хлоповъ, разбѣжавшихся изъ-подъ Берестечка и готовить королевскому войску мосты, а для содержанія его—жизненные припасы» [1]).

Король отправился по дорогѣ въ Кременецъ: повсюду поляки встрѣчали несчастные остатки сокрушенной русской силы. Во время бѣгства потонуло и было побито врагами двадцать двѣ тысячи русскихъ. Страна вокругъ была разорена и опустѣла; тѣ, которые успѣли пробиться изъ табора, умирали отъ голода, особенно пѣшіе. Поля были усѣяны ихъ трупами. Когда поляки ѣхали лѣсами, лѣсной гулъ доносилъ до нихъ со всѣхъ сторонъ крики умиравшихъ, которые напрасно пытались поддержать жизнь кореньями и травами. Слыша топотъ коней и польскую рѣчь, русскіе силились бѣжать, но подламывались ихъ ноги и, спасаясь отъ враговъ, они заползали въ кусты, какъ подстрѣленныя птицы, желая, по крайней мѣрѣ, умереть не въ рукахъ непріятелей. Король приказалъ подбирать ихъ и кормить, изъ состраданія, потому что, какъ замѣчаетъ современникъ, они были хотя не дворяне, а все-таки подданные, годные для того, чтобъ служить дворянству [2]). Но русскіе съ омерзеніемъ отворачивались отъ собственнаго хлѣба, который теперь предлагали имъ побѣдители, и разбивали себѣ головы о пни и камни [3]). Такое зрѣлище представлялось полякамъ до самой рѣки Иквы. Тамъ стекались отряды, посланные въ погоню. Калиновскій при-

[1]) Star. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 330.—Bell. scyth. cos. 198.

[2]) Bell. scyth. cosac. 199.

[3]) Ibid. 324.

Digitized by Google

велъ въ лагерь толпу плѣнниковъ, уроженцевъ лѣвой стороны Днѣпра; привязанные за шею къ сѣдламъ, они бѣжали какъ собаки на сворѣ за охотниками. Поляки стали ихъ обыскивать и нашли только нѣсколько папушъ табаку; съѣстнаго не было ничего; за то пороха и пуль у нѣкоторыхъ было довольно.

«Много васъ здѣсь?» спрашивали ихъ.

«Тысячи нашихъ скитаются по этому лѣсу, — сказали: — на бѣду намъ, нѣтъ здѣсь и птицъ, да притомъ рѣдкій въ силахъ зарядить ружье».

«Что-жъ вы ѣдите?» спросили ихъ.

«Катранъ, холодецъ (спаржа) и другія зелья, да и того негдѣ достать. Скоро всѣ пропадемъ съ голода» [1]).

Іеремія не привозилъ плѣнныхъ; заставъ подъ Дубно три тысячи хворыхъ и усталыхъ, онъ приказалъ ихъ добить, не трогаясь жалкою участью враговъ [2]).

Посполитые подняли ропотъ и требовали у короннаго гетмана отпуска. «Какъ?—кричали шляхтичи,—мы оставили наши семейства, наши домы, въ лѣтнее хозяйственное время, мы давали деньги и сами служили, — и этимъ недовольны! Хотятъ насъ разорить, повести въ непріятельскую землю и выморить голодомъ. А между тѣмъ въ Польшѣ неспокойно. Кто знаетъ, что теперь дѣлается съ нашими женами и дѣтьми?»

Коронный гетманъ вспылилъ и началъ имъ выговаривать бранными словами. Тогда мазовецкій подкоморій замѣтилъ ему:

«Панъ гетманъ! извольте обходиться осторожнѣе съ дворянствомъ: вы знаете, вѣдь это omnes!»

«Что? какъ? насъ? — закричалъ Потоцкій. — Барабанщикъ! бей въ литавры! Будемъ бить этихъ omnes измѣнниковъ!»

---

[1]) Star. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 331.—Ист. Рус. 111.

[2]) Bell. scyth. cos. 200.

Digitized by Google

Іеремія Вишневецкій схватилъ его за руку и съ трудомъ успокоилъ. Эта сцена усилила волненіе шляхтичей.

Они составили генеральное коло (кругъ), куда должны были сойтись шляхтичи разныхъ воеводствъ, составлявшихъ посполитое рушенье. Маршаломъ (руководителемъ) этого сборища избранъ былъ подчашій сендомирскій Мартинъ Дембицкій, человѣкъ, пріобрѣвшій извѣстность какъ отличный говорунъ. На этомъ кругѣ было рѣшено, что по закону шляхетство, собираясь въ посполитое рушенье, обязано защищать отечество только въ теченіи двухъ недѣль. На это нѣкоторые тогда же возражали такъ: «Богъ не обязанъ довершать чудомъ того, что не хотятъ дѣлать нерадивые шляхтичи, а ссылка на двухнедѣльную обязанность есть только благовидный предлогъ, чтобъ имъ прикрыть собственное нерадѣніе». Въ сущности шляхетство рвалось къ своему домашнему крову, торопилось къ своимъ женамъ, предпочитая спокойную жизнь въ своихъ усадьбахъ трудамъ и неудобствамъ лагерной жизни. Король и сенаторы просили шляхтичей остаться на службѣ въ походѣ съ кварцянымъ войскомъ хоть двѣ недѣли и дойти до Староконстантинова, гдѣ ожидалась возможность сразиться съ непріятелемъ; изъ этого города ханъ прислалъ королю письмо. Сенаторы говорили шляхетству: одна молва о томъ, что король идетъ съ войскомъ и со всею громадою посполитаго рушенья произведетъ на враговъ устрашающее впечатлѣніе. Ничего слушать не хотѣло шляхетство и выдумывало о самомъ королѣ черныя клеветы; между прочимъ болтали, будто король умышленно выпустилъ козаковъ и татаръ, взявши съ хана 800,000 злотыхъ, хотя подобнымъ нелѣпостямъ никто ни вѣрилъ. Подканцлеръ коронный Радзѣевскій, съ которымъ король былъ въ ссорѣ и только въ день берестечской битвы помирился, желалъ услужить королю и сталъ уговаривать шляхту повиноваться королевской волѣ, но его не слу-

Digitized by Google

шали и упрекали въ двоедушіи, потому что прежде онъ самъ подстрекалъ другихъ къ противорѣчію королю. Тѣмъ не менѣе, однако, убѣжденія Радзѣевскаго или кого-то другого побудили шляхетство послать отъ себя къ королю депутацію съ изъявленіемъ готовности взамѣнъ своей личной службы уплатить деньги или снарядить милицію: на это возражали, что деньги безъ войска легко могутъ попасть въ непріятельскія руки, а учрежденіе милиціи произведетъ разстройство въ войскѣ, когда въ отряды милиціи станутъ переходить жолнѣры изъ кварцянаго войска. То и другое, однако, было принято какъ патріотическое приношеніе отъ шляхетства. Но пока объ этомъ шли между сенаторами толки, шляхтичи убѣгали за Стырь и разъѣзжались по домамъ. Замѣчательно, что волновались и кричали противъ желанія короля вести ополченіе посполитаго рушенья въ дальнѣйшій походъ тѣ изъ шляхетства, которые не поспѣли къ битвѣ и съ умысломъ опоздали, чтобъ дѣло обошлось безъ нихъ, и они-то, не обнаживъ сабли противъ непріятеля, теперь торопились домой, чтобы тамъ хвастать своими небывалыми подвигами [1]). Кварцяное войско роптало на задержку жалованья и требовало, чтобъ король принялъ мѣры къ сбору податей для заплаты воинамъ. Этого нельзя было сдѣлать иначе, какъ освободивъ шляхтичей отъ воинской службы [2]).

«Въ самомъ дѣлѣ,—говорили нѣкоторые паны,—держать посполитое рушенье не къ чему: козаки совершенно пали. Довольно небольшаго числа войска, чтобъ уничтожить остатки мятежа. Нельзя, притомъ, лишать средину королевства людей, способныхъ носить оружіе, потому что Ракочи можетъ напасть на насъ» [3]).

---

[1]) Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882 г. Ноябрь 346.—Pamiętn. Albr. Radziw. II. 451.

[2]) Star. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 332.

[3]) Bell. scyth. cos. I. 200.—Лѣтоп. повѣст. о Мал. Росс. 92.

Digitized by Google

Король согласился. Потоцкій напрасно старался удержать его. Посполитое рушенье было распущено.

«Предоставляю славу окончаніи войны вамъ, господа», сказалъ гетманамъ Янъ Казимиръ.

И послѣдній разъ осмотрѣлъ онъ свое войско подъ Орломъ, въ полторы мили отъ Кременца. Всѣхъ силъ, отправляемыхъ въ Украину, было болѣе тридцати тысячъ: они преимущественно состояли изъ нѣмцевъ; посполитаго рушенья прикомандировано было семь тысячъ [1]) изъ тѣхъ, которые пришли поздно и еще не были въ битвѣ. По слѣдамъ посполитаго рушенья уходили самовольно охотники, панскія надворныя команды, множество челяди, уходили даже изъ кварцянаго войска жолнѣры подъ тѣмъ предлогомъ, что хотятъ служить въ милиціи. Но предполагавшихся воеводскихъ милицій не образовалось, а жолнѣры, записавшись желающими поступить въ милиціи и взявши впередъ часть денежнаго жалованья и продовольствія, возвращались въ войско на службу; деньги, добровольно предложенныя шляхетствомъ взамѣнъ личнаго участія въ службѣ, не были вполнѣ уплачены. То же что успѣли собрать, выдано было въ пособіе наиболѣе нуждающимся въ кварцяномъ войскѣ [2]).

Король уѣхалъ въ Варшаву черезъ Броды и Львовъ, а кварцяное войско двинулось въ Украину тремя большими отрядами [3]).

Болѣе недѣли шли жолнѣры по разоренной и опустѣлой Волыни.

Такъ какъ это были пограничныя земли между Украиною и Польшею по зборовскому договору, то жители разбѣжались изъ края, который всегда подвергался первымъ непріязненнымъ дѣйствіямъ. Цѣлыми толпами переселя-

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 239.

[2]) Дневн. Освѣц. Кіев. Стар. 1882 г. ноября 346.

[3]) Star. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 329.—Pamiętn. Albr. Radziw. II. 450.

Digitized by Google

лись тогда въ Московское Государство. «Край этотъ былъ такъ безлюденъ, говоритъ очевидецъ, что о немъ можно было произнесть: земля была пуста и неустроена; мы не видѣли ни городовъ, ни селъ; только поле и пепелъ; не было ни людей, ни животныхъ, только птицы кружились въ воздухѣ» [1]). Бурьянъ подымалъ по полямъ высокія свои маковки, такъ что лошади тонули въ немъ и едва виднѣлись всадники [2]).

Затруднительно было положеніе полѣскаго войска. Только конница имѣла нѣсколько запасовъ, и притомъ могла дѣлать набѣги по окрестностямъ и добывать, хотя очень скудное, пропитаніе [3]). Пѣхота пухла съ голоду, по выраженію современника. Не въ состояніи будучи фуражировать, пѣхота принуждена была покупать; но жолнѣръ въ то время все свое жалованье обыкновенно проѣдалъ, пропивалъ и проигрывалъ, а потомъ шелъ ободранный, босой и голодный [4]). Вдобавокъ, если у кого и были деньги, то не у кого было купить чего-нибудь. Пѣхота принуждена была ѣсть конскую падаль, иногда такую, которая уже три дня гнила въ болотѣ [5]). Отъ этого открылись въ войскѣ заразительныя болѣзни и болѣе полуторы тысячи человѣкъ погибло, пока войско дошло до перваго украинскаго мѣстечка Любара.

Потоцкій спѣшилъ въ Украину, которую поляки называли тогда обѣтованною землею, надѣясь тамъ имѣть продовольствіе; но, на бѣду, шли проливные дожди: слякоть препятствовала идти и ѣхать, и не было строеній, гдѣ

---

[1]) Памятн. кіевск. комм. II. 3. 85.

[2]) Staroż. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 335.

[3]) Pam. do panow. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 197.

[4]) Annal. Polon. Clim. I. 278.—Pam. do panow. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 197.

[5]) Памятн. кіевск. комм. II. 3. 84.

Digitized by Google

бы можно было укрыться отъ непогоды [1]). Когда, наконецъ, войско достигло предѣловъ Украины, жолнѣры съ радостью увидѣли хлѣбъ на поляхъ; но вскорѣ эта радость исчезла; люди убѣжали и сожгли мельницы; пѣхота принуждена была довольствоваться жареными зернами [2]). Въ Любартовѣ (Любарѣ) Потоцкій получилъ въ такомъ смыслѣ посланіе отъ четырехъ козацкихъ полковниковъ: бѣлоцерковскаго Громыки, миргородскаго Гладкаго, кропивянскаго Джеджалія и полтавскаго Пушкаренка.

«Поляки! заключимъ искренній и братскій миръ; вы можете побѣдить насъ выгодными условіями, но завоевать — никогда: знайте это! И если вы насъ теперь одолѣете, то козаки будутъ непреклоннѣе въ своемъ мщеніи, чѣмъ въ борьбѣ за свою свободу» [3]).

Потоцкій, говоритъ современникъ, по старости лѣтъ и по нездоровью, готовъ былъ на миръ, разумѣется, на выгодныхъ условіяхъ, но другіе паны, особенно Вишневецкій и Ляндскоронскій, твердили, что надобно истребить врага.

Въ то время когда, съ одной стороны, поляки вступили въ Украину, съ другой — иное войско одержало побѣду надъ русскими и завладѣло центромъ земли южнорусской. Когда Хмельницкій отправлялся на Волынь, онъ оставилъ полки черниговскій и нѣжинскій на сѣверной границѣ Украины для охраненія отъ литовскаго войска [4]). Подъ начальствомъ Радзивилла литовское войско расположилось надъ Припетью для усмиренія бѣлорусскихъ хлоповъ, которые поднимались какъ скоро на Украинѣ козаки брались за оружіе противъ пановъ. Возстаніе вспыхивало въ окрестностяхъ Могилева и Чечерска. Подвоевода

[1]) Staroż. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 275—336.
[2]) Ibid. I. 336.
[3]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 73.
[4]) Лѣтоп. Самов. 17.

Digitized by Google

смоленскій писалъ къ королю подъ Берестечко, что четырехтысячный козацкій отрядъ пробрался черезъ земли Московскаго Государства и овладѣлъ Рославлемъ. Начальникомъ отряда былъ нѣкто Тарасенко. Установившись въ Рославлѣ, онъ отправлялъ подъѣзды въ Прудки, въ Череповъ, въ Ельню, въ Дорогобужъ: козаки овладѣли послѣднимъ городомъ, взяли тамъ много орудій и большой запасъ пороха. Съ появленіемъ козаковъ въ этихъ городкахъ, въ окрестныхъ селахъ волновался народъ, составлялись мятежныя ватаги, нападали на шляхетскія усадьбы. Шляхетство мстиславскаго повѣта, въ видахъ самообороны, сходилось на сеймики и посылало противъ возстанцевъ служилыхъ козаковъ, но тѣ не могли ничего подѣлать. Черниговскій полковникъ Небаба, оставленный Хмельницкимъ въ качествѣ наказнаго гетмана въ его отсутствіи, выслалъ ко Мстиславлю три тысячи на подмогу козакамъ, бывшимъ уже въ Бѣлоруссіи, а другой козацкій отрядъ пошелъ къ Кричеву. У Кричева съ трудомъ отбивался отъ возстанцевъ полковникъ Вейсъ, а посланный къ Мстиславлю трехтысячный отрядъ хотя и одолѣлъ троцкій воевода Служка, но съ большими усиліями и съ большою потерею своихъ воиновъ [1]). Возстаніе народа въ Бѣлоруссіи, однакоже, не прекращалось, а возростало по мѣрѣ того, какъ изъ Украины появлялись тысячныя ватаги козаковъ; бѣлорусскіе хлопы, единовѣрные козакамъ, приставали къ нимъ: опасность угрожала уже большимъ городамъ и между ними самому Смоленску. Сочтено необходимымъ произвести диверсію въ самую средину козацкаго края, пользуясь тѣмъ, что выступленіе изъ него большей части войсковыхъ силъ уменьшало средство защиты этого края [2]). На правой сторонѣ Днѣпра, въ Чернобылѣ, стоялъ кіев-

---

[1]) Диевн. Освѣщ. Кіевск. Стар. 1882 г. іюнь 446—447.

[2]) Ibid. 334—335.

Digitized by Google

скій полковникъ Антонъ Ждановичъ [1]), а въ Полѣсьѣ Горкуша съ шестью, по другимъ—съ пятнадцатью тысячами, и другіе предводители [2]). Въ Кіевѣ находился двухтысячный гарнизонъ изъ корсунскаго полка, подъ начальствомъ Мозыры, зависѣвшій отъ Ждановича [3]). На лѣвой сторонѣ Днѣпра было на-готовѣ двадцать тысячъ козаковъ. Главнымъ начальникомъ ихъ былъ Небаба. Онъ стоялъ въ Черниговѣ. Онъ, по замѣчанію современника, занимался пьянствомъ и ссорами съ другими предводителями [4]).

Небольшая сторожа находилась подъ Лоевымъ, на переправѣ черезъ Днѣпръ.

Пока неизвѣстно было, чѣмъ кончится война на Волыни, Радзивиллъ не трогался съ мѣста и стоялъ лагеремъ подъ Рѣчицею; только по Полѣсью происходили стычки. Но когда король извѣстилъ его о побѣдѣ подъ Берестечкомъ и поручилъ соединиться съ войскомъ, которое пойдетъ въ Украину [5]), Радзивиллъ послалъ къ переправѣ отрядъ подъ начальствомъ Мирскаго. Мирскій напалъ на стражу, состоявшую изъ трехсотъ человѣкъ. Козаки не ожидали нападенія и безпечно пьянствовали. Мирскій разбилъ ихъ такъ, что только нѣсколько человѣкъ успѣло прибѣжать въ Черниговъ и сказать Небабѣ: «*ляхи прийшли на тое місто де була наша залога; але не много ляхівъ*» [6]).

Небаба, «*порвавшись неисправно противъ исправнаго вой-*

---

[1]) Histor. belli cosac. polon. 187.

[2]) Staroż. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 314.—Latop. Jerlicza. 123.

[3]) Annal. Polon. Clim. I. 282.—Онъ названъ Макерою; но въ современномъ дневникѣ говорятъ, что отрядъ его былъ корсунскій полкъ, а корсунскимъ полковникомъ былъ тогда Лукьянъ Мозыра.

[4]) Лѣтоп. Самов. 17.

[5]) Histor. belli cosac. polon. 185.

[6]) Staroż. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 317.

Digitized by Google

ска», по замѣчанію современника [1]), почиталъ себя непобѣдимымъ и думалъ уничтожить незначительный отрядъ Мирскаго. У Небабы въ полку было двадцать тысячъ, но за высылкою части полка въ Бѣлорусь и за сборомъ провіанта, оставалось пятнадцать тысячъ козаковъ. Они сцѣпились съ этимъ отрядомъ подъ Рѣпками; князь Радзивиллъ зашелъ быстро и искусно въ тылъ козацкому войску и бросился на него въ то время, когда оно было занято сраженіемъ. Въ нѣсколько часовъ козаки полегли почти всѣ. Самъ Небаба, лишившись коня, побѣжалъ, но тяжелый панцырь помѣшалъ ему: два литвина напали на него; онъ оборонялся; ему отрубили правую руку—онъ защищался лѣвой и положилъ голову, какъ воинъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ [2]). Остатки разбитыхъ убѣжали въ Черниговъ [3]).

Радзивиллъ подвинулся къ Чернигову. Испуганные мѣщане прислали къ нему депутатовъ.

«Умоляемъ,—писали они,—сжалиться надъ нами и нашими дѣтьми, и пощадить насъ. Мы выдадимъ всѣхъ паробковъ, которые пришли для соединенія съ Небабою [4]).

Радзивиллъ остановился лагеремъ въ Любечѣ, а часть войска послалъ на Черниговъ. Неизвѣстно, выдали-ли ему черниговцы козаковъ, только литовцы, по-непріятельски, опустошили черниговскій край, грабили, убивали русскихъ безъ разбора и истребили множество жителей въ самомъ городѣ [5]). Другой отрядъ литовскаго войска, подъ начальствомъ Гонсѣвскаго, перешелъ Днѣпръ и разбилъ Горкушу на рѣкѣ Ирпени; Ждановичъ, высту-

---

[1]) Лѣтоп. Самов. 17.

[2]) Staroż. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 318.—Histor. belli cosac. polon. 186.—Дневн. Освѣц. Кіевс. Стар. 1882 г. Ноябрь. 334.

[3]) Ibid.

[4]) Ibid.

[5]) Памятн. кіевск. ком. II. 399.—Annal. Polon. Clim. I. 281.

Digitized by Google

пивши противъ литовцевъ, шедшихъ на Кіевъ, за пятнадцать верстъ отъ этого города, вступилъ было съ ними въ бой, но митрополитъ Сильвестръ и печерскій архимандритъ послали къ нему убѣжденіе отступить, не входя въ расправу съ литовскимъ войскомъ: они извѣщали, что гетманъ литовскій, высылая противъ него отрядъ Гонсѣвскаго, далъ приказаніе, разбивши кіевскаго полковника съ его полчанами, вступить въ Кіевъ, разорить въ немъ церкви и дома и перебить всѣхъ кіевлянъ, какихъ застанутъ въ городѣ. Митрополитъ и архимандритъ изъявляли намѣреніе, если Ждановичъ ихъ послушается и отступитъ, послать къ Радзивиллу просьбу о пощадѣ, надѣясь этимъ путемъ скорѣе спасти Кіевъ отъ разоренія. Ждановичъ по такому письму духовныхъ властей отступилъ [1]). Гонсѣвскій дошелъ почти до Кіева и, воротившись, донесъ, что Украину обнялъ всеобщій страхъ и что въ Кіевѣ войско незначительное [2]). Тогда литовскій гетманъ подвинулся къ Кіеву.

Какъ только услышали кіевляне, что литовцы идутъ къ русской столицѣ, въ испугѣ собрали какіе успѣли пожитки, сѣли на байдаки и поплыли внизъ по Днѣпру, къ Каневу и Черкасамъ [3]). Козаки также оставили Кіевъ, предавъ огню предмѣстіе [4]). Митрополитъ, архимандритъ печерскаго монастыря Іосифъ Тризна, духовенство и члены городоваго магистрата остались въ городѣ и предались на волю Божію, хотя, по замѣчанію украинскаго историка, жизнь ихъ была не въ безопасности [5]). Они боялись попасть въ руки поляковъ и надѣялись болѣе на велико-

---

[1]) А. Ю. и З. Р. III. 472.
[2]) Histor. belli cosac. polon. 130.
[3]) Лѣтоп. Самов. 18.
[4]) Latop. Jerlicza. 124.
[5]) Лѣтоп. Самов. 17.

Digitized by Google

душіе литовцевъ [1]). Не доходя до города, Радзивиллъ получилъ слѣдующее письмо:

«Сіятельнѣйшему, ясневельможному пану-гетману войска его королевской милости литовскаго и всему рыцарскому сословію нижайшій поклонъ».

«Со слезами просимъ васъ, милостивые паны, оказать состраданіе надъ нами и сжалиться надъ церквами Божіими и всѣмъ вашимъ городомъ Кіевомъ: не допускайте своихъ воиновъ до разоренія. Мы никогда не поднимали рукъ противъ помазанника Божія, но всегда молили всемогущаго Бога о счастливомъ ему царствованіи, а во время смутъ укрывали многихъ благородныхъ дворянъ и дворянокъ, которые сами подтвердятъ это. Давно бы мы принесли покорность вашимъ милостямъ, панове, еслибъ намъ былъ вольный проѣздъ. Просимъ вашихъ милостей избавить насъ отъ военнаго разоренія. Іюля 29, у св. Софіи» [2]).

Радзивиллъ отвѣчалъ:

«Вѣрные подданные могутъ спокойно сидѣть въ домахъ своихъ, не опасаясь никакихъ враждебныхъ поступковъ» [3]).

Литовское войско подвинулось къ Кіеву и обозъ сначала расположился на равнинѣ подъ Подоломъ. Самъ Радзивиллъ помѣстился въ покояхъ митрополита, близъ собора св. Софіи [4]), извѣстилъ объ этомъ Потоцкаго и приглашалъ идти скорѣе, чтобы взаимными дѣйствіями уничтожить непріятеля.

И такъ Украина была наводнена врагами съ двухъ сторонъ, и они готовились уничтожить въ ней всякій зародышъ русской независимости. Гдѣ-жъ былъ онъ, Хмельницкій, когда, по выраженію народной пѣсни, его кованые возы стояли въ лозахъ подъ Берестечкомъ, его

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 281.

[2]) Staroż. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 338.

[3]) Ibid. 337.

[4]) Latop. Jerl. 125.

Digitized by Google

кони достались польному гетману, его битые талеры расхватали ляхи?

Темные слухи носились о козацкомъ гетманѣ. Говорили, будто ханъ держитъ его въ цѣпяхъ и бьетъ нагайками; говорили также, что онъ собралъ противъ поляковъ новыя силы. Долго не знали о немъ ни поляки, ни козаки. Покинувъ свое несчастное войско, осудившее его на выдачу полякамъ, Хмельницкій думалъ воротить Исламъ-Гирея. По извѣстію, сообщенному однимъ изъ сподвижниковъ Хмельницкаго, полковникомъ Семеномъ Савичемъ, Хмельницкому сперва удалось было уговорить хана и мурзъ его воротиться къ козацкому обозу и продолжать войну съ поляками. Въ воскресенье гетманъ изъ подъ Ямполя, верстъ за двадцать отъ Берестечка, гдѣ остановился ханъ, отправилъ въ козацкій обозъ универсалъ о томъ, чтобъ войско было готово выступить на бой во вторникъ, такъ какъ къ этому дню должны будутъ, какъ увѣрялъ гетманъ, воротиться на поле битвы татары. Но вслѣдъ затѣмъ полились дожди и въ назначенный день во вторникъ путь до такой степени испортился, что татары, выступивши въ походъ съ своимъ ханомъ на прежнее мѣсто къ Берестечку, подняли шумъ и ропотъ. Мурзы говорили хану: «видишь, Богъ не велитъ идти— дождь послалъ. Куда намъ биться съ поляками, когда мы всѣ промокли и забрызганы грязью! Да и лошади у насъ перетомлены и голодны». Они уговорили хана оставить предпріятіе. Не было средствъ принудить татаръ къ послушанію, такъ какъ многіе тогда уже, не дождавшись ханскаго приказа, бѣжали, покинувши свои «набытки». И ханъ со всѣмъ своимъ полчищемъ бѣжалъ, не останавливаясь, двѣнадцать миль до Константинова. Съ нимъ бѣжали и Богданъ Хмельницкій и писарь его Иванъ Выговскій [1]). Ханъ

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Росс. III. 479.

Digitized by Google

укорялъ гетмана за то, что онъ увѣрялъ его, будто у поляковъ не много силъ, а на дѣлѣ оказалось противное. «Вотъ, — говорилъ ханъ, — поляки взяли въ плѣнъ моихъ мурзъ: чѣмъ мнѣ выкупать ихъ?» Было замѣтно, что ханъ намѣревался отдать Хмельницкаго и Выговскаго полякамъ за своихъ, взятыхъ поляками въ битвѣ. Выговскій, если вѣрить тому, что онъ самъ разсказывалъ, говорилъ тогда повелителю Крыма такъ: «ваше ханское величество думаете отдать насъ польскому королю, но мало вамъ будетъ пользы отъ нашей крови; Богъ васъ накажетъ за нарушеніе присяги, а войско запорожское будетъ вамъ мстить за насъ». «Я не нарушаю присяги, — отвѣчалъ ханъ, — иначе бы я не пришелъ сюда съ своимъ войскомъ. Я самъ не знаю, какъ это сдѣлалось, что на моихъ людей нашелъ страхъ; вы сами видали какъ они, покидавъ свои наметы, разбѣжались. Я и впередъ не нарушу присяги и буду вамъ помогать». Онъ отпустилъ Выговскаго, а Хмельницкаго задержалъ. Онъ далъ Выговскому двадцать тысячъ татаръ, съ четырьмя мурзами, но, прошедши съ нимъ верстъ двадцать, эти татары ушли, оставивъ писаря съ двумя татарами и тремя козаками. Выговскому нечего было идти къ козацкому войску и онъ уѣхалъ въ Украину. Тамъ онъ увидалъ, что татары забираютъ въ плѣнъ русскихъ людей и оповѣстилъ козакамъ, чтобъ они отбивали своихъ единоземцевъ. Такъ разсказывалъ самъ Выговскій [1]). Польскіе источники показываютъ, напротивъ, что ханъ, удержавъ у себя Хмельницкаго, отпустилъ Выговскаго въ Чигиринъ за деньгами, которыхъ требовалъ въ качествѣ окупа за Хмельницкаго и Хмельницкій сидѣлъ у него подъ стражею, пока Выговскій не доставилъ хану восьмисотъ тысячъ талеровъ [2]). Польское

---

[1]) Акты Южн. и Зап. Росс. III. 468—469.

[2]) Pam. do panow. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 198.

Digitized by Google

сказаніе правдоподобно, хотя, вѣроятно, сумма окупа преувеличена. Будучи плѣнникомъ, Хмельницкій, съ позволенія хана, посылалъ универсалы въ Украину. Ненадежною оказалась дружба волка съ бараномъ, христіанина съ бусурманомъ, замѣчаетъ украинскій лѣтописецъ [1]). Ханъ, взявъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, съ Хмельницкаго деньги, отпустилъ его съ честію и съ комплиментами. «Если я, — говорилъ онъ гетману, (такъ пересказывалъ объ этомъ Выговскій) [2]), — держалъ тебя, то дѣлалъ это изъ любви къ тебѣ; невозможно было тебѣ проѣхать къ войску въ обозъ; вотъ теперь иное дѣло, можешь ѣхать; я же отъ тебя и отъ козаковъ не отступлю, и не помирюсь съ польскимъ королемъ». Поляки говорили, что ханъ отпустилъ козацкаго вождя чуть не въ одной сорочкѣ да въ тулупѣ [3]).

Какъ бы то ни было, Хмельницкій выѣхалъ изъ-подъ Старо-Константинова въ половинѣ іюля новаго стиля, въ сопровожденіи пяти мурзъ и около сотни козаковъ [4]).

Гетманъ бросился тотчасъ въ Украину съ тою цѣлью, чтобъ поскорѣе собрать войско и поспѣшить на помощь осажденнымъ подъ Берестечкомъ. Ничего не зная о судьбѣ ихъ, онъ прискакалъ въ Паволочь. Мѣщане тоже ничего не знали о пораженіи и изумились, увидя своего гетмана безъ полковниковъ и почетной гвардіи.

Толпа окружила его съ разспросами.

«Какимъ образомъ твоя милость идешь одинъ? Что это такое?» съ участіемъ и безпокойствомъ спрашивали православные.

«Ничего! ничего! — отвѣчалъ Хмельницкій: — все будетъ хорошо! Я оставилъ двадцать полковъ молодецкаго

---

[1]) Лѣтоп. Самов. 16.

[2]) Акты Южн. и Зап. Росс. III. 468—469.

[3]) Starož. Pols. I. Woyna z koz. i tat. 335.

[4]) Starož. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 337.—Памятн. кіевск. комм. II. 3. 100.

Digitized by Google

войска противъ короля: они будутъ обороняться хоть три мѣсяца: живности и пороха у нихъ много, а мы въ таборѣ обороняться умѣемъ, да и голодъ перенесть для козака нипочемъ!»

«А литовскій гетманъ не придетъ въ Украину»? спрашивали мѣщане.

«Нѣтъ!—отвѣчалъ Хмельницкій: — Радзивиллъ далъ слово только оборонять границу».

Успокоивъ такимъ образомъ мѣщанъ, Хмельницкій остался въ Паволочи дожидаться ханской помощи и два дня пилъ безъ просыпу. На третій день явился въ Паволочь Хмелецкій, одинъ изъ старшинъ.

«Здѣсь гетманъ?» спросилъ онъ.

«Здѣсь,—отвѣчали ему:—а что такое?»

«То,— сказалъ Хмелецкій:—что я не знаю, какъ теперь явиться къ гетману: мы разбиты на-пропалую! Гетманъ убьетъ меня! Какъ нибудь ужъ хоть вы защитите!»

Въ сопровожденіи мѣщанъ Хмелецкій вошелъ къ Хмельницкому.

«А таборъ де?» вскричалъ гетманъ, увидя козака изъ-подъ Берестечка.

«Уже чорты узяли таборъ. Утеклисьмо зъ табора», сказалъ Хмелецкій.

«Якъ?»

«Молодці биться не зхотіли».

«А корогви де?»

«И корогви пропали».

«А гармати?»

«И гармати!»

«А шкатула зъ червонными?»

«Про те не знаю».

Хмельницкій рвалъ на себѣ волосы, проклиналъ самъ себя и цѣлый міръ.

Въ такомъ меланхолическомъ расположеніи духа, гово-

Digitized by Google

ритъ современникъ, застали его новые гости: пріѣхалъ Джеджалій и разсказалъ, что́ сдѣлалось въ козацкомъ таборѣ; пріѣхалъ Гладкій, а потомъ и другіе полковники съ остатками конницы: у кого было человѣкъ полтораста, у кого сто... только Пушкаренко привелъ шестьсотъ своихъ полтавцевъ.

«Більше віська немае?» спрашивалъ гетманъ.

«Немае, пане гетмане,—отвѣчали полковники:—усі въ роспорошку пішли».

Тогда начался плачъ и вопль: къ увеличенію горя, вдругъ приходитъ въ Паволочь вѣсть, что Радзивиллъ разбилъ Небабу и вступилъ въ Украину.

«Якже такъ?—говорили мѣщане:—казавъ еси, пане гетмане, що литовці не будуть, а отъ уже йдуть!»

«Отже, не здержавъ слова Радзивиллъ!» сказалъ Хмельницкій въ отчаяніи [1]).

Хмельницкій пробылъ еще два дня въ Паволочи, какъ вотъ пришло нѣсколько татаръ: они принесли универсалъ отъ хана ко всѣмъ украинцамъ.

«Если я отступилъ отъ Берестечка,—писалъ ханъ,—то это я сдѣлалъ не изъ боязни, а разсудилъ такъ поступить по причинѣ болотъ и лѣсовъ; но я не отстану отъ запорожскаго войска, и когда явится вамъ опасность отъ поляковъ, снова приду со всѣми ордами».

Хмельницкій приказалъ читать всенародно этотъ универсалъ для ободренія мѣщанъ и козаковъ.

Но на слѣдующее утро Хмельницкій получилъ другое посланіе отъ своего союзника. Исламъ-Гирей отказывался отъ всякой помощи козаковъ, да еще грозилъ козакамъ [2]). Уманскій полковникъ Глухъ, услышавъ, что въ его полку татары, разбѣжавшись изъ-подъ Берестечка,

---

[1]) Staroż. Pols. I. Wojna z koz. i. tat. 276.

[2]) Ibid. 277.

Digitized by Google

начали грабить, догналъ ихъ на Синихъ Водахъ и жестоко поразилъ десять тысячъ этихъ союзниковъ.

Хмельницкій въ досадѣ уѣхалъ изъ Паволочи.

«Пойду на Запорожье,—говорилъ онъ:—и не хочу больше воевать съ панами» [1]).

Хмельницкій прибылъ въ Корсунъ. Его окружили четыре тысячи козаковъ корсунскаго полка, а въ окрестностяхъ, отъ Корсуна верстахъ въ пяти или въ шести, кочевала татарская орда въ тридцать тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ двадцатичетырехъ мурзъ. Въ Корсунѣ 13-го іюля (ст. ст.) принималъ гетманъ возвратившагося изъ Москвы митрополита назаретскаго Гавріила, прибывшаго, въ сопровожденіи подъячаго Григорія Богданова, который, по данному порученію, долженъ былъ, возвратившись, передать въ Москвѣ то, что услышитъ въ Украинѣ. Царь похвалялъ гетмана за изъявленное имъ желаніе поступить подъ высокую государскую руку—и только; единственное существенное утѣшеніе козакамъ изъ Москвы было извѣщеніе чрезъ митрополита, что къ царю пріѣзжали польскіе послы, но государь отправилъ ихъ не *съ ихъ охотою*,—не такъ какъ они хотѣли и домогались. Прочитавъ царскую грамоту и выслушавъ отъ митрополита объясненія на-счетъ пріѣзда польскихъ пословъ въ Москву, Хмельницкій прослезился, поцѣловалъ государеву грамоту и сказалъ: «я скоро отправлю пословъ просить великаго государя принять всю Украину подъ свою руку».—«Это самое доброе дѣло,»—сказалъ митрополитъ, говорившій въ присутствіи московскаго подъячаго то, что ему въ Москвѣ поручено было говорить,—и великому государю то угодно, что ты, гетманъ, хочешь ему служить; только то удивительно, что ты, гетманъ, православный христіанинъ, держишь братство и соединеніе съ бусурманомъ

---

[1]) Ibid. 335.

Digitized by Google

и крымскимъ царемъ, и татары, будучи въ братствѣ съ войскомъ запорожскимъ, убиваютъ православныхъ христіанъ, берутъ ихъ въ плѣнъ, разоряютъ ихъ домы. Вотъ крымскій ханъ приходилъ тебѣ на помощь, да измѣнилъ и чуть было тебя самого не отдалъ ляхамъ, ради своей корысти. Я живу въ бусурманской землѣ и знаю бусурманскіе обычаи; бусурманы въ чемъ ни присягнутъ православнымъ христіанамъ—во всемъ солгутъ и въ грѣхъ себѣ этого не ставятъ, затѣмъ что у нихъ въ законѣ написано: кто изъ бусурманъ будетъ жить съ гяуромъ въ братствѣ и большой любви, не сдѣлавъ гяуру никакого зла, тотъ отъ Мугамеда будетъ въ вѣчной мукѣ. Какъ же имъ своего закона не исполнять? Перестань, гетманъ, держать братство съ крымскимъ ханомъ, а то онъ тебѣ надѣлаетъ много дурнаго».

«Самъ я,—сказалъ Хмельницкій,—знаю, что православнымъ христіанамъ не годится быть въ совѣтѣ и соединеніи съ бусурманами, да за грѣхи, видно, наши такое теперь время пришло, что намъ по-неволѣ приходится держать братство съ бусурманами; мы съ ними въ братствѣ для того, чтобъ освободить отъ польскихъ и еретическихъ рукъ святыя церкви и православную вѣру, а они, приходя къ намъ на помощь, получаютъ большую корысть. Крымскій ханъ намъ измѣнилъ: меня отвелъ отъ польскаго обоза и съ недѣлю держалъ у себя, не допуская до войска, а войско подумало, что крымскій ханъ сложился съ королемъ, пошелъ разорять наши украинскіе города и брать въ плѣнъ козачьихъ женъ и дѣтей; и оттого-то войско запорожское въ страхѣ кинуло обозъ и побѣжало, чтобъ не давать на разореніе свои домы и семьи. Какой же послѣ этого мнѣ другъ крымскій ханъ? Но прежде времени мнѣ нельзя съ нимъ умыслить раздоръ; приходится терпѣть отъ него всякія обиды, а то, иначе, онъ сложится съ польскимъ королемъ и начнетъ воевать козаковъ вмѣстѣ съ

Digitized by Google

поляками. А вотъ пусть великій государь приметъ меня съ войскомъ запорожскимъ и всю Малую Русь и всякихъ чиновъ людей подъ свою высокую руку—тогда я именемъ царскаго величества самъ стану страшенъ крымскому хану, не стану терпѣть отъ него обидъ и не буду имѣть съ нимъ союза и сношеній безъ царскаго повелѣнія. Тогда ему нельзя будетъ сложиться съ польскимъ королемъ. Великаго государя подданные, донскіе казаки, будутъ страшны крымскому хану, да и я съ войскомъ запорожскимъ буду чинить надъ нимъ промыселъ. Куда ему тогда дружиться съ польскимъ королемъ? Пусть только великій государь велитъ меня призвать подъ свою государскую руку: я, служа ему, государю, и крымскаго хана сдѣлаю его подданнымъ».

Такъ говорилъ Хмельницкій въ присутствіи московскаго подъячаго; такъ онъ и думалъ, хотя медленность и неповоротливость московской политики подчасъ выводила его изъ терпѣнія и онъ выражался о Москвѣ не въ такомъ почтительномъ тонѣ. «Я къ нимъ съ щирымъ сердцемъ, а они лицу моему насмѣхаются—сказалъ однажды Богданъ въ присутствіи одного грека, передавшаго его слова въ Москву,—порази меня Богъ, если не пойду на Москву и не разорю ее пуще Литвы!» Писарь Выговскій поддѣлывался къ московскому подъячему и показывалъ передъ нимъ видъ, будто работаетъ въ пользу Москвы тайно отъ гетмана и болѣе ей преданъ, чѣмъ Хмельницкій. «Я—говорилъ онъ—присягну служить государю безъ хитрости, и если будутъ у гетмана какія нибудь ссылки съ польскимъ королемъ или крымскимъ ханомъ, буду доносить государю и писать тайнымъ дѣломъ въ Путивль къ боярину и воеводѣ князю Семену Васильевичу Прозоровскому, только чтобъ никто объ этомъ не увѣдалъ, а то, если дознается гетманъ, прикажетъ меня карать». Впрочемъ, быть можетъ это говорено было съ предварительнаго со-

Digitized by Google

изволенія гетмана, потому что потомъ писарь говорилъ подъячему тоже, что сказалъ бы гетманъ. «Если,—объяснялъ Выговскій,—государь изволитъ принять насъ подъ свою руку, то его государству учинится большое прибавленіе безъ войны и кровопролитія; великій государь овладѣетъ многими землями и городами; отъ мѣщанъ и людей всякихъ чиновъ, отъ ихъ торговли и промысловъ, казнѣ его пойдетъ большая прибыль: тогда польскій король не только не посмѣетъ поднять войны противъ великаго государя, а пришлетъ пословъ просить, чтобъ великій государь на него не наступалъ и во всемъ будетъ ему уступать. Истинно скажу—если государь, принявъ насъ къ себѣ, пошлетъ своихъ ратныхъ людей на Польшу, то вся Польская Корона и Великое Княжество Литовское безъ войны учинятся у государя въ подданствѣ и будутъ подъ его государевою рукою: и теперь отъ однихъ насъ, козаковъ, ляхи живутъ въ страхѣ и ожидаютъ себѣ разоренія. Если же государь насъ скоро не изволитъ принять подъ свою высокую руку, такъ мы, видя, что государь насъ не жалуетъ, станемъ подданными польскаго короля, и король и паны прельстятъ насъ, и приведутъ къ тому, что мы пойдемъ съ поляками на Московское Государство разорять православныхъ христіанъ. Ихъ злые замыслы оттого не состоялись, что войско запорожское не хотѣло идти войною на Московское Государство; и крымскій ханъ за это самое на гетмана гнѣвался. Польскій король много сдѣлалъ неправдъ великому государю, и за эти неправды можно бы великому государю принять Малую Русь и учинить прибавленіе къ своему государству» [1])

На Масловомъ-Бродѣ, на рѣкѣ Русавѣ, собиралась такъ называемая черная рада. Козаки обвиняли Хмельницкаго за то, что покинулъ войско подъ Берестечкомъ [2]). Въ раз-

[1]) Акты Южн. и Зап. Росс. III. 461—476.

[2]) Памятн. кіевск. комм. II. 3. 88.

Digitized by Google

ныхъ мѣстахъ Украины собирались мятежныя сходки, на которыхъ осуждали Хмельницкаго какъ измѣнника.

Но тутъ-то Богданъ показалъ все прежнее свое обычное присутствіе духа. «Онъ, говоритъ современникъ, не измѣнялся предъ подчиненными ни въ лицѣ, ни въ духѣ; съ веселымъ видомъ, съ смѣлою рѣчью показывалъ видъ, что счастіе его не потеряно» [1]). Изъ Корсуна разослалъ онъ козакамъ универсалы, въ которыхъ приказывалъ всѣмъ собраться и быть на-готовѣ къ походу. Это относилось какъ къ тѣмъ козакамъ, которые прежде оставлялись для обереганія Украины, такъ равно и къ разбѣжавшимся послѣ берестечскаго погрома. Лѣвобережныхъ полковъ козаки должны были собираться въ Переяславѣ, а козаки правобережныхъ полковъ—на рѣкѣ Русавѣ на Масловомъ-Бродѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ только что собиралась мятежная рада. Полковникамъ: бѣлоцерковскому, винницкому, паволочскому и брацлавскому гетманъ приказывалъ собираться со своими полками въ Бѣлой-Церкви. Никто не зналъ куда намѣренъ былъ гетманъ вести теперь свое козацкое ополченіе [2]). Онъ прибылъ самъ на Масловъ-Бродъ и вскорѣ еще только-что недовольные имъ козаки снова готовы были идти на смерть по его мановенію.

Къ удивленію враговъ Хмельницкій, въ самомъ критическомъ положеніи, женился. Новая жена Хмельницкаго была сестра Золотаренка, котораго онъ потомъ назначилъ корсунскимъ полковникомъ, по имени Анна [3]). Поляки, неизвѣстно почему, называютъ ее козачкой Филиппихой [4]).

Стоя на Масловомъ-Бродѣ, Хмельницкій послалъ опять

---

[1]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 80.

[2]) Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882 г. Декабрь 540.—А. Ю. и Западн. Россіи III. 474.

[3]) Histor. belli. cosac. polon. 248.

[4]) Histor. ad. exc. Wlad. IV. 80.—Staroż. Pols. I. Wojna. z koz. i tat. 278.

Digitized by Google

къ хану съ извиненіемъ, что несогласіе козаковъ съ татарами произошло противъ его воли.

«Мы не имѣемъ, говорилъ онъ, другой надежды, кромѣ твоей ханской милости и татарской орды. Теперь самое время отомстить полякамъ и напасть на нихъ. Король и все посполитое рушенье пошли назадъ въ Польшу. Только паны съ командами идутъ забирать свои украинскія помѣстья» [1]).

Чиновникъ козацкій Котаржный поѣхалъ въ Константинополь.

Но Потоцкій послалъ въ Крымъ посломъ Гебултовскаго, припоминалъ трактатъ, заключенный съ королемъ, и обѣщалъ хану новыя выгоды отъ соединенія съ Рѣчью Посполитой [2]). Лупулъ, съ своей стороны, убѣждалъ хана отказаться отъ союза съ козаками [3]). Прикидываясь другомъ турокъ, господарь чернилъ предъ ними Хмельницкаго и старался предъ визиремъ, чтобъ были остановлены турецкимъ правительствомъ отправленные уже къ Хмельницкому подарки [4]). Такимъ образомъ, оба союзника поляковъ, турецкій визирь и крымскій ханъ, хотя не объявили себя врагами козаковъ, но оставались въ бездѣйствіи, предоставляя Потоцкому выигрывать время и ослаблять мятежную и несогласную Украину. Ханъ писалъ Хмельницкому, что онъ не оставляетъ вовсе козаковъ, но отказывался выходить въ походъ. «Я—писалъ онъ—желаю гетману, писарю, полковникамъ, атаманамъ и всему войску запорожскому здоровья и многихъ лѣтъ. Пошлю брата своего Нуреддина, Шеферъ-кази, Субингизи-агу и другихъ агъ и беевъ, а самъ останусь въ Крыму. Давайте отпоръ непріятелю, только не занимайтесь пьянствомъ, какъ прежде дѣлали,

---

[1]) Bell. scyth. cos. 221.

[2]) Ibid.—Pam. do pan. Zygm. III. Wład. IV i Jan. Kaz. II. 199.

[3]) Staroż. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 344.

[4]) Ibid. 332.

Digitized by Google

а просите Господа Бога о побѣдѣ» [1]). Только двѣ тысячи отборныхъ татаръ служили у Хмельницкаго [2]); кромѣ того, у него было на границѣ четыре тысячи татаръ нагайской вольной орды, подъ начальствомъ Карачъ-мурзы [3]).

Оставалось положиться на своихъ. Хмельницкій распустилъ по Украинѣ универсалъ, призывая русскій народъ защищать отечество.

«Судьба непостоянна,—таковъ, по извѣстію поляковъ, былъ смыслъ его универсала, — она обыкновенно поднимаетъ вверхъ того, кого потоптала; теперь она покровительствуетъ полякамъ, но скоро обратится къ козакамъ. Стоитъ только начать войну и мы возвратимъ потерянное съ лихвою. Король съ войскомъ ушелъ уже въ Польшу, гдѣ Ракочи взялъ Краковъ. Противъ насъ идетъ слабое войско подъ начальствомъ пановъ, которые считаютъ насъ рабами и думаютъ теперь властвовать надъ побѣжденными, какъ угодно. Ими предводительствуетъ напыщенный Потоцкій, дряхлый старичишка, который когда-то былъ у насъ въ рукахъ и проданъ Тугай-бею. Со всѣхъ сторонъ сбираются татары и будутъ теперь сражаться охотнѣе, чтобъ стереть безславіе недавняго пораженія» [4]).

«Плодовитая матка козацкая, Украина, говоритъ русскій лѣтописецъ [5]), возродила козачество, какъ будто не было берестечскаго пораженія». Повсюду собирались толпы русскаго народа и клялись умереть, а не поддаться врагамъ. Но не было ни порядка, ни единодушія въ разсѣянныхъ ополченіяхъ [6]). Одни утѣшали себя тѣмъ, что,

---

[1]) Jak. Michał. 629.

[2]) Staroż. Pols. I. Woyna z koz. i tat. 288.

[3]) Ibid.—Histor. belli cosac. polon. 201.

[4]) Bel. scyth. cosac. 220.

[5]) Истор. о през. бр.

[6]) Памятн. кіевск. комм. II. 3. 88.

Digitized by Google

быть можетъ, придутъ турки и Украинѣ будетъ легче подъ властью султана [1]); другіе называли Хмельницкаго измѣнникомъ за сношенія съ бусурманами. Въ самомъ дѣлѣ, татары подъчасъ такъ вели себя, что, казалось, полякамъ противъ украинцевъ, а не украинцамъ противъ поляковъ они союзники. Изъ Паволочи, подъ начальствомъ паволочскаго войта, выступило ополченіе, состоявшее не изъ козаковъ, а изъ поспольства или такъ называемой черни, на помощь козакамъ, но встрѣтили его татары и на половину истребили. Отъ этого непріязнь черни отъ татаръ обращалась и на ихъ союзниковъ козаковъ, и были примѣры, что козацкія семьи, остававшіяся дома во время козацкаго похода, подвергались отъ посполитыхъ истязаніямъ въ отместку за семьи поспольства, уведенныя въ плѣнъ татарами [2]). Злоба естественно сосредоточивалась на особѣ Хмельницкаго, какъ главнаго виновника побратимства съ татарами. По разнымъ мѣстамъ буйныя головы выбирали себѣ иныхъ предводителей и не хотѣли признавать власти Хмельницкаго. Въ самой радѣ Хмельницкаго происходили разногласія: Выговскій и другіе шляхтичи, спасенные козаками и вступившіе въ козацкое званіе, думали помириться съ поляками; другіе не соглашались ни за что, готовы были лучше отдаться Турціи или Московскому Государству. Въ народѣ же хотя и сильно прорывалось недовольство противъ гетмана по поводу разореній, причиняемыхъ татарами, но сильнѣе была непримиримая ненависть противъ поляковъ—и вся масса русскаго народонаселенія готова была лучше погибнуть до послѣдняго, чѣмъ снова признать власть пановъ.

Подоляне, упорнѣйшіе изъ всѣхъ южноруссовъ, под-

---

[1]) Bell. scyth. cosac. 221.

[2]) Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882 г. Декабрь. 539.

Digitized by Google

нялись съ прежнею заклятою враждою къ панскому сословію. Владѣльцы думали, что теперь, послѣ побѣды надъ хлопскимъ ополченіемъ, можно, наконецъ, безопасно въѣхать въ свои имѣнія, и прибыли на Подоль съ командами; но поднѣстранскіе жители привѣтствовали гостей рогатинами и косами. Потоцкій думалъ, что это дѣлается изъ отчаянія, отъ безнадежности получить прощеніе за прежнія своеволія, а потому отправилъ къ нимъ милостивые универсалы и обѣщалъ всеобщее забвеніе прошлаго, если они перестанутъ мятежничать. Подоляне собрались на черную раду въ Дерепчинѣ, перебили посланныхъ Потоцкаго и выбирали себѣ предводителей. Избранные предводители, Александренко и Чугай, собрали разсѣянно дѣйствовавшія на берегахъ Днѣстра ватаги левенцовъ или опришковъ (какъ ихъ называли) въ единое скопище, истребили шляхтичей въ окрестностяхъ Бара, сожгли въ этомъ городѣ замокъ, экономію, истребили владѣльческій хлѣбъ въ скирдахъ, на гумнѣ и на корнѣ въ полѣ. Чугай былъ случайно убитъ однимъ изъ своихъ, выпалившимъ въ знакъ привѣтствія. Александренко, оставшись единственнымъ предводителемъ, умножилъ свою ватагу до десяти тысячъ и расположился станомъ у Браилова: отсюда онъ разослалъ подъѣзды въ разныя стороны. Такимъ образомъ заняты были волости: Багрыновцы, Ваньковцы, Дубовая и другія; вездѣ возстанцы овладѣли владѣльческими житницами, вездѣ истребляли шляхтичей. Упорные во враждѣ къ панамъ, они не думали повиноваться и Хмельницкому, хотя и сочувствовали универсалу, въ которомъ гетманъ возбуждалъ поселянъ захватывать владѣльческія угодья въ увѣренности, что паны ляхи теперь уже совсѣмъ въ козацкихъ рукахъ [1]).

---

[1]) Ibidem. 545. — Staroż. Pols. I. Woyna z koz. i tat. 278. 337. — Памятн. кіевск. комм. II. 3. 101.

Digitized by Google

Бужане стекались въ Прилуки подъ начальствомъ винницкаго полковника Богуна, который съ каждаго жителя бралъ по талеру для приглашенія татаръ [1]). По приказанію гетмана собралось ополченіе въ Бѣлой-Церкви, но бѣлоцерковскій полковникъ Громыка пришелъ въ подозрѣніе у подчиненныхъ за склонность къ миру [2]). Богунъ, услыша что войско коронное идетъ на Кіевъ, поспѣшилъ соединить свой полкъ съ бѣлоцерковскимъ и, въ то время, когда Хмельницкій собиралъ войско на Масловомъ-Станѣ, укрѣпилъ Бѣлую-Церковь, поставилъ козацкіе гарнизоны въ Хвастовѣ и Трилисахъ, лежавшихъ на дорогѣ [3]). Дѣятельность и воззванія винницкаго полковника въ особенности пробуждали и поддерживали въ жителяхъ упорство въ виду приближенія поляковъ. Они съ ожесточеніемъ жгли на поляхъ собственный хлѣбъ, разоряли свои хаты, загоняли въ замки скотину, увозили припасы, чтобъ не дать врагамъ ни пристанища, ни пропитанія [4]).

Поляки скоро почувствовали ожесточеніе народа. Сначала было они обрадовались, когда вышли изъ Любара и потянулись по обѣтованной землѣ, какъ называли они Украину; чрезъ нѣсколько дней все измѣнилось; паны за большія деньги не могли достать себѣ живности, «а меду, пива, или вина, говоритъ современникъ, могъ отвѣдать развѣ Потоцкій, да и то заплативъ вчетверо за дурное пиво, какого и слуга его не сталъ бы пить въ другое время» [5]). Во время похода безпрестанно нападали на нихъ вооруженныя партіи; въ виду ихъ отнимали возы, лошадей, останавливали на переправахъ, ломали мосты и кричали:

---

[1]) Staroż. Pols. I. Wojn. z koz. i tat. 339.
[2]) Ibid. 280.
[3]) Ibid 284—289.
[4]) Ibid. 278.
[5]) Ibid. 280.

Digitized by Google

«Коли здумаете побігти, той нога ваша не втече» [1]).

3-го августа (13-го н. с.), въ воскресенье, польское войско прибыло въ Паволочь. Приближаясь къ этому городку, предводители послали впередъ Царыну съ нѣсколькими хоругвями узнать, что дѣлается въ Паволочи и расположены-ли жители покоряться своему владѣльцу пану Замойскому. Паволочане приняли гостей чрезвычайно радушно, отворяли предъ ними свои жилища, приглашали жолнѣровъ къ себѣ ѣсть и пить, твердили, что они теперь покорны панству, знать не хотятъ Хмельницкаго, проклинали козаковъ. Царына и его жолнѣры довѣрились и расположились ночевать въ обывательскихъ домахъ, какъ въ то же время войтъ паволочскій далъ знать въ Таборовку бывшимъ тамъ козакамъ и татарамъ, чтобъ они внезапно явились въ Паволочь и перебили пришедшихъ туда ляховъ. Но козаки и татары, повидимому, опоздали, явившись подъ Паволочью уже передъ разсвѣтомъ, а тутъ услыхалъ шумъ и конскій топотъ панъ Михайло Войниловичъ, стоявшій въ близкой деревнѣ съ пятью хоругвями кн. Вишневецкаго; онъ бросился къ Паволочи, предупредилъ своихъ непріятелей и, соединившись съ разбуженнымъ тревогою отрядомъ Царыны, прогналъ подкрадывавшихся къ мѣстечку козаковъ и татаръ [2]). Вслѣдъ затѣмъ подошло цѣлое войско и вступило въ городокъ. Нѣкоторые полководцы хотѣли ударить прямо на Хмельницкаго, но Вишневецкій подалъ совѣтъ идти по дорогѣ въ Кіевъ и соединиться съ Радзивилломъ, а потомъ уже, съ большими силами, задавить козацкаго предводителя. Потоцкій принялъ совѣтъ и назначилъ отдыхъ войску на нѣсколько дней въ Паволочи. Наступалъ праздникъ Успенія. Поляки считали обязанностью провести его на мѣстѣ, а не въ до-

---

[1]) Staroż. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 279.

[2]) Pamiętn. do panow. Zygm. III. Wł. IV. i Jan. Kaz. t. II. 200.

Digitized by Google

рогѣ [1]). Можетъ быть живое воспоминаніе зборовской битвы оставило такое впечатлѣніе и несчастную примѣту объ этомъ днѣ.

Во время стоянки въ Паволочи поразила поляковъ неожиданная скорбь. 3-го августа (13-го н. с.), былъ совѣтъ, гдѣ принято мнѣніе Вишневецкаго; совѣтъ происходилъ въ шатрѣ князя. Во все продолженіе дня паны оставались у него въ гостяхъ. Іеремія былъ веселъ, шутилъ, подчивалъ гостей и самъ пилъ противъ обыкновенной своей трезвости. На другой день онъ съѣлъ арбузовъ и напился меду; это испортило у него желудокъ; оказались признаки горячки. 9-го августа его отнесли въ замокъ и чрезъ двадцать два часа скончался храбрый полководецъ, въ цвѣтущихъ лѣтахъ, среди блестящихъ подвиговъ, счастливый любовью соотечественниковъ. Войско было поражено горестью до изступленія; смерть его казалась подозрительною; поговаривали, что его отравили ядомъ.

12-го августа (22-го н. ст.) тѣло Іереміи отправили въ Вишневецъ къ роднымъ могиламъ. Вѣрная дружина покойника провожала его и хоружій, въ знакъ послѣдней почести, держалъ опущенное внизъ знамя, а предводители шли за нимъ съ открытыми головами. Звукъ трубъ и бубенъ, залпы изъ пушекъ и ружей были прощальною данью всего войска воинственному князю. «Рѣдкій тогда не плакалъ, говоритъ очевидецъ, потому что всѣ простые жолнѣры любили его, какъ только можетъ солдатъ любить своего генерала». — «Не скоро явится въ Польшѣ подобный герой», говорили они единогласно [2]). «За то Хмельницкій, говоритъ польскій лѣтописецъ, обрадовался, какъ услы-

---

[1]) Staroż. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 284—342.

[2]) Staroż. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 286. —Памятн. кіевск. комм. II. 3. 105—107.—Histor. belli cosac. polon. 193.—Histor. ab. exc. Wlad. IV. 80.—Pam. o wojn. koz. za Chm 92.—Истор. о през. бр.—Annal. Polon. Clim. I. 285.

Digitized by Google

шалъ, что нѣтъ болѣе того, кто всегда стоялъ ему костью въ горлѣ». — «Наконецъ Богъ услышалъ наши моленія, говорилъ онъ козакамъ: десница Божія оказала справедливость: князь Вишневецкій, хотѣвшій нѣкогда обладать цѣлою Русью, теперь занимаетъ четыре локтя земли. Оружіе наше не сразило его; Богъ, мститель крови нашей, поразилъ беззаконную голову» [1]).

На другой день послѣ похоронъ войско вышло изъ Паволочи, по дорогѣ къ Трилисамъ, отстоящимъ отъ Паволочи на тридцать верстъ. «Мы очутились тогда, говоритъ современникъ, среди необозримыхъ жатвъ и всеобщаго изобилія. По обѣимъ сторонамъ дороги мелькали хутора, потонувшіе въ роскошныхъ садахъ и пасѣкахъ, и голодное жолнѣрство бросилось жадно на грабежи». Въ пять часовъ вечера поляки подошли къ Трилисамъ. Потоцкій послалъ къ мѣстечку объявить жителямъ прощеніе и пощаду, если они впустятъ войско. Поляки, подошедши, увидѣли, что все мѣстечко окружено по валу дубовымъ толстымъ заборомъ; на заборѣ сидѣли вооруженные люди обоего пола съ разными орудіями, и военными и домашними.

«Покоритесь вы намъ, ляхи, — кричали они: — не моріть собі коней, бо ні на чомъ буде до Кракова утікати!»

Вслѣдъ затѣмъ раздался залпъ и смѣхъ надъ падавшими врагами.

Потоцкій приказалъ войску подвинуться, чтобъ показать упорнымъ свою силу; «но ни одна живая душа не думала просить милосердія, говоритъ современникъ [2]). Они сидѣли по-прежнему и ругались надъ врагами, хотя видѣли ясно, какъ велико польское войско и какъ ничтожна ихъ сила».

---

[1]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 80.

[2]) Staroż. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 344.

Digitized by Google

Потоцкій отрядилъ шестьсотъ человѣкъ пѣхоты и четыреста драгуновъ и велѣлъ имъ идти на штурмъ, а между тѣмъ еще разъ сдѣлалъ мирное убѣжденіе.

«Гетманъ,—говорили посланные къ мѣстечку:—не желаетъ васъ губить и обращать въ пепелъ мѣстечко его королевской милости. Опомнитесь и покоритесь».

«Убирайтесь къ чорту, ляхи, — отвѣчали козаки: — король вашъ утікъ, и ви идіть собі у Польщу, бо се вже не ваша земля».

Это удивительное упорство взбѣсило поляковъ.

«Нѣтъ,—говорили они,—нечего жалѣть дрянной деревушки; хлопское упрямство скорѣе усмирится саблею и огнемъ, чѣмъ угрозами и поблажками».

Отрядъ, назначенный для штурма, вышелъ еще до разсвѣта, въ то время, когда сонъ особенно одолѣваетъ человѣка. Жители не спали. Въ мѣстечкѣ горѣли огни; дубовый частоколъ по-прежнему былъ усаженъ людьми. Въ мѣстечкѣ, кромѣ всего вооруженнаго населенія, было только шестьсотъ козаковъ; погибель ихъ была очевидна, но они рѣшились показать собою въ Украинѣ примѣръ, что только отчаяніемъ можно спасти ихъ дѣло.

Пржіемскій ударилъ залпомъ изъ орудій; изъ мѣстечка отвѣчали тѣмъ же.

Пржіемскій повторилъ канонаду; польскія ядра проломали тройной заборъ: жолнѣры перескочили черезъ глубокій и узкій ровъ и ворвались въ мѣстечко. Жители заперлись въ за́мкѣ.

Пѣхота полѣзла на валъ за́мка. Съ ожесточеніемъ оборонялись русскіе; женщины поражали нѣмцевъ рогачами и косами; одна баба зарѣзала косою начальника отряда полковника Страуса, и болѣе ста человѣкъ нѣмцевъ легло на валу. Но Трилисы были взяты; желѣзное упорство привело побѣдителей въ звѣрство; овладѣвъ мѣстечкомъ, они разбивали о стѣны младенцевъ, потому что никто изъ

Digitized by Google

взрослыхъ не дался живой. «Въ четыре часа утра Трилисъ не стало; все мѣстечко, зáмокъ, прекрасная церковь— все было принесено въ жертву Вулкану, какъ говоритъ современникъ [1]); сгорѣли даже вѣковые, толстые, какъ пивная бочка, дубы, окружавшіе мѣстечко». Всѣхъ жителей въ мѣстечкѣ погибло болѣе двухъ тысячъ. Поляки, недовольные этимъ, бѣгали по околицѣ, по лѣсамъ и болотамъ, и убивали безъ разбора всякаго русскаго, какой только имъ встрѣчался. По обгорѣлымъ развалинамъ хатъ лежало множество разбросанныхъ труповъ мужескихъ, женскихъ и дѣтскихъ; вся окрестность усѣяна была тѣлами; храбрость украинскихъ женщинъ изумляла поляковъ, и они, въ ожесточеніи, убивали каждую женщину, думая, что это мужчина въ женскомъ платьѣ.

«О, Господи Боже! какъ Ты милосердъ!» восклицали поляки, добывъ въ разоренныхъ хуторахъ скота, хлѣба, горѣлки.

Начальникъ козацкаго отряда въ Трилисахъ, сотникъ Богданъ, былъ схваченъ живымъ и посаженъ на колъ [2]).

Простоявъ два дня на пепелищѣ Трилисъ и окрестныхъ хуторовъ, поляки переправлялись цѣлый день по узкой плотинѣ и, 16-го августа (26-го н. ст.), пришли въ Хвастовъ. Тамъ не было живой души. Всѣ жители, испуганные разореніемъ Трилисъ, ожидали себѣ такой же участи, въ случаѣ упорства, а покориться не хотѣли, и потому разбѣжались, оставя жолнѣрамъ пустые домы. Кіевскій митрополитъ послалъ въ подарокъ къ Потоцкому напитковъ и просилъ пощады духовенству и православнымъ жителямъ. Простоявъ нѣсколько дней въ Хвастовѣ, войско двинулось къ Василькову.

---

[1]) Ibid. 342.

[2]) Памятн. кіевск. комм. II. 3. 110. Staroż. Pols. I. Wojna z kozi tat. 287—288. 344—345.—Annal. Polon. Clim. I. 287.—Histor. belli cosac. polon. 194—195.

Digitized by Google

За четыре дня до разоренія Трилисъ, Кіевъ испыталъ также горькую участь. Литовцы сначала подошли по-дружески, но чрезъ нѣсколько дней Радзивиллъ ввелъ всю свою армію въ Кіевъ, приказалъ отбирать у жителей оружіе и потомъ обвинялъ городъ въ измѣнѣ, потому что горожане выпустили свободно отрядъ корсунскаго полка и своихъ собратій, убѣжавшихъ въ нижнія страны Украины. Литовскій гетманъ нарядилъ коммиссію для отъисканія виновныхъ. Эта коммиссія открыла, что тѣ, которые были виновны, ушли изъ города; тогда Радзивиллъ принялся за тѣхъ, которые имѣли какое нибудь сношеніе съ людьми, признанными мятежниками, и многихъ мѣщанъ вѣшалъ и сажалъ на колъ. Жолнѣры грабили и насиловали жителей, ругались даже надъ вѣрою. Памятникомъ посѣщенія ими Кіева осталась до сихъ поръ въ Братскомъ монастырѣ изуродованная икона Богоматери, къ которой набожные богомольцы прибѣгаютъ съ мольбами.

Поступки войска ожесточили жителей. Между тѣмъ гетманъ Богданъ Хмельницкій, узнавши объ отходѣ изъ подъ Кіева Ждановича, послалъ къ нему строгій выговоръ, угрожая войсковою карою за самовольство, и снарядилъ въ помощь ему два полка, бѣлоцерковскій и уманскій, а къ митрополиту Сильвестру написалъ, что ему, какъ пастырю православному, не слѣдовало удалять козаковъ отъ обороны церквей, монастырей и цѣлебныхъ мощей кіевскихъ и православныхъ христіанъ отъ еретическихъ рукъ, и самому митрополиту не годится бояться даже смерти, въ надеждѣ, если бы онъ и пострадалъ за вѣру, принять за то отъ Господа Бога вѣнецъ [1]). Тогда Ждановичъ вошелъ въ тайныя сношенія съ кіевлянами и составлялъ планъ погубить непріятельское войско въ Кіевѣ. Онъ отправилъ Мозыру съ двумя тысячами къ Днѣпру,

---

[1]) А. Ю. и З. Р. III. 472—473.

Digitized by Google

приказалъ ему тихонько подплыть подъ литовскіе байдаки и зажечь ихъ; другой же предводитель, Горкуша, также съ двумя тысячами, долженъ былъ идти по правому берегу и ударить неожиданно на Старый городъ. Самъ Ждановичъ, съ шестью тысячами козаковъ, плылъ по Днѣпру вверхъ, и готовился пристать къ берегу, чтобъ напасть на литовцевъ въ то время, когда Горкуша нападетъ на нихъ съ другой стороны города. Тогда, по уговору съ нимъ, жители, ожесточенные грабительствомъ литовцевъ, рѣшились сами зажечь домы свои, истребить все достояніе, чтобъ оно не доставалось въ руки враговъ, и этимъ пожаромъ произвести смятеніе, которое помогло бы козакамъ.

6-го августа (16-го н. ст.) одинъ неустрашимый мѣщанинъ на Подолѣ первый зажегъ свой домъ и все строеніе, а потомъ самъ бросился въ огонь; его подвигъ увидѣли враги: онъ хотѣлъ избавить себя отъ позорной казни. Шестьдесятъ домовъ сравнялись съ землею. На другой день, въ полдень, увидѣли мѣщане издали козаковъ—и Кіевъ загорѣлся со всѣхъ сторонъ. Поднялся страшный вихрь. Очевидецъ разсказываетъ, что онъ, стоя на горѣ, воображалъ себѣ Содомъ и Гоморру. Горѣли лавки съ товарами, шляхетскіе и мѣщанскіе домы, училища, горѣли церкви; въ числѣ ихъ погибли двѣ древнія каменныя церкви, одна во имя св. Троицы, другая во имя св. Василія, построенная Владиміромъ и стоявшая на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь церковь Трехъ Святителей,— женскій Фроловскій монастырь, церковь Николая-Добраго. Только католическій каѳедральный костелъ и доминиканскій монастырь были охранены жолнѣрами. Болѣе двухъ тысячъ дворовъ было истреблено пожаромъ. Литовцы бросились было грабить остатки имуществъ, которые такъ усердно повергали въ огонь собственные хозяева, но тутъ раздалась тревога: козаки нападали на нихъ.

Къ несчастью русскихъ, предводитель корсунскихъ ко-

Digitized by Google

заковъ, Мозыра, испортилъ все дѣло. Вмѣсто того, чтобъ исполнить приказаніе Ждановича и подплыть Днѣпромъ подъ литовскіе байдаки, онъ пошелъ на правый берегъ, позади Горкуши, и началъ огнемъ давать сигналы плывшему Ждановичу, чтобъ тотъ спѣшилъ скорѣе. Это открыло Радзивиллу тайну. Сильный отрядъ, подъ начальствомъ Нольда, встрѣтилъ козаковъ за Золотыми Воротами, близъ Лыбеди, а другая часть войска бросилась въ байдаки и поплыла быстро къ Печерскому монастырю противъ Ждановича. Горкуша на Лыбеди не могъ ничего сдѣлать. Двѣ тысячи татаръ, бывшихъ съ нимъ, вмѣсто того, чтобъ помогать ему, остались за Лыбедью. Сначала козаки на Лыбеди опрокинули было непріятеля и погнались за Нольдомъ, но потомъ драгуны окружили ихъ со всѣхъ сторонъ и оттиснули. Въ то же время литовцы, плывшіе по Днѣпру, принудили Ждановича обратиться назадъ; вихрь былъ прямо въ глаза козакамъ; имъ надобно было плыть противъ воды, а враги ихъ плыли внизъ по теченію за вѣтромъ. Такимъ образомъ планъ Ждановича не удался отъ своеволія его подчиненныхъ. Русскіе выиграли только то, что имущества ихъ не достались грабителямъ.

Кіевскій пожаръ и трилисское кровопролитіе увеличили ожесточеніе русскаго народа. Русскіе, скрываясь по лѣсамъ, наскакивали изподтишка на враговъ и отомщали на плѣнникахъ кровь своихъ братьевъ и пепелъ ихъ жилищъ; они преслѣдовали съ особеннымъ ожесточеніемъ нѣмцевъ, потому что нѣмцы выказали себя свирѣпыми при взятіи Трилисъ. Приводя плѣнниковъ въ уединенныя ущелья, они сажали ихъ за столъ, подчивали медомъ и виномъ, вели пріятельскіе разговоры, потомъ, поругавшись вдоволь, сажали на колъ, сдирали кожи и прокалывали рожнами [1]).

---

[1]) Staroż. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 327.

Digitized by Google

Летучіе козацкіе отряды безпрестанно нападали со всѣхъ сторонъ на литовское войско, отнимали возы, уводили плѣнниковъ на муки. Радзивиллъ послалъ къ Потоцкому предложеніе соединиться вмѣстѣ поскорѣе [1]).

Хмельницкій тотчасъ узналъ объ этомъ. Его положеніе было не превосходное. Власть его колебалась; полковники дѣйствовали отъ него отдѣльно; войска у гетмана было мало; на татаръ не было надежды: крымскіе отряды, которые пришли на помощь, занимались только грабежемъ самихъ союзниковъ [2]). Хмельницкій боялся не только враговъ, но собственныхъ подчиненныхъ, изъ которыхъ многіе не хотѣли ему повиноваться, дѣйствовали храбро, но своевольно, и потому ничего не успѣвали. Онъ счелъ за лучшее предупредить соединеніе войскъ и послалъ къ Потоцкому депутацію. Онъ просилъ Киселя быть за него ходатаемъ и написалъ къ коронному гетману письмо слѣдующаго содержанія.

«Видитъ Богъ, что мы не хотѣли новаго кровопролитія и довольствовались милостями его величества, но ссора возобновилась съ обѣихъ сторонъ. Какая сторона виновнѣе — пусть Богъ разсудитъ. Намъ трудно было наклонять подъ мечъ голову: пришлось защищаться. Мы не поднимали рукъ на его величество; подъ Берестечкомъ войско наше не испытало его милосердія: мы уступили своему государю и пошли домой, желая мира. Но ваша милость нападаете на насъ со своимъ войскомъ: это уже ведетъ не къ миру, а къ большему кровопролитію. Все это начинается не отъ насъ: Богъ въ томъ свидѣтель. Не разъ уже ваша милость воевали съ нами и оттого происходилъ невознаградимый вредъ для обѣихъ сторонъ. И теперь, если ваша милость не будете имѣть къ намъ со-

---

[1]) Ibid. 341.
[2]) Ibid. 296.

Digitized by Google

страданія, каждый изъ насъ, при своемъ убожествѣ, готовъ положить голову: и пташка охраняетъ свое гнѣздо. Притомъ же, кромѣ Бога, никто впередъ не можетъ знать кому выпадетъ на войнѣ счастливый жребій. Просимъ вашу милость: какъ первенствующій панъ въ государствѣ, содѣйствуйте вашимъ мудрымъ совѣтомъ къ прекращенію кровопролитія, и походатайствуйте передъ его величествомъ за насъ, чтобы король оставилъ намъ вольности наши и оказалъ отеческое милосердіе надъ своими подданными! Пусть расцвѣтетъ въ нашемъ королевствѣ миръ и обоюдныя силы обратятся на службу его величества! Извольте увѣдомить насъ: чего отъ насъ требуетъ король, а съ войскомъ на насъ не наступайте. Въ универсалѣ, присланномъ въ Бѣлую-Церковь, вы сами изволили выразиться, что болѣе не желаете кровопролитія. И мы не подвигаемся съ нашимъ войскомъ, и будемъ ожидать милостиваго рѣшенія вашего: надѣемся получить его въ понедѣльникъ» [1]).

---

[1]) Jak. Michał. Ks. Pam. 646.

Digitized by Google

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Переговоры. — Маховскій у Хмельницкаго. — Коммиссары въ Бѣлой-Церкви.—Раздоры въ народѣ.—Переговоры на Острой-Могилѣ.—Стычки подъ Бѣлою-Церковью.—Хмельницкій въ польскомъ лагерѣ.—Попытка отравить Хмельницкаго.—Бѣлоцерковскій трактатъ.—Смерть Потоцкаго.—Состояніе умовъ.

Не понравился Потоцкому неустрашимый тонъ письма Хмельницкаго. Онъ видѣлъ впереди себя новыя побѣды. Но русскій народъ въ самомъ несчастіи былъ страшенъ и грозенъ своимъ ожесточеніемъ. Потоцкій могъ бояться, что несогласія козацкія улягутся, гетманъ снова станетъ на челѣ народнаго возстанія, всеобщаго въ полномъ смыслѣ, когда самыя женщины выходили на непріятеля и, наконецъ, можетъ явиться козакамъ помощь отъ турокъ, или москвитянъ; сверхъ того, въ войскѣ появилась повальная смертная болѣзнь. Коронный гетмавъ соглашался на выгодный миръ, но прежде хотѣлъ показать еще болѣе свою силу и торжество.

Письмо Хмельницкаго доставлено было 24-го августа (3-го сентября н. ст.). Посланныхъ козаковъ провели чрезъ весь лагерь, чтобъ они видѣли польское войско. Они пришли въ ставку Киселя.

Digitized by Google

«Панъ краковскій,—сказалъ воевода:—не хочетъ съ вами вести переговоровъ; яна-силу упросилъ его позволить вамъ явиться къ нему. Но скажу вамъ заранѣе, что вы получите пощаду не иначе, какъ такъ: перебейте татаръ, которые находятся у васъ, перевяжите мурзъ, выдайте Хмельницкаго и совершенно предайтесь на волю его величества и Рѣчи Посполитой» [1]).

На другой день ихъ позвали къ Потоцкому. Когда они шли, все войско уже садилось на коней и готовилось выступать; военная музыка разливалась веселымъ и торжественнымъ отголоскомъ. Козаки почтительно поклонились.

«Пане краковскій,—сказали они:—вы имѣете власть надъ войскомъ и въ сенатѣ, прекратите кровопролитіе и доставьте войску запорожскому прежнюю милость короля, которою мы пользовались по зборовскому договору» [2]).

— Разбойники! обманщики!—крикнулъ Потоцкій:—вы думаете, я не знаю, что̀ у васъ на умѣ? Хмельницкій послалъ за ордою, а вы просите прощенія! Слушайте же: я вашего Хмельницкаго знать не хочу: не считаю гетманомъ того, кто поднялъ руку на его величество, а обращаюсь къ вамъ, ко всѣмъ козакамъ, и скажу вотъ что: его королевское величество повѣрилъ мнѣ въ одну руку мечъ, а въ другую милосердіе: выбирайте, что хотите, а я не стану долго толковать съ вами, если вы не рѣшитесь на то, что сказалъ уже вамъ кіевскій воевода отъ моего имени. Вотъ вамъ срокъ до среды, а я тотчасъ соединяюсь съ литовскимъ гетманомъ, иду на васъ и разольется кровь христіанская. Бога заступника призываю въ помощь; надѣемся на справедливость нашей стороны! Одинъ пусть идетъ, другой остается заложникомъ [3]).

---

[1]) Staroź. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 291.

[2]) Bel. scyth. cos. 243.

[3]) Staroź. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 291.

Digitized by Google

Потоцкаго обо всемъ увѣдомлялъ Лупулъ.

«Если Хмельницкій пришлетъ къ вамъ для переговоровъ,—писалъ онъ,—не вѣрьте ему: измѣнникъ обманываетъ васъ: онъ ищетъ помощи у турокъ» [1]).

На другой день, 25-го августа (4-го сентября н. ст.), Потоцкій, сидя на богато убранной лошади, встрѣчалъ въ полѣ литовскаго гетмана. Оставивъ пѣхоту въ Кіевѣ, Радзивиллъ съ конницею прибылъ для соединенія съ коронным войскомъ. Съ обѣихъ сторонъ, говоритъ очевидецъ, воины сверкали серебромъ и золотомъ; блестящи были ихъ панцыри, красивы сѣдла и сбруи, статны кони. Послѣ взаимныхъ поздравленій, Потоцкій пригласилъ литовскаго гетмана въ свой шатеръ на жолнѣрское жаркое, какъ онъ выражался.

Но только что паны успѣли усѣсться за походный столъ, какъ вдругъ прибѣгаетъ гонецъ съ донесеніемъ, что три тысячи козаковъ идутъ по правому берегу Днѣпра для нападенія на оставленное подъ Кіевомъ литовское войско. Въ то же самое время козаки на челнахъ поплыли внизъ Десною, и такимъ образомъ предполагали напасть на литовцевъ съ двухъ сторонъ.

Это новое покушеніе козаковъ на литовское войско не удалось. Поляки узнали о немъ заранѣе. Калиновскій пошелъ на встрѣчу шедшимъ по правому берегу, остановилъ ихъ между оврагами и кустарниками и разбилъ на голову [2]).

Въ тотъ же день оставшаяся въ Кіевѣ пѣхота вступила въ кровопролитное сраженіе съ козаками подъ Николаевскимъ монастыремъ. Козаки потеряли много челновъ своихъ и, не видя подкрѣпленія съ другаго берега, удалились [3]).

Литовская пѣхота тотчасъ оставила Кіевъ и свободно отправилась въ путь для соединенія съ коронным войскомъ.

---

[1]) Ibid. I. 346.

[2]) Ibid. I. 293.

[3]) Ibid. I. 294.

Digitized by Google

29-го августа (18-го сентября н. ст.) Хмельницкій отправилъ новую депутацію къ Потоцкому. Посланы были козаки Андрей Кулька и Романъ Латошъ. Гетманы приняли ихъ въ великолѣпномъ шатрѣ среди множества пановъ. Кулька поклонился до земли и подалъ пукъ писемъ къ разнымъ панамъ.

«Старшина войсковая, — сказалъ онъ: — прислали къ вашимъ милостямъ просить пощады».

«Много уже пролито крови, писалъ снова козацкій гетманъ, а все чрезъ наше упрямство. Видно Богу такъ угодно. Клянусь Богомъ, ясновельможные паны, что хочу прекратить кровопролитіе и буду служить вѣрно королю. Соизвольте послать умнаго пана, а я пошлю писаря Выговскаго: пусть они переговорятъ, а потомъ постановимъ миръ» [1]).

Несмотря на усиленіе арміи, гетманы охотнѣе желали окончить войну выгоднымъ для Рѣчи Посполитой миромъ, чѣмъ отваживаться на новую брань. Недостатокъ съѣстныхъ припасовъ становился слишкомъ ощутителенъ въ разоренной непріятельской странѣ; повальная болѣзнь каждый день отнимала лучшихъ солдатъ; приблизилась осень, съ нею непогоды и новыя неудобства; а между тѣмъ русскій народъ не только не усмирялся, но, казалось, по мѣрѣ большей опасности приходилъ въ сильнѣйшую отвагу. Паны съ безпокойствомъ слышали непріятныя вѣсти. Хмельницкій перенесъ свой лагерь въ Рокитню на Роси, и войско его возростало съ каждымъ днемъ: Богунъ привелъ къ нему десять тысячъ козаковъ; Бѣлая-Церковь заключала пять тысячъ человѣкъ, приставшихъ къ Хмельницкому [2]).

Винница была въ рукахъ козаковъ и сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ для ополченія [3]). Паволочь взята была

[1]) Ibid. I. 295.

[2]) Ibid. I. 342.

[3]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 83.

Digitized by Google

внезапно козаками и весь оставленный въ ней польскій гарнизонъ изрубленъ. Въ Хвастовѣ явилось тысяча четыреста человѣкъ [1]); въ то же время, отъ сѣвера и востока, на лѣвой сторонѣ Днѣпра готовились грянуть на поляковъ новыя полчища русскаго народа, а изъ степей пришло къ Хмельницкому четыре тысячи татаръ съ Карачъ-мурзою. По извѣстію одного современника, у Хмельницкаго въ распоряженіи было въ то время 160,000 козаковъ и 10,000 орды [2]). Поляки опасались, что если они протянутъ войну до глубокой осени, то будутъ окружены непріятелемъ со всѣхъ сторонъ и отрѣзаны отъ Польши.

Злѣйшіе враги козачества все еще кричали: «не должно входить въ переговоры съ козаками, не сдѣлаемъ имъ никакого состраданія! истребимъ имя ихъ съ лица земли» [3]).

Но Потоцкій представлялъ невыгоды войска и наконецъ замѣтилъ:

«Русскій народъ тогда только можетъ быть побѣжденъ оружіемъ, когда погибнетъ, когда цѣлый край сдѣлается безлюднымъ и граница королевства останется открытою для невѣрныхъ» [4]).

Послѣ этого совѣта паны приняли пословъ. Потоцкій сказалъ имъ:

«Я люблю больше дѣло, чѣмъ слова; я могъ бы скорѣе и легче окончить споръ этотъ оружіемъ, чѣмъ разговорами, но я не жестокой души человѣкъ и не хочу казнить козаковъ, когда они раскаиваются, а потому объявляю имъ милость и отправляю къ нимъ благород-

---

[1]) Staroż. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 295.

[2]) Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882 г. декабрь 546.

[3]) Histor. belli cosac. polon. 199.

[4]) Woyna dom. Ч. 2. 54.

Digitized by Google

наго пана Маховскаго коммиссаромъ. Видите, какъ мы вѣримъ вамъ?»

«Принимаемъ его на души свои,» сказали послы и поклялись, что Маховскому не будетъ ни малѣйшей обиды [1]).

Въ доказательство своего уваженія къ греческой вѣрѣ, Потоцкій, въ присутствіи пословъ, казнилъ шесть жолнѣровъ, ограбившихъ церковь въ Васильковѣ [2]).

31-го августа (10-го сент. н. ст.) Маховскій былъ принятъ очень ласково въ козацкомъ лагерѣ подъ Рокитной. Хмельницкій привѣтствовалъ его съ полковниками своими, и прежде, чѣмъ заговорилъ о дѣлѣ, началъ угощать гостя. Козаки шутя разсказывали о берестечскомъ пораженіи.

«Обманщикъ ханъ всему виною, — говорили полковники:—а то бы мы разбили васъ, какъ и прежде».

«Да, — прибавилъ Хмельницкій:—бусурманъ поклялся Мухаммедомъ, что воротится, а потомъ и меня взялъ съ собою».

«Теперь вы узнали, что́ значитъ дружиться съ невѣрными, — сказалъ Маховскій:—лучше было бы поражать невѣрныхъ».

«Имя его величества, — сказалъ Хмельницкій: — содѣлалось страшнымъ послѣ берестечскаго сраженія. Присутствіе короля дало вамъ побѣду».

«Правды негдѣ дѣть, — сказали полковники: — подъ Берестечкомъ одна пуля королевская стоила ста козацкихъ, а ужъ какъ въ пятницу вы на насъ пріударили, такъ мы думали, вотъ такъ сквозь землю и провалимся!»

«Ну, я бы еще могъ съ вами помѣряться, — сказалъ Хмельницкій: — да не хочу: жалѣю крови христіанской.

---

[1]) Star. Pols. I. Wojn. z koz i tat. 295.

[2]) Annal. Polon. Clim. I. 239.

Digitized by Google

Повоевали—и довольно! Пора бѣдному народу дать отдыхъ; притомъ я недавно женился. Посовѣтуйте отъ меня пану краковскому жениться. Мы бы тогда скорѣе помирились, потому что захотѣлось бы къ женѣ: а пока будемъ вдовцами, такъ скучно сидѣть дома и будемъ воевать».

Послѣ обѣда Маховскій подалъ гетману письмо съ условіями мира. Хмельницкій началъ читать его, поблѣднѣлъ и нахмурилъ брови.

«Скажите, пане Маховскій, — сказалъ онъ: — почему милостивые паны гетманы лишаютъ меня гетманскаго титула, который дарованъ мнѣ отъ его величества?»

Джеджалій, стоявшій подлѣ гетмана, сказалъ:

«Не добре такъ, панове, негодиться однімати честь гетманську отъ нашого добродія».

«Маховскій засыпалъ ихъ словами и доказательствами, такъ что они слушали, развѣся уши», говоритъ современникъ.

«Будьте увѣрены, — прибавилъ посолъ: — что король вознаградитъ вамъ все, что вы потеряли; но ясновельможные паны гетманы ставятъ первымъ условіемъ возможности мира разлученіе ваше съ ордою. Неприлично такому храброму вождю имѣть связь съ невѣрными, которые доказали свое непостоянство».

«Орда, — отвѣчалъ гетманъ: — можетъ находиться въ моемъ распоряженіи и вамъ не будетъ дѣлать зла; напротивъ, я постараюсь самый этотъ союзъ обратить на пользу королевства; я поведу орду на турокъ и разовью знамена свои на стѣнахъ Константинополя».

«Разлученіе съ ордою — первое желаніе его величества,—сказалъ Маховскій: — вы должны его исполнить, чтобъ доказать свою преданность королю».

Хмельницкій отговаривался, Маховскій настаивалъ; цѣлые три часа спорили, наконецъ, полякъ вышелъ изъ терпѣнья и сказалъ:

Digitized by Google

«Вы несогласны, такъ позвольте мнѣ уѣхать».

Миръ легко состоится, — сказалъ, въ свою очередь, разгоряченный Хмельницкій: — если поляки утвердятъ зборовскій договоръ».

Уже повозка была готова въ обратный путь, какъ Выговскій подбѣжалъ къ Маховскому и сказалъ:

«Не уѣзжайте, мы обдѣлаемъ дѣло; я постараюсь убѣдить гетмана».

«Знаю, -- отвѣчалъ Маховскій: — что вы обладаете умомъ и сердцемъ Хмельницкаго. Отъ васъ теперь зависитъ оказать услугу отечеству, а я обѣщаю вамъ особенную милость королевскую, если вы съумѣете отклонить Хмельницкаго отъ союза съ варварами».

Выговскій вошелъ къ Хмельницкому въ шатеръ, съ большимъ жаромъ говорилъ съ нимъ и вышелъ съ разсерженнымъ видомъ.

«Стало быть, нѣтъ надежды?» сказалъ Маховскій.

«Постойте, подождите,—сказалъ Выговскій:—у насъ такъ дѣлается: сперва прогонитъ, потомъ самъ пришлетъ за мною и согласится».

Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ нѣсколько времени Выговскаго снова позвали; Маховскій дожидался отвѣта. Наконецъ Выговскій вышелъ и сказалъ:

«Оставимъ этотъ пунктъ до времени; Хмельницкій согласенъ съ своей стороны, но чернь взбунтуется, когда узнаетъ, да и татары не послушаются и начнутъ грабить насъ».

«А почему же,—сказалъ Маховскій:—козакамъ не соединиться съ короннымъ литовскимъ войскомъ и не прогнать невѣрныхъ?».

«Нельзя,—сказалъ Выговскій:—своевольная чернь мѣшаетъ. Мы уладимъ это послѣ и выпроводимъ орду».

Маховскій снова вошелъ къ Хмельницкому.

«Всего лучше будетъ,—сказалъ онъ:—если вы по-

Digitized by Google

жалуете со старшинами въ обозъ къ намъ, и тамъ сами потолкуете съ гетманами».

Выговскій хотѣлъ было уже договариваться, какъ вдругъ одинъ изъ полковниковъ сказалъ:

«Этого не будетъ. Мы не пустимъ такъ гетмана. Чтобъ еще и онъ остался въ польскомъ лагерѣ, какъ Крыса! Ужъ мы и то потерпѣли отъ черни подъ Берестечкомъ, когда гетманъ ушелъ съ ханомъ. Если старшины будутъ уговариваться въ польскомъ лагерѣ, а чернь не будетъ знать, что́ они постановляютъ, то поднимется бунтъ».

«Въ такомъ случаѣ мы будемъ совѣщаться въ полѣ при войскахъ», сказалъ Маховскій.

«Нѣтъ,—отвѣчалъ Хмельницкій:—пусть лучше коммиссары, которыхъ назначатъ гетманы, прибудутъ для переговоровъ въ Бѣлую-Церковь».

«Гораздо приличнѣе,—прибавилъ Выговскій:—для достоинства его величества, дарующаго миръ, если коммиссары будутъ договариваться въ Бѣлой-Церкви, королевскомъ замкѣ: тамъ они будутъ безопасны».

Маховскій не соглашался, оскорблялся тѣмъ, что козаки, не довѣряя полякамъ, требовали къ себѣ такъ много довѣренности.

Но Выговскій сталъ предъ нимъ на колѣни и говорилъ:

«Ради Бога, умоляемъ васъ, пусть коммиссары пріѣдутъ въ Бѣлую-Церковь. Въ полѣ невозможно договариваться; чернь и своевольная орда не допустятъ. Богомъ и душами нашими клянемся, что паны будутъ безопасны».

Хмельницкій и полковники стали также на колѣни и поклялись хранить народныя права и святость гостепріимства.

3-го сентября (13-го н. ст.) Маховскій уѣхалъ съ

Digitized by Google

двумя избранными козаками [1]) въ лагерь, который во время его отсутствія перенесенъ изъ-подъ Василькова въ Германовку: въ тотъ самый день оба войска, коронное и литовское, соединились [2]).

Хмельницкій, ожидая коммиссаровъ, двинулся съ своимъ войскомъ подъ Бѣлую-Церковь.

Кисель вызвался ѣхать къ Хмельницкому коммиссаромъ. Съ нимъ отправились: смоленскій воевода Глѣбовичъ, Гонсѣвскій и брацлавскій подсудокъ Коссаковскій. Они взяли съ собою двадцать четыре мирныя предложенія, которыхъ смыслъ клонился къ уничтоженію козацкой силы. Изъ этихъ пунктовъ, которые почти всѣ вошли потомъ въ бѣлоцерковскій договоръ, были тогда главнѣйшими: уменьшеніе реестроваго войска до 15,000; ограниченіе жительства козаковъ однимъ кіевскимъ воеводствомъ; право стоять короннымъ войскамъ въ Украинѣ и разлученіе съ ордою. Два полка проводили коммиссаровъ до Бѣлой-Церкви и воротились назадъ, а они отправились далѣе съ пятьюстами драгуновъ. Пестрая толпа козаковъ и татаръ окружила замокъ. Экипажи коммиссарскіе ѣхали посреди козацкихъ возовъ и татарскихъ арбъ. Русскіе толпились около нихъ, кричали, свистали, грозили отнять у нихъ экипажи, проклинали ляховъ. Старикъ Кисель, выглядывая изъ экипажа, говорилъ имъ съ кротостью:

«Мы не ляхи, друзья мои; я русскій; мои кости такія же русскія, какъ и ваши».

«Твои русскія кости слишкомъ обросли польскимъ мясомъ», отвѣчали ему козаки.

---

[1]) Staroż. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 298.—Annal. Polon. Clim. I. 288. 289.—Лѣтоп. повѣст. о Мал. Росс. 96.—Woyna domowa. Ч. 2. 57.—Histor. ab exc. Wlad. IV. 84.

[2]) Staroż. Pols. Wojna z koz. i tat. 297.—Histor. belli cosac. polon. 198.

Digitized by Google

Хмельницкій, Выговскій и полковники спѣшили къ нимъ на-встрѣчу, унимали своевольную толпу и съ почтеніемъ ввели въ замокъ.

Толпа козаковъ и татаръ бѣжали за ними.

«Эй, пане гетмане! —кричали козаки:—не добре такъ чинишь, що вже зъ ляхами братаешься».

Въ это время везли въ замокъ съѣстные припасы.

«А що се?—кричалъ одинъ козакъ:—ляхамъ стаціи будемъ давати!»

За это Богунъ разрубилъ его саблею.

Переговоры продолжались недолго. Предводитель соглашался на всѣ условія, но просилъ только прибавить число козаковъ до 20,000 и права для козацкихъ городовъ и мѣстечекъ быть свободными отъ постоя. Что касается орды, то онъ обѣщалъ не сноситься съ татарами, но отказывался обратить на нее оружіе, потому что козаки его не послушаютъ и произойдетъ бунтъ.

По окончаніи договора Хмельницкій съ полковниками вышли изъ замка. Наступило молчаніе; начали читать договоръ. Но только что хлопы замѣтили, что зборовскій договоръ нарушенъ и они опять будутъ служить панамъ, какъ вдругъ поднялся шумъ.

«Отъ такъ то ты, пане гетмане, зъ ляхами трахтуешь, а насъ покидаешь и одъ орди одступаешься! Самъ себе та старшину визволяешь, а насъ знати не хочешь Самъ еси привівъ на все, що ми піднялись на панівъ, а теперъ оддаешь насъ, біднихъ, на муки підъ киі, та батоги, на палі та на шибениці. Але прежь ніжъ до того дійдется, и ты самъ наложишь головою и ні одинъ ляхъ живцемъ відсіля не вийде!»

Раздались выстрѣлы; Хмельницкій и полковники убѣжали въ замокъ. Толпа обступила замокъ со всѣхъ сторонъ и готовилась брать его штурмомъ.

«Отсе вже ви пошаліли, панове,—говорилъ коммис-

Digitized by Google

сарамъ Выговскій: — въ огонь такий приіхали! Боронячи васъ, и ми пропадемо. Однакже хиба по нашому трупу дойдуть до васъ!»

Татары начали пускать стрѣлы, хлопы бросали каменья; окна разлетались и одна стрѣла чуть было не попала въ голову воеводѣ. Хмельницкій, съ изумительною для пановъ неустрашимостью, вышелъ снова изъ замка со всѣми старшинами; чернь толпилась противъ него съ поднятыми саблями и дубинами. Хмельницкій бросился на мятежниковъ, держа въ обѣихъ рукахъ булаву, и собственноручно началъ бить ихъ со всего размаха; за нимъ полковники и козаки разгоняли хлоповъ саблями и перначами. Выговскій игралъ роль примирителя и говорилъ убѣдительную рѣчь:

«Чего вы хотите, злодѣи? за что вы обижаете пановъ, когда они ни въ чемъ не виноваты; это не ляхи. Притомъ они послы, а пословъ нельзя трогать: право народное запрещаетъ; ужъ такъ вездѣ водится: послы вездѣ безопасны.»

Нѣкоторые опамятовались.

«Правда,—говорили они:—Кисель русскій, а прочіе литовцы, и никогда не дѣлали намъ обидъ; знали ляхи кого послать. Вотъ, еслибъ настоящіе ляхи пришли: такъ ужъ бы не вышли отсюда!»

Но смѣлость Хмельницкаго успокоила толпу только на малое время. Чрезъ нѣсколько часовъ начался снова шумъ. Хмельницкій, Выговскій и полковники провели ночь безъ сна, сами стояли на сторожѣ и оберегали ворота. На другое утро волненіе усилилось до того, что бѣлоцерковскій полковникъ грозилъ палить по мятежникамъ изъ пушекъ и предлагалъ коммиссарамъ свой оружейный запасъ къ услугамъ, а Гонсѣвскій послалъ тайно къ войску записку на жмудскомъ языкѣ: онъ извѣщалъ объ опасности и требовалъ вооруженнаго конвоя.

Digitized by Google

Коммиссары не дождались помощи; чрезъ день, 9-го сентября (19-го н. ст.), они уѣхали изъ замка. Хмельницкій и старшины провожали ихъ и обороняли до тѣхъ поръ, пока они не выѣхали изъ непріятельскаго табора. Хлопы снова бросались на нихъ, и Хмельницкій, въ глазахъ пановъ, опять положилъ нѣсколько удалыхъ на мѣстѣ. Но только что они очутились въ чистомъ полѣ, какъ бѣшеная толпа хлоповъ и татаръ догнала ихъ, высадила изъ экипажей, побрала у нихъ золото, серебро, одежды и лошадей... сняла даже съ пальца у Гонсѣвскаго драгоцѣнный перстень; «словомъ, пустили ихъ въ одномъ платьѣ», говоритъ современникъ. Грабежъ дѣлался не изъ одного корыстолюбія, но изъ удали, чтобъ досадить панамъ. Иные, которымъ недоставало сокровищъ, срывали съ рыдвановъ обои, раздирали на части, дѣлились ими, потряхивая издали, кричали: «а що? и у насъ е ляцька здобичь?» Кисель продолжалъ напоминать русскимъ, что они ему братья. Тогда татары ломанымъ славянскимъ нарѣчіемъ кричали: «ляшка братка, а лоша не братка, и сукманка не братка!» Кисель и Коссаковскій утратили тогда на тридцать тысячъ злотыхъ, а Глѣбовичъ и Гонсѣвскій на сто тысячъ [1]).

Ограбленные коммиссары встрѣтили цѣлое войско уже на пути изъ Германовки въ Бѣлую-Церковь [2]). Чрезъ два часа за ними явились козацкіе послы Москаленко и Гладкій.

Они изъявили согласіе на статьи, предложенныя коммиссарами въ Бѣлой-Церкви. «Пусть,—говорили они,—паны пріѣзжаютъ къ нашему обозу для взаимной присяги».

---

[1]) Дневн. Освѣц. Кіевск. стар. 1882, дек. стр. 548.

[2]) Staroż. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 299 - 304. — Histor. ab. exc. Wlad. IV. 85.—Annal. Polon. Clim. I. 289—290. — Woyna domowa Ч. 2. 55.—57.—Histor. belli cosac. polon. 201—203.—Истор. о през. бр.—Крат. истор. о бунт. Хмел. 38—39.

Digitized by Google

Коронный гетманъ Потоцкій ласково принялъ это посольство, но польный Калиновскій, всегдашній противникъ Потоцкаго, и гетманъ литовскій Радзивиллъ подняли протестъ; къ нимъ присоединились другіе паны. Они негодовали за оскорбленіе, нанесенное каммиссарамъ и находили самыя статьи, постановленныя въ бѣлоцерковскомъ замкѣ, слишкомъ уже много предоставляющими козакамъ. Когда въ палаткѣ, куда собрались предводители слушать козацкое посольство, Потоцкій вѣжливо приглашалъ пріѣхавшихъ козаковъ садиться, Калиновскій произнесъ: «я приготовилъ для нихъ колы, на которые слѣдуетъ ихъ посадить, а здѣсь они среди насъ сидѣть недостойны» [1]). Но Потоцкій настоялъ на болѣе гуманномъ обращеніи съ козаками.

Гладкій остался заложникомъ. Козакамъ дали также заложниками двухъ поляковъ. Отправляя Москаленка, Потоцкій сказалъ ему:

«Скажи благородному гетману войска запорожскаго Богдану Хмельницкому, что коронный гетманъ и каштелянъ краковскій идетъ къ Бѣлой-Церкви съ войскомъ принимать присягу на вѣрность отъ подданныхъ его королевскаго величества запорожскихъ козаковъ».

10-го сентября (20-го н. ст.) все коронное и литовское войско двинулось къ Бѣлой-Церкви. «Огроменъ былъ корпусъ этого войска,—говоритъ очевидецъ:—однихъ возовъ шло сто тринадцать рядовъ. Ночью приступили они къ Бѣлой-Церкви, и жолнѣры не смыкали глазъ, страшась нападенія».

На другой день коммиссары разбили великолѣпный шатеръ на курганѣ, называемомъ Острая-Могила, и ждали Выговскаго и козаковъ для присяги; но вмѣсто ожидаемыхъ явились другіе, вовсе неожиданные козаки. Двѣ-

---

[1]) Дневн. Освѣщ. Кіевск. Стар. 1882. г. Декабрь 548.

Digitized by Google

надцать человѣкъ,—на челѣ ихъ старшина Одынецъ,—вступили въ шатеръ и сказали:

«Милостивые паны и коммиссары! войско запорожское послало насъ къ вашимъ милостямъ просить, чтобъ вы утвердили зборовскія статьи, чтобъ войско коронное вышло изъ Украины и не занимало въ нашей землѣ квартиръ, и чтобъ намъ не мѣшали сноситься съ татарами, которые охраняютъ нашу свободу».

Это требованіе раздражило коммиссаровъ: они, въ гнѣвѣ, даже хватались за сабли, говоря:

«Что же это? мы будемъ игрушками презрѣннаго хлопства?»

Но войско ихъ стояло въ отдаленіи, и потому они умѣрили вспыльчивость:

«Мы ожидали,—сказалъ Кисель:—что вы явитесь присягать въ вѣрности, потому что уже все кончено, а вы снова начинаете квестыі?»

«Козаки не будутъ присягать и не покорятся,—отвѣвѣчали козаки:—пока вы намъ не подпишете зборовскій договоръ».

«Въ Бѣлой-Церкви сдѣлано было другое условіе,—сказалъ Кисель:—опомнитесь, вѣдь тамъ дѣло было слажено».

Козаки отвѣчали: «мы розъіхалися съ паномъ гетманомъ, ми незнаемо, невідаемо, що тамъ у васъ у Білой-Церкви було, а насъ віськo зъ тимъ послало».

«Вижу,—сказалъ Кисель:—что васъ обманываетъ турецкій султанъ и хочетъ васъ обратить въ мусульманство. Вы на него надѣетесь. О проклятыя души! вамъ лучше нравится безначаліе, чѣмъ порядокъ; вы хотите лучше быть рабами тирана, чѣмъ свободными подданными христіанскаго государя! Богъ накажетъ васъ и въ одно мгновеніе разрушитъ ваши безумные замыслы».

Козаки продолжали, какъ говоритъ современникъ, все одну и ту же пѣсню:

Digitized by Google

«Мы не знаемъ, не вѣдаемъ! Подпишите зборовскій договоръ и мы присягнемъ въ вѣрности».

«Мы уѣзжаемъ,—сказалъ Кисель:—и призываемъ Бога въ свидѣтели, что хотѣли поступить съ вами искренно, а вы платите намъ коварствомъ».

«Какъ угодно,—сказали козаки:—мы пришлемъ вашихъ заложниковъ цѣлыхъ и невредимыхъ» [1]).

Польскіе заложники воротились и предводители начали устроивать войска въ боевой порядокъ. Русскіе требовали сраженія. Хмельницкій не довѣрялъ своимъ силамъ и потому не хотѣлъ вступать въ рѣшительную борьбу съ непріятелемъ, не сталъ предводительствовать козаками, но не сталъ имъ и препятствовать: въ случаѣ неудачи, онъ предоставлялъ себѣ право увѣрить пановъ, что сраженіе сдѣлалось безъ его позволенія; въ случаѣ удачи, онъ могъ вынудить у поляковъ болѣе выгодныя условія. Онъ показывалъ видъ, будто ничего не знаетъ, что̀ замышляется въ русскомъ лагерѣ, а между тѣмъ выкатилъ своимъ молодцамъ семь бочекъ горѣлки.

13-го сентября (23-го н. с.), на другой день послѣ неудачныхъ переговоровъ, поляки и русскіе стояли одни противъ другихъ, раздѣленные широкимъ полемъ, усѣяннымъ курганами, которыхъ такое множество въ этой странѣ. Татары первые вскочили на курганы и молодецкимъ посвистомъ вызывали на герцы. Козаки еще не начинали нападенія, но Радзивиллъ, командовавшій правымъ крыломъ войска, ударилъ на нихъ всею силою. Онъ приглашалъ Потоцкаго какъ можно скорѣе содѣйствовать ему съ другой стороны, но Потоцкій, какъ говоритъ современникъ, чувствовалъ себя нездоровымъ и не хотѣлъ въ тотъ день вступать въ битву. Напрасно Чернецкій уговаривалъ его

---

[1]) Staroż. Polskie, I. Wojna z koz. i tat.—306. — Histor. ab. exc. Wlad. IV. 87. Woyn. domow. Ч. 2. 59.

Digitized by Google

и представлялъ, что тогда была суббота, день посвященный Божіей Матери, покровительницѣ поляковъ, день, счастливый для битвъ, особенно съ русскими, которые не соблюдаютъ поста въ субботу. Коронный гетманъ послалъ только свою артиллерію. Козаки отступили съ поля и непріятельское войско не преслѣдовало ихъ. Радзивиллъ очень досадовалъ на упрямство Потоцкаго и увѣрялъ, что еслибъ коронное войско помогло ему, какъ слѣдуетъ, то козакамъ было бы здѣсь второе Берестечко.

Другіе неудачу поляковъ, не успѣвшихъ разбить козаковъ здѣсь какъ подъ Берестечкомъ, приписывали тому, что лѣвое крыло польскаго войска, командуемое польнымъ гетманомъ, не воспользовалось удобнымъ случаемъ, когда литовцы отогнали козаковъ отъ болотъ и пасѣкъ на широкую равнину, лежавшую прямо противъ этого лѣваго крыла [1]).

Хмельницкій увидѣлъ тогда, говоритъ польскій лѣтописецъ, что ему не удаются штуки, а потому утромъ, на слѣдующій день, прислалъ въ польскій лагерь Райтаровскаго, поляка, оставленнаго въ Бѣлой-Церкви коммиссарами».

«Удивляюсь,—писалъ онъ,—какъ это случилось несогласіе между поляками и русскими. Я ничего не знаю; я запрещалъ своимъ выводить изъ табора войско, а они вышли противъ моей воли. По крайней мѣрѣ я радъ, что не произошло большаго кровопролитія. Прошу скорѣе выслать пословъ для окончанія договора, а я вышлю своихъ».

По приказанію Потоцкаго Кисель отвѣчалъ ему:

«Очевидно, что ваша милость думаетъ искусно и хитро окружить насъ и довести до невыгоднаго положенія. Къ чему это являлись вмѣсто чиновныхъ козаковъ какіе-то презрѣнные хлопы требовать зборовскаго договора? Вѣдь

---

[1]) Дневн. Освѣц. Кіевск. Стар. 1882 г. Дек. 549.

Digitized by Google

въ Бѣлой-Церкви о немъ даже помина не было. Впрочемъ, если искренно угодно мира, то пришли пословъ; для этого нужно не болѣе двухъ часовъ времени» [1]).

Поляки ждали отвѣта до полудня. Отвѣта не было. Вдругъ со всѣхъ сторонъ посыпали на нихъ русскіе и татары, и въ одно мгновеніе такъ окружили лагерь, что не было выхода. Поляки поражали ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, но непріятели нападали на нихъ быстро и увозили плѣнниковъ. Съ обѣихъ сторонъ потеря была значительная.

Вечеромъ прибылъ Райтаровскій съ новыми извиненіями отъ Хмельницкаго, и съ какими-то новыми требованіями относительно правъ греческой религіи. Потоцкій понуждалъ скорѣе прислать депутатовъ.

Прошелъ еще другой день. Татары и козаки все болѣе и болѣе стѣсняли обозъ польскій. Три дня уже шелъ проливной дождь, войску угрожалъ голодъ. Радзивиллъ жаловался, что ему надобно возвратиться въ Литву, которая остается столь долго безъ обороны; часть литовскаго войска была оставлена въ Любечѣ, и въ то время была осаждена козаками: надобно было освободить ее. Но всего болѣе побуждала поляковъ къ миру заразительная болѣзнь, которая усиливалась съ каждымъ днемъ и дошла уже до того, что триста человѣкъ умерло въ одну ночь. Нѣкоторые изъ пановъ все еще настаивали вести упорно войну и уничтожить козачество до основанія.

«Если подъ Берестечкомъ,—возражалъ имъ Кисель:— въ чужой землѣ, окруженные войскомъ, втрое ихъ многочисленнѣйшимъ, оставленные своимъ вождемъ и татарами, находясь въ дурномъ мѣстоположеніи, козаки не только не сдались, но въ виду нашихъ ушли и разрушили наши

---

[1]) Histor. ab exc. Wlad. IV. 89. — Staroż. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 309.

Digitized by Google

предположенія, то какъ можно легко покорить этотъ народъ въ собственной землѣ его! Мы должны быть довольны и тѣмъ, что можемъ хоть на время залѣчить эти раны и получить потомъ средства укротить и пріучить къ повиновенію простонародье» [1]).

Съ своей стороны, и Хмельницкій нуждался также въ мирѣ. Посланникъ Хмельницкаго, воротившись изъ Константинополя, привезъ обѣщаніе падишаха прислать в скорости на помощь козакамъ добруджскую орду и приказать хану снова помогать Хмельницкому. Но Хмельницкій не дождался ни того, ни другаго. Войска у него было [2]) на-лицо подъ Бѣлою-Церковью не болѣе тысячъ сорока, и притомъ оно состояло большею частью изъ мужиковъ неопытныхъ и, что еще хуже, своевольныхъ; напротивъ, польское войско, простиравшееся, какъ кажется, тысячъ до шестидесяти, состояло преимущественно изъ нѣмцевъ, воиновъ опытныхъ; артиллерія у нихъ была несравненно въ лучшемъ видѣ, чѣмъ у козаковъ. Моръ свирѣпствовалъ въ козацкомъ полчищѣ такъ же опустошительно, какъ и въ польскомъ. Украина была разорена; продолжать войну значило довести народъ русскій до послѣдней степени изнеможенія, голода и безпорядковъ; притомъ власть Хмельницкаго, а съ нею всякій порядокъ и подчиненность были сильно подорваны со дня несчастнаго пораженія берестечскаго; чернь была недовольна гетманомъ; объявивъ себя врагомъ поляковъ и лишаясь законнаго права на свое достоинство, онъ долженъ былъ зависѣть отъ воли пьяной толпы, которая за малѣйшее неудовольствіе готова была смѣнить его, или даже отдать полякамъ. Унизительно было для Хмельницкаго, недавно еще повелѣвавшаго народомъ русскимъ, принять условія, которыя дѣлали

---

[1]) Annal. Polon. Clim. I. 293—294.

[2]) Дѣл. Арх. Иностр. Дѣлъ.

Digitized by Google

его только начальникомъ нѣсколькихъ тысячъ войска, предавали русскую землю во власть поляковъ, но онъ долженъ былъ принять ихъ для спасенія себя; нельзя было сомнѣваться, что такой миръ прочнымъ быть не можетъ, когда и миръ зборовскій не обезпечивалъ правъ народа русскаго. Хмельницкій понималъ это. Но Хмельницкій смотрѣлъ на этотъ предстоящій миръ не болѣе, какъ на перемиріе, которое онъ надѣялся легко прервать, когда будетъ нужно.

Предводитель козаковъ послѣдній разъ попробовалъ преклонить Потоцкаго на болѣе выгодныя условія и послалъ къ нему 16-го (26-го н. ст.) сентября двухъ козаковъ. Онъ согласился на всѣ пункты, предложенные въ Бѣлой Церкви, но просилъ только, чтобъ козаковъ было двадцать тысячъ и чтобъ въ королевскихъ имѣніяхъ брацлавскаго и черниговскаго воеводствъ могли находиться козаки, и эти имѣнія были освобождены отъ постоя. Такимъ образомъ Хмельницкій, помѣстивъ хотя незначительную часть войска въ этихъ русскихъ странахъ, надѣялся, что присутствіе вольныхъ воиновъ опять подниметъ народъ русскій, и онъ можетъ снова воспользоваться обстоятельствами, чтобъ достигнуть своей цѣли и доставить русскимъ свободу. Но Потоцкій согласился на число двадцать тысячъ и рѣшительно отказалъ въ послѣднемъ требованіи.

Разсказываютъ, когда козацкихъ чиновниковъ пригласили на обѣдъ, то одинъ изъ нихъ, Романъ Катержанъ, во время стола обратился къ Потоцкому и сказалъ:

«Милостивый пане краковскій! чому вы насъ не пускали на море на турка: того бъ лыха не було въ нашей землі!»

«Все, что мы терпимъ,—отвѣчалъ Потоцкій: — то для пользы турецкаго цезаря; мы охраняемъ его царство, а сами себя разоряемъ».

«Уже-жъ теперь нехай королевська милость и Річь

Digitized by Google

Посполита не боронить намъ моря, бо козакъ не обійдеться безъ войни».

«Хоть бы сейчасъ хотѣли идти,—отвѣчалъ Потоцкій:— идите: мы вамъ не будемъ запрещать» [1]).

Въ слѣдующій день заключенъ былъ договоръ; чиновникъ козацкій Сава отвезъ одинъ экземпляръ къ Хмельницкому. Козацкій гетманъ изъявилъ желаніе повидаться съ польскими военачальниками.

17-го сентября, пріѣхали въ козацкій таборъ Гонсѣвскій и Марко Собѣскій: это были заложники, которые должны были оставаться тамъ въ то время, когда Хмельницкій посѣтитъ польскій лагерь. Козацкій гетманъ зналъ, что народъ не пуститъ его, а потому приказалъ выкатить козакамъ нѣсколько бочекъ горѣлки, и когда козаки перепились, тогда собрался въ путь. Полковники старались отклонить его.

«Ты былъ побѣдитель, — говорили они: — а теперь идешь имъ кланяться!»

«Нельзя,—отвѣчалъ онъ:—мы теперь въ такомъ положеніи, что они намъ нужны, а не мы имъ».

Онъ пріѣхалъ въ лагерь и вошелъ въ шатеръ Потоцкаго, гдѣ собраны были всѣ знатнѣйшіе предводители. Онъ кланялся и просилъ прощенія».

«Я знаю,—сказалъ онъ Потоцкому: — что виноватъ предъ вами болѣе, чѣмъ предъ кѣмъ нибудь».

Козацкому гетману неловко было смотрѣть на магната, котораго онъ нѣкогда отдалъ въ плѣнъ татарамъ.

Потоцкій отвѣчалъ:

«Оскорбленіе, которое я получилъ подъ Корсуномъ, я давно уже забылъ для Бога, вѣры и отечества, и не хочу болѣе вспоминать о немъ; Божію наказанію слѣдуетъ приписать и мои несчастія и бѣдствія цѣлаго

---

[1]) Staroż. Pols. I. Wojn. z koz. i tat. 311.

Digitized by Google

отечества. Богъ дастъ, ты вознаградишь все прежнею своею вѣрностью и подвигами для пользы Рѣчи Посполитой».

Хмельницкій повидался съ Радзивилломъ и другими панами, соблюдая величайшее смиреніе. Потомъ былъ прочитанъ бѣлоцерковскій трактатъ [1]). Хмельницкій, вы-

[1]) Памятн. кіевск. комм. П. 3. 112—139.

Бѣлоцерковскій трактатъ.

Отдавши, во-первыхъ, Господу Богу благодареніе за усмиреніе междуусобнаго кровопролитія, такъ какъ войско запорожское съ гетманомъ и всею старшиною приноситъ его величеству и Рѣчи Посполитой должную покорность и подданническую вѣрность, мы позволяемъ пребывать ему въ числѣ двадцати тысячъ.

1) Это войско гетманъ и старшины должны набрать и записать въ реестръ, и оно должно находиться въ однѣхъ только имѣніяхъ его королевской милости, лежащихъ въ воеводствѣ кіевскомъ, нисколько не касаясь воеводствъ брацлавскаго и черниговскаго; а имѣнія шляхетскія должны оставаться свободными, и въ нихъ реестровые козаки нигдѣ не должны оставаться; но кто останется реестровымъ козакомъ въ числѣ двадцати тысячъ, тотъ изъ имѣній шляхетскихъ, находящихся въ воеводствахъ кіевскомъ, брацлавскомъ и черниговскомъ, также изъ имѣній его королевской милости, лежащихъ въ двухъ послѣднихъ воеводствахъ, долженъ переселиться въ имѣнія его королевской милости, находящіяся въ воеводствѣ кіевскомъ, туда, гдѣ будетъ расположено войско его королевской милости запорожское. А кто, будучи реестровымъ козакомъ, будетъ переселяться, такому каждому вольно будетъ продать свое имущество, безъ всякаго препятствія со стороны пановъ, также старостъ и подстаростъ.

2) Вышеупомянутое устройство двадцатитысячнаго реестроваго войска его королевской милости должно начаться въ теченіе двухъ недѣль отъ настоящаго числа, а кончиться къ празднику Рождества Христова. Реестръ этого войска, за собственноручною подписью гетмана, долженъ быть отосланъ его королевской милости и вписанъ копіею въ кіевскія градскія книги. Въ этомъ реестрѣ ясно должны быть записаны реестровые козаки въ каждомъ городѣ, по именамъ и прозваніямъ, и вообще число козаковъ не должно быть болѣе двадцати тысячъ. Козаки, включенные въ реестръ, должны оставаться при давнихъ своихъ правахъ: тѣ, напротивъ, которые не будутъ включены въ реестръ, должны оставаться по-прежнему крестьянами, приписанными къ замкамъ его королевской милости.

Digitized by Google

слушавъ всѣ пункты, подписалъ ихъ; за нимъ подписали полковники. Козацкій гетманъ просилъ Потоцкаго подарить ему Черкасы и Боровицу, но коронный гетманъ отдѣлывался церемоніями, по выраженію поляковъ, зная напередъ, что этого не будетъ. Вслѣдъ за подписаніемъ, съ обѣихъ сторонъ дана была присяга.

---

3) Коронное войско не должно оставаться, ни стоять на квартирахъ въ воеводствѣ кіевскомъ въ мѣстечкахъ, въ которыхъ будутъ находиться реестровые козаки, но оно можетъ имѣть мѣстопребываніе въ воеводствахъ брацлавскомъ и черниговскомъ, въ которыхъ не будетъ уже козаковъ; теперь, однакожь, для предотвращенія всякого замѣшательства, которое могло бы возникнуть до тѣхъ, поръ пока всѣ записаные въ реестръ, въ числѣ 20,000, не перейдутъ въ назначенныя имъ королевскія имѣнія въ воеводствѣ кіевскомъ, польскія войска должны будутъ оставаться до срока окончанія реестровъ, то-есть, до праздника Рождества Христова; но они не должны ходить далѣе Животова до окончательнаго составленія реестровъ.

4) Обыватели воеводствъ кіевскаго, брацлавскаго и черниговскаго, сами лично и чрезъ своихъ урядниковъ, должны вступать во владѣніе своими имѣніями и тотчасъ брать въ свою власть всѣ доходы, корчмы, мельницы и юрисдикціи, однакожъ собраніе податей съ крестьянъ должны отложить до вышеупомянутаго срока, назначеннаго для окончанія реестровъ, такъ, чтобы избранные въ реестровые козаки тѣмъ временемъ переселились, а остались тѣ, которые принадлежатъ къ сословію крестьянъ. То же самое должно быть и въ имѣніяхъ королевской милости, такъ, чтобы сдѣлалось извѣстно, кто остается на правахъ козацкихъ, а кто приписанъ къ замку и подлежитъ крестьянскимъ повинностямъ.

5) Чигиринъ, на основаніи привилегіи его королевской милости, долженъ оставаться при гетманѣ. Какъ теперешній гетманъ, благородный Богданъ, такъ и на будущее время гетманы должны состоять подъ старшинствомъ и властью гетмановъ коронныхъ и должны быть утверждаемы привилегіями. Каждый изъ нихъ, дѣлаясь гетманомъ, долженъ дать присягу вѣрноподданства его королевской милости и Рѣчи Посполитой. Всѣ полковники и старшины должны быть опредѣляемы по представленію гетмана его королевской милости запорожскаго.

6) Религія греческая, которую исповѣдуетъ войско его королевской милости запорожское, также соборы, церкви, монастыри и коллегіумъ кіевскій должны оставаться при прежнихъ правахъ, согласно

Digitized by Google

Окончивъ дѣла, Потоцкій пригласилъ Хмельницкаго на обѣдъ. Въ знакъ почести, во все продолженіе обѣда, оруженосецъ стоялъ за Хмельницкимъ съ поднятой булавой. «Пока козацкій вождь еще не выпилъ, говоритъ современникъ, то соблюдалъ скромность, но съ винными парами начиналъ развязываться языкъ его».

съ стародавними привилегіями. Если кто, во время бывшихъ смутъ, выпросилъ въ собственность какое нибудь имѣніе церковное или принадлежащее духовенству, то такое право собственности никакой дѣйствительности имѣть не можетъ.

7) Шляхтичи римской и греческой религіи, которые въ смутное время находились при войскѣ его королевской милости запорожскомъ, также мѣщане кіевскіе, всѣ должны пользоваться амнистіею и сохранять неприкосновенными свою жизнь, честь, личныя права и имущество. Если имущество кого нибудь изъ нихъ было выпрошено другими на основаніи конституціи, то такое пожалованіе должно быть уничтожено, чтобъ всѣ пользовались милостію короля и Рѣчи Посполитой. Наоборотъ, козаки, находившіеся при войскѣ его королевской милости останутся неприкосновенными съ своими женами и имуществомъ.

8) Жиды, какъ прежде были обывателями и арендаторами въ имѣніяхъ его королевской милости и въ имѣніяхъ шляхты, такъ и теперь должны быть.

9) Орда, находящаяся въ настоящее время въ краѣ, должна быть тотчасъ отправлена и должна оставить край, не причиняя никакого вреда въ областяхъ его королевской милости; она не должна также кочевать на земляхъ, принадлежащихъ Рѣчи Посполитой. Гетманъ запорожскій обѣщаетъ привести орду къ повиновенію его королевской милости и Рѣчи Посполитой. Еслибъ это не состоялось до будущаго сейма, то гетманъ и войско его королевской милости запорожское не должны болѣе имѣть съ ордою никакой дружбы, никакого союза, но считать ее непріятелемъ его королевской милости и Рѣчи Посполитой, защищать границы и противъ нея идти на войну вмѣстѣ съ войскомъ Рѣчи Посполитой. Гетманъ обязывается также на будущее время не вступать ни въ какія сношенія и заговоры съ ордою и вообще съ иностранными государствами, но цѣло и ненарушимо долженъ оставаться въ вѣрноподданствѣ его королевской милости и Рѣчи Посполитой; такъ же точно нынѣшній гетманъ, со всею старшиною и всѣмъ войскомъ, равно какъ и всѣ его преемники, на будущее время должны вѣрно и усердно отправлять всякую службу его королевской милости и Рѣчи Посполитой.

10) Какъ войско его королевской милости запорожское, при со-

Digitized by Google

«Очень странно, — сказалъ онъ Радзивиллу: — что я вижу вашу милость въ польскомъ лагерѣ. Подъ Хотиномъ и въ другихъ опасныхъ случаяхъ литовское войско не выступало на войну».

«Ничего нѣтъ страннаго,—отвѣчалъ Радзивиллъ: —я пришелъ для укрощенія мятежниковъ».

ставленіи своего реестра, никогда не касалось границъ Великаго Княжества Литовскаго, такъ и теперь не должно касаться, но какъ выше сказано, должно ограничиваться воеводствомъ кіевскимъ.

11) Кіевъ есть городъ столичный, судебный, и въ немъ должно быть записано въ реестрѣ какъ можно меньше козаковъ.

Всѣ вышеизложенныя статьи, для большей вѣрности и непремѣннаго исполненія, подтвердили присягою мы, коммиссары его королевской милости, также и гетманъ со старшинами войска запорожскаго. Присяга дана намъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ его королевской милости и Рѣчи Посполитой въ томъ смыслѣ, что всѣ статьи, по успокоеніи и исполненіи вышеозначенныхъ распоряженій, должны быть сохраняемы ненарушимо, въ мирѣ и согласіи. Войско коронное тотчасъ должно двинуться на мѣста, для него назначенныя, и ожидать составленія реестра, равно и орда тотчасъ должна выступить изъ края, а войско запорожское тотчасъ должно быть распущено по домамъ.

На будущій ближайшій сеймъ должны быть присланы послы отъ гетмана и войска его королевской милости запорожскаго, чтобъ принести нижайшую благодарность его милости королю и Рѣчи Посполитой за милосердіе и благосклонность.

Ихъ милость паны коммиссары:

Его милость гетманъ великій коронный панъ Николай Потоцкій. Его милость гетманъ польный коронный панъ Мартынъ Калиновскій. Его милость воевода кіевскій панъ Адамъ Кисель. Его милость воевода брацлавскій панъ Станиславъ Ляндскоронскій. Его милость подсудокъ брацлавскій панъ Казимиръ Коссаковскій.

Коммиссары Великаго Княжесева Литовскаго.

Его милость гетманъ польный Великаго Княжества Литовскаго панъ Янушъ Радзивиллъ. Его милость воевода смоленскій панъ Георгій Карлъ Глѣбовичъ. Его милость стольникъ Великаго Княжества Литовскаго панъ Викентій Гонсѣвскій.

Digitized by Google

«Однако, — возразилъ Хмельницкій: — предки вашей княжеской милости не показывали вамъ примѣра воевать противъ войска запорожскаго».

Чѣмъ далѣе, тѣмъ смѣлѣе становился гетманъ. Зашла рѣчь о молдавскомъ господарѣ. Хмельницкій не могъ удержаться и закричалъ:

«Измѣнникъ!»

«Почему же вы такъ называете вѣрнаго слугу Рѣчи Посполитой?» спросили паны, изумленные такой выходкой въ присутствіи зятя самого господаря.

«Онъ обманулъ сына моего Тимоѳея, не отдалъ за него обѣщанной дочери,—сказалъ Хмельницкій:—да, ваша княжеская милость, хотя онъ и тесть вамъ, а я скажу, что готовлюсь воевать съ нимъ; маеть вінъ много грошей, а я много людей; разграблю его сокровища, накажу вѣроломнаго!»

Князь поблѣднѣлъ отъ гнѣва, но преодолѣлъ себя и сказалъ:

«Надѣюсь, что господарь этого не испугается».

Тогда, по сознанію поляка современника [1]), паны, тайно перешептываясь между собою, задумали отравить Хмельницкаго.

Послѣ обѣда загремѣла музыка, ударили изъ пушекъ, въ козацкомъ лагерѣ отвѣчали тѣмъ же; начали пить за

Коммиссары войска его королевской милости запорожскаго.

Богданъ Хмельницкій, гетманъ его королевской милости войска запорожскаго, именемъ всего войска. Полковникъ миргородскій Матвѣй Гладкій. Полковникъ паволочскій Янъ Кучевпцъ Минковскій. Полковникъ чигиринскій Яковъ Пархоменко. Полковникъ бѣлоцерковскій Михайло Громыка. Судья черкасскій Яковъ Одынецъ. Полковникъ черкасскій Баранъ Худый. Писарь войска его королевской милости запорожскаго Янъ Выговскій.

[1]) Histor. ab. exc. Wlad. IV. 92.

Digitized by Google

здоровье короля. Хмельницкій догадался, что въ заздравномъ кубкѣ всыпанъ ядъ; онъ открылъ голову при имени короля и надѣлъ шапку снова, когда пили за благородное сословіе; съ судорожнымъ движеніемъ схватилъ онъ кубокъ, стукнулъ имъ по столу, вышелъ, извиняясь нездоровьемъ, и тотчасъ попрощался съ панами.

Ему подали турецкаго коня въ богатой збруѣ: это былъ подарокъ короннаго гетмана.

«Это щедроты вашего Потоцкаго,—сказалъ онъ:—благодарю его, какъ гетмана, побѣдителя, союзника, а за коня готовъ ему отдарить триста подобныхъ».

Въ сильномъ волненіи онъ вскочилъ на коня и полетѣлъ во всю прыть. Поляки съ изумленіемъ смотрѣли на эти странные поступки гетмана и ясно увидѣли изъ нихъ, что Хмельницкій догадался о намѣреніи отравить его. На половинѣ дороги, гетманъ соскочилъ съ коня, сѣлъ въ коляску и, въ задумчивости, полетѣлъ въ свой таборъ [1]).

На другой день Выговскій привелъ турецкаго коня въ подарокъ отъ Хмельницкаго сыну Потоцкаго, старостѣ каменецкому, котораго козацкій предводитель нѣкогда грозилъ посадить на колъ. Писарь увѣрялъ пановъ въ своемъ расположеніи и обѣщалъ дѣйствовать въ пользу Польши, находясь при Хмельницкомъ. Онъ старался выставить полякамъ, что договоръ, столь выгодно для нихъ постановленный, есть плодъ его стараній. Подошедши къ Радзивиллу, онъ передалъ ему извиненіе отъ Хмельницкаго за вчерашнюю горячность.

«Я объ этомъ не думаю,—отвѣчалъ Радзивиллъ:—если онъ говорилъ въ пьяномъ видѣ, то я повторю въ трезвомъ, что я и господарь не боимся угрозъ его. Меня всегда онъ

---

[1]) Обстоят. бѣлоцерв. дог. см. Histor. ab exc. Wlad. IV. 91 — 92. Staroż. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 312—313. — Annal. Polon. Clim. I. 297.—Histor. belli. cosac. polon. 213—215.—Wojna dom. Ч. 2. 64.—

Digitized by Google

найдетъ готовымъ, если ему угодно; я ожидаю его въ полѣ, какъ онъ хочетъ, хоть съ войскомъ, хоть одинъ на одинъ» [1]).

«Слава Богу,—говорили тогда въ войскѣ:—мы возвратили отечеству честь его!» Но печально было возвращеніе обоихъ войскъ изъ Украины, гдѣ, простоявъ двѣ недѣли по заключеніи мира, жолнѣры стали было забывать, что недавно терпѣли недостатокъ и радовались дешевизнѣ въ медовой землѣ, какъ они называли Украину. Зараза, появившаяся лѣтомъ, свирѣпствовала въ Подоліи всею силою. Выйдя изъ кіевскаго воеводства, жолнѣры такъ умирали, что ихъ не успѣвали хоронить, и часто въ полѣ, далеко отъ селенія, вмѣсто колокольнаго звона, провожали въ могилу мертвыхъ воиновъ звуками трубъ [2]). Потоцкій не прожилъ и мѣсяца послѣ заключенія мира; онъ скончался въ Летичевѣ 9-го октября. Все лѣто старикъ чувствовалъ себя слабымъ и хотѣлъ только дожить до того, чтобъ загладить стыдъ корсунскаго пораженія [3]).

Радовался король, радовалось дворянство, но грустное предчувствіе овладѣвало сердцами противъ воли: было какое-то непонятное безпокойство, заставлявшее, противъ всѣхъ убѣжденій, думать, что Польшѣ грозитъ еще новая большая бѣда.

Къ усугубленію общаго волненія появилась комета, и астрологи возвѣщали, что эта комета та самая, которая бываетъ видима только тогда, когда предшествуетъ великому перелому или несчастью. Носились въ Польшѣ разные слухи: то показывались странныя видѣнія, то появлялись умершіе и предсказывали общее горе. Одни высма-

---

[1]) Staroż. Pols. I. Wojn. z koz. i tat. 313.—Histor. ab exc. Wlad. IV. 92.

[2]) Staroż. Pols. I. Wojna z koz. i tat. 354.

[3]) Histor. belli cosac. polon. 215—216.—Anna l. Polon. Clim. I. 299.—Histor. ab. exc. Wlad. IV. 93.

Digitized by Google

тривали опасности отъ Хмельницкаго, другіе отъ Турціи, отъ Московскаго Государства и Швеціи: Польша была окружена врагами. Другіе вздыхали, вспоминая законопреступный бракъ Яна Казимира. Люди разсудительные, хотя смѣялись надъ предразсудками, однако втайнѣ и сами ощущали непонятную грусть въ душѣ. Предчувствіе цѣлаго народа рѣдко бываетъ ложнымъ.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

Саратов. Областная
БИБЛИОТЕКА
КНИГОХРАНИЛИЩЕ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ТОМА.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Стр.

Стычки подъ Пилявою.—Хитрость Хмельницкаго.—Бѣгство поляковъ.—Расхищеніе польскаго лагеря.—Взятіе Константинова, Збаража, Бродъ.—Осада Львова.—Окупъ.—Осада Замостья 1

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Избраніе Яна Казимира.—Королевское приказаніе.—Отступленіе Хмельницкаго въ Украину.—Прибытіе въ Кіевъ.—Патріархъ Паисій 44

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Положеніе Украины.—Сношеніе съ Крымомъ, Турціею, Молдавіею, Трансильваніею, Московіею.—Польскіе коммиссары въ Переяславлѣ 57

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Сеймъ.—Три предводителя.—Походъ войска на Волынь.—Стычка съ волынскими загонами.—Ополченіе Украины.—Прибытіе хана 83

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Польскій лагерь подъ Збаражемъ.—Голодъ.—Подвиги Вишневецкаго.—Стомпковскій.—Походъ короля.—Посполитое рушенье.—Назначеніе новаго козацкаго гетмана.—Зборовское сраженіе 98

Digitized by Google

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Переговоры съ ханомъ.—Трактатъ съ татарами.—Зборовскій договоръ поляковъ съ козаками.—Хмельницкій у короля.—Освобожденіе отъ осады польскаго войска подъ Збаражемъ.—Битвы въ Литвѣ.—Подвиги и пораженіе Кречовскаго . . . 158

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Неудовольствія въ Польшѣ.—Пасквили.—Обвиненія противъ Оссолинскаго.—Смерть его.—Любовь къ Вишневецкому.—Состояніе Украины.—Сеймъ въ Варшавѣ.—Недопущеніе кіевскаго митрополита въ сенатъ.—Гражданское устройство въ Украинѣ.—Коммиссары.—Водвореніе владѣльцевъ.—Бунты.—Нечай.—Ходатайство митрополита.—Переяславская рада.—Козацкіе полки.—Положеніе владѣльцевъ 191

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Сношеніе гетмана съ Московскимъ Государствомъ.—Московское посольство въ Польшѣ.—Сношенія съ Турціею.—Чаушъ въ Чигиринѣ.—Молдавскія дѣла.—Сватовство Хмельницкаго.—Союзъ съ татарами.—Истязанія поляковъ надъ мятежниками.—Походъ въ Молдавію.—Вынужденное согласіе на бракъ.—Посольство Кравченка къ Потоцкому.—Письмо короля къ Хмельницкому.—Универсалъ короля.—Сеймъ.—Посольство Хмельницкаго въ Варшаву.—Требованія Киселя.—Раздраженіе поляковъ.—Объявленіе войны.—Посольство поляковъ къ Хмельницкому.—Сношенія Хмельницкаго съ Турціею, Крымомъ и Ракочи 232

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Начало непріязненныхъ дѣйствій.—Пораженіе и смерть Нечая.—Разореніе Ямполя.—Приступъ поляковъ къ городку Стѣна. 280

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Ополченіе въ Польшѣ.—Папскій легатъ.—Коринѳскій митрополитъ Іосафъ въ Украинѣ.—Выступленіе короля изъ Люблина къ Сокалу.—Планы Хмельницкаго.—Неудачная осада Каменца.—Битва подъ Купчинцами.—Хмельницкій подъ Збаражемъ. Семейная драма у Хмельницкаго.—Положеніе лагерей козацкаго и польскаго.—Татарскій мурза.—Поляки идутъ къ Берестечку.—Прибытіе хана къ Хмельницкому.—Планы Хмельницкаго.—Поляки идутъ къ Дубну.—Вишневецкій предупреждаетъ опасность.—Возвращеніе поляковъ.—Переправа поль-

Digitized by Google

скаго лагеря черезъ Стырь.—Появленіе татарско-козацкаго войска.—Первыя стычки.—Гнѣвъ хана.—Ночь передъ битвою. 300

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

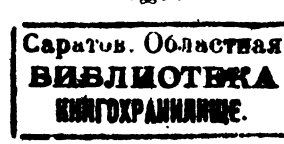
Сраженіе при Берестечкѣ.—Бѣгство хана. — Задержаніе Хмельницкаго.—Десять дней осады.—Переговоры.—Вылазки.—Бѣгство русскихъ.—Расхищеніе козацкаго лагеря.—Мужество козаковъ 336

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Напирскій.—Поляки преслѣдуютъ козаковъ. — Король уѣзжаетъ въ Варшаву.—Польское войско идетъ въ Украину.—Дѣла въ Украинѣ.—Пораженіе Небабы.—Занятіе Чернигова.—Радзивиллъ вступаетъ въ Кіевъ.—Хмельницкій у хана.—Хмельницкій въ Паволочи.—Свиданіе съ полковниками.—Митрополитъ назаретскій.—Третья женитьба Хмельницкаго.—Козацкій лагерь на Масловомъ Бродѣ.—Повсемѣстное возстаніе русскихъ.—Смерть Вишневецкаго.— Разореніе Трилисъ.—Кіевскій пожаръ.—Неудача козаковъ подъ Кіевомъ.—Письмо Хмельницкаго къ Потоцкому 367

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Переговоры.—Маховскій у Хмельницкаго.—Коммиссары въ Бѣлой Церкви.— Раздоры въ народѣ.—Переговоры на Острой-Могилѣ.—Стычки подъ Бѣлою Церковью. Хмельницкій въ польскомъ лагерѣ.—Попытка отравить Хмельницкаго.—Бѣлоцерковскій трактатъ.—Смерть Потоцкаго.—Состояніе умовъ. 414


Саратов. Областная
БИБЛИОТЕКА
КНИГОХРАНИЛИЩЕ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОПЕЧАТКИ II-го ТОМА:

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Читать.*
184	12	Соколъ	Сокалъ
332	14—15	Владиславъ, Ягелло	Владиславъ Ягелло

ОШИБКИ И ПРОПУСКИ ВЪ ОГЛАВЛЕНІЯХЪ:

367	6	Судьба жены Хмельницкаго.	Митрополитъ назаретскій.

Digitized by Google